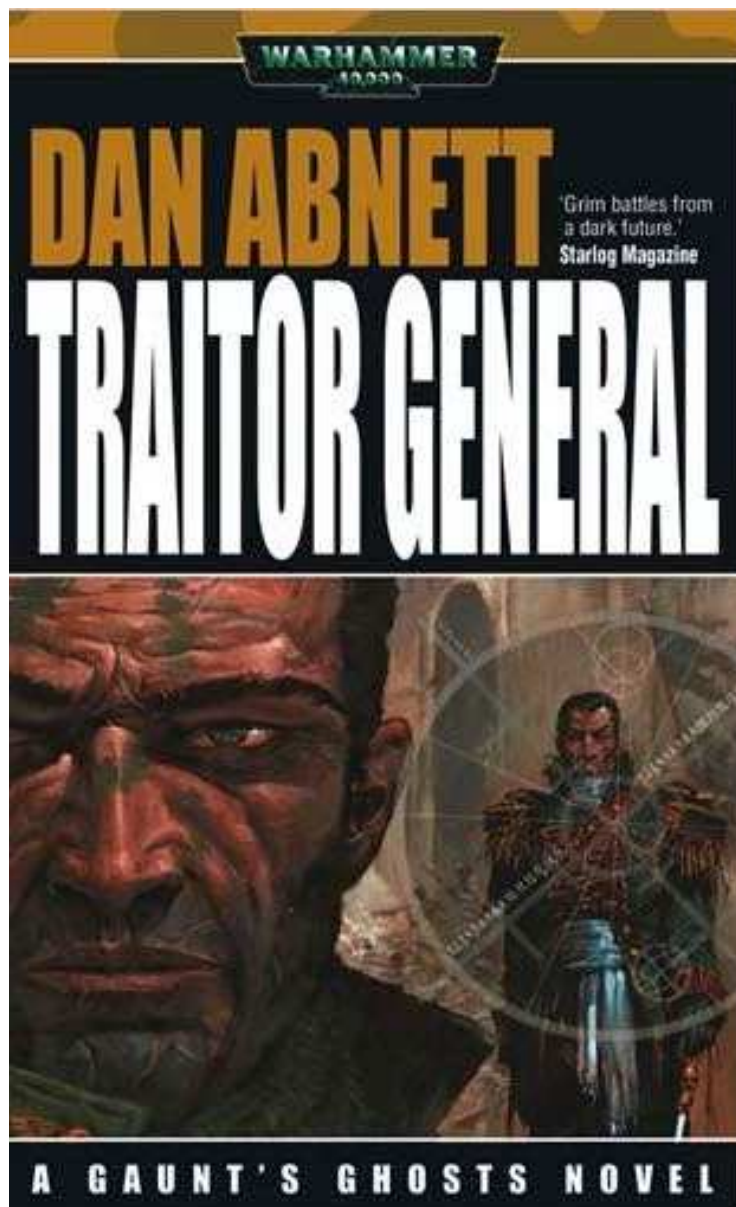

Gaunt's Ghosts - 08

Traitor General

Призраки Гаунта

Генерал-предатель

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждущих богов.

«К концу 774.М41, девятнадцатого года Крестового Похода в Миры Саббат, Магистр Войны Макарот, казалось, объединил победы, которые, в конце концов, одержал после нескольких лет отчаянного тактического балансирования. Передний край Крестового Похода, наконец, опрокинул мир-крепость Морлонд, и теперь продвигался в Каркадонский Кластер и Группу Эриний, чтобы добиться того, что, как провозгласил Макарот, с обычной самонадеянностью, должно стать заключительной фазой войны против главнокомандующего архиврага ('Архонта'), Урлока Гора.»

«Решающим значением для успеха этого продвижения был факт того, что дикие попытки двух военачальников Гора разделить силы Крестового похода в Группе Хана провалились. Штурм Херодора Эноком Иннокенти был отбит, а сам Иннокенти уничтожен. Контратаки Анакванара Сека были пресечены у Лотуна, Тарнагуа и, в особенности, у Энотиса.»

«Но Сек и его силы оставались угрозой для фланга Крестового Похода. Отступая, войско магистра захватило несколько миров на границе Группы Хана и окопалось. Макарот приказал Пятой, Восьмой и Девятой Армиям Крестового Похода уничтожить диспозиции военачальника в этом регионе.»

«Макарот, должно быть, недооценил масштаб этого предприятия. Война, чтобы выбить с позиции Сека, бушевала несколько лет, и сопровождалась несколькими из самых тяжелых и кровавых битв за весь Крестовый Поход.»

«Тем не менее, документы, недавно рассекреченные Администратумом, открыли, что одно из наиболее жизненноважных сражений в этот период имело место в гораздо менее грандиозном масштабе...»

-- из Истории Поздних Имперских Крестовых Походов

ПРОЛОГ

Последние лучи дневного света угасали, и поля анемонов вдали от стен особняка превратились в фиолетовые тени. С террасы, в вечерней прохладе, было возможно увидеть редуты лагерей Гвардии на дальней стороне реки, поднятые стволы защитных батарей вонзались в бледное небо, как шипы.

Бартол Вон Войтц поставил свой бокал на стену террасы, и поправил свои великолепные, белые перчатки.

Они прилегали неплотно. Он потерял в весе с тех пор, как одевал их в последний раз по официальному случаю, как этот. Он тосковал по полевой броне, а не по этой плохо прилегающей парадной форме, накрахмаленной и тяжелой от медалей.

Завтра, сказал он себе, завтра он сможет надеть свое снаряжение. Потому что завтра в 5.30 по Имперскому времени драка, чтобы вернуть Анкреон Секстус, начнется серьезная.

«Мой лорд? Управляющий интересуется, могут ли они начинать накрывать к ужину.» Вон Войтц повернулся. Байота, его главный тактический офицер, стоял с вниманием позади него. Он тоже был приодет в белую, официальную униформу.

«Ты выглядишь, как птичья задница в лунном свете,» сказал Вон Войтц.

«Спасибо, лорд генерал. Вы не менее великолепны. Что я должен сказать управляющему?»

«Мы все здесь?» спросил Вон Войтц.

«Не совсем.»

«Тогда скажи ему, чтобы ждал. Если мы собираемся сделать это, то мы сделаем это правильно.» Они вместе побрели назад по каменной террасе, и прошли стеклянные ворота. Банкетный зал, казалось, был сделан из золота. Сотни желтых светосфер освещали длинную комнату, заливая все золотым светом. Даже белая скатерть на длинном столе и плоть людей, которые были тут, казались позолоченными.

Вокруг стола было сорок мест, и Вон Войтц насчитал тридцать восемь офицеров в комнате.

Они сбились в группы, строгие в своих официальных одеяниях, наполняющие комнату низким гулом бесед. Вон Войтц заметил Генерала Келсо из Восьмой Армии Крестового Похода, и Лорда Милитанта Хумеля из Девятой, смешавшихся с другими полковыми командирами и старшими офицерами.

Люшейм был убит на Тарнагуа, и таким образом Вон Войтц сейчас командовал Пятой Армией Крестового Похода. Он чувствовал, что эта честь была запоздалой, и ненавидел тот факт, что понадобилась смерть его старого друга Руди Люшейма, чтобы его продвижение по службе стало возможным.

«Мы можем начинать, Вон Войтц?» сердито спросил Келсо. Он был широким и коренастым, пожилым человеком с тяжелой челюстью, и его парчовая униформа заставляла его выглядеть даже шире, чем он был на самом деле.

«Мы еще тут не все,» ответил Вон Войтц. «Если мы собираемся терпеть унижительность официального ужина, чтобы отметить канун войны, то тогда мы должны удостовериться, что страдают все.» Келсо тихо рассмеялся. «Тогда, кого не хватает?»

«Комиссара и старшего офицера Танитского Первого, сэр,» сказал Байота.

«Ладно, я думаю, что по крайней мере мы можем занять свои места,» уступил Вон Войтц.

Келсо подал сигнал, и собравшиеся офицеры начали идти к своим местам у длинного стола.

Сервиторы сновали среди гостей, наполняя бокалы.

Внешняя дверь открылась, и вошли два человека. Один был высоким человеком, одетым в униформу Имперского комиссара. На другом была черная эмблема старшего офицера его полка.

«Наконец-то,» сказал Келсо.

«Джентельмены, прошу,» сказал Вон Войтц, указывая прибывшим на их места. Танитские офицеры прошли к своим местам.

«Тост, я думаю. Вон Войтц?» предложил Келсо.

Вон Войтц кивнул и встал с бокалом в руке. Высокопоставленное собрание встало вместе с ним, стулья со скрипом отодвинулись назад.

Вон Войтц мгновение обдумывал свои слова. Он посмотрел вдоль стола на старших офицеров Танитского полка: Комиссара Виктора Харка и Майора Гола Колеа.

Вон Войтц поднял свой бокал и сказал: «За отсутствующих друзей.»

ОДИН

На шестьсот четвертый День Боли, двести двадцать первый день 774-го Имперского Года, Жером Ландерсон покинул свое рабочее место по звуку карника. Горн сигнализировал переход от дневной смены к ночной.

Он был изнурен, голоден и насквозь промок от пота. Его руки и спина болели от махания молотом, а кисти рук так ооченели от постоянных ударов, что он больше не чувствовал пальцев. Но он не поплелся устало к столовым или душевым с другими из дневной смены из Айконоклава, так же, как и не начал долгую прогулку назад к разрешенному местожительству вдоль речной стены Инейрон Таун.

Вместо этого, он пошел на запад, через разрушенные арки старой городской коммерции.

Там когда-то процветал рынок – дешевые продукты питания, зерно, домашний скот, инструменты – и лицензированные торговые дома когда-то ставили свои вычурные шелковые палатки и демонстрировали безделушки в ассортименте.

Ландерсон всегда любил коммерцию за ее аромат чего-то далекого. Однажды он купил маленький металлический диск с гравировкой темплума Экклезиархии на Энотисе только потому, что тот проделал такой долгий путь. Теперь далекое казалось

еще более далеким и недостижимым, несмотря на то, что сегодня ночью это было его делом.

Коммерция в эти дни лежала в руинах. Все, что осталось от широкой арочной крыши, было гнилым и почерневшим от дыма, и ряды металлических прилавков, за которыми торговцы продавали дешевые продукты, были изогнуты и покрыты ржавчиной. На усыпанной щебнем земле, несколько вороватых торговцев, притаившихся за бочками с огнем, торговали предметами роскоши, такими как мозговые косточки и изогнутые столовые приборы за продовольственные монеты и разрешительные пластинки. Каждый раз, как только был намек на патруль экскувиторов, проходящий неподалеку, мусорщики растворялись в тенях.

Ландерсон шел, пытаясь втереть немного жизни обратно в свои закопченные руки. Он покинул коммерцию через широкий пролет из белых мраморных ступеней, ступеней, все еще изрешеченных черными воронками от лазерного огня, и начал спускаться по Авеню Голеней. Конечно же, это не было настоящим названием, но иго угнетения породило черный юмор в угнетенных. Это было Авеню Аквилы. Длинное и широкое, с рядами оуслитовых постаментов по обе стороны. Статуя Имперского героя когда-то стояла на каждом. Захватчики уничтожили их все. Теперь только раздробленные каменные голени росли из гордых ступней на этих постаментах. Отсюда и название.

Таликсовые деревья, высокие и стройные, росли вдоль авеню. По меньшей мере, два были обрублены и переделаны в виселицы для проволочных волков. Не было никакого смысла пытаться избежать их.

Ландерсон шел дальше, пытаясь не смотреть на скелетообразные манекены, безвольно свисающие с деревьев на металлических цепях. Они скрипели, слегка поворачиваясь на легком ветру.

Дневной свет угасал. Небо, уже затуманенное бесконечной завесой пыли, заблестело, как будто надвигался туман. К западу, печи мясоперерабатывающих заводов залили низкие облака сиянием цвета гранатовой плоти. Ландерсон знал, что ему теперь стоит поторопиться. Его имаго разрешал ему проявлять активность только в дневное время.

Он пересекал площадь у Талленхолла, когда почуял глюф. Он вонял, как разряженная батарея, ионизированный запашок, острый запах крови и металла. Он спрятался в заросшей замысловатой железной изгороди и стал смотреть. Глюф появился в северном углу площади, передвигаясь по ветру, как воздушный шар в восьми метрах над землей, медленно и лениво. Как только он засек его, он пытался посмотреть в другую сторону, но это было невозможно. Плавающие сигилы, яркие, как неон, приковали его внимание. Он чувствовал, как его желудок бунтует при виде этих омерзительных, закручивающихся символов, к горлу подступает тошнота. На краю разума он слышал дребезжание, напоминающее звук роящихся насекомых, трущихся крылышками.

Имаго в плоти его левой руки дергался.

Глюф колыхался, затем начал скользить прочь, с глаз долой позади останков городской библиотеки. Как только он исчез, Ландерсон уперся руками в землю и стал жутко плевать в выжженную траву.

Когда он закрыл глаза, он мог видеть непотребные символы, сияющие в бессмысленных повторениях на веках.

Нетвердо он поднялся на ноги, поддавшись чарам головокружения, и внезапно опрокинулся на ограду для поддержки.

«Вой шет!» рявкнул жесткий голос.

Он потряс головой, пытаясь выпрямиться. Сапоги скрипели по кирпичной пыли, приближаясь к нему.

«Вой шет! Экхр Анарк сетрикетан!»

Ландерсон поднял руки в мольбе. «Разрешено! Разрешено, магир!» Три экскувитора окружили его. Каждый был дух метров ростом и одет в тяжелые сапоги и длинные серые чешуйчатые плащи. Они нацелили свои витиевато украшенные лаз-локи на него.

«Мне разрешено, магир!» умолял он, пытаясь показать им свой имаго.

Один из них ударом кулака бросил его на колени.

«Шет атрага юдерета хаспа? Вой ленг хаспа?»

«Я... я не говорю на вашем --»

Послышался щелчок, и потрескивание вокса. Один из них заговорил снова, но его грубые слова были непонятны из-за резкого механического эха.

«Что ты здесь делаешь?»

«Мне разрешено проходить днем, магир,» ответил он.

«Смотри на меня!» Снова варварский язык был перекрыт аугметически генерированной речью.

Ландерсон посмотрел наверх. Экскувитор, нависший над ним, был таким же жутким, как и любой из его рода. Только верхняя часть его головы была видна – бледная, сморщенная и безволосая. Пучок влажных металлических трубочек шел от морщинистого затылка и соединялся с парящим и свистящим ящиком, притороченным к его спине. Три огромных, сшитых шрама разделяли его лицо, один проходил через обе глазницы – в каждой из которых теперь были аугметические окуляры – и третий шел прямо над переносицей, где больше не было никакой плоти. Большой медный воротник был перед его лицом, милосердно закрывая рот и большинство носовой области экскувитора. На передней части этого воротника была решетчатая речевая коробка, которую экскувитор переключил на «перевод».

«Я... я смотрю на вас, и я награжден вашей красотой,» выдохнул Ландерсон так четко, как только смог.

«Имя?» протрещала тварь.

«Ландерсон, Жером, разрешено днем, в-волей Анарха.»

«Место производства?»

«Айконоклав, магир.»

«Ты работаешь в Доме Дробления?»

«Да, магир.»

«Покажи мне твое разрешение!»

Ландерсон поднял свою левую руку и отодвинул рукав своего рваного рабочего плаща, чтобы показать имаго в волдыре из чистого гноя.

«Элетраа кюх дроук!» сказал экскувитор одному из компаньонов.

«Чии атаа дроук,» прошел ответ. Стражник достал длинное металлическое устройство из пояса, размером и формой напоминающее устройство для тушения свечей, и поместил чашеобразный наконечник на имаго Ландерсона. Ландерсон тяжело задыхался, когда почувствовал, как вещь в его плоти завертелась. Маленькие руны высветились на черенке устройства. Наконечник отвели.

Третий экскувитор схватил Ландерсона за голову и повернул так, чтобы лучше рассмотреть клеймо на его левой щеке.

«Фехет ганеш,» сказало оно, отпуская его.

«Иди домой, посредник,» сказал первый экскувитор Ландерсону, машинный слова отозвались эхом на речь чужака. «Иди домой и не позволяй нам поймать тебя тут снова.»

«Д-да, магир. Тотчас.»

«Или мы порезвимся с тобой. Мы, или проволочные волки.»

«Я понял, магир. Спасибо вам.»

Эскупитор отступил. Оно закрыло решетку речевой коробки одной рукой. Его собраты сделали то же самое.

«Мы служим слову Анарха, чье слово заглушает все остальные.» Ландерсон быстро закрыл свой рот. «Чье слово заглушает все остальные,» быстро повторил он.

Эскупиторы еще мгновение смотрели на него, затем положили на плечи свои огромные лаз-локи и пошли прочь по заросшей площади.

Прошло достаточно много времени до того, как Ландерсон достаточно оклемался, чтобы подняться на ноги.

Почти стемнело, когда он добрался до брошенной мельницы на окраине города. Тусклое небо было освещено огнями: пылающими громадами отдаленных ульев и ближним светом печей, которые питали новую промышленность города. На широкой дороге ниже мельницы, качались факелы и стучали барабаны. Еще одну процессию новообращенных вели к местам поклонения ординалы.

Ландерсон постучал в деревянную дверь.

«Что с Гереоном?» спросил голос с той стороны.

«Гереон жив,» ответил Ландерсон.

«Несмотря на их старания,» отреагировал голос. Дверь распахнулась, открывая только тьму.

Ландерсон заглянул внутрь.

Затем он почувствовал, как дуло автоматического пистолета уперлось ему в затылок.

«Ты опоздал.»

«Я попал в неприятности.»

«Лучше бы они не последовали за тобой.»

«Нет, сэр.»

«Заходи, тихо и спокойно.»

Ландерсон шагнул во тьму. Появился свет, прямо перед лицом.

«Проверь его!» сказал голос, в то время как дверь позади него закрылась.

Руки схватили его и пихнули вперед. Ауспекс жужжал, когда передвигался вверх и вниз вдоль его тела.

«Чисто!» сказал кто-то.

Руки убрались. Ландерсон сощурился на свет, рассматривая окружение. Сырой подвал старой мельницы, вокруг фигуры, фонарики направлены на него.

Полковник Баллерат вышел на свет, убирая в кобуру свой пистолет.

«Ландерсон,» сказал он.

«Рад вас видеть, сэр,» ответил Ландерсон.

Баллерат шагнул вперед и обнял Ландерсона. Он сделал это только одной рукой. Левая рука и левая нога Баллерата были оторваны в литейных цехах. У него был грубый протез, который позволял ему ходить, но его левая рука была всего лишь шишкой.

«Я рад, что ты получил сообщение.» Баллерат улыбнулся. «Я уже начал беспокоиться, что это не так.»

«Я получил его,» сказал Ландерсон. «В своем ведре с едой. Было трудно выбраться. Сегодня ночью, сэр?»

Баллерат кивнул. «Да. Они определенно приземлились. Нам нужно войти с ними в контакт, чтобы мы могли приступить к следующей стадии.»

Ландерсон кивнул. «Сколько, сэр?»

«Сколько что?» спросил Баллерат.

«Я имею ввиду... какова численность, сэр? Расположение? Каков размер сил освобождения?» Баллерат замешкался. «Мы... мы еще не знаем, майор. Работаем над этим. Ключевым сейчас является установить контакт с их разведывательным подразделением, чтобы привести их.»

«Понял, сэр.»

«Я посылаю тебя, Лефивра и Пурчасона.»

«Я знаю их обоих. Хорошие люди. Мы служили в СПО вместе.» Баллерат улыбнулся.

«Так я и думал. Значит, вы хорошо знаете местность. Точка randevu в сельхозкомплексе на Перекрестке Шэдоутонленд. Пароль – 'Танит Магна'.»

Ландерсон повторил слова. «Что это означает, сэр?»

Баллерат пожал плечами. «Будь я проклят, если знаю. Пароль Гвардии. А, вот и они.»

Лефивр и Пурчасон подошли. Оба были одеты в рваные, сшитые остатки формы СПО. Лефивр был низким блондином с бородой, торчащей клочками. Пурчасон был выше,

тощим и с темными волосами. Оба обменялись рукопожатиями с Ландерсоном. У обоих были пулеметы с глушителями.

Еще один член сопротивления поспешно подошел с оборудованием и оружием для Ландерсона. Присев, Ландерсон начал разбирать снаряжение.

«Это может подождать,» сказал Баллерат. «Сначала мы должны тебя раздеть, сынок.»

Ландерсон кивнул и поднялся на ноги. Баллерат повел его в прилегающую камеру, которая воняла животными, блевотиной и навозом. Воздух был жарким и спертым. Ландерсон мог слышать храп и пуканье гроксов в полутьме.

«Готов?» спросил его Баллерат.

«Я просто хотел бы покончить с этим, сэр,» сказал Ландерсон. Он отодвинул рукав на левой руке вверх.

Появились несколько человек и взяли его за плечи, крепко держа. Один предложил ему бутылку с амасеком. Ландерсон сделал большой глоток. «Хороший мальчик,» сказал мужчина. «Помогает притупить боль. Теперь прикуси это. Тебе понадобится.»

Ландерсон крепко сжал челюсти на кожаном поясе, который вставили ему в рот.

Хирургом была женщина, старая леди из местных. Она улыбнулась Ландерсону, которого сейчас крепко держали четыре человека, и полила еще амасека на имаго.

Ландерсон чувствовал, как оно вертится.

«Они этого совсем не любят,» пробормотала хирург. «Это обездвиживает их. Делает их сонными, тупыми.»

Становится легче их удалить. Крепись, парень.»

Она вытащила скальпель, и быстро вскрыла огромный волдырь на его предплечье. Он лопнул, и вязкая жидкость стала вытекать. Ландерсон прикусил. Оно уже делало больно. Скрученная черная тварь в мясе его руки, уже обнаженная, беспокойно двигалась в его ране, красной полости. Он пытался не смотреть, но это ему не помогало.

Хирургeon дотянулась до твари длинными щипцами.

Она начала тянуть. Большая часть блестящего черного червя вышла при первом рывке, но длинный хвост с шипами, темный и напоминающий колючую проволоку, сопротивлялся. Она потянула еще сильнее, и Ландерсон прикусил сильнее, чувствуя, как рвется его плоть. Личинка начала извиваться между кончиками щипцов. Боль пронзила руку Ландерсона. Ощущалось, как будто рыболовную леску с шипами тянут из артерии.

Хирургeon брызнула на рану еще алкоголя и резко дернула. Ландерсон прокусил пояс. Извивающаяся личинка вышла, трясась на конце хирургического инструмента.

«Сейчас!» крикнула она.

Один из людей Баллерата уже разрезал ляжку одного из гроксов в стойле. Старая женщина воткнула извивающуюся личинку в рану, и затем, когда она освободила ее, закрыла рану анестетической лентой и бинтом.

Она крепко держала, как будто сражалась с чем-то, что пытается выбраться из-под бинта.

«Все в порядке,» наконец сказала она. «Думаю, оно приняло.»

Все затихли на несколько долгих минут, пристально прислушиваясь, ожидая звука тревоги экскуваторов или чего похуже. Ландерсон осознал, что он жутко трясется. Старая женщина подозвала кивком головы одного из мужчин, чтобы тот крепко держал повязку на животном, и подошла, чтобы перевязать рану Ландерсона.

Она ее осторожно очистила, перевязала, и сделала укол болеутоляющих и антисептиков.

Ландерсон начал чувствовать себя немного лучше, хотя и слегка страдал от ощущения пустоты. Все те месяцы, длившиеся до избавления от скверной, извивающейся твари под его кожей, а сейчас его тело, казалось, скучает по имаго.

«Ты себя нормально чувствуешь?» спросил его Баллерат, появляясь из тени.

«Да, сэр,» соврал Ландерсон.

«Мне бы хотелось дать тебе больше времени, чтобы восстановиться, но у нас его нет. Готов выдвигаться?» Ландерсон кивнул.

Баллерат показал ему мятую, нарисованную от руки, карту. «Изучи ее. Запомни, потому что я не могу дать ее тебе. Это путь, которому, как я надеюсь, ты последуешь. Тут время и места патрулей, о которых мы знаем.»

Ландерсон внимательно изучил данные, изредка смотря в сторону и возвращаясь назад, чтобы проверить свою память. Затем Баллерат дал ему конверт, и Ландерсон мельком глянул внутрь.

«Это зачем?» спросил он.

«Никогда не знаешь,» ответил полковник. Ландерсон положил конверт в карман своей куртки.

«Правильно,» сказал Баллерат, кивая Лефивру и Пурчасону, чтобы присоединились к ним. «Рандеву назначено на 23.15. Узнай, что им нужно от нас, и сделай все, что сможешь, чтобы помочь. Связаться с нами можно обычными методами. Мы устроим диверсию за сорок минут до рандеву, которая должна отвести излишнее внимание от вашей области. Вопросы?» Три человека покачали головами.

Баллерат не мог изобразить полный знак аквилы, но положил правую руку на сердце, как будто мог. «Удачи, и ради Гереона, да защитит вас Император.» Ночь была прохладной и сырой. Ландерсон почти забыл, как ощущается нахождение снаружи в темноте.

Они далеко продвинулись снаружи Инейрон Таун, тайно пройдя через западные палисадники, и затем направились через старый декоративный парк под названием Амбулатория. Огни города мерцали позади них, и время от времени они слышали далекие горны и бой часов.

Самая кровавая часть битвы за Инейрон Таун происходила вокруг территории Амбулатории и земля, сейчас уже полностью заросшая, была покрыта обломками машин и разбросанными человеческими костями. Три мужчины шли тихо. Баллерат выбрал их для этой миссии не за то, что они просто знали местность. Все трое состояли в разведывательном подразделении бригады СПО.

На полпути через Амбулаторию им пришлось спрятаться позади зарослей молодых таликсовых деревьев, когда мимо проходил патруль: две полугусеничные машины, сверкающие прожекторами, ведущая походила на сани из-за длинной цепочки гончих, которые были впереди нее на натянутых цепях. Животные рычали и хрипели, натягивая упряжь. Они были натренированы чують имаго и человеческие феромоны. Последнее, что Ландерсон и его товарищи сделали перед тем, как покинуть мельницу, был сырой гравитационный душ, который пропитал их репеллентами против запаха.

Патруль двинулся прочь. Ландерсон подал сигнал остальным двум мужчинам выдвигаться. Он без труда использовал язык знаков, как будто его последняя разведывательная миссия была всего лишь вчера. Но он отметил, что его левая рука ощущалась необычайно легкой. Все ли старая женщина вытащила? Или какой-нибудь кусочек личинки был все еще внутри него, тоскуя по –

Ландерсон отверг мысль. Если небольшой кусочек имаго остался бы, то огни святого Эльма тещали бы на каждой виселице в городе и проволочные волки уже бы собирались.

Они покинули Амбулаторию, и выбрали путь через тихие руины жилых зданий, которые спускались по склону Холма Мексли. Этот пригород был сельскохозяйственным районом, отмечавшим точку, у которой тяжелая промышленность внутреннего города уступала дисциплине сельхозугодий сельской окраины города. Позади домов лежали полосы посевных полей вдоль склона холма до следующей долины. Ландерсон мог чувствовать запахи силоса, мокрых растений, и характерный аромат пшеницы. Но урожай, несобранный, пропал, и запах был неприятно сильным, с болезненным оттенком брожения.

Пурчасон замер и просигналил предупреждение. Трио растворилось в укрытии позади стены двора у задней стороны одного из жилых зданий.

В тридцати метрах далее висел глюф, почти неподвижно, над переулком.

В темноте, глюф был даже еще более пугающим, чем тот, который пролетел мимо Ландерсона днем. Его закручивающиеся, пылающие символы казалось переплетаются, как змеи, образуя одну нечестивую руну за другой, яркие на фоне

ночного неба, как будто были написаны жидким пламенем. Ландерсон мог слышать, как они потрескивают, как будто огонь в камине. Он мог слышать низкий, тошнотворный шум насекомых. В этот раз он сумел отвернуться.

Внезапно он обеспокоился о Лефивре рядом с ним. Мужчину сильно трясло. Обернувшись Ландерсон увидел, что его товарищ уставился на адский глюф. Слезы текли из глаз, которые отказывались моргать. Ландерсон быстро подошел к нему и взял оружие Лефивра как раз перед тем, как оно выскользнуло из обессилевших рук человека. В полутьме он мог видеть, как работают челюсти Лефивра и подпрыгивает его кадык. Губы Лефивра были крепко сжаты и побелели. Он пытался не закричать, но это была та борьба, которую он почти проиграл.

Ландерсон зажал рукой рот Лефивра. Осознав, что происходит, Пурчасон тоже схватил Лефивра, крепко обхватив его и прижав ему руки. Ландерсон почувствовал, как рот Лефивра открылся, и прижал руку еще сильнее, стараясь не закричать, так как Лефивр вонзил зубы ему в ладонь.

Глюф задрожал. Шум насекомых усилился, превратившись в урчание, затем затих. Глюф поплыл на север, шипя над разрушенными крышами террасы, и затем через парк.

Ландерсон и Пурчасон продолжали держать Лефивра. Десятью секундами позже пять экскуваторов пробежали по переулку в направлении города. Глюф что-то нашел, и теперь привлекли патруль. Через несколько минут они услышали приглушенные звуки разряжающихся лаз-локов.

Какой-то бедняга без разрешения, без сомнений, прятался в зарослях парка.

Ландерсон осознал, что у него теперь тоже нет разрешения.

Он убрал руку, Кровь закапала на каменную дорожку. Лефивр резко упал, тяжело дыша, как собака. В ужасе он потерял контроль над своим мочевым пузырем.

«Простите... Простите...» с трудом говорил он.

«Все нормально,» прошептал Ландерсон.

«Твоя рука...»

«Все нормально,» повторил Ландерсон. Его рука очень болела. Лефивр выхватил большой кусок из его ладони. Теперь он пах кровью, Лефивр пах мочой, и все они воняли потом от охватившего их напряжения.

Ландерсон обернул руку шейным платком, и помолился, чтобы они не встретили ни одной гончей.

Было почти 22.30, когда они достигли Перекрестка Шэдоутонленд. Оставленные без ухода и полива, рисовые поля высохли, и теперь большие участки плодородной земли превратились в грязь с заброшенными, гниющими посевами. В воздухе стоял запах плесени и разложения.

Гром прокатился в отдалении, дальше сельскохозяйственного пояса, в дикой болотистой местности Антиллы. Когда-то те ядовитые области считались опасными. Сейчас, после Посредничества, они казались безопасными, по сравнению с заселенными областями.

Они обошли по широкой дуге огромные сборные здания сельскохозяйственного комплекса и, затем, вернулись к ним, с оружием наготове, с прикрепленными длинными глушителями. Они крались в тених, между неподвижными тракторами и комбайнами в низких гаражах, и прошли железные загоны, где забивали свиней и оставляли для разделки. Не раз они тревожили падальщиков, питающихся останками, местную фауну приманивал из болот запах гниения. Визжа, маленькие создания поднимали хвосты и начинали исчезать в тених.

Лефивр все еще нервничал. Он наставлял свое орудие на каждого фуражира.

«Ты должен успокоиться,» прошептал Ландерсон.

«Я знаю.»

«Серьезно, друг. Дыши глубоко. Я не хочу, чтобы ты шарахался.»

«Нет, майор. Конечно, нет.»

Кроме фуражиров везде были крысы. Везде в Империуме, представил себе Ландерсон. Звездные корабли Святой Терры распространили много чего по галактике – веру, колонистов, технологии, цивилизацию – но ничего такого всеобъемлющего

или такого, несомненно, неукротимого, как черные крысы. До Посредничества он слышал, как ученые шутили, что Империум, вообще-то, был изобретен крысами, а люди всего лишь ехали рядом. На некоторых мирах случайно ввезенные крысы подчинили себе все другие формы жизни. На других мирах они скрестились и породили монстров.

Три мужчины закончили проверку периметра, и ничего не обнаружили, за исключением нескольких тошнотворных рун, намалеванных на внешнем заборе, которые могли стать глюфами. Ландерсон не хотел рисковать, так что окатил каждую, которую нашел освященной водой из фляжки, которая входила в его снаряжение.

Пурчасон помогал. Лефивр держался позади. Он не хотел смотреть на знаки. Он не хотел, чтобы его разум допустил ту же ошибку опять.

Они достигли главных зданий. Было 22.37. По команде, по большей части, они услышали взрыв в городе позади них. Огненное зарево медленно поднималось в небо. Затем жужжание наполнило воздух. В долине под ними, они увидели глюфы, плывущие, как шаровые молнии, притянутые тревогой.

Диверсия полковника шла полным ходом.

«Император защитит тебя,» пробормотал Ландерсон.

Ландерсон проверил главную дверь. Она была закрыта. Приготовив оружие, он, пригнувшись, вошел внутрь, когда Лефивр открыл дверь. Пурчасон стоял слева от него с поднятым для прикрытия оружием.

В холле здания было темно. Был сильный запах сухих удобрений. Сновали крысы.

Ландерсон просигналил Лефивру присматривать за дверью, затем он и Пурчасон пошли осматривать холл, прикрывая друг друга, дверь за дверью. Место было заброшенным. Столы и стулья были перевернуты, сельскохозяйственные когитаторы разбиты, инкубаторы для семян и полки для рассады разрушены.

Впереди был тусклый свет. Осторожно они крались вперед, подавая знаки друг другу, с оружием наготове.

Свет шел из центрального офиса. Одинокая свеча, угасающая на столе.

Ландерсон бросил взгляд на Пурчасона. Пурчасон покачал головой. Он тоже понятия не имел, что происходит.

Они проскользнули внутрь. Комната была пуста, за исключением разбитой мебели и стола со свечой.

Окна были закрыты. Здесь была только одна дверь.

«Это то место,» сказал Ландерсон так громко, как только осмелился.

«Какого черта означает эта свеча? Они уже здесь?»

Ландерсон во-второй раз осмотрелся. «Я не знаю,» прошептал он. «Иди, проверь Лефивра.»

Пурчасон кивнул и и скользнул назад в холл. Ландерсон стоял у стола, его оружие было нацелено на дверной проем. Прошла минута. Вторая. Его руки начали потеть.

Он услышал слабый шум.

«Пурчасон?» тихо позвал он.

Внезапно свеча погасла. Рука обхватила его тело, прижимая его оружие. Он почувствовал клинок у горла.

«Скажи это сейчас и скажи правильно,» произнес голос у его уха.

«Т-танит Магна...»

Хватка исчезла.

Ландерсон повернулся в темноте, напуганный.

«Где вы?» задыхаясь сказал он.

«Все еще здесь,» произнес голос, опять позади него. Ландерсон повернулся.

«Что вы делаете?» выдохнул он. «Покажитесь!»

«Всему свое время. Есть имя?» Голос опять был позади него. Ландерсон замер.

«Майор Жером Ландерсон, СПО Гереона.»

Послышался звук спички, и свеча на столе снова загорелась. Ландерсон развернулся, чтобы посмотреть, с поднятым оружием. Свеча дрожала, в одиночестве. Не было никаких признаков того, кто зажег ее.

«Прекратите!» сказал Ландерсон. «Где вы?»

«Прямо здесь.» Ландерсон замер, когда почувствовал холодный ствол оружия у себя на шее. «Положи оружие.»

Ландерсон спокойно положил свой пулемет с глушителем на стол.

«Как вы вошли?» прошептал он.

«Я все время был здесь.»

«Но я обыскал комнату --»

«Недостаточно хорошо.»

«Кто вы?»

«Меня зовут Мколл. Сержант разведчиков, Танитский Первый и Единственный.»

«Можете убрать оружие от моей шеи?»

Человек появился в свете свечи перед Ландерсоном. Он был низким, плотным, закутанным в камуфляжную накидку, которая, казалось, растворяется в темноте. «Мог бы,» мягко сказал он, «если бы это было мое оружие.

Вен? Отпусти бедного парня с поводка.»

Давление ствола оружия исчезло. Ландерсон бросил взгляд назад и увидел второго человека.

Просто тень на краю сумрака. Выше, чем первый, шепот формы.

«Ч-что вы такое?» заикаясь, произнес Ландерсон. «Призраки?»

В свете пламени единственной свечи Ландерсон увидел, как глаза человека, назвавшего себя Мколлом, слегка сузились и засверкали. Улыбка. Это была самая нервирующая вещь, поскольку это лицо непривыкло к улыбкам.

«Можешь называть так,» сказал Мколл.

ДВА

Они повели Ландерсона обратно во двор. Янтарное свечение в небе все еще было ярким. Он мог чувствовать отдаленную агитацию врага на ночном небе, как приятное давление приближающегося шторма.

Лефивр и Пурчасон стояли на коленях, лицом к забору, руки за головами.

Третий солдат в черном присматривал за ними.

«Бонин?» спросил Мколл.

«Кажется, что тут еще только эти двое, сэр,» ответил третий солдат.

«Вас трое, правильно?» спросил Мколл.

«Да,» сказал Ландерсон. Он услышал приглушенный щелчок вокса. «Первый, это четвертый. Выдвигайтесь,» быстро сказал Мколл. Затем он бросил взгляд на высокого мужчину. «Мквеннер? Возьми Бонина, и охраняйте периметр.»

Два товарища Мколла ушли и мгновенно растворились в тени. Затем замаячили другие фигуры, отделившись от ночи. Полдюжины фигур, как минимум. Самая высокая направилась прямо к Ландерсону и осмотрела его с ног до головы. Он был худым, крепким человеком, одетым в черные сапоги и солдатскую форму, черную кожаную куртку и темный камуфляжный плащ, плотно прилегавший к его туловищу и горлу. На спине у него был ранец, а закопченный болт-пистолет был закреплен ремешком у него на груди. Под краем простой черной тканевой шапочки, его лицо было узким и суровым.

«Который из них главный?» спросил он.

«Я,» сказал Ландерсон. Он замер, когда почувствовал, как Мколл нагнулся к его уху.

«В данных обстоятельствах, я рекомендую тебе не говорить, пока мы не дадим тебе разрешение,» сказал Мколл.

Ландерсон кивнул.

«Скажи ему то, что ты сказал мне,» проинструктировал Мколл.

«Танит Магна,» тихо сказал Ландерсон.

«Скажи ему свое имя.»

«Ландерсон. Майор Ландерсон.»

«И обращай к нему – сэр,» добавил Мколл.

«Сэр.»

Высокий человек в шапочке сотворил знак аквилы и затем отсалютовал. «Майор,» сказал он. «Меня зовут Гаунт. Я командую этой операцией. Вы в правильном месте в правильное время и вы дали правильный пароль, так что я предположу на мгновение, что вы тот человек, которого я пришел увидеть.

Вы были проинструктированы встретить нас командиром Инейронской ячейки.» Ландерсон сглотнул. «Я имею право обсуждать некоторые вещи, сэр. И в них не входят возможные действия, передвижения или даже существование каких-либо ячеек сопротивления.»

«Честный ответ,» сказал Гаунт. «Но следующий пункт нашего дела включает установление контакта с полковником по имени Баллерат, или любым из его старших офицеров.»

«Рассматривайте меня в таком качестве, и затем мы поговорим, » ответил Ландерсон.

Человек появился рядом с Гаунтом. Он был ниже, чем Гаунт, но немного более крепко сложенный, такой же мрачный, как Гаунт – вежливый. Ландерсону казалось, что есть что-то жестокое в лице человека.

«Хотите, чтобы я выбил из него дерьмо, сэр?»

«Не на данном этапе,» ответил Гаунт.

«Просто, чтобы он прикусил язык, понимаете.»

«Не хочу, чтобы ты пачкал руки, Роун.»

Человек улыбнулся. Это было не менее страшно. «Я не буду. Я прикажу Фейгору.»

«Все признаки делегации. А теперь отойди, Роун.»

Человек пожал плечами и ушел. Ландерсон теперь мог видеть остальных, почти отчетливо. Там было семеро, за исключением Мколла, Роуна и командира, все одеты в черную камуфляжную одежду и с ранцами. Большинство из них были с татуировками. Огромный, диковато выглядящий мужчина держал автопушку; тощий, стареющий человек нес снайперское оружие. У остальных солдат были лазганы. Седьмым, понял Ландерсон, была женщина. Она тоже была одета в черную, как смоль, боевую форму, но единственным ее оружием был компактный автоматический пистолет в кобуре.

Гаунт посмотрел на Ландерсона. «Майор, по вашим прикидкам, как долго мы сможем тут оставаться в безопасности?»

«Еще минут тридцать.»

«У вас есть безопасная позиция для отступления?»

«Я знаю пару мест, где мы сможем избежать патрулей.»

«Там безопасно?»

Ландерсон уставился на него. «Сэр, это Гереон. Здесь нигде не безопасно.»

«Тогда, давайте закончим с этим,» сказал Гаунт. «Доктор. Проверьте их, пожалуйста.» Женщина вышла вперед, сняла ранец и вытащила маленький сканер нарцетиума. Она начала водить им возле Ландерсона.

«Лилия Фракии,» сказал Ландерсон.

«Что?» спросила она, останавливаясь и смотря на него.

«Ваши духи. Лилия Фракии. Я прав?»

«Я не пользовалась духами или одеколоном три недели,» твердо сказала она. «Часть приготовления к миссии --»

«Уверен, что не пользовались,» сказал Ландерсон. «Но я все еще могу почуять их. Их, антисептики и стелилизирующую жидкость. Гончие учуют вас за секунды.»

«Достаточно,» сказал Мколл. Женщина потрянула головой в сторону разведчика и уставилась на Ландерсона.

«Эти... гончие. Они засекут мой запах, даже если я старательно не использовала ничего такого, что могло бы меня выдать?»

«Да, мамзель. Вы слишком чистая. Все вы.»

«Эти гончие найдут меня, потому что я не пахну как дерьмо, как вы?»

«Точно, мамзель. Гереон проникает в поры. В плоть. Дым, пыль, заразу.»

«Говоря о заразе,» сказала женщина, считывая со сканера. «У вас протеин Б выше нормы и высокое количество лейкоцитов. Что конкретно повлияло на ваш метаболизм?» Мколл мгновенно поднял свою винтовку и навел ее в сторону головы Ландерсона.

«Я собираюсь показать ей свою руку,» сказал Ландерсон, хорошо осведомленный о стволе оружия, направленный ему в ухо. Он поднял левый рукав и показал повязку. «Архивраг клеймит всех жителей имаго. Мой удален, как и Пурчасона и Лефивра. Кстати, могут они встать? Я не слишком счастлив тем, как вы лишили свободы моих людей на данном этапе.»

«Хотите, чтобы я привел Фейгора?» пробормотал Мколл.

«Нет,» сказал Гаунт. «Он чист, Керт?»

«Чист – сильное слово. Во многих отношениях,» сказала женщина. «Но... да, я бы так сказала.»

«Проверь остальных двоих. Если они чисты, пусть встанут. Майор Ландерсон, идемте со мной.» Гаунт повел его назад в здание, в комнату, где свеча все еще горела.

«Присаживайтесь,» предложил он.

«Я постою, сэр.»

Гаунт нахмурился и сел.

«Какое у вас звание, сэр?» спросил Ландерсон.

«Полковник-Комиссар.»

Ландерсон почувствовал, как его сердце слегка подпрыгнуло. «Ясно. Вы очень осторожны.»

«Я возглавляю миссию на мире, занятом Хаосом, Ландерсон. Вы обвиняете меня?»

«Нет, сэр, думаю, что нет. Как вы достигли поверхности?»

«Не думаю, что собираюсь говорить вам это.»

«Хе-хе. Можете мне сказать, где расположение ваших войск?»

«Этого я тоже не сделаю, пока не стану доверять вам немного больше. Но можете посчитать.»

«Я насчитал дюжину.»

Гаунт ничего не сказал. Свеча дрожала.

Ландерсон кивнул сам себе. Передовая группа. «Я понимаю. Я так же понимаю, что вы не собираетесь мне ничего говорить об основных силах, где они скрываются, какая техника у них есть, но --»

«Но?»

«По крайней мере, скажите мне, когда это начнется?»

«Когда начнется что, майор?»

«Освобождение, сэр.»

Гаунт посмотрел на него. «Освобождение?»

«Да, сэр.»

Гаунт вздохнул. «Я думаю,» начал он, подбирая слова. «Я думаю, возможно, понятные извилистые линии связи между ячейками сопротивления Гереона и Разведкой Гвардии были даже менее адекватны, чем мы надеялись.»

«Я не понимаю,» сказал Ландерсон.

«Двенадцать специалистов, майор. Двенадцать. Вы видели их всех, вы сами их посчитали. Мы не передовая группа. Мы – все, что есть.»

«Сэр?»

«Больше никого не будет. Мы встретились сегодня ночью не для того, чтобы вымостить путь для победоносной армии освобождения. Ваша главная задача встретиться с моей командой и провести нас в подполье, чтобы мы могли выполнить параметры нашей миссии.»

Ландерсон почувствовал легкий шум в голове. Головокружение. Он отодвинул стул от стола и тяжело сел.

«Я не понимаю,» повторил он. «Я думал --»

«Я представляю, что вы думали. Мне жаль, что развеял ваши надежды. Мы – все, что прибыло, майор.

Теперь, мне нужно, чтобы вы выполнили свою часть и провели нас внутрь. Вы можете это сделать?» Ландерсон покачал головой.

«Это значит нет?»

«Нет, нет.» Ландерсон поднял взгляд. «Я просто... это не то, чего я ожидал. Это не то, что каждый... Я имею ввиду, мы предполагали. Полковник сказал... Я... » Он затих. «Что за миссия?»

«Я не собираюсь вам этого говорить, Ландерсон. Даже намекать не буду, пока не узнаю вас лучше.

И даже тогда, может и не скажу. Я так же напуган тем, чем вы можете быть, как и вы тем, чем могу быть я. Давайте не будем об этом. Прямо сейчас мне нужно, чтобы вы сделали так, как вы были проинструктированы, и мы сможем продолжить. Я могу

сказать вам, что мне нужно установить контакт с Баллератом, или его доверенным лицом, или с лидером другой ячейки в области Инейрон Таун. Я, так же, могу вам сказать, что, пока любой из старших контактов сопротивления не проинформирует меня по-другому, мне нужна свободная и секретная линия проникновения в центральный район Лектики. И еще я могу сказать вам, что параметры миссии были выданы мне напрямую Лордом Генералом Бартолом Вон Войтцем из Пятой Армии Крестового Похода, одобренные лично Магистром Войны Макароном.»

«Это какое-то дерьмо,» резко бросил Ландерсон, поднимаясь.

«Сядьте.»

«Это не то, в чем мы нуждаемся! Это не то, чего ожидал Гереон --»

«Сядь...те.»

Ландерсон повернулся к Гаунту, его пальцы согнулись, как крючки, слезы стояли в глазах. «Вы пришли сюда с этим дерьмом? Какая-то дерьмовая секретная миссия, что вы даже не можете ни слова о ней сказать? Да пошел ты! Мы страдаем! Мы умираем! Миллионы умерли! Ты знаешь, что эти ублюдки сделали с нами?»

«Да,» спокойно сказал Гаунт.

«Нихрена я так не думаю! Вторжение? Резня? Лагеря смерти? Твари, которых они вогнали нам в плоть, чтобы держать нас на привязи? Омерзительная пропаганда, которую они обрушивают из громкоговорителей каждый час дня и ночи? Остались лишь немногие из нас, кто может мыслить здраво, нас чертовски мало, рискующих жизнями каждый день, чтобы поддерживать сопротивление! Рейд – тут, бомбардировка – там, товарищи вырезаны, уведены для допросов или еще хуже! И как ты думаешь, что нас заставляло идти дальше? Что, черт возьми, нас заставляло идти дальше?»

«Мысли об освобождении.»

«Мысли об освобождении! Да, сэр! Да, черт тебя дери, сэр! Каждый день! Каждый из шестиста и четырех дней! Шестьсот и, черт возьми, пять уже! Дни Боли! У нас есть календарь! Чертов календарь! Шестьсот пять дней боли и смерти, и мучений --»

«Ландерсон --»

«Ты знаешь, что я делаю?» спросил Ландерсон, вытирая рот, его руки тряслись. «Ты знаешь, что чертовы ординалы заставляют меня делать? Мне дали согласие работать в Айконоклаве! Ты знаешь, что это значит?»

«Нет,» сказал Гаунт.

«Это значит, что мне разрешили приходить туда, что раньше было городской ратушей, на двенадцать часов каждый день и кувалдой разбивать любые символы Империи, которые приносят эти ублюдки! Статуи... почетные знаки... штандарты... инсигнии... я должен измельчать их в пыль! И они разрешили мне делать это! Они разрешили мне! Это выглядит, как особая честь для тех, кому дали согласие на это! Гордость! Роскошь для доверенных лиц! Потому что либо так, либо попасть в пасть мясоперерабатывающих заводов и, знаешь ли, я лучше разобью статую Святого Киодруса на осколки, чем меня утащат туда!»

«Я понимаю --» начал Гаунт.

«Нет, не понимаешь!»

Гаунт поднял руку в черной перчатке. «Нет, не понимаю. Я даже и не начал понимать, на что это похоже. Я не начал понимать боль, страдания, муки. И я, определенно, не понимаю выбор, который тебе пришлось сделать. Но я понимаю твоё разочарование.»

«Ну конечно?» горько рассмеялся Ландерсон.

Гаунт кивнул. «Ты хотел, чтобы мы были вашим спасением. Ты думал, что мы передовые указатели для сил крестового похода, который идет освободить вас. Это не так, и я могу понять, почему это причиняет боль.»

«Да что ты знаешь?»

«Я знаю, потому что однажды оставил мир Хаосу.»

«И что с ним случилось?» тихо спросил Ландерсон.

«А ты как думаешь? Он умер. Но несколько человек, которых я спас оттуда, уже сберегли в тысячу раз больше Имперских граждан от страданий, чем я бы смог, если бы остался там.» Ландерсон уставился на пламя свечи.

«Некоторые из тех людей здесь со мной сейчас,» сказал Гаунт. «Смотри, майор. Это – Империиум Человечества. Здесь – только война. У него есть края и углы, и все из них острые. Если бы я мог спасти Гереон, я бы спас, но я не могу и я здесь не для этого. Гереон должен продолжать страдать. В свое время, будут попытки освобождения. Не мне об этом говорить. Прямо сейчас, прямо здесь, у меня есть задание. Успех важен Лорду Генералу Вон Войтцу, Магистру Войны Макароту и Империиуму. Что означает, что успех важен самому Богу –Императору. То, что я должен сделать здесь важнее, чем Гереон.»

«Будь ты проклят.»

«Весьма вероятно. Но это правда. Если мой отряд провалится здесь, то мы говорим о возможном провале всего Крестового Похода в Миры Саббат. Тысяча населенных систем, Ландерсон. Ты хочешь, чтобы они закончили так же, как Гереон?»

Ландерсон снова сел.

«Что,» прошептал он. «Что ты хочешь, чтобы я сделал?»

«Я бы хотел, чтобы ты --» Гаунт замер и положил руку на микробусину в ухо.

«Белтайн, это первый. Что у тебя?»

Мгновение он слушал, и затем встал. «Мы закончим с этим позже, майор,» сказал он.

«Почему?» спросил Ландерсон, тоже вставая.

«Потому что, что-то неправильно.»

Снаружи все исчезли. Лендерсон почувствовал легкий приступ паники, но Гаунт быстрым шагом вышел во двор. Как-будто по какому-то волшебству Мколл появился из ниоткуда.

«Доклад?»

«Движение на дороге. По периметру чисто.»

«Справимся с ними?»

«Я жду Мквеннера и Бонина, сэр,» прошептал Мколл.

«Где --» Гаунт остановился. Ландерсон знал, что он почти сказал 'пленники'. «Где коллеги майора?»

«Варл повел их в тот сарай,» указал Мколл.

«Отведи майора к ним,» проинструктировал Гаунт.

«Я могу быть полезным здесь,» сказал Ландерсон.

«Майор, это не --»

«Вы знаете, с чем столкнулись?»

Гаунт глубоко вздохнул. «Хорошо, со мной. Держись рядом. Делай в точности то, что Мколл и я говорю тебе.» Они направились к воротам. Ландерсон понял, что двое приезжих – человек со снайперской винтовкой и дьявол, который предлагал избить его – прятались у забора, закутанные в камуфляжные плащи. Он их вообще не видел, пока не оказался рядом с ними.

Ландерсон низко присел между Гаунтом и Мколлом, когда они залезли в канаву у стены возле дороги.

Пропищал вокс. Мколл вслушался и тихо ответил.

«Два транспортника, едут в эту сторону. Вен насчитал двадцать три цели. Еще собаки, в упряжке.»

«Стандартный механизированный патруль,» прошептал Ландерсон. «Он не входит в мое предполагаемое расписание.»

«Они знают, что мы здесь?» спросил Гаунт.

«Сомневаюсь, сэр. Если бы они знали, что в этой области повстанцы, то они были бы в гораздо большем числе. Мы организовали диверсию в городе сегодня ночью, чтобы отвлечь от этой встречи, но всегда был шанс того, что они выставят патрули, как следствие. Враг не тупой.»

«По-моему опыту тоже,» мрачно сказал Гаунт.

«Вы не хотите открытой перестрелки с патрулем,» сказал Ландерсон.

«Рад видеть, что вы ухватили значение фразы 'тайная операция',» сказал Гаунт. «Нам нужно отойти и найти выход. Что в той стороне?»

«Сельскохозяйственная земля. Система полей. Слишком открытая местность.»

«А там? И дальше?»

«Открытая территория, около пятиста метров, затем лес.»

«Выберем лес,» сказал Мколл.

Гаунт кивнул.

«Сделаем по-быстрому,» сказал Ландерсон. «Как только гончие почуют вас – а они почуют вас – нам конец.»

«Выдвигаемся,» сказал Гаунт, и Мколл повернулся и просто растворился в ночи. Ландерсон последовал за Гаунтом назад по канаве к воротам.

«Уходим в том направлении, Роун,» сказал Гаунт. «Веди их. В сторону леса.»

«Принято.»

«Ларкс?» сказал Гаунт, поворачиваясь к стрелку.

«Сэр?»

«Пойдешь последним с Веном. Прикрой нас. Но помни правила. Держи палец подальше от спускового крючка, пока не останется другого выбора.»

«Да, сэр.»

«Император защищает, Ларкс,» сказал Гаунт и повел Ландерсона во двор. Пурчасон и Лефивр шли от сарая в сопровождении двух солдат Гаунта.

«Я прошу вернуть наше оружие,» сказал Ландерсон.

«Верну, если пообещаешь не использовать его,» сказал Гаунт.

«Все еще помню то значение, полковник-комиссар.»

«Хорошо,» сказал Гаунт. «Варл?»

Подошел один из солдат. Его широко ухмыляющееся лицо было перемазано грязью.

«Упал на лицо?» спросил Гаунт.

«Свиное дерьмо,» сказал Варл. «Я фесово ненавижу собак. Лучше пусть они учуют сначала вас.»

«Твоя верность не знает начала, Варл. Отдай этим людям оружие.»

«Сэр.»

Ландерсон сразу же почувствовал себя более уверенным со своим ручным пулеметом с глушителем в своих руках. Он последовал за Гаунтом и остальными к забору, перелез через него и прыгнул на землю с другой стороны. Они все начали бежать вперед к смутной линии деревьев на расстоянии полукилометра.

Земля была ухабистой и поросшей кустарником, вязкая от лозы и крупных листьев капворта. Ландерсон бросил взгляд назад. По ту сторону забора и силуэта сельскохозяйственного комплекса он видел подергивающееся сияние от огней на дороге.

Ему бы стоило смотреть, куда он идет. Петля лозы дернула его за лодыжку, и он упал на лицо.

«Вставай, ты неуклюжий гак!» зашипел на него голос, и Ландерсона резко поставили на ноги. Это был другой солдат, который сопровождал его людей с Варлом. И он был она.

«Шевелись, или я прирежу тебя и брошу!» проворчала женщина-солдат.

Ландерсон побежал за ней.

Они достигли леса. Плотный полог листьев отрезал тот слабый свет, который предоставляло ночное небо.

Было темно, как в пустоте. Женщина не делала ни звука, пока передвигалась по колено в растениях. Ландерсону казалось, что он производит так же много шума, как спешащий пеший патруль.

«Вниз!» сказала она.

Он присел. Было тихо, кроме ветерка в листьях и звука двигателя на отдалении, идущего от сельскохозяйственного комплекса.

Как только его глаза привыкли, Ландерсон увидел, что отряд Гаунта был со всех сторон вокруг него, в укрытии, с поднятым оружием.

«Через сколько вы прикажете своим людям отступить?» прошептал Ландерсон.

«Они уже,» сказал Гаунт. Ландерсон осознал, что снайпер и высокий, худой разведчик были с ними. Как, во имя Святой Терры, они сделали это?

Они слышали собак в ночном воздухе. Рвущиеся, яростные, скулящие и воющие.

Ландерсон знал эти звуки.

«Они учуяли запах,» прошептал он, его сердце упало.

«Фес!» сплюнул Гаунт.

«Лилия Фракии, я думаю,» сказала женщина-медик.

Ландерсон покачал головой. «Нет. Кровь. Кровь – это единственная вещь, на которой они заостряют внимание больше, чем на чем-то другом.» Он поднял свою руку. При падении он сорвал повязку, и кровь снова капала из укуса на его ладони.

«Мне жаль, сэр.» Он встал на ноги. «Уводите своих людей. Я отвлеку их.»

«Нет,» сказал Гаунт.

«Это меня они учуяли. Я --»

«Нет,» повторил Гаунт. «Если они нашли нас, они будут таскаться за нами всю ночь, неважно, каким героическим или тупым ты решил быть. Мы закончим все быстро здесь и уйдем до того, как кто-нибудь придет в поисках пропавшего патруля.»

«Вы сумашедший,» просто сказал Ландерсон.

«Да, но я, так же, командую.» Он посмотрел на отряд. «Серебряный клинок. Пусть собаки приблизятся, и прикончите сначала их. Затем уничтожить остальных. Понятно?» Хор шепотов с подтверждениями ответил ему.

«За Танит. За Императора.»

Звуки от собак стали громче. У сельскохозяйственного комплекса взревел двигатель, и часть внешнего забора обвалилась, разрушенная передним крылом большой полугусеничной машины. Ее фонари осветили пустырь. Вокруг нее, через пролом, рвались спущенные с привязи гончие.

Они были большими. Какая-то порода полудиких мастиффов, порожденная в трюмах флота архиврага.

Дюжина собак, каждая с такой мощной мускулатурой, что весили больше, чем взрослый мужчина. Они могли слышать, как лапы собак бьют по грубой земле, слышать их слюнявое рычание.

Гаунт вытащил длинный серебряный кинжал, испачканный сажей.

«Пусть приблизятся,» прошептал он. «Пусть подойдут прямо к...»

Первое животное проломилось сквозь листву, тяжелое и воняющее слюнями.

Ландерсон услышал, как оно лает, услышал как –

Вой. Глухой мясистый удар. Внезапно прерванное скуление.

Еще одно животное, и еще одно. Еще два бешеных собачьих рыка внезапно затихли после жалостных визгов.

Затем остальные. Остальные восемь. Одна собака прорвалась сквозь стволы деревьев прямо к Ландерсону. Он видел ее тупые глаза, ее широко открытую, ужасную пасть, мясистые, слюнявые губы, трясущиеся от бега. Он ахнул и поднял свое оружие.

В двух метрах от Ландерсона, как только животное начало свой атакующий прыжок, который мог бы сбить его на землю, оно резко отлетело в сторону в воздухе.

Используя свой лазган, как копье, Мколл пригвоздил гончую к земле штыком. Животное завывало и скорчилось. Он поставил ногу на живот гончей, чтобы вытащить лезвие, и ударил еще два раза.

Вокруг себя, Ландерсон слышал быстрые серии тупых, влажных ударов, как будто зрелый фрукт рубят мачете. Один человек закричал от боли.

Секундная пауза.

«Готово?» спросил Гаунт, вытирая собачью кровь со своего боевого ножа.

«Чисто. С ними покончено,» ответил Мквеннер неподалеку.

«Все в порядке?»

«Фесова собака укусила меня!» шепотом пожаловался Варл.

«Должно быть ей понравилась идея закусить свиньей на ужин,» ответила женщина-солдат, которая поставила на ноги Ландерсона.

«Представь мое удивление, что она тогда не пошла за тобой, Крийд,» сказал Варл.

«Отлично. Поговорите еще, чтобы враг знал, в каком фесовом месте мы находимся,» сказал человек, которого Гаунт звал Роун.

«Они идут,» сказал Мколл, его голос был громким ровно настолько, чтобы его слышали.

«Снять с предохранителей,» сказал Гаунт. «Мколл. Расположи разведчиков справа, чтобы взять в клещи. Бростин, Ларкин? Транспорт. Ана? Пригни голову, пожалуйста.»

«Но --»

«Пригнись, фес тебя! Остальные. По моей команде. И ни мгновением раньше. Это касается и тебя, майор. Тебя и твоих людей.»

«Да, сэр. Лефивр? Пурчасон? Не опозорьте меня, поняли?» Ландерсон взглянул назад в сторону забора. Оба полугусеничных транспорта проехали сквозь разрушенную секцию и медленно приближались по ухабистой земле, вода

прожекторами. Он увидел дюжину экскувиторов, идущих рядом с ними с поднятыми лаз-локами.

«Ищут своих фесовых дворняжек,» проворчал Варл.

«Тишина!» резко бросил Роун.

Патруль подошел ближе.

«Не сейчас...» прошептал Гаунт. «Не сейчас... пусть пехотинцы пройдут деревья.» Уже близко. Лучи прожекторов прорвались сквозь деревья, покрывая пятнами кусты и низкие ветви. Ландерсон мог чувствовать запах специй и сладкой мази экскувиторов. Нет никакой возможности уничтожить их всех. Два к одному, не считая машин.

Он поднял свой ручной пулемет к плечу.

Он увидел, как первый экскувитор вошел в деревья, долговязая черная фигура, лаз-лок готов к прицеливанию. Он мог слышать глухой стук дыхательной коробки ублюдка.

Экскувитор исчез. Он нагнулся. Он нашел внутренности одной из гончих.

«Вой шет тхарр!» прокричал экскувитор поднимаясь.

«Сейчас,» сказал Гаунт. Его болт-пистолет бахнул, и экскувитор шлепнулся на спину.

Опушка леса взбесилась. Лазерный огонь полился между деревьев, срезая низкую листву. Внезапно стало так ярко, как будто встало солнце.

Шум был чрезмерным. Ландерсон увидел, как, по меньшей мере, четыре экскувитора упали при первом залпе. Он начал стрелять, но воздух внезапно стал густым от дыма и водяного пара от сожженной листвы.

Патруль начал отвечать, заряжая оружие и стреляя в град огня из леса.

Полугусеничные машины тоже открыли огонь. Тяжелый болтер на верху ближайшей машины начал сверкать и дребезжать. Небольшие деревца на кромке леса были срезаны и глубокие раны появились на стволах более старых деревьев.

«Ларкс! Огни!» крикнул Гаунт.

Снайпер поблизости от Ландерсона приподнялся и открыл огонь из своего лонг-лаза, перезаряжаясь и снова открывая огонь с ошеломительной точностью. Фонари на машине взрывались один за другим, как банки на стрельбище, разбрасывая осколки стекла и искры от разорванной электрики. Еще один выстрел снес голову экскуватору, управляющему прожекторами.

Ландерсон видел, как Гаунт несется вперед, крича своим людям, хотя рев интенсивной схватки заглушал его. У него были по болт-пистолету в каждой руке, и он стрелял из обоих.

То, что Ландерсон принял за кобуру на груди для одного пистолета, очевидно, была сдвоенной.

Выстрелы пронзали деревья. Ветви взрывались. Ландерсон мог чувствовать запахи древесной пульпы и сока, фуцелина и крови. Он подполз к ближайшему стволу и попытался получить лучший угол.

«Бростин!» крикнул Гаунт. «Пригвозди первый транспортер!»

Большой, грубовато выглядящий человек хладнокровно приблизился со своей огромной автоматической пушкой, лежащей как ребенок у него на руках. Он бросил длинный телескопический монопод, чтобы закрепить пушку, и затем открыл ураганный огонь, подавая боеприпасы на ленте из одного из контейнеров, привязанных к его бедрам.

Обшивка полугусеничной машины покорибилась и изогнулась. Этот Бростин, казалось, скорее целится в ходовую часть машины, чем в верхнюю часть с отсеком для экипажа. Какого черта он целится в наиболее бронированную часть, несущую двигатель –

Полугусеничный транспортер загорелся, как вымоченная в топливе тряпка. Огонь вырвался снизу и окутал машину коконом огня. Устойчивый поток бронебойных снарядов разорвал топливный бак глубоко внутри.

Ландерсон видел, как два экскуватора, объятые пламенем, с криками вывалились из отсека для экипажа.

«Святой Трон Земли...» пробормотал Ландерсон.

«У него пунтик на огне, у нашего Бростина,» сказал человек рядом с ним. Это был снайпер. Ларкс.

Ларкин. Как-то так. У него было лицо такое же морщинистое, как старое кожаное седло. «Плюс, он вышел из себя за то, что ему не разрешили взять с собой его драгоценный фесовый огнемет. Упс, 'прстите'.» Ларкин поднял свой лонг-лаз, загнал заряд в ствол и сделал выстрел, который снес голову еще одному экскувитуру.

Огонь внезапно вырвался из засады с другой стороны, по правую руку. Лазганы были на полном автоматическом огне, но били ужасающе точно. Несколько экскувиров пытались развернуться, и были сбиты с ног. Ландерсон видел, как взорвалась грудь, и кусочки чешуйчатой брони полетели во все стороны. В лаз-лок попал выстрел, когда из него открыли огонь, и он взорвался полумесяцем энергии. Еще одному экскувитуру попали в голову и он слепо и спотыкаясь побрел в пустошь, как дергающаяся кукла, пока другой выстрел не положил его. Мколл, Мквеннер и Бонин появились из темноты, двигаясь с другой стороны и стреляя от груди.

Последние экскувиторы были убиты. Второй полугусеничный транспорт пытался развернуться и уехать. Трубчатый заряд прилетел со стороны Роуна – дальний, точный бросок – и разорвал его на части.

Ландерсон опустил оружие. Он тяжело дышал, и его мысли вертелись. Как долго?

Тридцать, сорок секунд? Меньше минуты. Целый патруль был уничтожен меньше, чем за минуту. Как... как это было вообще возможно?

«Прекратить огонь!» крикнул Гаунт.

Территория была яркой от пылающих останков транспортников.

«Затушить их?» спросил Гаунта Варл.

«Нет, уходим отсюда. Сейчас.»

«В лес!» прокричал Роун. «По двое в ряд, быстро! Тебя это тоже касается, Варл, фес поберей твой собачий укус! Давайте! Берем наших новых друзей с собой!»

«Держись меня,» сказал снайпер Ландерсону. Он успокаивающе улыбнулся. «И держись поближе. Архивраг еще не нашел ничего такого, что может убить Хлэйна Ларкина.»

«Ясно,» сказал Ландерсон, спеша за ним. Для пожилого человека снайпер мог двигаться.

«Как тебя зовут?» позвал Ларкин через плечо.

«Л-ландерсон.»

«Держись ближе, Ландерсон. Лес ждет.»

«Лес?»

Он услышал, как Ларкин засмеялся. «Мы –Танитцы, Ландерсон. Мы любим лес.»

ТРИ

Они отказались, с самого начала, обращаться к нему по имени или званию. Он был фегатом, что означало что-то вроде, как сказал ему его телохранитель, «тот, кто совершил исконное предательство» или «тот, для кого предательство стало образом жизни», только менее лестно. Это было позорное слово, табу. Они позволили ему знать, что они думают о нем – преступник, грязь, самый недостойный – и это обильно исходило от них.

И для него это было хорошо. Он знал, чего он им стоит. Называть его изгоем, это самое худшее, что они могли сделать.

«Просыпайся, фегат,» приказал его телохранитель.

«Я уже проснулся,» ответил он.

«И как твоё здоровье этим утром?»

«Я все еще фегат, если ты об этом.»

Телохранитель начал открывать жалюзи комнаты и впустил дневной свет. Это заставило его вздрогнуть.

«Ты можешь прекратить это?» спросил он. «У меня болит голова, и свет бьет по глазам.» Телохранитель снова закрыл жалюзи, и, вместо этого, зажег лампы.

«Это из-за транскодирования?» спросил телохранитель.

«Полагаю, что это так, а ты?»

Его телохранителя звали Десолэйн. Оно (сам он еще не мог с уверенностью определить его пол) было двух метров ростом, худым и с длинными конечностями. Его стройное, бесполое тело было заключено в облегающий костюм иссиня-черного металлического плетения, который переливался, как перья птицы. На его плечах просвечивающийся черный плащ скорее двигался, чем висел. Он был легким и полупрозрачным, как паутина или дым, и двигался с движениями Десолэйна, даже хотя и не казался прикрепленным к телохранителю. Дымчатый плащ почти, но не совсем, скрывал пару изогнутых боевых ножей, убранных в ножны на узкой спине охранника.

Десолэйн был постоянным компаньоном фегата уже шесть месяцев, с тех самых пор, как его доставили на корабль Анарха и после его перемещения на Гереон. Фегат начал думать о телохранителе, как о человеке, насколько этот термин вообще можно было растянуть, но этим утром было особенно сложно игнорировать характерные ксеночерты, в особенности коленные суставы длинных ног Десолэйна были направлены в другую сторону, а ноги заканчивались раздвоенными копытами.

И лицо Десолэйна. Он никогда вообще-то не видел лица Десолэйна, конечно же. Полированная бронзовая маска никогда не снималась. В самом деле, она выглядела так, как будто была приварена. Она плотно сидела на черепе телохранителя, гладкая и невыразительная, за исключением четырех отверстий: две прорези для глаз и два отверстия на лбу, через которые торчали маленькие белые рожки.

Сами глаза, всегда видимые сквозь прорези, были весьма человеческими, бледно-голубыми и яркими, как у молодого сотрудника штаба Гвардии, который когда-то был у фегата под командованием. Такие человеческие, но посаженные слишком низко на лице Десолэйта.

«Желаешь поесть?» спросило оно.

«У меня нет аппетита,» ответил он. Он удивлялся, как Десолэйн ест. На бронзовой маске не было прорези для рта.

«Транскодирование?»

Он пожал плечами.

«Нас предупреждали, что процесс транскодирования может нарушить твоё состояние,» сказал Десолэйн.

Его голос был мягким и лежал в женском диапазоне, из-за которого, решил фегат, он и не может определить точный пол телохранителя. «Нас предупреждали, что это может сделать тебя... больным.

Может мне позвать господина фисики, чтобы он осмотрел тебя? Возможно, может быть изготовлено облегчающее средство.» Он покачал головой. «Нас так же предупреждали, что я не должен употреблять ничего такого, что может повлиять на процесс транскодирования. Я полагаю, что если бы безопасное лекарство существовало, то мне бы его уже предложили.»

Десолэйн кивнул. «Попей, хотя бы.»

«Да. Чашку --»

«Слабый черный чай, с корицей.»

Он улыбнулся. «Ты знаешь меня очень хорошо.»

«Это моя работа, знать тебя, фегат.»

«Ты заботишься обо всех моих потребностях с безупречным приличием. У меня был личный адъютант, который меньше обо мне беспокоился. И я удивляюсь почему.»

«Почему?» спросил Десолэйн.

«Я старший офицер армий вашего заклятого врага, а ты – прости меня, я не полностью понимаю, что ты такое, Десолэйн.»

«Ты – фегат. Ты – аттюраган --»

«Это что-то такое, значение чего я не хочу знать, так?»

«Ты – вражеская кровь, ты – порченная плоть, ты – Вечный Враг, и ты самый избегаемый из тех, кого нужно избегать. Я – племенной воин Анарха, трофейный и приветствуемый, разрешенный и возлюбленный Высших Сил, и ветра Хаоса вдохнули в меня великолепную магию, с помощью которой я получил звание телохранителя, чтобы стоять среди личных хускарлов Анарха. Почти в любом случае моим долгом и выбором было бы обнажить свои клинки кетра и выпотрошить тебя.»

«Почти любой случай?»

«За исключением одного. Мы оказались в этой странной ситуации.»

«И в этом случае?»

«Я обязан заботиться обо всех твоих потребностях с безупречным приличием.»

Фегат улыбнулся. «Это все еще не говорит мне, почему.»

«Потому что мне приказали это делать. Потому что, если ты получишь хоть какой-нибудь вред, или ты пострадаешь на мгновение, Анарх лично накажет меня, церемониально пустит мне кровь и съест мою печень.» Фегат прочистил глотку.
«Хороший ответ.»

«Ты так любишь насмехаться надо мной, не так ли, фегат?» сказал Десолэйн.

«Это единственное удовольствие, которое я получаю в эти дни.»

«Тогда я разрешу это. Еще раз.» Телохранитель пошел к двери. «Я принесу вам чай.»

«Не мог бы ты сначала освободить меня?»

Десолэйн остановился у двери комнаты и повернулся.

«Конечно,» сказала оно, вытаскивая ключи из-под дымчатого плаща и отстегивая обнаженного человека от стальной рамы.

Часом позже Десолэйн вывел его из комнаты и сопровождал вниз по длинной, продуваемой насквозь, лестнице башни. Фегат был одет в простую шерстяную тунику, штаны и тапочки, которые его тюремщики выдавали ему каждое утро.

В длинном подвале, в конце лестницы, где трофеи Хаоса безвольно висели в насыщенном воздухе, фегат автоматически повернулся к боковой комнате для сеанса транскодирования.

«Не сюда,» сказал Десолэйн. «Не сегодня.»

«Никакого транскодирования сегодня?»

«Нет, фегат.»

«Потому что это делает меня больным?»

«Нет, фегат. Сегодня есть другое дело. По приказу Наместника.»

«Что происходит?» спросил он.

Подожли два рогатых лакея, лаз-локи висели на их сутулых плечах. Один нес плащ от непогоды из голубого селпика.

«Это может быть добавлено к твоей одежде,» сказал Десолэйн, забирая плащ и передавая его фегату.

Он надел его. Он почувствовал, как его пульс растет.

Десолэйн повел его наружу во внутренний двор. Громада Бастиона Лектики возвышалась, как скала, позади них. По лающей команде ожидающий эскадрон экскувиров положил оружие на плечи и объявил свою верность Анарху. Один из лакеев поспешил вперед и открыл боковой люк транспорта.

«Куда мы отправляемся?» спросил фегат.

«Просто залезай внутрь,» сказал Десолэйн.

Они ехали около часа, вниз по крутому склону, идущему от бастиона, на магистраль, которая была отремонтирована после обстрела. Эскадрон экскувиров сопровождал их в своих гремящих полугусеничных машинах. Корабли смерти, с толстыми крыльями и покрытые орудийными отсеками, отслеживали их с воздуха.

«Там прием,» сказал Десолэйн, сидя позади на одном из богато украшенных сидений транспорта.

«Прием?»

«На котором требуется ваше присутствие.»

«Мне это должно понравиться?» спросил он.

«Это вряд ли имеет значение,» ответил телохранитель.

Они миновали несколько сожженных городков, через ряды многоквартирных домов рабочих, которых враги Империи обрушили с помощью мелт. Наконец, кавалькада остановилась на дороге массивной дамбы, которая петляла между выступами скалистого хребта. День был холодным и ясным, и водяной пар висел, как туман.

Около трехсот солдат стояли в шеренгах по всей длине дамбы с оружием на плечах. Несколько знамен трепетали на ветру. Выйдя из транспорта и заворачиваясь в плащ для тепла, фегат увидел ожидающую группу сановников. Послы, управляющие, командующие дивизионами, офицеры, летописцы, все со своими телохранителями.

И Наместник Исидор Сек Воплощенный собственной персоной.

«Именем Трона!» выдохнул фегат, когда увидел его.

Солдаты и экскувиторы на расстоянии слышимости посыпали недовольствами и проклятиями, некоторые плевали против дурного предзнаменования.

«Попытайся не говорить так,» сказал Десолэйн.

«Мои извинения. Старые привычки.»

«Сюда.»

Десолэйн повел его к ожидающей группе. Там была какая-то официальная церемония, касающаяся Десолэйна и других телохранителей. Вызовы были озвучены, старинные клятвы и ритуальные оскорбления, обнажение и взмахи оружием.

Исидор ждал, пока представление не закончилось, и затем кивком головы подозвал фегата.

Он встречал Исидора дважды до этого, первый раз по прибытии на Гереон, и затем в ночь до сеанса транскодинга. Исидор Сек Воплощенный был низким, пухлым мужчиной, одетым в длинные черные одежды и серый капюшон. На его бледном, безволосом лице было постоянное выражение презрения. Он был инструментом правительства Анарха на Гереоне.

В нем совершенно не было ничего пугающего, и именно поэтому он вселял ужас в фегата. Этот маленький человек был окружен монстрами – настоящий минотавр почтительно держал черный балдахин над его головой – и огромные Космодесантники Хаоса выражали ему преданность, хотя не было видно никакой видимой подсказки к источнику его силы. Он был всего лишь маленьким человеком под балдахином.

«Добро пожаловать, фегат,» сказал Наместник. Его голос был как острый нож, разрезающий атласную ткань.

«Магир магус,» ответил фегат, как и репетировал, кланяясь.

«Тут есть две персоны, с которыми я хотел бы тебя познакомить,» сказал Наместник. «Ты проведешь с ними много времени в нескольких следующих месяцев.»

«Что, могу ли я спросить, о транскодировании, магир магус?» спросил он.

«Это продолжится. Транскодирование – твоя самая главная программа. Но другие вопросы будут приобретать все большее значение. Иначе, нет никакого смысла оставлять тебя в живых. Встреться с этими персонами.»

«Конечно, магир магус.»

Исидор подал сигнал. Что-то широкое и смутно напоминающее особь женского пола выползло вперед. Она была огромной и раздутой, как объемное изображение Матери Земли, которое лепили древние люди, такой омерзительно толстой, что все черты ее лица исчезли в складках кожи, за исключением широкого рта. Широкополая Фригийская шляпа была у нее на голове, и она была обмотана зелеными и серебристыми лентами ткани, которые хлопали на ветру. Четыре карликовых сервитора, толстые и низкие, держались вокруг нижней части туловища в складках ее платья, чтобы поддерживать ее вес. Два телохранителя в капюшонах, обе женщины,

обе чрезвычайно тощие, шли рядом с ней, в их длинные пальцы были имплантированы сверкающие скальпели.

«Это Идреша Ключ, Главный Этнолог Анарха,» сказал Наместник. «Она будет проводить с тобой интервью в следующие недели.»

«Я...» начал он.

Толстячка заговорила. Варварские звуки вырвались из ее толстого рта, как отрывка.

Мгновенно, ее две телохранительницы стали хором переводить.

«Это – фегат, Исидор? Как интригующе. Он маленький человек. Он совершенно не выглядит, как командир солдат.»

«Я бы хотел сказать, что вы не выглядите, как этнолог,» сказал фегат. «Кроме того, я понятия не имею, что это такое.»

Телохранительницы зашипели и вытянули свои пальцы с лезвиями в его сторону.

«Ой, я допустил ошибку в протоколе?» сухо спросил фегат.

«Выкажи уважение, или я уничтожу тебя,» предупредил его Десолэйн.

«Он съест твою печень...»

«Я рискну. Главный этнолог – значимая персона. Ты будешь проявлять к ней уважение постоянно.»

«Я просто с тобой играю, Десолэйн. По крайней мере, может ли она мне сказать, что такое этнолог?»

«Мой долг – учить все о жизни и культуре врага,» сказали в унисон телохранительницы, когда тварь женского вида прекратила отрывивать звуки.

«Уверен, что так,» сказал фегат.

«Все станет явным,» сказал Наместник. Он кивнул, и вперед вышла вторая фигура. «Это вторая персона, которую, я хочу, чтобы ты приветствовал.»

Человек был воином. Фегат сразу же это понял. С выправкой, широкий, могучий.

На нем была простая куртка из коричневой кожи, солдатская одежда без армейских инсигний и сапоги со стальными носами. Его голова была лысой с глубокими древними шрамами. Ритуальными шрамами. Воин снял перчатку и протянул странно мягкую и розовую руку фегату.

«Я полагаю так один воин приветствует другого в вашей части галактики,» сказал он на резком Низком Готике.

«Мы так же отдаем честь,» сказал фегат, пожимая руку человека.

«Простите меня. Я могу пожать вашу руку, но я не могу отдать вам честь. Это выльется в ненужное поедание печени.»

Фегат улыбнулся. «Я не расслышал вашего имени, сэр,» сказал он.

«Я – Маббон Этогор. Этогор означает почетный.»

«Я знаю,» сказал фегат. «Это звание. У Гвардии чертовски хорошая разведка. Это указывает на звание полковника или его эквивалент.»

«Да, сэр, указывает. Генерал, вообще-то.»

«Это звание Кровавого Пакта.»

Маббон кивнул. «Точно.»

«Но вы предстали передо мной без маски и ваши руки чисты от ритуальных шрамов.» Маббон надел свою перчатку. «Вы достойны большой признательности.»

«Я тоже был генералом, знаете ли.»

«Я знаю.»

«И вы собираетесь поговорить со мной?»

Маббон кивнул.

«Я с нетерпением жду этого, сэр. Интересно, сможем ли мы когда-нибудь исследовать значение слова 'фегат'.»

Маббон посмотрел в сторону. «Если будет нужно, это случится.»

Фегат обернулся к Наместнику.

«Мы закончили?» спросил он.

«Едва ли, фегат,» ответил магир магус. «Девять миров в собственности Анарха испытывают нужду в водных ресурсах. Они иссушены, испытывают жажду. Сегодня, здесь, мы проведем церемонию, которая откроет доступ к ресурсам Гереона, чтобы помочь им. Процесс уже был закончен в четырех областях на планете. Я хотел, чтобы вы увидели этот.»

«Еще одна проверка моей решимости?»

«Конечно, еще одна проверка. Охрана, принесите цилиндр.»

С Десолэйном и минотавром по пятам, Наместник повел их к стене дамбы, откуда открывался вид на широкий резервуар внизу.

«Восемь миллиардов кубических метров свежей воды, возобновляемые за три дневных цикла. Ты знаешь, что такое джехгенеш?»

«Нет, магир магус. Не знаю.»

Исидор улыбнулся. «Дословно, 'пьющий моря'. Довольно точное значение. Это оставляет варп-портал, но кроме того...»

Двое слуг с козлиными головами простучали копытами, поднимаясь на стену, и протянули стеклянный контейнер, в которой плескалось около трех литров зеленой жидкости. В глубине жидкости фегат мог видеть, как что-то извивается.

Исидор Сек Воплощенный взял цилиндр и вручил его фегату. «Не ошибайся насчет его текущего размера. Оно свернулось и спит. Выпустишь его в воду, и оно вырастет. По существу, это огромная глотка. На одном конце, этот водный источник.

Джехгенеш – это зверь варпа. Вода, которая вольется в его глотку, будет протолкнута сквозь священный варп на другой мир. Например, в сухие резервуары Анчисус Боун.»

Фегат взглянул на цилиндр в своих руках. «Это так ты разоряешь?»

«Это один из множества способов.»

«Но из-за этого так много миров, которые мы нашли, были обезвожены?»

Наместник кивнул. «Пьющие заглатывают воду, а так же топливо, прометиум, некоторые газы. Зачем нам захватывать миры, если мы, фактически, не будем использовать их? Я имею ввиду, буквально, использовать их.»

Фегат пожал плечами. «Это имеет смысл. Что я должен сделать?»

«Отверни крышку. Освободи это.»

«И доказать, что я лоялен?»

«Это еще один шаг на пути.»

Фегат медленно отвернул стальную крышку на емкости. Он чувствовал, как варп-тварь внутри вертелась в возбуждении. Крышка откинулась. Там был запах... как сухие кости. Как воздух пустыни.

«Быстро,» сказал Наместник. «Или оно выпьет тебя.» Фегат перевернул емкость, и зеленая вода хлынула в резервуар, вместе с чем-то скользким и скрученным.

«Два дня,» сказал Десолэйн. «Затем оно вырастет.»

«Теперь мне бы хотелось вернуться в бастион,» сказал фегат, отворачиваясь от озера.

ЧЕТЫРЕ

Гаунт открыл глаза. Все еще было рано, и только слабый намек на свет просачивался сквозь лесной полог. В фиолетовом полумраке леса было холодно и сыро, и рассветный туман полз, как дым от орудий.

Они нашли поляну поздно вечером и прилегли поспать, чтобы выкроить несколько часов отдыха.

Гаунт привык к полудреме, скорее медитации, чем настоящему сну, готовый поднять тревогу по незначительному намеку. Он привык к этому за время интенсивных боевых чередований. Иногда настоящий сон избегал его днями или неделями, и он выжил на этих обрывках отдыха.

«Сон с одним открытым глазом,» так любил называть это Колм Корбек.

Были времена, как это – тихие, напряженные перерывы – когда Гаунт очень скучал по Корбеку.

Он осознал, что его пробуждение было инициировано тенью рядом с ним. Гаунт посмотрел вверх. Это был Мквеннер. Худой разведчик стоял так тихо, что казался частью дерева позади него.

«Вен?» прошептал Гаунт.

«Все в порядке, сэр,» ответил Мквеннер. «Но пришло время просыпаться. Время выдвигаться.»

Гаунт поднялся на ноги, его суставы одеревенели и болели. Костер был роскошью, которую они не могли себе позволить.

Неподалеку сгрудились Белтайн, Варл и Ларкин, попивая суп через соломинки саморазогревающихся рационных пакетов. Бростин все еще спал рядом с ними, завернувшись в свой камуфляжный плащ и обхватив руками свою автопушку.

«Разбудите его,» сказал Гаунт Белтайну, и его молодой адъютант кивнул.

Тона Крийд сидела напротив большого, разросшегося корня дерева дальше вверх по склону. Она чистила свой лазган и наблюдала за тремя местными. Они свернулись как дети в подлеске, в глубоком сне. Гаунт взял три пакета с рационом из своего комплекта и дал их Крийд.

«Разбуди их через несколько минут,» сказал он ей, «и дай им это. Удостоверься, что они, как следует, поели.»

«Хорошо,» просто сказала она, не комментируя тот факт, что Гаунт отдает часть из своих драгоценных запасов.

«Ты поспала хоть немного?» спросил он.

Ее руки присоединили части лазгана вместе, вытирая каждую куском ткани. Ей даже не нужно было смотреть на то, что она делает.

«Немного,» призналась она.

«Ночью. Что-нибудь?»

Она покачала головой.

«Это хорошо.» Он сделал паузу. «С ним все будет в порядке. Со всеми ними. Ты же знаешь это, так?»

«Да, сэр.»

«Потому что ты веришь моему слову?»

«Потому что я верю вашему слову, сэр,» сказала она.

Возлюбленным Тоны Крийд был Танитский солдат по имени Каффран. Они оба были великолепными солдатами, среди самых лучших в полку Гаунта. Соревнование за место в этой операции было приятно жестоким. Гаунт был вынужден отвергнуть так много отличных Призраков, которых бы он хотел взять с собой. Как Крийд, так и Каффран легко прошли в финальный отбор. Это был трудный выбор, но Гаунт разрешил пойти или ей или ему, поэтому он предпочел вместо Каффрана взять Фейгора, адъютанта Роуна.

У Крийд и Каффрана было двое детей в полковой свите, беспризорные дети, они были спасены из городских пустошей Улья Вербун. Он не мог и не стал рисковать обоими приемными родителями в миссии, которую Тактический Департамент официально обозначил, как «ЧО» - *чрезвычайно опасная/самоубийственная*.

Гаунт поднялся по склону. Он не мог видеть Мколла или Бонина, но он знал, что они там, невидимые, охраняющие периметр.

Роун и Фейгор сидели с Аной Керт, медиком отряда, в тени большого камня, покрытого мхом. Она делала им уколы инъектором из своего снаряжения.

Технически Керт не было бойцом, но у нее была смелость и она была в форме, и было необходимо, чтобы с ними был медик. Гаунт знал, что ему нужно присматривать за ней, и он попросил Мколла особо следить за ее безопасностью.

Керт добровольно подверглась интенсивной тренировке для миссии, и Гаунт уже был впечатлен дисциплинированностью, которую она показывала. В любом случае она была единственным пригодным выбором для места медика: Дорден, главный

полковой врач, превосходил ее в способностях, но он был слишком старым и – после тяжелых ран, которые он получил на Херодоре почти год назад – слишком морально неустойчивым для операции такого рода.

«Здесь все нормально?» спросил Гаунт, присоединяясь к ним.

«Превосходно,» сказал Мюртан Фейгор. Адъютант Роуна был костлявым мерзавцем, чей голос стал плоским и саркастическим из-за аугметической голосовой коробки, спасибо печальному ранению в горло, которое он получил на Вергхасте. Он был неприятной частью дела, порочный и изворотливый, но в драке он был дьяволом.

Гаунт выбрал его, потому что понял, что его взаимоотношения с Роуном будут лучше, если Роун будет чувствовать, что у него есть закадычный друг, которому можно пожаловаться.

Майор Элим Роун стал вторым после Гаунта после смерти Колма Корбека.

Роун был мрачно красив и смертоносен. Было время, особенно в ранние дни, когда Роун вонзил бы свой серебряный Танитский боевой нож в спину Гаунта при первой возможности.

Некоторые среди Танитцев – абсолютное меньшинство в эти дни, и их становилось все меньше – все еще обвиняли Гаунта в том, что он бросил их родной мир на произвол судьбы. Роун был их вожаком. Ненависть питала его, вела его.

Но они служили вместе большую часть из последних девяти лет. Что-то вроде взаимного уважения выросло между майором и полковником-комиссаром. Гаунт больше не ожидал ножа в спине.

Тем не менее, он все еще не поворачивался спиной к Роуну.

«У Фейгора признаки болотной лихорадки,» сказала Керт, очищая и перезаряжая свой инъектор. «Я хочу сделать всем уколы.»

«Делай,» сказал Гаунт.

«Руку, пожалуйста,» сказала она.

Гаунт закатал рукав. Этого стоило ожидать. Болотная лихорадка была широким и неспецифичным понятием для всех типов инфекций и болезней, которыми страдал личный состав, перемещавшийся из одного мира в другой.

Тело может приспособиться к микроорганизмам планеты, ее пыльце, ее бактериям, а затем переместиться на транспортном корабле и окунуться в слегка другую биосистему. Эти изменения требуют адаптации, и часто простуды, лихорадки, аллергии, или просто усталось и сбой биологических часов наступают из-за перелетов в варпе. Гереон собирался сделать больными их всех. Это была данность. Вероятно, они, в самом деле, должны все заболеть, из-за губительного прикосновения Хаоса, которое запятнало этот мир. Основной работой Керт было отслеживание их здоровья, лечение любых болезней, поддержка их в форме, чтобы довести миссию до конца. Лечение ран и ушибов, которые они могли получить, было полностью вторичным для этого жизненно важного дела.

Она сделала ему укол.

«Теперь ты,» сказал Гаунт.

«Что?»

«Ты присматриваешь за нами, Ана. Я присматриваю за тобой. Хочу посмотреть, как ты дашь себе лекарство до того, как пойдешь к остальным.»

Ана Керт сердито смотрела на него мгновение. Даже сердитое, даже перепачканное грязью, ее лицо в форме сердца было поразительно привлекательным. «Словно я ставлю под угрозу эту операцию не поддерживая свое здоровье,» прошипела она.

«Словно ты отказываешься принять профилактические лекарства, потому что ты решила, что другие нуждаются в них больше, доктор.»

«Словно,» сказала она, и сделала себе укол.

Гаунт встал и потянул Роуна.

«Какой расклад?» тихо спросил Роун.

«Пока я не услышу вескую причину, тот же, что и раньше. Мы воспользуемся нашими контактами, чтобы проникнуть в Инейрон Таун и войдем в контакт с ячейкой сопротивления. Мы должны надеяться, что они смогут дать то, что нам нужно.»

«Ясно,» сказал Роун.

«Ты беспокоишься?»

«Я не доверяю им,» сказал Танитец.

«Как и я. Вот почему я рассказал так мало, как только можно.»

«Но ты сказал Лансон--»

«Ландерсону.»

«Неважно. Ты сказал ему, что освобождение не придет.»

«Сказал.»

Роун снял свою шапочку и провел по своим черным волосам рукой в перчатке. «Они нервные. Все трое. Фесово опасно нервные, если хочешь знать мое мнение.»

«Да, нервные. Я заметил,» сказал Гаунт.

«И еще у них внутри есть штуки.»

«Ты имеешь ввиду импланты? Да, у них есть. Они называют их имаго. Это способ архиврага маркировать население.»

«И отметины на их лицах.»

Гаунт вздохнул. «Роун, я не хочу лгать. Мне это тоже не нравится. Стигматы. Клейма Губительных Сил. Мне делается очень неловко. Но ты должен понять, эти люди – граждане Империи. У них не было выбора. Чтобы оставаться активными, чтобы сохранять сопротивление, им пришлось смешаться.

Они должны были подчиниться властям. Получи клеймо, подыграй.» Роун кивнул. «Все, что я говорю – это меня тревожит. Никогда не встречал никого и ничего с отметиной Хаоса, врезанной в плоть, что не пыталось меня убить.»

Гаунт молчал какое-то мгновение. «Майор, я сомневаюсь, что мы найдем мужчину, женщину или ребенка на этом мире, который не был бы отмечен архиврагом. Это тайная операция, мы ни с чем таким раньше никогда не имели дело. Факт в том, что раньше или позже нам нужно будет довериться некоторым из них. Если не доверять их, то, по крайней мере, работать с ними. Но у тебя хорошая точка зрения. Считаю, что операция под названием Защита начинается прямо сейчас. Приказом будет 'снисхождение'. Скажи Фейгору, Крийд и разведчикам.»

«Тогда хорошо,» сказал Роун.

«Но только по слову, и лучше всего, чтобы его сказал я, ты понял меня? Эти люди, и любые другие, которых мы встретим, должны остаться живы, пока не появится фесово хорошая причина.»

«Я понял тебя.»

«Смотри на меня, когда говоришь это.»

Роун посмотрел в глаза Гаунту. «Я понял тебя, сэр.»

«Давай собираться и выдвигаться. Десять минут. Лично проверь, что Керт сделала всем укол ингибиторов.»

Роун лениво отсалютовал и ушел.

«Я обсуждал вещи со совими людьми,» сказал Ландерсог. Его глаза все еще были опухшими от сна.

«Нам непросто.»

«Нам всем непросто,» сказал Гаунт.

«Вы мне говорили, что хотите, чтобы мы провели вас в Инейрон Таун?»

«Да.»

«И посодействовали в установлении контакта с тамошней ячейкой?»

«Да.»

Ландерсон сделал паузу. «Я бы хотел, чтобы вы пересмотрели это, сэр. Я бы хотел, чтобы вы подумали еще раз.» Гаунт посмотрел на него. «Не уверен, что знаю, что ты имеешь ввиду.»

«Гереону нужно освобождение, сэр. Мы умираем. Я не знаю, какова ваша цель здесь, сэр, но, тем не менее, это не то, что мы хотим или что нам нужно. Я бы хотел, чтобы вы пересмотрели свое задание, возможно даже отказались, если нужно. Я бы хотел, чтобы вы установили контакт с вашими войсками и скоординировали полное контрвторжение.»

«Я знаю, что хотел бы,» сказал Гаунт. «Мы прошли через это. Прошлой ночью я думал, что ты понял --»

Ландерсон залез в свою поношенную куртку и вытащил конверт. «Я уполномочен дать вам это, сэр.»

«Что это?» спросил Гаунт.

«Стимул, сэр. Стимул, чтобы заставить вас помочь нам так, как нам нужна помощь. Прямо сейчас.» Гаунт открыл конверт. Там было двадцать нарисованных от руки бумажных купюр, каждая нотариально заверена и предполагающая к выдаче сто тысяч крон. Деньги войны. Обязательства (бонды), которые обещали быть выплаченными держателю полную стоимость, как только Имперский закон и денежная система будут восстановлены.

Гаунт положил купюры обратно в конверт.

«Я не буду ни секунды характеризовать это, как взятку, Ландерсон. Я знаю, что мы говорим не в этих понятиях. Но я не могу принять это. И тому есть три причины. Первая: у меня нет никакой возможности отступить сейчас или связаться со своими командирами. Я не могу ничего координировать. Вторая: даже если бы я мог, нечего координировать. Прямо сейчас у моего лорда генерала, которому я имею честь служить, нет ни причин, ни человеческих ресурсов, чтобы организовать такую массовую операцию, о которой вы говорите. Не будет никакого освобождения, потому что нет никаких освободителей. Третья – и эту я хочу, чтобы вы по-настоящему поняли – мое дело здесь гораздо важнее, чем освобождение. Гораздо важнее, мне больно это говорить, чем жизни каждого гражданина, поработанного

на этом мире. И успех или неудача этого дела.» Гаунт отдал конверт Ландерсону. Ландерсон выглядел так, как будто ему дали пощечину.

«Убери их, и давай больше об этом не говорить. А теперь, я бы хотел, чтобы ты провел мою команду в город и привел к своему лидеру ячейки.»

В нескольких метрах в стороне, в тени дерева, Фейгор бросил взгляд на Бростина.

«Видел это?» прошептал он.

Бростин кивнул.

«Я имею ввиду, бонды?»

Бростин снова кивнул. «Я не слепой, Мюрт.»

«Ты видел, от скольких он только что отказался?»

«Очень много,» тихо сказал Бростин.

«Фес да! Очень много.»

Бростин пожал плечами. «И что?»

Фейгор посмотрел на конверт, который Ландерсон засовывал в куртку.

«Просто говорю, и все,» пробормотал он.

Туманный солнечный свет наполнил воздух. Сквозь туман они дошли вдоль границ леса ко рвам и каналам пастбищ Шэдоутонленда. День казался мрачным.

Родительская звезда Гереона была горячей и белой, но атмосфера была загрязнена пеплом и твердыми частицами, и приглушала чистый свет до тусклого янтаря.

Ландерсон сказал Гаунту, что город был в двух часах пути по дороге, но дороги не были вариантом. Он упомянул патрули, и другие опасности, о которых, Гаунт сделал мысленную заметку, надо опросить Ландерсона при удобном случае. Поэтому они придерживались каналов и заросших дамб на сельскохозяйственной местности. Их передвижение было медленным, потому что рвы были забиты сорняками. Здесь тоже притаились ужасы, в вонючей скользкой тине. Паразиты, снова в изобилии, и дико роящиеся насекомые. Два раза они были вынуждены повернуть назад и найти

другой путь из-за того, что ров впереди был блокирован жужжащей массой насекомых, свешивающаяся растительность склонилась под весом сияющих, влажных тел. Для фермеров в этом регионе было распространено использовать энтомологические методы. Специально выращенные и гибридизированные рои использовались сезонно, чтобы опылять системы полей. Неуправляемые после вторжения, эти рои теперь совершенно одичали.

Были и другие ужасы. Обглоданные крысами черепа покачивались в запрудах, пожелтевшие кости торчали из трясины. Жертв войны сбрасывали сюда, или беженцы искали здесь убежища и медленно умирали от голода, пока прятались от патрулей.

Они шли три часа, в виртуальной тишине, за исключением редких указаний словами или жестами. Туман начал исчезать, когда дневная температура поднялась, но небо над головой, мелькающее сквозь свисающие сорняки и ежевику, медленно превратилось в сухой пласт желтых и охряных облаков, как рифленые пески открытой пустыни. Это было так, как будто прикосновение Хаоса заставило атмосферу свернуться, как кровь, и окаменеть.

Мколл поднял руку, и все замерли. Минутная пауза.

Он обернулся к Гаунту.

«Вы это слышали?»

Гаунт покачал головой.

«Какой-то горн. Неблизко, но ясно.»

«Это город,» прошептал Ландерсон. «Карникс оповещает о переходе от дневной смены к ночной. Мы близко. Около километра.»

Они шли еще десять минут, по чрезвычайно темному и заросшему заболоченному рву. Затем Мколл опять подал сигнал, в этот раз добавив жест, который заставил их пригнуться.

Все присели на корточки, Белтайн потянул вниз Лефивра, который, казалось, туго соображал.

Мколл, тень в сумраке, подал сигнал Гаунту и указал на Бонина. Гаунт жестом показал согласие.

Два разведчика ускользнули от группы.

Они ждали пять минут. Шесть. Семь. Гаунту показалось, что он услышал звук двигателя проезжающего автомобиля.

Затем он услышал два легких удара по воксу.

Гаунт медленно повел группу вперед. Их сапоги застревали в засасывающем черном перегное, и было тяжело идти, не хлюпая водой. Ландерсон и его товарищи казались особенно неумелыми.

Гаунт увидел взгляд Роуна. Он покачал головой.

Мколл и Бонин ждали их в конце канала, где он выходил в заросшее болото, какой-то загон для скота или фермерский двор. Разбитые, ободранные формы четырех больших силосных башен были перед ними, увешанные ползучим плющом и яркими цветами. Позади силосных башен вдоль дороги стояли деревья.

«Здесь был патруль,» прошептал Мколл. «Но он уже ушел.»

«Давай уйдем из поля зрения,» сказал Гаунт, и они поспешили перебраться через хлюпающее болотце в ближайшую башню. Там было темно и пыльно, с ядовитым запахом брожения. Запасы зерна, сваленные в кучу у стены, сгнили, и все пытались игнорировать извивающихся в массе долгоносиков. Мколл отправил Мквеннера и Бонина наружу, чтобы прикрыть подход, и Ларкина на зерновую кучу, чтобы он занял огневую позицию в открытой щели подающего желоба.

«Ты знаешь, где мы?» спросил Ландерсона Гаунт.

«Сельхозугодия Парцельсона. К западу от города. То место, где я должен покинуть вас.»

«Что, простите?!»

«Вы хотите, чтобы я свел вас? Тогда я должен добраться до города и сделать приготовления. Вы останетесь здесь и --»

«Нет, не останемся,» решительно сказал Гаунт.

Ландерсон разочарованно бросил взгляд в сторону. «Вы хотите моей помощи или нет?»

«Было бы неплохо.»

«Тогда слушайте меня. Я не могу привести дюжину людей в Инейрон не имея места, где спрятать их с другой стороны. Это так не работает. Мне нужно незаметно пройти туда, войти в контакт, и затем привести туда вас.»

Гаунт обдумал это. «Отлично, но ты не пойдешь один. Мколл и я пойдём с тобой.» Что-то во взгляде Гаунта заставило Ландерсона понять, что переговоры исключены.

«Хорошо,» вздохнул он.

«Сколько это займет?»

«Завтра мы должны вернуться. Приготовления требуют времени. Все надо будет проверить. Помните, вы просили меня установить контакт с людьми, которые не хотят, чтобы их нашли.» Гаунт кивнул. Он подозвал Мколла и Роуна и отвел в сторону. «Я иду с Ландерсоном, чтобы установить связь. Мколл, ты со мной. Роун, ты командуешь здесь.

Смотри, чтобы все вели себя тихо и сдержанно. Уходите, если только придется.»

«Понял.»

«Парни Ландерсона под твоим наблюдением. Если они не будут все еще дышать к тому времени, как я вернусь, тебе лучше иметь фесово хорошую причину для этого, подтвержденную Мквеннером и Керт.»

«Понял,» сказал Роун.

«Если завтра к этому времени мы не вернемся, считай нас мертвыми и уходи. Тогда задание будет на тебе.»

«Роун. Не ищи нас. Уходи, и уходи быстро, попытайся сам установить контакт. Я предлагаю тебе использовать людей Ландерсона, чтобы добраться до другого

города, и попробовать что-то другое. Если Мколл и я не вернемся, Инейрон, возможно, тупик.» Роун кивнул. «Пароли?» спросил он.

«Положительный... 'Серебро'. Отрицательный... как насчет 'Брагг'?»

«Подойдет.»

«Иди, скажи остальным,» сказал Гаунт, и Роун ушел.

«Сэр --» начал Мколл.

«Оставь это, старый друг,» улыбнулся Гаунт.

«Что оставить? Вы не знаете, что я собирался сказать.»

«Ты хотел сказать мне, что это работа для разведчиков, и что я должен остаться здесь.» Мколл почти ухмыльнулся. Он кивнул.

«Это необычный порядок вещей,» сказал Гаунт. «Мы все на переднем крае. Так?»

«Сэр.»

«Разве что у тебя есть некоторые опасения по поводу моих способностей?»

«Никак нет, полковник-комиссар. Но, если это тайное проникновение, я главный. Оставьте снаряжение. Возьмите самый минимум. И поменяйте один из своих болт-пистолетов на автоматический, который я вам дал.»

«Согласен,» сказал Гаунт.

Гаунт снял свой ранец и залез внутрь, перекладывая несколько важнейших вещей в карманы своей униформы. Он вытащил один из болт-пистолетов из кобуры и положил его, вместе с половиной боеприпасов, в ранец. Затем он отдал ранец Белтайну на хранение.

За исключением Ларкина, никто из команды не был вооружен своим обычным оружием. Обычно Призраки Танита несли лазганы МК III, с ложами из твердого налового дерева, стандартный лазпистолет и серебряный боевой нож. Для этой миссии было решено, что им нужно что-то более легкое и компактное. Они сменили свои винтовки на модифицированные версии так называемого «Гак» образца: МК III с

проволочной ложей, выданные Вергхастцам в полку. Проволочные ложки делали оружие легче, и могли быть сложены, чтобы сделать их значительно короче. Специальные модификации имели так же укороченное дуло, усиленный ствол и увеличенную емкость энергетической обоймы. Это было оружие повстанцев, подготовленное для диверсионного отряда, с мощностью и дальностью стрельбы стандартного лазгана, но почти на треть короче. У Призраков остались их фирменные боевые ножи, конечно же, но лазпистолеты также были заменены в пользу компактных автоматических пистолетов. Эти пистолеты уступали в останавливающей мощности лазерному оружию, но лазерное оружие было тяжело сделать тихим, и невозможно было подавлять вспышку. У каждого автоматического пистолета был толстый цилиндрический глушитель, прикрученный к дулу.

Гаунт проверил крепление глушителя на своем пистолете, положил четыре обоймы в карман мундира, и затем вставил оружие в регулируемую кобуру, из которой достал болтер.

Осталось решить, что делать с последней вещью: длинным, плоским предметом, завернутым в камуфляжную ткань, который Гаунт привязал между лопаток. С неохотой, он снял это и вручил своему адъютанту.

«Присмотри за этим,» сказал он Белтайну.

«Несомненно, присмотрю, сэр»

«Если я не вернусь, отдай это Роуну.»

«Да, сэр.»

Гаунт, Мколл и Ландерсон покинули силосную башню, и пошли вдоль изрытой колеями дороги, примыкавшей к кромке деревьев, на запад, через заросли и молодые деревца, которые пышно цвели вдоль дороги. Было жарко и пыльно, и солнечный свет был странного извращенного качества, которое не устраивало Гаунта. За свою карьеру он был на многих мирах, некоторые были Имперскими, некоторые дикими, некоторых коснулся архивраг человечества. Но он никогда не был на мире, полностью под властью архиврага. Это было более горестным, чем любая боевая зона, любое поле битвы или обстреливаемая равнина. Более горестным, чем преисподняя Балгаута или Вергхаста, или Фортиса.

Здесь он подозревал все. Грязь на пути, голодных птиц в тихих деревьях, дикие цветы, сверкающие у обочины дороги. Он заметил по пути, что живые изгороди и молодая поросль были коричневыми и умирающими, уничтоженные атмосферной пылью. Он заметил дрожащий скот, покрытый гнойниками, на свободных полях. Извивающиеся паразиты в каждом водостоке и каждой канаве. Сам дух этого места.

Геренон не был миром, которому можно было доверять. Это не был мир, откуда Хаос можно было вытеснить или отбросить. Хаос завладел каждым его клочком.

И сколько пройдет времени, размышлял Гаунт, до того, как он завладеет им и его людьми? Он прочитал свои копии Рейвенора, Чевака, *Уговоры Руки*. Он прочитал пару дюжин научных трудов из Ордосов Инквизиции, которые рекомендовал Комиссариат. Хаос всегда разлагал. Факт. Он заражал. Он пятнал. Он просачивался и портил даже наиболее крепких и внимательных. Это было повсеместной опасностью на поле битвы. Но здесь... в этом мире, который по любым оценкам был миром Хаоса... сколько времени это займет?

Перед высадкой Гаунт разговаривал с Тактиком Байотой, человеком, которому он доверял. Байота подсчитал – проконсультировавшись с Ордо Маллеус – что у людей Гаунта есть около месяца.

После этого не важно, что они ощущали или думали о себе, они, скорее всего, будут развращены до спасения.

Эта мысль заставила Гаунта опять задуматься о Жероме Ландерсоне.

Они вжимались в заросли возле дороги, когда приближался транспорт. Моторизованные транспорты, с ревом направляющиеся в город. Патруль экскувиров, который заставил их прятаться в вонючей канаве пятнадцать минут. Конвой торговцев, и колонна прицепов с высокими бортами, нагруженных зерном, которые тянули пыхтящие тракторы.

«Витталеры,» сказал о последних Ландерсон. «Съестные припасы из центральной части страны. Они поддерживают выращивание растений там, потому что землю легко обрабатывать. Зерно необходимо для столовых. Работающее население надо кормить.»

Инейрон Таун теперь лежал перед ними, шаблонные жилые дома и заброшенные мельницы, башни, разрушенные дымовые трубы и спиральные храмы, которые, Гаунт знал не спрашивая, были осквернены и перепосвящены божественным тварям, чьи, даже очень тихо пробормоченные, имена заставили бы его рыдать.

Они вышли к западным палисадникам, возвышающейся защитной стене, которая окружала западную окраину города. Там было двое врат, хорошо охраняемые, с доступом к ним посредством металлических мостов, которые нависали над глубоким темным рвом в нижней части стены. В укрытии, в выщелоченном подлеске, Гаунт вытащил прицел и поводил им по окружающей местности. Палисадник был цельным, но в плохом состоянии, залатанный после вторжения.

Отряды экскувиторов охраняли ворота. На боевых платформах самой стены, он смог разглядеть солдат оккупационных сил, сверкающих в мервом свете, как жуки, когда утомленное солнце ловило их полированную, облегающую зеленую боевую броню.

По ту сторону стены, внутри города, он видел далекие заводы, выбрасывающие черный дым в воздух.

«Что это?» спросил он.

«Мясоперерабатывающие заводы,» ответил Ландерсон.

«Где они -- ?»

«Да, сэр.»

«Точно,» сказал Гаунт и убрал прицел. «Как мы попадем внутрь?»

«Так же, как я выбрался,» сказал Ландерсон. «Витталеры.»

Ландерсон и его товарищи залезли в пустой прицеп прошлой ночью. Теперь они должны были спрятаться в груженный.

Экскувиторы помогли им. У ворот, мрачные охранники тщательно проверяли документы, стигматы и имаго, и длинный транспортный конвой с высокими бортами стоял в ожидании, тракторы пыхтели. Мколл повел их к дороге и, проверив ее в обоих направлениях, поторопил добраться до последнего прицепа. Он залезли по откидному борту и спрыгнули на кучу зерна.

«Заройтесь!» резко сказал Мколл, и они закопались в зерно, набрасывая его себе на спины руками.

Транспорт начал катиться вперед, трактор-тягач пыхтел. Еще одна остановка. Паршипел.

Еще проверки впереди. Затем они снова поехали, и тень от проема ворот упала на них.

Задыхаясь в зерне, Гаунт пристально вслушивался. Оклик, обмен голосами. Булькающий скрежет голосов экскуваторов. Вопросы.

Затем грохот цепей и сопение гончих.

Больше приказов, крики.

Они обыскивают транспорт, понял Гаунт. Они ищут запахи. Гончие.

Его рука обхватила рукоятку автопистолета в кобуре, и он снял его с предохранителя. Теперь в его ноздрях была шелуха от зерен. Он чувствовал, как растет желание чихнуть.

Гаунт зажал рот. Его горло сжималось от давления. Его глаза слезились. Он старался не дышать. Пыль щекотала его гортань.

Прокричали приказ. Внезапный толчок. Они снова двигались.

Пыхтение трактора была таким громким, что Гаунт решился чихнуть. Среди зерна Мколл поднял голову и взглянул на него.

Они пробрались. Фес, они пробрались!

Ландерсон уже вставал на ноги, зерно сыпалось с него, как песок в стакан.

«Ты что делаешь?» прошипел Мколл. «Ложись, фес тебя!»

«Нет времени!» сказал Ландерсон. «Поверь мне, мы не можем ждать до того, как заедем на рынок. Там есть только одна часть крыши, достаточно низкая, чтобы на нее забраться, и она быстро приближается!» Они поднялись и встали с левой

стороны прицепа. Внизу с грохотом проносились узкие улицы. Гаунт посмотрел назад. На палисаднике была видна охрана... смотрящая в другую сторону.

«Где?» спросил Мколл.

«Вон! Быстро! Подъезжаем!» настаивал Ландерсон. Он указал рукой. Низкая секция крыши, на два метра ниже, чем борт прицепа, плохо покрытая черепицей.

«Там! Это или ничего другого!»

Они перелезли через край прицепа, схватившись руками за кромку. Улица, в пяти метрах внизу, стремительно проносилась. Определенно, смерть от переломов: ошибка в прыжке, скользящее падение на водосточный желоб...

«Сейчас!» крикнул Ландерсон.

Они прыгнули.

Было почти приятно. Янтарный солнечный свет нагрел почву, и облака сонных насекомых жужжали вокруг силосных башен.

Роун соскользнул вниз, проверив Ларкина. Варл, сидящий в углу, посмотрел на него.

«Как думаешь, что они делают?» спросил он.

Роун пожал плечами.

Мколл нащупал рукоятку и схватился за нее. Удар почти выбил из него дух. Старая черепица прогнулась и ломалась под кончиками его пальцев. Он воткнул свой нож и получил хорошую точку опоры. Он посмотрел назад.

Гаунт приземлился хорошо. Ландерсон поскользнулся и скользил вниз по низкой крыше, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Гаунт воткнул свой нож, и бросил свой плащ Ландерсону. Гаунт и Мколл затащили Ландерсона. «Благодарю,» задыхаясь сказал он.

«Как мы попадем внутрь?»

«Дыра на дальней стороне.»

Здание было старой схой для младших классов. Они прыгнули в темное помещение, и прошли мимо небольших парт и алфавита на стене. Гаунт на мгновение остановился и уставился на разбросанные крошечные деревянные кубики и забытые куклы.

Ландерсон вел их к заднему выходу, в темный переулок, который вел вдоль ряда низких жилых домов и арендного жилья. Грязная вода журчала в сточной канаве.

«Куда?» прошептал Гаунт.

«Просто замолчите и следуйте за мной,» ответил Ландерсон.

Они шли за ним сквозь мрачные пустые парковки и под неровными деревянными лесами, которые были установлены, чтобы укрепить покосившуюся стену завода.

На углу старого здания они бросились в укрытие и ждали, пока Мколл не сказал, что все чисто.

Затем они перебежали через вымощенную широкую дорогу и сбежали вниз по каменным ступеням рядом с общественным водопроводом.

Воздух был сырым. Ландерсон вел их сквозь тусклые голубые тени, пока не подошел забору из металлической сетки.

«Мы в тупике,» начал говорить Гаунт. Ландерсон покачал головой, и снял свой плащ, обмотав его вокруг рук так, чтобы можно было схватить колючую проволоку, вплетенную в забор, не порезав ладони. Он напрягся и поднял секцию забора.

«Внутрь. Быстрее!» рявкнул он, и Мколл с Гаунтом, нагнувшись, пролезли. Ландерсон последовал за ними и поставил секцию назад. Он надел обратно свой плащ. На нем было много свежих разрывов.

Он подозвал их. Они побежали трусцой по мостовой, с обеих сторон окруженные оштукатуренными стенами публичных зданий, и затем через небольшой двор, где стоял заброшенный высохший фонтан. Налево, еще один переулок, и затем вверх по потертым каменным ступеням на следующую улицу.

Мколл зашипел, чтобы они отступили назад.

Они прижались к покрытой мхом стене и видели, как мимо, цокая стальными сапогами, пробежал патруль экскувиторов.

Мколл убрал свой пистолет с глушителем и кивнул им.

«Нам нужно перейти здесь на другую сторону,» сказал Ландерсон.

Мколл кивнул и осторожно выглянул за угол. Соседняя улица, вымощенная булыжником и затемненная, была пуста.

«Пошли!» сказал Мколл.

Они рванули через улицу в смежный переулок. В десяти метрах от начала переулочка была дверь из прочного дерева, выкрашенная в красный цвет.

Ландерсон махнул Призракам отойти. Он стукнул один раз.

Открылась щель.

«Что с Гереоном?» спросил голос изнутри.

«Гереон жив,» ответил Ландерсон.

«Даже хотя он умирает,» ответил голос.

Ландерсон внезапно застыл и отвернулся от двери. Он начал идти назад к Гаунту и Мколлу.

«В чем дело?» спросил Гаунт.

«Двигайтесь. Двигайтесь,» настойчиво прошептал Ландерсон. «Тут небезопасно.» Они начали поспешно уходить.

Красная дверь открылась, и из нее вышел экскувитор с поднятым для стрельбы лазером.

Мколл крутанулся, упал на одно колено и сделал три выстрела из автопистолета с глушителем. Звук был *пф! пф! пф!*

Экскувитора отшвырнуло назад, как будто его дернули веревкой.

«Бежим!» сказал Мколл.

ПЯТЬ

Гаунт начал бежать, но услышал, как оружие Мколл снова плюется. Он посмотрел назад. Еще один экскувитор неуклюже вывалился из красной двери, его лаз-лок загрохотал по каменным плитам.

«Идем!» крикнул Гаунт.

Мколл побежал к ним. Ландерсон уже направлялся к боковой улице.

«Куда?» прошипел Гаунт.

«Туда...» начал Ландерсон. Он быстро замолчал. Они услышали скрипучий грохот гусениц транспорта, и полугусеничная машина появилась в конце улицы. Выпрыгнули темные фигуры, развевались длинные плащи. Гаунт слышал вызовы, выкрикиваемые сквозь аугметические голосовые коробки.

Они сразу же развернулись, но с улицы, которую они только что покинули, появились три экскувитора.

Гаунт выхватил свой автопистолет. Мколл уже стрелял.

Один экскувитор опрокинулся, речевая коробка взорвалась струей искр и синтезированного крика. Автопистолет Гаунта брыкался, когда Гаунт произвел три приглушенных выстрела сквозь бедро и ребра второго, проделывая дыры в сером чешуйчатм бронированном плаще и забрызгивая стену позади кровью. Третий уже приготовился стрелять из своего богато украшенного оружия, но Мколл врезался в него и подмял под себя на мостовой. Глушитель автопистолета Мколл уперся в грудь экскувитора, и тот был казнен двумя выстрелами до того, как смог бы подняться.

Затем все трое начали бежать по улице от полугусеничной машины и приближающегося патруля. Ландерсон показывал путь, автомат глухо ударял по его бедру. Гаунт и Мколл следовали за ним. Гаунт предположил, что у Ландерсона есть какой-то план, который основан на знании местности.

Затем он подумал, что, может быть, тот просто спасается бегством в слепой панике.

Он услышал выстрел. Короткое *зз-фух* выстрела лаз-лока. Выстрел выбил кусочки камня и кирпича из стены. Гаунт мельком глянул назад. Банда экскувиторов быстро приближалась. Они выглядели, как фигуры из ночного кошмара: их бронированные плащи вздымались позади них, их абсурдно длинные, тонкие ноги несли их большими, безудержными шагами. Гаунт произвел пару выстрелов в их направлении, и затем врезался в Мколла и Ландерсона.

Улица выходила на широкий двор с высокими каменными колоннадами вдоль одной стороны. На дальнем конце двора проход на примыкающую улицу был заблокирован потрепанным военным транспортером.

Экскувиторы выстроились в линию перед ним с оружием наизготовку.

«Фес!» крикнул Гаунт. Трое мужчин резко рванули к плохому укрытию колоннады, когда лаз-локи начали стрелять. Энергетические выстрелы ударяли по старым колоннам или пролетали между ними и взрывались на внутренней стене коллонады. Мколл прижался спиной к колонне, а Ландерсон на четвереньках полз в укрытие. Гаунт присел позади другой каменной колонны. Его ноздри горели от паленого камня и пыли. Выстрелы лаз-локов звучали, как удары кнутов. Их прижали, и через секунду их обойдут с фланга. Всего через секунду пеший патруль обойдет их сбоку, с чистой линией огня за затененной колоннадой.

Гаунт прижался спиной к колонне, его кожаная куртка оцарапалась о грубый камень. Он вытащил свой болт-пистолет, и, таким образом, теперь у него было оружие в каждой руке.

«Я прикрою нам спины! Взять их!» крикнул он.

Ландерсон слышал выкрик. Он все еще стоял на четвереньках, пряча голову от огня лаз-локов. Что, во имя Трона, Гаунт имел ввиду под «взять их»? Их было всего трое, зажатые в углу, как крысы, а экскувиторы были везде.

«Используй это фесово оружие!» прикрикнул на него Мколл. Разведчик убрал в кобуру пистолет и снял лазган с плеча. Он даже не озаботился, чтобы развернуть приклад. Он высунулся из-за колонны и послал очередь лазерного огня. Шеренга

экскуваторов у транспорта на дальнем конце двора врассыпную кинулась в укрытие. Мколл, при виде этого, тихо рассмеялся и снова обстрелял их, срезав двух шквалом обжигающих зарядов.

«Ну, давай!» крикнул он.

Ландерсон с усилием встал на колени и открыл огонь из ручного пулемета. Выстрелы, вылетающие из дула с глушителем, звучали, как влажные поцелуи. Он увидел, как ряд грубых металлических дырок врезался в борт транспорта и поднял прицел, сбивая с ног экскуватора позади грузовика.

Патруль вбежал в зону видимости, крича. Гаунт сделал шаг из своего укрытия позади колонны и открыл огонь из обоих пистолетов. Первые три фигуры дернулись и упали на спину. Обойма автопистолета опустела, Гаунт уверенно нацелил свой болт-пистолет и произвел еще четыре громких выстрела. Еще одна темная фигура сильно согнулась, как будто ее ударила кувалда.

Гаунт снова пригнулся позади колонны, перезаряжаясь. Заряды лаз-локов визжали дальше по колоннаде.

Позади него.

Он слышал яростный треск лазгана Мколла и плевки старого нарезного оружия бойца сопротивления.

Гаунт выглянул слева от колонны и выстрелил из болт-пистолета, а затем резко отпрянул назад, когда лаз-локи ему ответили, прежде чем выскочить справа и выстрелить из автопистолета. Пули ударили экскуватора в лицо и лоб, и опрокинули его на спину. Затем он снова высунулся с левой стороны, и выпустил болт из болт-пистолета, который разнес грудь другого экскуватора, который пытался пробежать к колоннаде.

«Бежим,» услышал он крик Мколла. Воздух вокруг колоннады был тяжелым от пыли и дыма. Гаунт послал несколько последних ярких вспышек в плену и повернулся, чтобы побежать за своим старшим разведчиком.

Мколл и Ландерсон покинули укрытие, стреляя от бедра, пока бежали через двор. Их огонь на подавление заставил второй отряд экскуваторов укрыться позади стен и куч

мусора и кирпичной кладки. Гаунт нагнал Ландерсона. Мколл заметил дощатую дверь на дальней стене двора. Он добежал до нее, яростно ударил ногой несколько раз, пока она не разлетелась, и затем встал на колено, чтобы залить лазерным огнем двор, пока Ландерсон и Гаунт забежали в зияющий дверной проем. Как только они были внутри, он выпустил последнюю очередь и устремился за ними.

Это был какой-то склад, неосвещенный, за исключением косого солнечного света, пробивавшегося сквозь дыры в черепичной крыше. Старая мебель была свалена возле стен. Гаунт шел первым с Ландерсоном по пятам. Мколл остановился в дверном проеме и вытащил трубчатый заряд. Он воткнул его с одной стороны разбитой двери, привязал длинную мононить к ленте детонатора, и протянул почти невидимую нить на высоте голени, привязав ее к дверной петле на другой стороне.

Затем он поспешил за Гаунтом.

«Знаешь это место?» прошептал Гаунт Ландерсону. Они могли слышать снаружи гортанные крики и случайный выстрел, когда безжалостный патруль перегруппировывался.

«Бункеры Тиллэйдж Стрит. Они ведут в заводской квартал.» Ландерсон всматривался в темноту. «Идем туда. Нам нужно выйти на южной стороне Рубенды.» Голос Ландерсона звучал немного безумно, и у Гаунта было чувство, что это не только от забав и игр, которые они только что пережили.

«Куда мы направляемся --» начал он.

«Заткнитесь. Пожалуйста,» сказал Ландерсон. «Это очень плохо. Очень плохо. Прямо сейчас нам ничего не нужно делать, кроме как найти место, где спрятаться.»

«Конечно,» сказал Гаунт.

«Вы не понимаете,» сказал Ландерсон.

«Что это за фес?» сказал Мколл позади них. Они замерли, прислушиваясь. Они все еще могли слышать шум от экскуваторов во дворе снаружи, но теперь там было что-то еще. Дули горны, скрипуче и неприятно. И позади них, шелест, как поднимающийся ветер. Стон, который угрожал стать воем.

«Это слышу только я, или это звук, который никто не хочет слышать?» прошептал Мколл.

«Проволочные волки,» сказал Ландерсон. «Ох, Трон. Мы разбудили все это место.»

«Что за --» начал спрашивать Гаунт, и остановился. Он не хотел знать. «Твое решение, Ландерсон. Место, чтобы спрятаться, ты сказал.»

«Сделаю все, что смогу,» сказал Ландерсон.

Они нашли дверь на южной стороне склада, отодвинув разбитые столы в сторону, чтобы добраться до нее. Она выходила на грязный переулок, по которому текли нечистоты из разбитой канализации. Стон в воздухе уже превратился в вой. Пронзительный.

Мколл снова повесил на плечо лазган и шел впереди с поднятым пистолетом с глушителем.

Позади, на складе, они слышали глухой, отражающийся от стен взрыв, и большое количество аугметических воплей. Голень экскувитора задела ловушку Мколла.

Они пошлепали прочь по грязи. На прилегающей улице мимо прогромыхали транспорты, их плохо обслуживаемые двигатели кашляли. Более пронзительный вой разрезал сырой воздух. Гаунт чувствовал, как его кожу покалывает. Он ощущал, как дьявольская магия распространяется по ветру.

Мколл указал пистолетом на темный переулок слева от них.

«Нет,» сказал Ландерсон, не прекращая идти. «Это тупик. Сюда.» Они повернули направо на крутую мощеную улицу, а затем Ландерсон сразу же резко свернул налево на скрытую аллею между двумя домами, огороженными заборами. Аллея вела к огороженным стенами заросшим садам позади ряда домов. Только здесь Ландерсон пошел помедленнее.

«Откуда ты узнал?» спросил Гаунт.

Ландерсон кивком головы поманил Призраков за собой. Они пошли по заросшей сорняком дорожке позади ряда разбитых теплиц и хибар земледельцев, во двор, заваленный мешками, наполненными нитратными удобрениями.

«Откуда ты узнал?» повторил Гаунт. «Что там, за красной дверью.»

«Они дали неправильный ответ. Предупреждение. Должно быть, экскувиторы держали их на мушке.»

«Они знали, что ты придешь,» сказал Мколл.

«Они знали, что кто-то придет. Тот дом был ключевой точкой для контакта. Нам нужно использовать другую. Если конечно остались какие-нибудь, которые они не нашли.» Ландерсон отодвинул брус на гниющей деревянной двери мастерской, и они вошли внутрь. Там было грязно и заполнено хламом и частями машин.

«Что здесь?» сказал Гаунт.

«Ничего. Это проход. Нам нужно держаться подальше от улиц.» Ландерсон повел их к дальнему концу мастерской и убрал в сторону несколько старых банок с краской и листов гипсокартона, чтобы отодвинуть в сторону секцию досчатой стены. Пыль, которую он поднял, закружилась в лучах тусклого света, пробивающегося из окон, и сделала галактику из пылинок.

Они, пригнувшись, вошли в каменный сарай, который, судя по пятнам прометиума на полу, использовался совсем недавно, как автомобильный гараж. Ландерсон проверил дверь на улицу.

Снаружи звук воя возрос до предела. Воздух был заряжен. Гаунт чувствовал тошноту. В углу сарая, на деревянной паллете, лежал старый двигатель.

«Помогите мне с этим,» сказал Ландерсон. С помощью Мколла, Ландерсон сдвинул паллету, и открылся доступ к люку в полу. Он дернул его, чтобы открыть, и спустился вниз, в темноту.

Мколл и Гаунт последовали за ним. Ландерсон закрыл люк, потянув веревку, и они погрузились в темноту. Мколл зажег свой фонарик. Освещая им путь, они прошли по ряду подвалов.

Кирпичные стены были мягкими и покрытыми плесенью. Наросты черных грибов торчали из известкового раствора.

Насекомые разбегались от луча света.

Они дошли до сырой лестницы, и направились вниз, в тесный туннель, который был по колено заполнен холодной, ядовитой водой. Ландерсон, шлепавший впереди, обнаружил ряд железных перекладин, прикрепленных к каменной кладке туннеля. Они забрались по ним в сухой, сводчатый погреб, где потолок был таким низким, что они не могли стоять прямо. В свете фонарика Мколл Гаунт разглядел кучу старых ящиков с оборудованием и мешки с сушеными продуктами, сваленные у стены.

«Где мы?» спросил он.

«Подвал мельницы Инейрона. Одно из убежищ, которым пользуется ячейка сопротивления.»

«Мы здесь в безопасности?» спросил Гаунт.

Ландерсон рассмеялся. «Конечно, нет. Но тут безопаснее, чем в других местах. Безопаснее, чем на улицах. Молись своему Императору, чтобы тут было достаточно безопасно.»

«Император защищает,» прошептал Мколл.

«Он и твой Император тоже,» сказал Гаунт.

«Что?»

«Молись своему Императору, сказал ты. Как будто он не был твоим.»

Ландерсон пожал плечами. «Это мой мир, Полковник-Комиссар Гаунт. И я его очень люблю. Линия моей семьи прослеживается от первых колонистов-основателей. Ландерсон. Сыны Первых Ландеров (Sons of the First Landers). Я верен Богу-Императору Человечества, но если честно... вы думаете, что я верю, что он меня все еще защищает? Где был он, когда смерть спустилась на Гереон?»

«Я не могу на это ответить,» сказал Гаунт.

«Сколько мы должны оставаться здесь?» спросил Мколл.

«До тех пор, пока не будет безопасно высунуться отсюда,» сказал Ландерсон.

«Что означает --»

«Поздней ночью, самое раннее. Когда все успокоится.» Ландерсон прислонил свой пулемет к стене и сел. «Тогда, может быть, мы сможем снова попытаться связаться с подпольем. Если нас к тому времени не найдут.»

Солнце садилось. В сухом, насыщенном крахмалом воздухе силосных башен далеко от города оставшаяся часть отряда внедрения нерво ожидала.

«Вы это слышали?» сказал Бонин.

Ларкин кивнул. Он согнулся так, как будто спал на своем лонг-лазе. «Слышу это уже несколько минут.»

«Что это за фес?»

Ларкин не хотел говорить. Это был отдаленный воющий звук, бормочущий в городе под ними.

Он звучал, как его худший ночной кошмар. Он был, как звук его мигреней, дребезжание его темнейших мыслей.

«А я говорю, что мы попробуем связаться,» объявила Тона Крийд, поднимаясь на ноги.

Белтайн покачал головой. «Не хватит дальности. Только не с микробусинами. Мое оборудование не достанет до них.»

«Мы ждем,» твердо сказал Роун. «Это был его приказ.»

«Я это слышал,» сказал Фейгор.

Варл посмотрел так, как будто собирался что-то сказать, но потом лишь покачал головой.

Мквеннер зашел в башню, только что закончив последний обход. Он стоял в дверном проеме, освещаемом закатным солнцем. «Что-то не так,» сказал он.

«Мы уже заметили,» ответил Бонин.

«Вы слышали звуки?» спросил Мквеннер.

«Да, я слышал,» сказал Роун. «В наихудшем случае наш любимый лидер попал в дерьмовую передрягу и либо уже мертв, либо скоро будет.»

«Ясно. А в лучшем, майор?» спросила Ана Керт.

Роун пожал плечами. «В лучшем случае? Наш любимый лидер попал в дерьмовую передрягу и либо уже мертв, либо скоро будет. Простите, это был вопрос с подвохом?»

«Да пошел ты, Роун,» фыркнула Керт.

«С нетерпением жду этого,» улыбнулся Роун и поднялся на ноги. «Внимание, Призраки! Ждем до завтра. Потом будем делать по-моему.»

ШЕСТЬ

Наступила ночь, и она не была безопаснее, чем день.

Наступила тишина. Даже горны затихли. Город заполнили привидения, сопящие и воющие в темноте, и страх сгустил воздух. В глубоком каменном подвале трое мужчин ждали.

По указанию Ландерсона они выключили фонарик и не издавали ни звука, не произносили ни слова.

Гаунт чувствовал холод сквозь толстые стены. Подвал был так крепко сделан, что мог выдержать артиллерийский обстрел, но в темноте он ощущался тонким и хрупким, как будто их укрывала всего лишь полевая палатка.

А там, в ночи, двигалось нечто.

Холод слабел и плыл сквозь камни, как будто снаружи был отлив. Внезапные очаги холода заморозили воздух, сырой потолок покрылся морозом. Гаунт слышал отдаленное завывание, бормочущие звуки на улице снаружи, медленное скольжение и визг металлических клинков или когтей,двигающихся по черепице и

внешним стенам. Изредка оттуда доносился долгий крик или внезапный, искаженный визг.

Он старался не представлять, что может быть снаружи, что за мерзость впустили в Инейрон Таун. В окружающей темноте его разум играл с ним злые шутки. Его руки сжимали рукоятку болт-пистолета. Он старался успокоить свое тревожное дыхание.

Время от времени они слышали в отдалении звуки марширующих ног, грохот двигателей, лай и суету гончих. Это тоже были опасности, но почему-то они казались честными и настоящими.

Опасности, с которыми они могли иметь дело.

Дрейфующие, едва слышимые звуки привидений кроме того были чем-то другим.

Затем снаружи наступила абсолютная тишина. На подсвечиваемом циферблате своего хронометра Гаунт видел, что после полуночи прошло уже два часа.

Ландерсон зажег фонарик. Внезапное яркое свечение ударило по глазам Гаунта.

«Они отозвали их,» объявил Ландерсон, говоря впервые более чем за восемь часов.

«Ты уверен?» спросил Мколл. Гаунт пришел в смятение от того, что увидел, каким бледным и обеспокоенным выглядел его мужественный старший разведчик.

«Уверен настолько, насколько вообще могу,» ответил Ландерсон. «Будучи призванными, проволочные волки быстро истекают энергией. Теперь они исчезли.»

«Исчезли?»

«Вернулись, чтобы восстановить энергию.»

«Куда вернулись?» спросил Мколл.

«Думаю, в варп,» ответил Ландерсон. «Как ни странно, у меня никогда не было возможности спросить.»

Он поднялся на ноги, его голова уперлась в низкий потолок. «Идем,» сказал он. «У нас есть окно сравнительной безопасности между сейчас и рассветом. Давайте не тратить его.» Он повел их назад, вниз по железным перекладинам в затопленный

туннель, и они снова прошли по холодной воде. Тонкие, ломкие крысиные кости плавали, образуя хрупкую оболочку. Тысячи и тысячи крыс, превращенные в плавучий костяной мусор. Луч фонарика превращал кости в пульсирующую белую корку.

Они дошли до ступеней и выбрались из холодного потока. Ступени были скользкими и ненадежными. Влажная гниль цеплялась к стенам.

По мере того, как они поднимались, ступени становились суше и гниль убывала. Они вышли через черный ход на узкую боковую улицу. Все еще была ночь, и хилые звезды мерцали на узком клочке неба, видимом между нависающими над ними крышами. На западе было отвратительное красное свечение от печей.

Ландерсон поманил их рукой к перекрестку между двумя тихими улицами. Впереди на перекрестке они могли видеть, как горит огонь в бочке, отбрасывая свет и тени на мостовую. У огня стояли два экскувитора, греющие руки.

Троица скользнула налево, и побежала сквозь темноту примыкающей улицы. Затем направо, вверх по небольшому холму, где булыжник был старым и истертым, и затем снова налево в тихий двор, где декоративные растения разрослись без ухода и покрыли каменную кладку. Они перебежали через двор в направлении, которое показал Ландерсон, и пошли по наклонному переулку между мебельной фабрикой и более несуществующим винокуренным заводом. В конце переулкa были железные ворота, покрытые мхом и сорняками. Ландерсон загнал их в укрытие.

Мимо прогрохотал патруль. Не экскувиторы, военный отряд. Сжавшись позади растений, Гаунт увидел перемалывающие траки легкого танка, шагающие ноги врага. Прожектор вспыхнул в их направлении, разбивая свой свет об решетку железных ворот.

Затем он исчез, и патруль тоже прошел мимо.

«Идем,» прошептал Ландерсон.

Они прошли по окраинам коммерции и углубились в город. На одной из главных улиц мимо быстро прошла процессия с факелами, наполняя ночь грохотом барабанов и цимбал. Смесь из экскувиторов и солдат образовали авангард. Многие

из них несли высоко поднятые штандарты и мерзкие знамена на длинных шестах. Основную часть процессии составляли закованные в кандалы гражданские, бредущие в линию, поющие и хлопающие.

Это были новообращенные. Гаунта опечалило увидеть, что их так много. Каждый день все больше и больше членов из запуганного населения выбирали для обращения в ужасную веру врага. Некоторые, возможно, смотрели на это так, что это их единственный шанс на выживание. Другие расценивали это, как путь к лучшей жизни, с большими свободами и разрешениями. Но главным образом, мрачно подумал Гаунт, они обращаются потому, что Хаос поглотил их сбитые с толку души.

Ординалы вели процессию к храму. Ландерсон рассказал Гаунту, что «ординалы» - это обобщенное обозначение для старших управляющих сил врага. Некоторые были жрецами, другие учеными, бюрократами, финансистами, торговцами. Они носили искусно сделанные цветные одежды и головные уборы, а их пальцы, все в кольцах, держали богато украшенные посохи и церемониальные жезлы. Некоторые были женщинами, некоторые мужчинами, других нельзя было опознать, и у многих проявлялись ужасающие мутации. Гаунт не мог сказать – да и не хотел – что обозначали вариации в одежде и украшениях. Они все были врагами. Но, тем не менее, они интриговали его. За свою карьеру, он встречался лицом к лицу с воинами и фанатиками Губительных Сил со множеством личин, но это был первый раз, когда он, как следует, рассмотрел сановников и руководителей, которые упорядочивали их культуру и общество. Это были демоны, которые следовали за тлеющими следами битвы и устанавливали господство и контроль на территориях, захваченных их военными силами.

Как только процессия прошла, троица поспешила по мостовой туда, где когда-то стояли здания городского администратума. Здесь, разрушенные стены и куски штукатурки покрывали грубо намалеванные каракули, которые обозначали бессмысленные слова и странные узоры. На одной большой площади, освещаемой яркими кострами, сотни рабов работали под внимательным присмотром отрядов экскувиров. Рабы, некоторые на самодельных лестницах, рисовали узоры на стенах.

«Просители,» прошептал Ландерсон. «Или преступники, пытающиеся искупить мелкие нарушения. Они трудятся днями и ночами, пока либо не упадут от истощения, либо не воспроизведут символ, который решат истинным.»

«Истинным?» эхом отозвался Мколл.

«Враг не учит своим символам и знакам никого, за исключением обращенных. Говорят, что они верят, что те, кого коснулся Хаос, будут знать знаки подсознательно. Поэтому просители делают случайные знаки, рисуя все, что придет им в голову. Если они сделают знак или символ, который ординалы опознают, их заберут для очищения и обращения.» Среди банд экскувиторов шныряли три ординала, рассматривающие безумные граффити. Один из них сидел на механической лошадке, причудливой машине, чье тело возвышалось над маленькими колесами на четырех тонких ножках. Ординал катался вокруг на своем высоком насесте, выкрикивая приказы.

Он выглядел, как ребенок с детской игрушкой, о которой мечтал в ночном кошмаре. Хотя, ничего детского не было в сдвоенном стаббере, смонтированном на месте головы лошадки.

Обходя площадь, они рванули из укрытия, через пустую улицу в крытый проход на противоположной стороне. Это был узкий проход из рокрита, который вонял мочой. В дальнем конце, позади ряда переполненных мусорных баков, был люк.

Ландерсон бросил взгляд на Гаунта. «Давайте помолимся, что они не нашли и это место тоже,» сказал он.

«Давай,» сказал Гаунт, и обернулся к Мколлу. По кивку своего командира, Мколл растворился в тенях.

Ландерсон сделал шаг к люку и постучал. Через мгновение он слегка приоткрылся.

«Что с Гереоном?» спросило эхо позади люка.

«Гереон жив,» ответил Ландерсон.

«Несмотря на их старания,» ответило эхо. Люк открылся.

Ландерсон и Гаунт вошли в темноту.

Они сделали не более пяти шагов в темноте, когда дула винтовок уперлись им в спины.

«Мордой в пол! Лежать! Немедленно! Мордой в пол!»

«Подождите, мы --» начал Ландерсон. Он хрюкнул, когда приклад винтовки приложился к его шее.

«Лежать! Немедленно! Немедленно!»

Они легли. Руки лавировали над ними, выуживая оружие, прижимая плечи к полу. Приблизились сапоги и пинками раздвинули им ноги.

«Лежать, мордой в пол, ублюдки!» рявкнул голос.

Внезапно загорелся фонарик и залил комнату светом.

«На вашем месте я бы не стал этого делать,» сказал Мколл из дверного проема, нацеливая свой лазган.

«Мои извинения, полковник-комиссар,» сказала Майор Кёрк.

«Нет необходимости,» ответил Гаунт. «Я понимаю безжалостную натуру вашей охраны.» Она пожала плечами. «Тем не менее, ваш человек убил бы нас.»

Они посмотрели на Мколла, который сидел спиной к стене, с винтовкой на коленях, и осматривал окружающую обстановку.

«Да, он убил бы,» сказал Гаунт. «Но, насколько я знаю, он лучший в этом, так что не корите себя.»

Комната была маленькой, и была освещена единственной химической горелкой в углу. Шестеро лохматых бойцов сопротивления сидели вместе с Ландерсоном и тихо разговаривали. Еще двое, вооруженные самодельными винтовками, присматривали за дверью.

«Сегодняшняя паника,» спросила Кёрк. «Вы ее вызвали?»

«Боюсь, что так,» ответил Гаунт. «Мы ввязались в дуэль с парой патрулей. Мы пытались выйти на контакт.»

Она кивнула. «Они позакрывали множество наших выходов. После прошлой ночи.»

«А что было прошлой ночью?» спросил Гаунт.

Кёрк вздохнула. Она была высокой женщиной, слегка за сорок, с коротко стриженными темными волосами и поразительным лицом из-за высоких скул и полного рта. Должно быть, она когда-то была прекрасна, роскошна. Нехватка еды уменьшила ее тело, вытянула лицо и подчеркнула ее грудь и бедра. Ее форма была плохо подогнана. «Прошлой ночью,» сказала она, «мы осуществили диверсию.»

«Диверсию?»

«Чтобы привести вас, сэр.»

Гаунт кивнул. Идея болезненно засела в голове.

«Ячейка развернулась и организовала атаки на различные ключевые позиции, чтобы занять внимание сил архиврага. Идея заключалась в том, чтобы отвести внимание от отряда, который пошел на контакт с вами. Нам сопутствовал успех.»

«Опишите успех.»

«Поражены три тактические цели. Сорок процентов жертв. Ответный удар прикрыл множество наших активных укрытий. Четыре из девяти в Инейрон Тауне. И еще полдюжины в сельскохозяйственном пригороде.»

«Сколько погибло?»

«Погибло? Или захвачено, шестьдесят восемь.»

«Я должен был связаться с полковником по имени Баллерат,» сказал Гаунт.

«Мертв,» ответила она. «Убит прошлой ночью в рейде на Айконоклав. Теперь я лидер ячейки.»

В ее голосе не было эмоций, и ничего не отразилось на ее лице. Как и Ландерсон, как и все на Гереоне, Кёрк прошла через столько страданий, что больше ничего не показывала.

«Вообще-то, мы здесь прикрыли лавочку,» сказала Кёрк. «В Инейроне сейчас слишком жарко. Все, что оставалось здесь от подполья, исчезло. За исключением нескольких скелетов, таких как я.» Гаунт кивнул. «В ожидании нас.»

Она кивнула в ответ. «Связаться и помочь вам было жизненно важным делом. Это было передано по цепочке Баллерату и мне.»

«Откуда?» спросил Гаунт.

«Не могу сказать, сэр. Подполье выживает только потому, что разделяет свои силы. Никто не узнает больше, чем нужно знать. В этом случае, если кого-нибудь схватят...» Она оставила продолжение висеть в воздухе.

«Понимаю,» сказал Гаунт. «И я вам признателен.»

«Не надо,» просто сказала она.

«Хорошо. Но поймите, что моя признательность идет с гораздо более высокого места.»

«Мне этого достаточно,» сказала Кёрк. «Итак, что вам надо?»

«Прямо сейчас? Мне нужно послать сообщение остальной группе. Дать им знать, что с нами все в порядке.»

«У них есть вокс?» спросила она.

Гаунт кивнул.

«Хорошо, у нас есть доступ к передатчику. Я не люблю пользоваться им, но это лучше, чем пытаться послать гонца из города в данный момент. Может ваше сообщение быть коротким?»

«Да. Два слова. 'Серебро' и 'ожидайте'.»

«Хорошо. Канал?»

«Какой-нибудь между два-четыре-четыре и три-один на узкой полосе.» Кёрк подозвала человека из ее отряда, худую блондинку, которая выглядела не старше подростка.

Она дала ей тщательные инструкции, и девушка выскользнула в ночь.

«Хорошо,» сказала Кёрк. «Что еще?»

Гаунт помедлил. Он на мгновение задумался о неприятных спорах, которые у него уже были с Ландерсоном. «Сначала позвольте спросить, что вы думаете об освобождении?» Кёрк уставилась на него. Она была по-настоящему красивой, осознал он, но на смесь долгих страданий и красоты было почти невозможно смотреть. Клеймо на ее щеке как портило ее красоту, так и напомнило Гаунту о той отраве, которая заразила Гереон. «Я понимаю, что скоро оно не наступит, сэр,» сказала она.

«Понимаете?»

«Во-первых, я не дурра. Во-вторых, Баллерат проинструктировал меня. Мы не разглашали информацию слишком многим из членов ячейки. Плохо для безопасности и плохо для боевого духа. Но я знаю, что вы здесь для тайной операции, а не какой-то передовой отряд для контрвотворжения.» Гаунт вздохнул. «Вы меня успокоили. Было трудно донести это до Ландерсона. Мне было бы неприятно увидеть то же разочарование на вашем лице.»

«Почему?» заинтересовавшись, спросила она.

«Не могу сказать,» ответил он.

Она ухмыльнулась и откинулась назад. «Итак, что дальше?»

«Вы не знаете, зачем мы здесь?»

«Разделение, помните? Баллерат и я были осведомлены о том, что вы на тайном задании, но я не думаю, что даже он знал, что это может быть.»

«Я здесь, чтобы убить кое-кого,» тихо сказал Гаунт.

«Кого-нибудь особенного?» спросила она. «Судя по тому, что я слышала от Ландерсона, вы уже начали отсчет телам.»

«Да,» сказал Гаунт. «Кое-кого очень особенного. Старого друга.» Кёрк погладила щеку и усмехнулась. «Вокруг этого слова были кавычки, если я не ошиблась.»

«Не ошиблись.»

«Кто он?»

«Я даже не сказал, что это он.»

«Разделение, полковник-комиссар?»

«Точно.»

«Отлично. Вообще-то, я бы предпочла не знать. Этот старый 'друг'... Я полагаю, вы хотите найти его?»

«Хочу,» сказал Гаунт. «Мне нужно, чтобы подполье помогло мне и моей команде добраться в район Летрики.»

Она тяжело выдохнула. «Дерьмо! А вы не многого хотите?»

«А это может стать проблемой?»

Кёрк снова нагнулась вперед. Он мог почувствовать запахи застарелого пота и засаленных стриженных волос. «Если вам было нужно добраться до этого района, то стоило выбрать более хорошую начальную точку, чем Инейрон Таун.»

«Потому что?» спросил Гаунт.

«Потому что вы почти в трехстах километрах к югу от того места, где хотите быть.»

«Я знаю,» ответил Гаунт. «Но это вялотекущая операция. Разведка Гвардии в тайне совещалась с подпольем Гереона месяцами до того, как мы отправились. Безопасная высадка была первым приоритетом. Подполье советовало, что болота к югу от Шэдоутонленда будут самой безопасной территорией для быстрой высадки с десантного корабля. Любое место, ближе к Летрике, было бы слишком опасным.»

«Верно,» сказала она. «Вы прилетели на десантном корабле?»

«Вообще-то, на гравишютах, с низкого бреющего пролета над болотами.»

«Черт побери, должно быть это было совсем не весело.»

«Так и есть. Когда время пришло, мой снайпер отказался прыгать у люка. Его зовут Ларкин. Он не самый компанейский человек в моей команде.»

«И что вы сделали?» спросила Кёрк.

«Я попросил Бростина – самого большого человека в отряде – выбросить Ларкина из корабля. С тех пор он стал более уступчивым.»

Кёрк рассмеялась. Ему нравился ее смех.

«Кем были вы, Кёрк? Я имею ввиду до того, как пришел враг?»

Она заколебалась и посмотрела на бледный огонь химической горелки. «Я владела фермой, сэр. Моя семья держала две тысячи гектаров на западе города. Пшеница и фрукты. Ублюдки сожгли мои фруктовые сады.»

«Как вас зовут?» спросил он.

«Я Майор Кёрк из подполья Инейрон --»

«Я спрашивал об имени. Мое – Ибрам.»

«Меня зовут Саббатина Кёрк,» сказала она.

Гаунт заколебался, как будто ему дали пощечину.

«Что такое?» спросила она.

«Названа в честь Святой, я полагаю?»

«Конечно,» сказала она.

«Куда бы я не отправился, она там, чтобы вести меня...» прошептал Гаунт.

«Сэр?»

«Ничего. Итак, что о Летрике?»

«Посмотрю, что смогу сделать. У нас есть линия связи с ячейкой Эдриана. Может быть, они смогут провести вас через страну в Летрику. После этого мы будем надеяться на их контакты на месте.»

«Хорошее начало,» сказал Гаунт.

СЕМЬ

Над бастионом вставал новый скучный день. Фегат подвергался транскодированию лучшую часть утра. Десолэйн слышал его крики, раскатывающиеся вверх и вниз по обдуманному ветром залам.

Десолэйн пошел в служебную комнату, чтобы просмотреть данные по безопасности. Свет разливался сквозь зарешеченные окна.

С помощью полудюжины воинов в эмалированной зеленой броне, три ординала сортировали книги с отчетами и подстраивали световые значки на столе со схемами.

«Что-нибудь интересное?» спросил Десолэйн.

Один из ординалов поднял взгляд. «Оживленная ночь, телохранитель. Повстанцы сожгли храм в Фатиме, и подпольная ячейка убила двух ординалов в Бровисия Тауне. Зажигательная бомба.

Ответные меры экскувиторов были стремительными и основательными. Приказ об уничтожении был размещен в Бровисия Тауне.»

«Что-то еще?» поинтересовался Десолэйн.

«Это, из южных провинций,» сказал другой ординал, протягивая планшет. Десолэйн взял его и просмотрел. «Инейрон Таун? Где это, черт возьми?»

«К югу отсюда, телохранитель, в болотах, вдоль края Антиллы. Незначительный сельскохозяйственный центр. Прошлой ночью там была вспышка атак повстанцев. Большой ущерб. Уже подавлено.»

«Ты так думаешь?» спросил Десолэйн.

«Телохранитель?»

Десолэйн постучал по планшету. «Ты не изучал детали? Патруль экскувиторов уничтожен на сельскохозяйственных землях. Использовано лазерное оружие. И огонь от неизвестных в самом городе, такой яростный, что разбудил проволочных волков.»

«Местные власти держать ситуацию под контролем, телохранитель,» сказал один из ординалов.

«Они не знают, с чем имеют дело,» прорычал Десолэйн. «Лазерное оружие? Ты просто дурак! Сколько прошло времени с тех пор, как подполье использовало лазерное оружие?» Ординалы затихли. Они были могущественными существами великой сущности, но они дрожали от страха перед одним из личных телохранителей Анарха.

«Проинформируйте канцелярию Наместника, только известите их о том, что ситуация у нас под контролем.» Ординалы склонили головы и закрыли рты одной рукой. «Мы служим слову Анарха, чье слово заглушает все остальные,» хором сказали они.

«И как только вы это сделаете,» сказал Десолэйн, «пришлите ко мне Уэксулла.»

Десолэйн ждал Уэксулла в пристройке, снаружи служебной комнаты.

Двое рогатых лакея появились на дальней конце пристройки, таща фегата из комнаты транскодирования. Фегат дрожал и блевал, и был едва в сознании.

«Осторожнее с ним, идиоты!» крикнул Десолэйн. «Отведите его в его комнату.» Лакеи кивнули, и начали вести хромающего человека по мраморным ступеням в комнату башни.

Прошло пятнадцать минут, и затем Десолэйн услышал звук шагов, топающих по внутреннему холлу. Десолэйн встал, ожидая Уэксулла, но это был Маббон Этогор.

Десолэйн испытывал смешанные чувства по поводу этогора, но был готов восхищаться им. Маббон Этогор командовал при множестве значимых победах ради Анарха.

«Этогор, добрый день,» сказал Десолэйн.

«Телохранитель, приветствую тебя. Сейчас подходящее время, чтобы поговорить с фегатом?»

«Не самое лучшее. Он был на транскодировании все утро. Он будет слаб.»

«Даже если так.»

«Иди наверх. Жди меня, и я заведу тебя внутрь, чтобы ты его увидел.»

Маббон кивнул. «Спасибо.»

Этогор уже пять минут, как ушел, когда прибыл Уэкскулл. Шествуя в кругу четырех Космодесантников Хаоса, Уэкскулл пролязгал по длинному холлу в своей полированной силовой броне, пар струился из труб, вырастающих у него за спиной. Он возвышался над Десолэйном, но все же попытался поклониться.

«Телохранитель,» проскрипел он. Голос Уэкскулла был твердым, как выделанная кожа. Сухим, жестким, безразличным. «Ты посылал за мной?»

«Да, магир. Я бы хотел, чтобы ты взглянул на это.» Десолэйн протянул ему планшет.

Массивная бронированная рука Уэкскулла взяла устройство почти элегантно. Он просмотрел его. «Лазерный огонь,» проскрипел он.

«Точно.»

«Уничтоженный патруль.»

«Это говорит о многом, не так ли?» сказал Десолэйн.

«Инейрон это болото.»

«Да, но там кто-то есть. Возможно потому, что это болото.»

«Астартес?»

«Нет, я так не думаю,» сказал Десолэйн. Огромный воин выглядел разочарованным. «Но оперативники. Гвардия. Ты знаешь, что делать.»

Уэкскулл кивнул. «Найти их. Убить их. Обглодать их кости.»

«Последнее по желанию,» сказал Десолэйн.

«Считай, что уже сделано, телохранитель,» сказал Уэкскулл.

По указанию Десолэйна лакеи вывели фегата на террасу. Свежий воздух и солнечный свет, казалось, немного избавили его от тошноты, но одна сторона лица фегата все еще была парализована, и это беспокоило Десолэйна. Возможно, они проводили транскодирование слишком жестко.

Телохранителю надо будет проконсультироваться с мастером физиком.

Терраса представляла собой навесной парапет, венчающий огромный откос в северной части бастиона.

Серый камень откоса уходил вниз на триста метров в темное и скалистое ущелье. С террасы, без помощи приспособлений, было возможно увидеть около сотни километров территории региона. Горы возвышались, твердые и угловатые, со всех сторон, и на западе поднимались выше, чем сам опасный бастион, образуя огромные, покрытые снегом вершины, которые обрамляли даль вуалью ледяного тумана и яркими низкими облаками.

По ту сторону защитных гор, обширные сельскохозяйственные угодия центральной части региона покрывали землю до горизонта пышной зеленой мозаикой.

Десолэйн принес фегату плащ. На открытой террасе было холодно от свежего сильного ветра. Телохранитель был уверен, что фегат не будет делать ничего дурацкого, но проинструктировал лакеев, чтобы они пристегнули кандалы на ногах фегата к железному кольцу.

«Ты думаешь, что я могу покончить с собой, Десолэйн?» спросил фегат. «Бросить себя в забвение ущелья внизу?»

«Я думаю, что это маловероятно,» сказал Десолэйн. «Столько выстрадать и противостоять так многому только для того, чтобы покориться сейчас, будет казаться... слабостью. И я не верю, что ты слабый человек. Тем не менее, даже сильный человек испытывает моменты слабости, да и транскодирование не из легких.»

«Ты прав,» сказал фегат. «Прямо сейчас забвение меня всецело манит.»

«Возможно, беседа отвлечет твой разум. Этогор жаждет аудиенции.»

Лакеи привели Маббона Этогора на террасу. Один нес поднос с освежающими напитками. Затем Десолэйн ушел, оставив одного лакея присматривать за входом.

Маббон Этогор мгновение рассматривал возвышающийся пейзаж, затем протянул свою бледную, мягкую руку фегату, как в предыдущий день.

«Садитесь,» сказал фегат. Маббон занял место на другой стороне железной скамьи.

«Как ваше здоровье, сэр?» спросил он.

«Не такое крепкое, как я бы хотел. Я уверен, что псайкеры пытаются быть нежными, но каждый сеанс оставляет меня с таким чувством, как будто я плыву по течению варпа.»

«Транскодирование – это необходимое зло,» сказал Маббон. «Почему вы улыбаетесь, сэр?»

«Я не ожидал услышать, что вы использовали слово 'зло'. Я хорошо осведомлен о его важности. Моя жизнь зависит от этого. Если мой разум не сможет быть транскодирован, а его секреты открыты, я весьма малополезен вам или вашим повелителям.»

«Я верю, что мне вы будете полезны,» сказал Маббон.

«В самом деле? Так о чем тогда мы будем говорить?»

«О том, о чем нам обоим известно,» сказал Маббон Этогор. «О воинской службе.»

Ана Керт ополоснула рот последней водой из своей фляги и сплюнула на траву. Они торчали внутри силосной башни день и ночь, и тошнотворное пыльное помещение – которое днем стало раскаленным, душным, тошнотворным пыльным помещением – сделало ее хриплой и забило ее носовые пазухи. Она надеялась на Бога-Императора, что длительное воздействие плесневелого грибка и других воздушных спор не осложнит болотную лихорадку, которой они все скоро подвергнуться.

По крайней мере, было хорошо находиться снаружи какое-то время. Бонин нашел небольшую каменную колонку на краю обветшалого поместья, из которого вода,

если и не пригодная для питья, могла быть эффективно очищена с помощью обеззараживающих таблеток, которые были у них в снаряжении. Керт, доведенная до отчаяния отсутствием воздуха, вызвалась пойти и наполнить все фляги для воды.

Был почти полдень. Солнце было суровым и ярким, и она была благодарна за тенек возле дороги. Больные деревья, росли группами вдоль стороны грязного двора, и насекомые сновали в раскачивающихся цветах. Двор, то есть болото, медленно поджаривалось в солнечном свете и источало сильный запах дерьма. Тем не менее, самый сильный запах шел от укрытой досками силосной ямы на полпути дальше по дороге.

Но ее настроение улучшилось, и не только от свежего воздуха. После ночи ожидания они получили сообщение по воксу, прямо перед рассветом. Керт уже начинала думать, что они больше никогда не увидят Гаунта или Мколла. Звуки, которые доносились из города всю ночь...

Даже Роун казался встревоженным. При других обстоятельствах новости о том, что Гаунт мертв и теперь командует он, казались бы ему такими, как будто все его «дни расплаты» собрались в одном. Но не здесь. Не сейчас.

Колонка представляла собой маленький каменный столб над дренажной решеткой, с железным краном, прикрепленным к столбу. Керт нашла ее достаточно легко, прижимая пустые вляги к телу, чтобы они не гремели. Она оторвала несколько сорняков и повернула кран. Через секунду полилась отвратительная на вид вода.

Она открыла первую флягу, наполнила ее, бросила внутрь одну таблетку из кармана, затем завинтила крышку и хорошенько встряхнула флягу, чтобы смешать содержимое. Это была первая.

Она приступила ко второй.

Как только она начала наполнять четвертую флягу, она услышала звук, который заставил ее отвернуться от крана и прислушаться к тишине. Двигатель. Она была уверена, что услышала двигатель со стороны дороги. С самого утра мимо проезжали машины, и каждый раз они залегали.

Ничего не проехало мимо. Значит это все ее воображение, или звук от брызгов из крана отразился от листьев.

Она взяла четвертую флягу и потянулась к крану.

Рука закрыла ей рот.

Керт застыла от страха.

«Это я,» прошептали ей в ухо. «Ни звука.» Рука убралась. Керт обернулась. Позади нее стоял Варл, с приложенным к губам пальцем. Он увидел вопрос в ее глазах и указал в сторону дороги. Она ничего не видела.

Варл обошел колодец. Винтовка висела у него за спиной, но он вытащил свой автопистолет. Он поманил ее рукой. Она пошла за ним, заставляя свои ноги вспомнить базовые техники тихой ходьбы, которые Мколл вдалбливал ей перед миссией.

Они пошли в самые густые заросли под деревьями. Дорога была залитым солнцем пространством между черными стволами. Внезапно Варл стал таким тихим, что она едва не столкнулась с ним. Он потянул ее вниз, пока они не встали на колени в траве.

По дороге двигалась фигура, чуть больше, чем силуэт. У силуэта были острые углы – рюкзак, шлем, наплечники, оружие. Силуэт медленно двигался в направлении силосных башен. Меньше, чем через минуту, вторая фигура прошла в том же направлении.

В этот раз Варл лучше рассмотрел. Блестящая зеленая боевая броня, на наплечниках накладки в виде кричащего или поющего человека.

Военная экипировка.

Варл высунулся из травы и смог рассмотреть пыльную, залитую солнцем дорогу. В около двухстах метрах, дальше по изрезанной колеями дороге, был припаркован военный транспорт на четырех гусеницах в тени нескольких взрослых таликсовых деревьев. Отделение вражеских солдат – Варл насчитал, по меньшей мере, дюжину – шло веером по дороге к силосной башне.

Что это было? Случайный патруль? Предательство? Или они каким-то образом выдали свое укрытие? Варл залез обратно в траву и хорошенько задумался. Керт смотрела на него, с растущей паникой в глазах. Он не мог рисковать, используя вокс, даже единственным щелчком. У противников были средства связи и они, должно быть, прослушивали их.

Он поманил ее снова, и они поползли туда, откуда пришли, по направлению к колонке. Им придется пробраться через двор и принести предупреждение лично.

Керт схватила его за руку. Еще один противник только что вошел в зону видимости на заросшей дорожке, рядом с колонкой. Часть своих сил противник бросил через линию деревьев, чтобы окружить силосные башни. Не было никакой возможности, никакой фесовой возможности в мироздании, чтобы Варл теперь добрался назад, не будучи замеченным.

Он закрыл глаза. *Думай, мужик, думай...*

Варл сложил руки в чуждую связку и поднес ко рту. Керт уставилась на него, как на сумашедшего.

Он дунул.

Позади силосной башни Бростин стоял в тени свеса крыши. Роуну он сказал, что пойдет отлить, но, по правде, он всего лишь хотел утолить свою тягу. Он вытащил одну сигарету с лхо из непромокаемого пакета, и зажал ее губами. Вен был тверд, как серебро насчет этого: не курить, при любых обстоятельствах. Что бы только Бростин не отдал, чтобы запалить штучку. И не ради потягивания дыма. Ну не столько ради этого. По-настоящему, чего он страстно желал, так это увидеть тоненький огонек в его сложенных чашечкой заскорузлых руках. Ларкин часто называл его пироманьком. Как будто это было что-то плохое.

«Конечно же, ты не собираешься поджигать это, не так ли?» тихо спросил его Бонин. Бростин вздрогнул.

Фесовы разведчики, выскакивают из ниоткуда.

«Конечно нет,» сказал он.

«Конечно нет,» эхом повторил Бонин, прислонившись к башне в тени, возле него.

«Просто напоминаю себе это ощущение.»

«Это хорошо.»

Внезапно Бонин выпрямился, прислушиваясь. «Слышал это?» прошипел он.

«Что?»

«Это. Только что.»

«Ммм. Ага, всего лишь трикрэйк. Возможно, гнездо вьет.»

Бонин вытащил пистолет. «Иди внутрь. Скажи Роуну.»

«Сказать Роуну что?»

«С каких это пор тут появились Танитские трикрэйки... или где-то еще, если на то пошло?»

ВОСЕМЬ

Поблизости от колонки вражеский солдат остановился и посмотрел на заросли. Он слышал необычную мелодичную трель. Он поднял оружие к груди и начал приближаться к зарослям.

Варл и Керт вжимались в траву и ежевика так сильно, как только могли. Медленно, очень медленно, Варл вытащил свой боевой нож из ножен.

Бронированный воин внезапно остановился, смотря вниз. Керт точно знала, что он видел.

Десять флажков Гвардии на траве, позади колонки.

Нагнувшись, солдат потянулся, чтобы активировать вокс в шлеме.

Варл врезался в него, сбивая с ног. Серебряное лезвие рвануло вперед, но скользнуло по наплечнику. Солдат отбивался, оттолкнув Варла в сторону. Неудержимо, Варл воткнул нож под ремешком шлема. Солдат откатился, схватившись за горло. Кровь хлестала более обильно, чем текла вода из крана. Мужчина поднялся, издавая булькающий звук. Варл схватил его за плечи и ударил лицом по верхушке колонки. Послышался мерзкий треск.

Варл подхватил труп до того, как он упал, и отташил его в кусты. Затем он вернулся за флягами, иногда останавливаясь, чтобы снова издать птичий звук.

Молча, подавая сигналы руками, военный патруль окружил силосные башни. Насекомые стрекотали в полуденной жаре. Тяжелые сапоги боевого отряда производили только легкие, глухие звуки на сухой земле. Одни разошлись веером перед башнями, другие сошли с дороги и зашли с другой стороны, нацеливая свое оружие. По двое они приближались к шелушащимся дверям башен.

Длинное поле заканчивалось у линии деревьев, и было покрыто по всей длине гниющими заборами, вокруг которых когда-то росли фруктовые деревья. Гниющая органика лежала в канавах возле заборов.

Кёрк на секунду привстала и повела отряд к укрытию на краю поля. Они, пригнувшись, шли вместе с ней, два члена ее ячейки, а так же Гаунт, Мколл и Ландерсон.

«Мы близко,» сказала она. «Дорога между теми деревьями, а сельхозугодия дальше по дороге, примерно в километре.»

Мколл кивнул. Это согласовывалось с его картой в голове, которая редко была неправильной. Перемещающиеся леса Танита привили непогрешимое чувство направления в его сынах.

«Мы уже должны быть в зоне действия,» сказал Гаунт. Он настроил свою микро-бусину.

«Первый,» сказал он. Затем пауза.

Затем единственное слово. «Брагг.» Затем вокс-каналы полностью умерли.

«У нас проблема,» сказал Гаунт Кёрк.

Командир патруля, который носил отличительное звание сирдара, шел по дороге, проверяя позиции своего отряда. Он потел под своей туго натянутой броней, и в данный момент желал этому вонючему миру худшей судьбы, чем даже тем мирам, которые его вид уже посетил. Его отряд, вместе с дюжиной таких же, был первым вызван из гарнизона Инейрона этим утром, с приказом обследовать близлежащую сельскую местность. Несомненно, работа для шаек экскувиторов, а не для боевых частей? Тем не менее, тревога ночью была экстраординарной, и приказ о военном содействии был отдан старшим ординалом. Еще одно донесение говорило, что сам Уэкскулл был в пути, чтобы принять командование, и последнее, чего хотел сирдар, чтобы этот монстр обнаружил, что он отлынивает от своего долга.

Они уже обыскали шесть заброшенных усадеб этим утром. Конкретно эта не обещала ничего больше, как и последняя, но сирдар оставался верен отданным ему приказам. Они оставили свой транспорт у дороги и приближались пешком тихим, рассредоточенным боевым порядком.

Он дошел до двора, и уже готовился отдать сигнал на проникновение. Зашедший с противоположной стороны отряд приближался от рвов на линии деревьев, и все место было хорошо окружено, хотя казалось, что одна группа отсутствует. Возможно, заблудились в лесу. Сирдар решил, что когда солдат вернется, он его лично пристрелит и избавит Уэкскулла от хлопот.

Он поднял руку, и замер. Он отчетливо услышал сигнал вокса, и он шел не от его отряда.

Только у сопротивления были вокс-передатчики...

Сирдар почувствовал предвкушение. Они на что-то наткнулись. Он вытащил свой пистолет и сделал три быстрых жеста: возможен контакт, боевое оружие, вперед.

Его солдаты пошли вперед.

Дверь в силосную башню была открыта настежь. Два солдата в броне заскочили в сумрак с поднятым оружием. Они, хрустя сапогами, прошли вперед. Всего лишь куча

разлагающегося зерна. Один посмотрел наверх. Балки, поперечины. Тени и паутина. Здесь было пусто. Они повернулись, чтобы уйти.

Бонин и Фейгор, с вытащенными ножами, появились из гниющей кучи позади них, зерна потекли с них, как ручейки, и схватили их за глотки.

Засов на сарае снаружи дома сломался от удара ногой. Первый солдат в темноте включил фонарик и поводил по сторонам, пока его товарищ прикрывал его своим оружием. Они пошли вглубь сарая, который был заставлен старыми деревянными ящиками. Кучи старых мешков усеивали пол.

Еще двое солдат пошли налево, где под навесом стояли ржавые молотильные машины. Они услышали глухой звук из сарая и пошли назад, чтобы проверить.

Сарай был уже пуст. Не было никаких признаков никого из пары, которая пошла в эту сторону.

Солдаты углубились внутрь. Показалось, что тень промелькнула перед одним из желтых, покрытых пылью, окон, и они быстро повернулись к нему.

Но Мквеннер был позади них.

Он схватил одного на края туго застегнутого шлема и резко повернул, сломав шею. Труп упал на мешки, которыми Мквеннер накрыл пол, и звук удара был заглушен. До того, как труп упал на пол, Мквеннер повернулся, низко пригнулся и пяткой правой ноги врезал по горлу другого врага. Солдат отшатнулся назад, не в состоянии дышать, не в состоянии даже кричать. Он упал на колени, голова отклонилась, и Мквеннер кончиками пальцев ударил в шею человека, приканчивая его с щелчком, похожим на удар костяных кубиков друг о друга. Человек упал на лицо, и Мквеннер оттащил тела за ящики, где уже лежали двое первых.

Дальняя силосная башня казалась пустой. Два солдата, которых послали проверить ее, подошли к вонючему, заплесневелому зерну, в поисках чего-то побольше, чем крыса.

С пространства под крышей упал кабель, и петля на конце аккуратно обвила шею одного из них. До того, как он смог выразить восклицанием свое удивление, кабель резко натянулся, и он оторвался от земли, молотя ногами и держась руками за горло.

Крийд позволила гравитации сделать остальное. Когда она спрыгнула с балки, она потянула кабель за собой, а солдат поднимался, как противовес, пока кабель скользил по балке, трение врезало его в дерево. Другой солдат повернулся в изумлении, пока его компаньон пульей летел к крыше, и Крийд врезалась в него, сбивая на зерно. Крийд отпустила кабель.

Петля уже прикончила первого человека. Судорожно дергаясь, его тело упало.

Крийд приземлилась на второго. Она прижала ногами его плечи и ткнула лицом в испорченное зерно, ее руки держали заднюю часть шлема. После небольшого сопротивления он обмяк.

Уловка? Ее боевой нож убедился, что это не так.

Сирдар патруля внезапно осознал, что что-то не так. Не было сигналов о контакте, не было выстрелов, но его люди не возвращались от башен и сараев.

Сделав резкий жест, он повел остатки своего отряда по двору. Те, кто должен был прикрывать фронт, теперь тоже вышли со стороны последней силосной башни.

Солдат, шедший прямо за сирдаром, упал на спину. В ярости сирдар повернулся, чтобы сделать ему выговор, и увидел маленькую кровавую дырку в визоре человека.

На крыше башни, в укрытии вентиляционного отверстия, Ларкин напряг руку и выстрелил снова. Использование автопистолета с глушителем было неинтересным, но, по крайней мере, это было вызовом. Это была не просто стрельба по целям. Они были в броне и легко могли проигнорировать маленькую пулю, в особенности теряющую убойную силу из-за глушителя. Искусство было в очень хорошем прицеливании и выстреле туда, где они были уязвимы. Визор.

Горло. Щель между нагрудной пластиной и наплечником. Ларкин сделал еще три выстрела и свалил еще двух врагов в печеную грязь двора.

Один из солдат, приближавшихся к башням от дороги, повернулся на звук тяжелого удара позади него. Он увидел, как человек, идущий прямо за ним, упал от сокрушительного удара в голову, которые расколол его шлем. Ликующий Бростин крутанул старый молотильный цеп, который он нашел в сарае, и отбросил второго человека на обшитую досками стену силосной башни. Казалось, что дерево треснуло.

Роун возник из зарослей и убил оставшихся двоих до того, как те смогли бы прихлопнуть Бростина.

Затем он и Бростин поспешили к краю дороги и добавили свою тихую огневую мощь к мощи Ларкина. Несколько последних солдат остались лежать во дворе.

Сирдар начал убегать вместе с последним выжившим человеком. Снайпер на крыше прострелил человеку шею прямо перед пристройками, но сирдар успел добежать до укрытия, сражаясь с воксом в своем шлеме и пытаясь настроиться на свободную частоту. Ему надо было кого-нибудь предупредить. Он пытался вызвать другие отряды и –

Ничего. Вокс сдох. Как будто он был заглушен. Как это вообще было возможно?

На покрытом соломой полу сарая перед ним, сирдар увидел Имперский полевой вокс-передатчик. Он был включен и работал, настройки стояли на трансляции белого шума, который, должно быть, блокировал вокс-связь, как минимум в области фермы.

Сирдар сделал шаг к нему.

Глушитель автопистолета уперся ему в голову сбоку.

«Что-то неправильно, сэр?» спросил Белтайн и спустил курок.

ДЕВЯТЬ

«Первый,» спокойно сказал Гаунт. Они уже лежали более пятнадцати минут, и это был третий раз, когда он пытался связаться. По крайней мере, теперь на заднем фоне канала было шипение, которое указывало на то, что связь, наконец-то, ожила. Внезапный щелчок заставил его пульс подскочить.

«Первый,» повторил он.

«Серебро.»

Они быстро выдвинулись вперед, вдоль дренажного канала со стороны поля, с Мколлом впереди. Немного погодя они заметили транспортник на четырех гусеницах, припаркованный под деревьями.

Мколл бросил взгляд на Гаунта.

«Оккупационные воиска,» прошептала Кёрк.

Они поспешили вперед и осторожно пересекли дорогу у силосных башен разрушенного сельскохозяйственного комплекса. Место было тихим и безветренным в жарком полдне. Жужжали насекомые. Затуманенное, загрязненное небо прожарилось до цвета ядовитой охры, покрытой болезненными облаками.

Внезапно Мколл поднял оружие. Позади низкого забора появился Бонин. Он улыбался.

«Рад вас видеть,» окликнул он.

Они побежали к нему. Бонин и Мколл хлопнули друг друга по ладоням в простом приветствии, и затем Бонин повел их по дороге к дальней силосной башне.

Роун и остальные стаскивали трупы врагов во двор и складывали в кучу.

Фейгор и Бростин были заняты тем, что обшаривали карманы и ранцы в поисках чего-нибудь полезного. Или ценного. Большинство вещей они выбрасывали: уродливые талисманы, нечестивые тексты, напечатанные в тонких дешевых книжонках несъедобные или непонятные рационы. Даже золотые монеты теряли свои шарм для такого бывалого мародера, как Фейгор, когда на них были отметины Губительных Сил.

«Были заняты, майор?» спросил Гаунт.

Роун поднял глаза и пожал плечами. «Они пришли посмотреть, и мы показали им Танитское гостеприимство.»

«Выжившие?» спросил Мколл.

Роун одарил сержанта разведчиков испепеляющим взглядом. «Мквеннер осматривает территорию второй раз, но я думаю, что мы были довольно тщательны.»

«И очень осторожны,» добавил Фейгор.

Кёрк посмотрела на скрюченные тела и подняла бровь.

«Это... целый отряд,» сказала она.

Роун пожал плечами. «Они не сделали ни выстрела. А мы не сделали ни звука.» Он повернулся к Гаунту. «Кто это?» спросил он.

«Контакт, за которым мы пошли,» сказал Гаунт. «Майор Роун, Майор Кёрк.» Они кивнули друг другу.

«Остальные с ней. Акресон и Пlover. Правильно?» Кёрк снова кивнула. Двое членов ячейки, которые сопровождали ее, здоровались с Пурчасоном и Лефивром. Подполье было тесно связанной группировкой.

«Как только они обнаружат, что кто-то опаздывает, враг снова придет,» сказала Кёрк, делая жест к сторону трупов.

«Нас уже давно не будет,» заверил ее Гаунт. «Роун. Собери отряд и приготовьтесь уходить. Майор Кёрк здесь, чтобы направить нас к следующей точке.»

«Хорошо. Я уже устал ждать,» сказал Роун.

«Есть место, вне поля зрения, куда мы можем свалить тела?» спросил Гаунт.

«Силосные башни?» предложил Бонин.

«Это первое место, где они посмотрят,» сказала Кёрк.

«Там есть силосная яма,» сказал Варл, подходя и вытирая свой кинжал о солому.

«Тогда сделаем так,» согласился Гаунт. Бростин, Варл, Фейгор и Бонин начали утаскивать тела.

«Что насчет транспорта?» спросил Ландерсон. «Его не так легко спрятать.»

«Мы может использовать транспорт,» тихо сказал Мколл. Гаунт посмотрел на него.

«Он достаточно большой,» добавил Мколл. «И менее вероятно, что они остановят военный транспорт.» Гаунт задумался и взглянул на Кёрк. Она пожала плечами. «Это рискованно, так же, как и все остальное. Но, определенно, это уменьшит время нашего путешествия. Провинция Эдриан в шестидесяти километрах отсюда. Я предвкушала пару дней ходьбы туда.»

«Мы возьмем транспорт,» решил Гаунт. «Хотя бы сейчас. Мы можем бросить его, если будет нужно. У Варла с Фейгором есть некоторый опыт в вождении тяжелых машин.» Он повернулся и крикнул людям, которые сбрасывали тела в яму. «Варл! Оставь пару комплектов брони. Как минимум, шлем и наплечники!»

«Сэр!» крикнул в ответ Варл. «Мы можем их сначала помыть?»

«Делай то, что считаешь нужным.»

Гаунт прошел через двор и присоединился к Керт. Она сидела на лонжероне нерабочего отвала плуга и проверяла нарцетиум. «Хорошо, что ты вернулся,» сказала она.

В ее голосе было настоящее чувство.

«Есть проблемы?» спросил он.

«За исключением очевидных?» сказала она, кивнув в сторону мертвецов.

«Я имею ввиду такие, которыми военный хирург делится со своим командиром.»

«Болотная лихорадка наступает. Белтайн и Крийд жалуются на головные боли, как при пылевой лихорадке. У Фейгора температура, хотя он и не признается, и кажется, что у него развивается инфекция вокруг аугметической голосовой коробки. Я сделала ему еще один укол, и я присматриваю за ним. Ларкин говорит, что с ним все в порядке, но он плохо спит. Кошмары. Я слышала его. Он разговаривает во сне с Браггом. Говорит с мертвым. Это не может быть хорошим признаком.»

«Для Ларкса это почти нормально.»

Она улыбнулась на его бессердечие. «Бростин всего лишь нервничает. Плохое самообладание.»

«И опять таки, почти нормально. Это всего лишь ломка. Бростин, при обычных обстоятельствах, курил бы без остановки.»

«Ааа,» сказала она. «Я знаю это ощущение.»

«Что-то еще?»

«Все устали. Больше, чем обычное утомление. И у всех вот это.» Она отодвинула манжету. Ее бледное предплечье было все испещерено точками, похожими за злобную сыпь. «Аллергическая реакция. Я полагаю, что это из-за спор в тех чертовых башнях.»

Гаунт покачал головой. Он отодвинул свой воротник и показал ей аналогичную сыпь вдоль основания шеи и ключицы.

«Это у нас всех. Это точно аллергическая реакция. Этот мир заражен. Майор Кёрк говорит, что это заразило всех на Гереоне в первые несколько недель после вторжения. Когда это спадет... вот тогда я буду беспокоиться. Потому что тогда мы акклиматизируемся.»

«А когда мы заразились?» спросила она.

Он пожал плечами.

«Майор Кёрк,» сказала Керт, скашивая глаза в сторону офицера сопротивления на другой стороне двора, которая стояла и разговаривала со своими людьми и Ландерсоном. «Она... симпатичная женщина, ты так не думаешь?»

«Не могу сказать, что думал об этом,» ответил Гаунт.

«Лучше я тебя проверю,» сказала Керт, вставая. «А-то окажется, что зараза Гереона подавляет твои гормоны.»

Он тихо рассмеялся. «Себя тоже проверь, Ана. У Гереона может быть заразная форма ревности.» Она ударила его по руке. «Только в ваших снах, полковник-комиссар,» ухмыльнулась она и ушла.

Гаунт смотрел, как она уходит. Он подумал о своих снах. Уже прошло столько времени, как их посещала беати, Святая Саббат. Было ощущение, как будто она всегда была в его мыслях, от болезненных высокогорных видов Хагии до той маленькой, заброшенной часовни в лесах на Айэкс Кардинале. Направляя его, ведя его, сбивая его с толку. Иногда он грезил о Сании, а иногда появлялся бедный Вамберфельд, истекающий кровью от девяти святых ран, которые он получил в Шрайнхолде, как доверенное лицо Святой.

Жизнь Гаунта и его судьба теперь были связаны со Святой, и он это знал. Это было предопределено какой-то высшей силой, и он надеялся всей душой, что эта сила сидит на золотом троне.

Херодор, чертов Херодор, всего лишь год назад, был точкой раздела. Гаунт предполагал, что встреча с Воплощенной Святой лицом к лицу должна была развеять его сны. Но, совсем наоборот, сны стали только хуже с того времени. Его сны посещала Святая в своем триумфе, такая прекрасная, что заставляла его плакать, и он просыпался со слезами, текущими по лицу. Ее сопровождали фигуры, едва различимые в тумане его кружащихся видений, люди, по которым он очень скучал. Иногда старый Слайдо, сгорбившийся и бледный. Брагг, дорогой Еще Разок Брагг, с удивлением оглядывающийся по сторонам на окружающую тьму. Иногда, крайне редко, Колм Корбек, смеющийся и зовущий Гаунта присоединиться к нему.

Позади Корбека, каждый раз, когда он появлялся, ожидала гордая почетная гвардия призраков, с винтовками на плечах...

Баффелс, Адаре, Лерод, Блейн, Дойл, Кокоер, Ключган, Гатс, Мюрил...

Гаунт отогнал воспоминания. Несмотря на удушающую жару на дворе он чувствовал, как холодный пот струится по его спине. Призраки. Призраки, которых он создал, и затем сделал призраками.

И самое ужасное из всего этого, вспомнил он, был крик. Сон, в котором была только тьма, и человеческий голос жалобно кричал в ней. Кто это был? Кто это *был*?
Казалось, что он узнал голос, но...

Голос казался таким беспомощным и таким далеким.

И ни разу, ни разу после Херодора, ему не снилось лицо, по которому он скучал больше, чем по любому другому, даже больше, чем по лицу Колма. Брин Майло никогда не появлялся в его снах.

Был еще один последний факт, который изводил его разум. С того самого момента, как он ступил на Гереон, он вообще не видел сны. Месяцы снов и лиц, и посещений призраками, а сейчас ни одного, как будто осторожные души больше не могут добраться до него на этой отравленной планете.

Вот почему он так сильно отреагировал на Кёрк. На Саббатину Кёрк.

Это было первое доказательство, после его прибытия, что Святая не забыла о нем.

«Нам действительно нужно проходить это сегодня снова?» вздохнул фегат.

«Да, нам нужно,» сказал Десолэйн, ведя его по каменному коридору. «Тебе нужно, фегат.»

«Я устал,» сказал фегат.

«Я знаю,» ответил Десолэйн. В музыкальном голосе телохранителя было что-то, близко похожее на сострадание. «Но требования были предъявлены. На Исидора Наместника давит командование. Говорят, что Анарх лично, чьему слову мы служим и чье слово заглушает все остальные, разочарован отсутствием прогресса. В качестве ресурса ты подаешь большие надежды, фегат, но ты пока еще ничего не предоставил. Великий Сек может быть уже расценивает тебя, как растрату энергии, и казнит тебя, если ты не выдашь свои секреты.»

Фегат обдумал это, легкая улыбка появилась на его лице. Его беседа с Маббоном Этогором многое открыла о планах Магистра Сека. Слишком многое, возможно. Теперь фегату было ясно, что у Магистра Анакванара Сека, повелителя воинства, Анарха, избранного воителя Архонта Урлока Гора, есть идеи насчет его места. Сек хотел силы. Контроля. Власти. И ублюдок расценивал генерала-предателя в качестве ключевого инструмента для получения этой силы.

Фегат помнил некоторые брифинги, которые он провел, будучи высшим офицером Имперской Гвардии. На Балгауте Крестовый Поход уничтожил Надзибара, который был Архонтом войск Хаоса. Отступая, силы архиврага были расколоты борьбой за

право наследования, потому что фракции Хаоса конкурировали между собой за право выбрать нового Архонта. Многие из печально известных магистров-военачальников соперничали между собой – Нокад Губительный, Шолен Скара, Квакс Безглазый, Херитор Асфодель, Энок Иннокенти. Были слухи, что в этой междоусобной войне за приемственность было убито больше архиврагов, чем Крестовым Походом в то время.

Из всех претендентов у Нокада была харизма, у Асфоделя характер, а у Квакса абсолютный перевес в верных служителях. Но Сек, Анакванар Сек (чьему слову мы служим, напомнил себе фегат, и чье слово заглушает все остальные) был очевидным выбором. Ни один другой магистр не был даже близко таким блестящим тактиком. Владение тактикой и лидерство у Сека были бесподобными, лучше, чем у Слайдо, лучше, чем даже у Макакота.

Будь прокляты жизнь и имя Магистра Войны.

Тем не менее, Гор, малоизвестный военачальник с окраин Миров Саббат, стал Архонтом. Почему?

Потому что он обладал единственной вещью, которой не было у остальных магистров. Даже у великого и нечистивого Сека.

То, что Урлок Гор выставил на стол, было доведенной до совершенства, тренированной и дисциплинированной военной силой. Все другие магистры командовали огромными легионами культистов и безумных почитателей. Страшные силы, но совершенно без концентрации, и уязвимые к несгибаемому наступлению Имперской Гвардии.

Воинство Урлока Гора было известно, как Кровавый Пакт. Они были верны ему, чрезвычайно преданны, их тела были ритуально шрамированы зазубренными краями личной брони Гора. У них была дисциплина, броня, тактические способности и великолепные боевые навыки. По факту они были армией, а не воинством.

Фегат никогда не видел Кровавый Пакт в действии, но он знал о них из докладов разведки. Они были худшим страхом человечества, силой Губительных сил, осмысленной и реализованной на военных моделях. Они могли встретиться с Имперской Гвардией и нанести ей поражение на своих условиях, переиграть их.

По той простой причине, что Кровавый Пакт был создан непосредственно по образцу структуры Имперской Гвардии.

Они позаимствовали их оружие и броню, они похитили их униформу, они переманили Гвардейцев в свои ряды и сделали их предателями, завладев их навыками. Они были силой, с которой Империям обязан был считаться, и они обеспечили Гору звание Архонта.

Трон их побори, возможно, у них даже было мастерство, чтобы изгнать Крестовый Поход Макакота из этих звезд.

И этого, попросту говоря, хотел Сек. Он поносил Гору за его успех. Сек хотел, жаждал, стремился к тому, чтобы его называли Архонтом. Он выжидал, играя роль верного магистра для всевышнего Архонта. Но он расценивал это звание, как свое собственное. Он чувствовал, что заслужил его. Он был, по любым оценкам, лучшим лидером, чем Гор.

И первым шагом на пути было создание своего личного Кровавого Пакта. Полностью и хорошо обученная военная сила, такая же хорошая, если не лучше, чем Кровавый Пакт.

Это был тот деликатный вопрос, о котором ему поведал Маббон Этогор. Маббон – и почему коллега так сильно начинал нравиться фегату – по-своему был предателем. Этогор было званием Кровавого Пакта. Маббон, по причинам, которые фегат даже не мог себе представить, сбежал со службы Гору и его нанял Сек, чтобы использовать его знания о том, как функционирует Кровавый Пакт, и выковать похожую силу.

Гереон был базой для этой работы. Фегат, с его глубокими познаниями Имперской Гвардии, бесценный инструмент. Вместе с Маббоном, фегат должен был использовать свои навыки, обучение и способности, чтобы создать войско Сека.

Маббон дал этому название, пока они разговаривали на обдуваемой ветром террасе: Сыны Сека. Войско воинов, которое затмит Кровавый Пакт и беспощадно уничтожит хваленую Имперскую Гвардию.

«Фегат?» сказал Десолэйн. Люк был открыт.

«Они ждут меня?» спросил фегат.

Десолэйн кивнул.

«Десолэйн... пойми, пожалуйста, я так хочу, чтобы они узнали мои секреты,» сказал фегат. «Это просто...»

«Ментальная блокировка,» ответил Десолэйн. Телохранитель постучал пальцем по своей бронзовой маске, как будто указывал на череп под ней. Стуки звучали пугающе глухо, как будто под бронзовой маской ничего не было.

Фегат вошел в люк и прошел в маленькую каменную комнату. Он сел на свое место. Оно было очищено и стерилизовано после его последнего визита. Он закрепился. Электрические манжеты защелкнулись на его запястьях и лодыжках. Стул стал откидываться назад, пока он не устоялся на сводчатую крышу.

«Фегат,» прошептал голос.

«Привет,» ответил он.

«И снова мы начинаем.»

Фегат не мог видеть псайкеров, но он мог слышать, как они шаркают вблизи. В комнате стало холодно.

Над ним образовались сосульки. Он напрягся, и его аугметическая рука крепко стиснула стальной подлокотник. Псайкеры приблизились.

Покрытые струпьями руки выдернули маленькие резиновые затычки из просверленных отверстий в его черепе.

«Боги, как я ненавижу это...» пробормотал фегат.

Послышался механический вой сервомоторов и пронзительный визг. Тонкие иглы пси-зондов, прикрепленные к биомеханической арматуре, приблизились к его бритому черепу и скользнули в отверстия.

Фегат забился в конвульсиях. Его рот широко открылся.

«Давайте начнем с самого начала,» скомандовал пси-голос.

«Аааааа!» отреагировал фегат.

«Ваше звание?»

«Хррр! Генерал! Лорд-генерал!»

«Ваше имя?»

«Хррр! Я не могу... Я не могу вспомнить! Я- аaaaa!»

«Откройтесь! Вы должны открыться! Откройтесь!» кричал голос.

«Аaaaaа! Не могу! Не могу! Не могу!»

Десолэйн слушал какое-то время, а когда крики стали слишком сильными, даже для слуха телохранителя, он закрыл люк комнаты транскодирования и ушел.

ДЕСЯТЬ

Следуя указаниям Кёрк, они поехали на север, избегая Инейрон Таун и окружающие его сельхозугодия, и выехали на основную магистраль, которая пролегла по длинной прямой линии вдоль необъятных пастбищ.

Варл вел, быстро привыкнув к управлению четырехгусеничного транспорта.

Здесь было небольшое движение. Они проехали мимо пары конвоев витталеров, медленно ползущих к Инейрону, и нескольких изношенных грузовиков, выполняющих задания для захватчиков, с местными, которым дали разрешение, за рулем. Изредка, они засекали фигуры на пыльной дороге впереди – беженцев и бродяг – но эти измученные души убегали в укрытие зарослей пастбищ при виде военного транспорта.

Они ехали около часа, когда Ларкин, остроглазый, как и всегда, предупредил их о том, что позади к ним приближается транспортное средство. Гаунт сказал Варлу, чтобы тот сохранял скорость, и взглянул. Это была бронированная машина, СТеГ 4, легче и быстрее, чем четырехгусеничный транспортник. Призраки сразу же проверили свое оружие.

Громыхая на своих четырех больших колесах, СТеГ подъехал сзади и погудел.

«Фес!» сказал Варл. «Они хотят, чтобы я остановился?»

Он слегка сбросил скорость и направился к обочине. Бронированная машина тотчас ускорилась и объехала их, снова гудя. Двое солдат в броне стояли в люке кабины СТеГа и отдавали честь своим «товарищам» в транспортере, когда обгоняли. Стоя в транспортере, Бонин отдал им честь. На нем были заимствованный шлем и наплечники.

Его лазган был вне поля зрения, сразу за бортом.

Бронированная машина быстро промчалась мимо и рванула вперед, оставляя розовую пыль за собой.

Пастбища, мелькавшие по другую сторону, были, как и большинство плодородных первоклассных земель сельскохозяйственного мира, прискорбно заброшенными. Травы разрослись, став высокими и вялыми, и высохли до состояния соломы. Пастбища казались выбеленными, как серебряная проволока. пышно цвели сорные растения: ярко-красные эмберли, похожие на капли крови, и миллионы белых ромашек. Гаунт смотрел на проносящийся мимо вид. Архивраг сломал Гереон и запятнал его, но даже в его уничтожении была такая случайная красота. Мимолетное великолепие, видимое очень немногими, было создано печальным пренебрежением. Не в первый раз размышлял Гаунт над тем, что какие бы действия человечество и враги человечества не предпринимали, вселенная заявляла о своей природе самыми необыкновенными путями.

Вечерело. Обжигающее небо стало темнее, кислотно-зеленым, а затем темные облака начали собираться на западе. С шипением ожили грозы, и бормотали вдалеке. Воздух стал тяжелым и насыщенным.

Они ехали еще полчаса, пока Варлу не пришлось включить фары транспорта. Небо уже потемнело и стало нездорово коричневым. В воздухе чувствовался дождь. Они проехали мимо нескольких сожженных деревень, а потом местность стала более холмистой и они достигли окраин лесного пояса.

«Мы только что въехали в Провинцию Эдриан,» сказала Кёрк. «Проедем еще немного и нам нужно будет остановиться на ночь.»

Во время вторжения вдоль границ провинции были жестокие сражения. Дорога была залатана во многих местах. Границы леса были разбомбленной или выжженной равниной, и дорога извивалась по выжженной местности, где из пепла торчали только разбитые черные стволы деревьев. Они видели останки брошенных военных машин, большинство из которых были бронетехникой СПО, и высохшие сморщенные кучки, которые когда-то были телами. В другом месте лес был обезображен кислотным дождем.

На открытой дороге отряд в транспортнике мило болтал, но сейчас они затихли, их лица помрачнели.

Только они добрались до еще одной деревни на лесной дороге, как начался дождь. Белтайн и Крийд подняли брезентовую крышу над отсеком, и все услышали, как едкий дождь зашипел, как будто поедая брезент.

Вдоль дороги горели огни. Впереди, рядом с мрачным оуслитовым зданием таможни, была дорожная застава. Небольшая очередь машин протянулась от нее, с включенными фарами и работающими двигателями, пока охрана проверяла разрешительные бумаги и имаго.

Варл притормозил. «Что теперь?» спросил он.

«Всего лишь обычный контрольный пункт,» сказал Ландерсон. Кёрк согласно кивнула.

«Объезжай,» сказала она. «И следуй моим указаниям.» Она взяла шлем и наплечники, которые использовал Бонин. Варл понизил передачу и повел четырехгусеничный транспортник в объезд очереди. Выглядывая, Гаунт мог видеть множество противников на земле под навесом контрольного пункта. Экскувиторы и оккупационный отряд. Несколько офицеров. Он задумался, а есть ли у них собаки, или что похуже. Впереди у дороги на деревянных виселицах висели разлагающиеся трупы казненных нарушителей закона.

Варл объехал ряд ожидающих грузовиков и подъехал к барьеру. Подошел солдат в дождевике, подняв руку в броне.

«Вой шет! Экхр Анарк сетрикетан!» прокричал он сквозь громяхающий ливень.

Замаскированная Кёрк встала. «Хайэс, вой Магир!» крикнула она, понизив голос. «Элкета сирдар шокол Эдрианеф гахан боросакел.»

«Анви, Магир!» ответил солдат, и сразу махнул им проезжать. Шлагбаум контрольного пункта резко поднялся, и Варл повел транспортник вперед.

«Что вы ему сказали?» спросил Гаунт Кёрк, когда она села рядом с ним и сняла шлем.

«Что мой командир опаздывает на встречу в Эдриане, благодаря чертовому дождю, и в настроении пристрелить следующего идиота, который задержит его.»

Гаунт кивнул и затем задумался. «Майор?»

«Да?»

«Как вы ему это сказали?»

«Используя их язык, полковник-комиссар. Вы научитесь. Он необходим в подпольной работе.»

«Точно,» сказал Гаунт. Он откинулся назад, не вполне уверенный. Роун сел напротив, глядя на него. Гаунт знал взгляд в глазах своего заместителя.

«Снисхождение?» беззвучно спросил Роун.

Гаунт покачал головой.

Пlover, один из людей Кёрк, встал и посмотрел вперед, в зловещую ночь.

«Следующий поворот налево приведет к орнитонам Баксберга. Мы можем найти укрытие и хорошее место, чтобы залечь.» Кёрк согласилась. «Дай Мистеру Варлу инструкции,» сказала она, и повернулась, чтобы посмотреть на Гаунта. «Если это вас устроит.»

«Продолжайте,» сказал Гаунт.

Поворот увел их с главной дороги в гниющую тьму лесистой местности. Сильный дождь превратил дорогу в трясину, но большие гусеницы транспортного средства хорошо справлялись. Белый дым плыл от изгрызанных кислотой деревьев вокруг них, и здесь был острая вонь галогенов и серы.

Фонари выхватили впереди скопление зданий. Орнитон, типичная птицеферма в этом лесистом регионе, состояла из низкого остроконечного главного здания, складов, кормовых бункеров и длинного ряда из клеток. Место было заброшенным. Погрузочный трактор, ободранный до голого металла месяцами кислотных дождей, осел на главном дворе на разлагающихся шинах.

На главном здании не было крыши, но клетки все еще были нетронутыми и относительно сухими. Они воняли птичьим клеем и разложением. Отряд и его союзники выбрались из транспорта и помчались в укрытие. Пока разведчики проверяли зону на предмет безопасности, Ларкин, Крийд и Фейгор очистили небольшую часть пола от вонючей соломы, а Бростин установил несколько фонарей. Белтайн стал готовить еду. Ландерсон и Пlover вызвались помочь ему, установив портативную плиту и принеся воду от насоса снаружи, для очистки. Кёрк сидела в углу, поглощенная беседой с Пурчасоном и Акресоном. Лефивр сидел один в тени, углубившись в свои собственные мысли.

«Проверь всех,» сказал Гаунт Керт. Она кивнула. «Включая наших коллег,» добавил он.

«И что мне им сказать?» спросила она.

«Скажи им, что я беспокоюсь за здоровье каждого в моей команде.» Керт начала готовить свое снаряжение.

Из дождя появился Варл, припарковавший и заглушивший четырехгусеничный транспортник. Он направлялся к плите, чтобы согреть руки, но Гаунт схватил его за рукав, когда он проходил мимо.

«Сэр?»

«Найди вескую причину, чтобы незаметно подслушать Кёрк. Я хочу знать, о чем они говорят.»

«Понял вас,» сказал Варл.

Гаунт повернулся к Роуну. «Расставь часовых. Но удостоверься, что все нормально отдохнут.»

«Ясно,» сказал Роун. Он сделал паузу.

«Что-то еще на уме?»

Роун пожал плечами. «Я просто подумал,» прошептал он. «Если нам так уж сильно не нужна была бы их помощь, я бы их всех убил.»

«Но нам нужна их помощь.»

«Может быть,» сказал Роун. «Хотя, присматривай вон за тем,» тихо сказал он, указывая на Лефивра движением глаз. «Я имею ввиду, с Ландерсоном, кажется, все нормально, и, казалось бы, Кёрк знает, чего она стоит. Но вон тот...»

«Нервничает?»

«И даже больше.»

«Я заметил. Кажется, Ландерсон поддерживает его, как будто он близок к тому, чтобы сорваться.»

«Все, что нужно, это одно слово. Одно слово от тебя.»

«Я знаю,» сказал Гаунт. «Как бы то ни было, майор, я склонен согласиться. Если бы нам не нужна была их помощь так сильно, я думаю, что тоже убил бы их.»

«Кто здесь командует?» прорычал Уэкскулл, когда ворвался в зал. Свет от висящих светосфер отразился от его рифленой медной брони. Главный Сирдар Дареш быстро поднялся на ноги, со скрипом отодвинув назад стул. Он положил вилку рядом со своим наполовину съеденным ужином и поспешил проглотить кусок, который жевал.

«Я, лорд,» сказал он. Обеденный зал в Штаб-квартире Окупационных Сил Инейрона затих, и остальные офицеры повскакивали на ноги за длинным столом в ужасающей тишине. Дождь стучал по ставням. Уэкскулл был таким массивным, что ему пришлось повернуться боком, чтобы пройти в дверной проем.

«Вы некомпетентный слабак,» сказал Уэкскулл, и прострелил Дарешу голову из болт-пистолета. Единственный выстрел вызвал оглушительный грохот в тесных границах зала. Практически обезглавленное тело Дареша отлетело назад от стола, перевернув стул. Буря из крови и мозгов забрызгала офицеров, стоящих по стойке смирно у стола. Они вздрогнули, но ни один из них не осмелился двинуться, даже чтобы вытереть мозги с лиц.

Уэкскулл прошелся вдоль стола, гидравлика его брони трещала и шелкала. Деревянный пол скрипел под его огромным весом. Двое его воинов заняли позиции у дверного проема.

Уэкскулл дошел до конца стола. Он откинул с дороги безвольное тело Дареша ногой, и поставил стул. Затем он сел на него. Стул застонал под массой монстра.

Уэкскулл положил свой гравированный болт-пистолет на стол рядом с собой. Бледный дымок все еще струился из дула.

«Кто,» спросил Уэкскулл, его голос был похож на скольжение сухих чешуек, «заместитель? Если, например, командующий гарнизоном внезапно лишился мозговой активности?» Была нервирующая тишина. Уэкскулл взял вилку Дареша, поддел кусочек жирного мяса и закинул себе в рот, не обращая внимания на пятнышки свежей крови, которые попали на еду, вилку, тарелку и стол.

Он прожевал. Проглотил. «Я что выгляжу так, как будто у меня есть вся ночь?» проскрипел он.

«Я... Я, лорд,» сказал офицер, стоящий слева от него.

«Ты? Имя?»

«Эрод, Вице Сирдар.»

Уэкскулл кивнул, поигрывая с вилкой. Затем он крутанулся и вогнал вилку Эроду в горло. Эрод попятился назад с руками, прижатыми к шее, и искаженным лицом, и рухнул на спину, корчась и блюя кровью.

«Урок номер один,» сказал Уэкскулл сквозь звуки человека, тонущего в жидкостях своего тела. «Когда я задаю вопрос, то ожидаю немедленного ответа. Вице Сирдар

Эрод не был бы в таком затруднительном положении, если бы ответил сразу, когда я спросил. По натуре, я не опасный человек.» Воины у двери давились от смеха.

«Эх, ладно. Я. Я на самом деле. Я выращен, тренирован и оснащен для одной цели. Чтобы убивать врагов. Я понимаю, что не обладаю утонченностью. Утонченность не была частью моих тренировок. Я не губернатор, не ординал, не законник, не вычислитель пошлин. Наместник держит меня здесь, как часть Оккупационных сил, по простой причине. Чтобы убивать врагов Анарха.» Последовала долгая пауза.

«Кто заместитель заместителя?» спросил Уэкскулл.

«Я, лорд,» сказал офицер справа от него, стареющий солдат, чье лицо было сильно заляпано кровью Дареша.

«Хорошо,» кивнул Уэкскулл. «Быстро. Послушно. И твое имя?»

«Второй Вице Сирдар Икюн, лорд.»

«Ты быстро отвечаешь, Икюн. Ты научился. Я не убью тебя. Если, конечно, ты не враг Анарха. Возможно, ты враг Анарха, Икюн?»

«Нет, лорд. Я верен Анарху, чьему слову мы служим --»

«И чье слово заглушает все остальные,» закончил Уэкскулл, поднимая руку, чтобы прикрыть рот.

«Икюн, теперь ты командуешь. Командование оккупационными силами Инейрон Тауна в твоих руках. Твоим первым заданием будет объяснить мне, почему повстанцы не были обнаружены и уничтожены.»

«Лорд, мы обыскали город. Ночью пробудились проволочные волки, и они тоже ничего не нашли. Проверки были удвоены, от дома к дому --»

Уэкскулл поднял руку. «Я в городе уже три часа. Я видел патрули, занимающиеся поисками. Я знаю, что было сделано. Что меня интересует, так это то, что *не* было сделано.»

«Да, лорд.»

Уэкскулл вытащил планшет из сумки на поясе и пролистал дисплей. «Патруль экскувиров был уничтожен у Перекрестка Шэдоутонленд. Террористическая кампания. Взрывы. Вчерашняя перестрелка в черте города оставила большую часть еще двух отрядов экскувиров мертвыми. Использовано лазерное оружие. Это не работа ячеек сопротивления.»

«Нет, лорд. Я не думаю, что их.»

«Значит... что-то более опасное, чем ячейка сопротивления, было активно в этом болоте. Называй меня старомодным, но разве все это не предполагало сделать приоритетом для старшего штабного состава нахождение нарушителей и их ликвидацию?»

«Я полагаю, что так, лорд,» ответил Икюн.

«Однако... и однако, вы сидите здесь и ужинаете.»

Икюн рискнул поднять руку, чтобы вытереть кровь, которая начинала течь ему в глаз.

«Я прошу разрешения, лорд, исправить эту ошибку немедленно и перевести старший состав в охотничий режим.»

«Это было бы хорошо,» сказал Уэкскулл. «Разрешаю.»

Икюн сделал шаг назад от стола, отдал честь, и повернулся отдать приказ замершим офицерам вокруг него. Уэкскулл взял свой болт-пистолет.

«Икюн?»

Человек замер, трясась.

Уэкскулл мастерски повернул пистолет в руке так, что рукоятка указывала на Икюна.

«До того, как ты начнешь, пристрелишь Эрода? Он производит чертовски неприятные звуки.» Икюн взял болт-пистолет, прочистил глотку, и обошел стол. Эрод, его лицо было синим, метался на полу в луже крови. Он схватил Икюна за лодыжку. Пытаясь выглядеть пренебрежительным, Икюн выстрелил ему промеж глаз. Удар от выстрела подбросил воткнутую вилку в воздух.

Она со звоном приземлилась. Наводящее ужас бульканье исчезло.

Икюн протянул оружие Уэкскуллу.

«Найди мне что-нибудь,» сказал ему Уэкскулл. «Найди мне что-нибудь за следующие пятнадцать минут, или я буду спрашивать со следующего по старшинству.»

Призраки расположились для сна, уставшие и наевшиеся достаточно хорошо блюдом, которое состряпал Белтайн. Кислотный дождь все еще стучал по низкой крыше орнитона. Керт подошла к Гаунту с чашкой кофеина.

«Что?» спросил он.

«Не здесь,» сказала она, и потянула его в дальнюю часть длинного здания. Бростин и Фейгор посмеивались, пока смотрели, как Крийд и Варл играют в регицид. Все остальные дремали.

«Что?» спросил Гаунт.

«Я их всех проверила,» сказала Керт. «Твоя леди-друг, и ее человек Акресон... у них паразиты в предплечьях.»

«Ты уверена?»

«Ибрам, они не делали попыток скрывать их. Трон, это мерзкие, ужасные вещи. Глубоко залегающие. Ландерсон и остальные вырезали своих.»

«Ясно,» сказал Гаунт. «Пойди, найди для меня Мколла.»

Икюн быстрым шагом зашел в комнату управления и отдал честь Уэкскуллу. Вокруг них, в свете ламп, ординалы и сервиторы управляли щелкающими кодиферами и приборами командного крыла.

«Что у тебя для меня есть, главный сирдар?» спросил Уэкскулл.

Икюн протянул планшет.

«Военный патруль не доложил, лорд. Он ушел этим утром, чтобы обыскать фермы вдоль дороги Шэдоутонленда. Гарнизон записал его в пропавший.»

Уэкскулл изучил данные. «Целый отряд? Как это возможно? И куда делся их чертов транспортник?»

«По записям вокс-логов последняя проверка отряда была прямо перед полуднем. Они выгрузились, чтобы обыскать сельскохозяйственный комплекс Парцельсона.»

«Где это, во имя Глаза?»

«Сразу за городом. Я отправил еще отряд, чтобы проверить это место.»

«Есть что-то еще, не так ли, Икюн?»

«Лорд?»

«Ты выглядишь довольным собой.»

Икюн вытащил еще один планшет. «Отряд использовал четырехгусеничный транспортник, серийный номер II/V. Машина с этим номером проехала на контрольном пункте у Баксберга недавно ночью.»

«Баксберг? Это где?»

«На границе провинции Эдриан, лорд.»

Уэкскулл улыбнулся. Вид его зубов заставил почувствовать Икюна себя нехорошо. «Свяжись с Оккупационными Силами Эдриана. Скажи им, что я хочу поговорить с их командующим областью. Скажи им, в каком я настроении, Икюн. Расскажи им, как я без сожаления убил ваших старших офицеров. Скажи им, что я к ним направляюсь. Пусть связь переключат на мой корабль. Я хочу, чтобы целый батальон был мобилизован и готов в Баксберге к тому времени, когда я прибуду.»

«Да, лорд,» ответил Икюн. Когда Уэкскулл вышел из комнаты, Икюн слегка осел. Он все еще был жив.

«Свяжите меня с Командованием Эдриана,» бросил он.

«Полковник-комиссар?»

Кёрк вошла в хранилище для кормов через низкий дверной проем. Горела единственная лампа. Снаружи падал дождь.

«Привет, Кёрк,» сказал Гаунт, появляясь из тени.

«Что это?» спросила она, ее привлекательное лицо с любопытством наклонилось.
«Мне нужно поспать. У нас будет длинный день.»

Он подошел ближе. «День подождет,» сказал он. «Саббатина... могу я тебя так называть? Саббатина, в тебе что-то есть. Что-то, что меня крайне интригует.» Она улыбнулась. «Хорошо, я тоже это почувствовала. Но сейчас не время и не место...»

«Почему?» спросил он. Теперь он был прямо перед ней. Высокий, коренастый. Горячий. Его нос почти касался ее носа. Его руки обхватили ее талию.

«Саббатина...»

«Серьезно, я... я не думаю, что...»

Его сильная рука схватила ее руку. Вывернула. Она взвизгнула.

«Гаунт, что?»

«Что, в самом деле. Во имя Трона, что это, Кёрк? Ответь мне?» Он рванул вверх ее рукав. Имаго, в своем темном волдыре, билось на фоне ее бледной кожи.

«Ты ублюдок!» сказала она.

«Ой, пожалуйста,» резко бросил он, выворачивая ее руку, чтобы свет лампы попал на имаго. «Почему бы тебе не объяснить --»

Ее удар кулаком застал его врасплох. В основание шеи. В нервную точку. Пока он сгибался, он проклял себя за то, что был так глуп. Он упал коленями на солому. Вырвавшись, она хорошенько его пнула прямо в ухо.

«Фес!» прорычал он.

«И это все, чему я позволю тебе сойти с рук,» сказал Мквеннер, выскальзывая из теней.

Она резко обернулась к нему. У него в руках была двухметровая тонкая стойка от забора, настоящий посох. Одним концом он выбил и отбросил автопистолет, когда она вытащила его. Второй конец опрокинул ее, и пока она лежала, скрючившись от боли, посох опустился ей на плечи и прижал руки.

«Спасибо, Вен,» сказал Гаунт, поднимаясь на ноги. «Очевидно, в будущем я не захочу, чтобы ты вот так удерживал тех, с кем я иду на свидание.»

Вен рассмеялся.

«У тебя имаго,» сказал Гаунт Кёрк. Она плюнула в него, крепко прижатая посохом Мквеннера.

«Ты ублюдок! Я думала, что у нас степень доверия!»

«Была. Есть. Но я хочу, чтобы ты объяснилась.»

«Насчет этого?» сказала она, смотря на личинку в ее руке.

«Да, Кёрк,» ответил Гаунт, вытаскивая один из болт-пистолетов из кобуры на груди и взводя его.

«Я – комиссар, в первую очередь. И лучше бы, чтобы твои следующие слова были фесово хорошими.»

«Этот имаго дает разрешение как на день, так и на ночь, идиот. Я бы была дурой, если бы удалила его. Как ты, черт тебя дери, думаешь, почему сопротивление остается активным? Нам нужно пользоваться всем, что у нас есть, чтобы обманывать их глюфы и сканеры. Ты думаешь, что мне нравится иметь эту штуку, вгрызшуюся мне в руку? Ты ублюдок! Я не смогу провести вас в Эдриан без этого. Я никуда не смогу провести вас! Это все из-за разрешений! Некоторые из нас удалили их, если они ограничены, но у Акресона и у меня есть полный доступ.» Она остановилась.

«Акресон. Что ты с ним сделал?»

«Еще ничего,» сказал Гаунт.

Она посмотрела на него. «Нам нужно работать по их правилам, Гаунт. Пожалуйста, верь мне. Это единственная причина, по которой я не удалила эту тварь из себя. Она слишком полезная, Ибрам... пожалуйста.» Гаунт убрал оружие в кобуру.

«Отпусти ее, Вен,» сказал он.

Дрожа под проливным дождем, пара кораблей смерти повернула в сторону Баксберга. В ведущем корабле Уэкскулл готовил свое оружие. Сидящие рядом с ним,

его четыре воина делали то же самое. Они прошли через множество театров военных действий с ним. Он знал их, доверял им.

Уэкскулл пристегнул свою автопушку на наплечник и присоединил сервопитатели.

«Приближаемся к Баксбергу. Четыре минуты,» воксировал пилот.

Уэкскулл воткнул рожковый магазин в свой болт-пистолет.

«Приготовиться к выходу,» прошипел он.

Пропищал вокс. «Лорд, это Икюн.»

«Продолжай.»

«Поисковой отряд доложил. Они нашли весь патруль в силосной яме. Все мертвы. Различные типы ран.»

«Тактика коммандос, Икюн?»

«Несомненно, лорд.»

«Понял. Конец связи.» Монстр повернулся к своим воинам. «Имперская Гвардия. Специалисты. Похоже, что они чертовски хороши в том, что делают. Но, тем не менее, они всего лишь люди. Это должно закончиться быстро.» Его воины прорычали согласие.

«У нас уже есть местоположение?» рявкнул Уэкскулл.

Пилот быстро ответил. «Контрольный пункт Баксберга направляет нас в вероятную зону, лорд. В лесной глуши множество заброшенных орнитонов, в стороне от главной дороги, и в одном была замечена активность.»

«Птицефермы?» задал вопрос Уэкскулл.

«Да, лорд,» сказал пилот.

Уэкскулл улыбнулся. «Будем считать, что их уже ощипали.»

Пощады не было. Первый из кораблей смерти с воющими двигателями снижался до тех пор, пока его корпус не стал цепляться за мокрые деревья, а затем открыл огонь из передних орудий. Дождливую ночь внезапно осветили вспышки яркого желтого света, которые выхватывали косой дождь, как в показровой съемке. Облака пара поднимались от вентиляционных отверстий пушек, когда они нагрелись. Поток мощного огня уничтожил стены главного здания и подбросил черепицу и раскошенный камень высоко в воздух.

Корабль смерти стабилизировался и сделал круг вокруг двора орнитона на низкой высоте. Его пушки снова начали стрелять, разнося в щепки ряд сараев.

Другой корабль завис над подъездной дорогой и открыл люки. Уэкскулл выскочил первым, зашлепав по грязной дорожке в темноту. Аугметические сенсоры, встроенные в его горжет и сторону черепа, автоматически выбрали обзор при слабом освещении. Фильтры опустились ему на глаза.

Мир превратился в красное пятно, темно-красный означал холодные зоны, переходящий в бледно-розовый, означающий источники тепла. Вспышки стволов зависшего над головой корабля смерти считывались, как обжигающие белые вспышки, которые накладывались друг на друга, когда их остаточные изображения мягко пропадали.

Уэкскулл дошел до границы двора, со своим отрядом по пятам. Он услышал первые выстрелы из ручного оружия: болтерные снаряды разрезали ночь, как маленькие кометы, слева от него, когда Челгур открыл огонь по задней части главного здания. Улучшенные слуховые сенсоры Уэкскулла засекли скрипучий звук боли в человеческом голосе посреди ужасного шума от пушек и двигателей лифтера. Звуки гортанных голосов металась взад и вперед по воксу между монструозными Космодесантниками Хаоса.

«Главное здание зачищено,» воксировал Гургой. «Трое убито.»

«Сараи зачищены. Здесь еще два трупа,» доложил Вираг.

Взорвалась граната, заполняя края обзора Уэкскулла шариком света. Еще вскрики, и один долгий вопль агонии. Струя воздуха от зависшего корабля забрызгала его жидкой грязью, и он чувствовал очаровательное шипение кислотного дождя на своей плоти. Он проломился сквозь деревянную стену ближайшего птичника. Что-то пробиралось в тенях справа от него, но он видел только тепло и холод. Его пушка ожила, выплевывая обжигающие вспышки, отдача швыряла ее назад в зажиме на верхней части его брони. Что-то, сделанное из мяса и костей, распалось на атомы. Еще одна точка тепла,двигающаяся на фоне холодного дождя, морозящего сквозь крышу. Уэкскулл выстрелил из болт-пистолета и увидел, как розовое очертание человека свалилось на пол. Он пошел вперед большими шагами, чувствуя кровь сквозь запах птичьего клея, кислоты и плывущего дыма.

Незера ворвался в поле видимости слева от него, разрезая стальную сетку своим силовым когтем, его болт-пистолет стрелял в глубину птичника, когда он пробивался внутрь.

«Иди налево!» проворчал Уэкскулл. Он сделал еще несколько шагов, а затем замер, когда очередь из легкого стрелкового оружия – пули маленького калибра – были безвредно остановлены его броней. Отследив траекторию, он снова разрядил свою пушку, обрушив часть крыши. Он кратко увидел очертание стрелка в своей оптике, разворачивающееся, оборванное, как раз перед тем, как на него упала крыша.

Еще больше жалкого оружейного огня прозвучало в его сторону. Наконец-то сопротивление, хотя это вряд ли был тот вид спорта, которого он с нетерпением ждал.

Бонин указал рукой. Там мало что было видно – всего лишь отдаленные вспышки, которые освещали деревья на фоне окружающей ночи. Но было достаточно звуков, несущихся сквозь дождь. Глухие выстрелы тяжелых пушек. Свист двигателей.

«Фес,» прошептал Гаунт. «Далеко?»

«Не далее двух километров,» ответил разведчик.

Гаунт поспешил назад в птичник. «Вставайте! Все! Мы уходим!» Отряд начал стряхивать с себя сон, холод и ооченение.

«Давайте! Именем Императора! Сейчас!»

Призраков не нужно было больше подгонять. Кёрт тоже вскочила на ноги и привела в форму своих бойцов. Лефивр проснулся с криком, и Кёрк зажала ему рот рукой, пытаясь заставить его вспомнить, где он находится.

«Транспортник?» спросил Варл Гаунта, когда подбежал.

«Нет, мы не можем рисковать, заводя его. Пешком, через задний вход. Мколл! Выключи лампы! Вен! Найди нам выход. Посоветуйся с Кёрк!»

Мколл и Белтайн собрали лампы и выключили их.

«Без звука!» бросил Роун, закидывая ранец на плечи.

Он получил краткий ответ от всех, за исключением Ларкина.

«Выводи их,» сказал Гаунт Роуну. «Как можно быстрее. Я найду его.» Ларкин свернулся калачиком в покрытой соломой клетке. Он спал, несмотря на суету. Гаунт потряс его.

«Ларкс! Вставай!»

Лицо Ларкина было бледным тонким очертанием во мраке.

«Время пришло, Еще Разок?» прошептал он.

«Вставай, Ларкин!»

«Как это – быть мертвым?»

Гаунт ударил снайпера по лицу. «Ларкин! Просыпайся! У нас проблемы!» Ларкин вздрогнул и тихо застонал, когда осознал, где находится.

«Собирайся. Ничего не забудь. Идем, Ларкс, мне нужно, чтобы ты был бдительным.»

«Фес это все,» захныкал Ларкин. «Мне снилось, что я был мертв, а теперь я проснулся и обнаружил, что все намного хуже.»

Роун и Мквеннер вывели группу через задний двор орнитона в направлении деревьев. Было абсолютно темно, и они закутались в свои камуфляжные плащи против обжигающего дождя.

Влажный воздух был едким и проникал в их глотки. Крийд шла позади, подгоняя людей Кёрк.

Последними из обветшалой фермы ушли Гаунт и Ларкин. В отдалении пушечный огонь прекратился.

Челгур поднял шипящий осветительный патрон в левой лапше, и в его свете Уэкскулл присел и перевернул ближайшее тело. Болтерный огонь искалечил его, но не так сильно, чтобы Уэкскулл не смог рассмотреть рваное тряпье и истощенное телосложение. Остальные были такими же.

«Беженцы. Неразрешенные,» пробормотал Уэкскулл, его голос был сухим, как потрескавшаяся грязь.

Одно из тел сжимало старое малокалиберное ружье. Не было никаких признаков лазганов.

«Если конечно стандарты не понизились, то это не солдаты Фальшивого Императора,» сказал Уэкскулл.

Челгур грубо рассмеялся над ироничной насмешкой своего лидера. «Мы потеряли ночь, чтобы выследить неразрешенных преступников.»

По воксу протрещала статика. «Говори,» сказал Уэкскулл, вставая на ноги. «Ауспекс показывает большой металлический объект в лесу в 2310 метрах к востоку от нас, лорд.»

«Выдвигаемся!» крикнул Уэкскулл.

Они проделали большой путь в обглоданном кислотой лесу, когда слышали звук кораблей смерти позади них. Машины кружили над орнитонам, вода прожекторами над разрушенными постройками.

«Они найдут транспортник,» сказал Варл.

«Это им не поможет,» ответил Роун.

«Давайте просто идти,» сказал Гаунт. Его кожа зудела от дождя, а пар от разлагающихся листьев под ногами заставлял их задыхаться.

Согласно Кёрк, более густой лес лежал к западу от них, а затем было что-то, что она называла Антилл, и что не казалось подходящим вариантом. Она направила их на север. Они были, уверяла она, примерно в десяти километрах от одной из главных дорог, идущих через Провинцию Эдриан, и как только они туда доберутся, то будут недалеко от небольших городков. В одном из них, надеялась она, они смогут выйти на контакт с местной ячейкой.

«Но теперь провести вашу команду через провинцию будет нелегко,» сказала она. «Весьма вероятно, что враг будет в состоянии боеготовности. Гарнизоны будут мобилизованы. Но мы рискнем.»

«Есть альтернатива?» спросил Мколл.

«Мы бы могли сделать крюк на востоке, может быть через холмы. Но это долгое путешествие. Пешком – месяц. И это без проблем. Если они не найдут нас около Эдриана, то расширят зону поиска.»

Гаунт ничего не сказал. Он ожидал проблемы с самого начала, но это было просто невезение. Оккупация была плотнее, чем он надеялся, и он сомневался, что врагу понадобится много времени, чтобы выяснить, что они делают на Гереоне.

Если только, думал он, они не умудрятся увести их немного в сторону. Кроме того реализация этой идеи займет не слишком много времени. У них были более неотложные проблемы.

«Это пропавший транспорт,» сказал Гургой. Уэкскулл кивнул. Схватившись за поручень над головой, он еще немного высунулся из люка парящего корабля смерти и присмотрелся. Колеблющиеся прожекторы освещали заброшенный орнитон сквозь дождь.

«Признаки жизни?»

«Ничего человеческого, лорд,» воксировал пилот.

«Летим на север,» приказал Уэкскулл. «Медленно и низко.»

«Да, лорд.»

Два боевых корабля начали красться вперед над лесистой местностью. Уэкскулл знал, что не стоит и пытаться выслеживать повстанцев на земле. Кислотный дождь уже стер все следы. Он снова активировал свое тепловизионное зрение, всматриваясь в деревья, в надежде засечь какое-нибудь бледное мерцание тепла от тела. Он не видел ничего, кроме смутного розового пятна. Кислотное разложение подняло температуру листьев и земли в лесу, когда пожирало органику. Считывать было нечего. Человек мог бы стоять на открытой местности внизу и быть невидимым на фоне окружающего излучения.

«Где сейчас местный батальон?» спросил он.

«На пропускном пункте Баксберга, как вы приказали, лорд,» ответил пилот. «Еще одна бригада движется по дороге Эдриана.»

«Передай мои приказы. Батальон выдвигается в лес и прочесывает его. Схема поиска, развертка на север. Бригада выставляет пикет вдоль дороги и задерживает все, что выметает зачистка.»

«Да, лорд.»

«Это будет сделано именем Анарха, чье слово заглушает все остальные,» сказал Уэкскулл.

Он чувствовал намек на провал. Это было чем-то таким, чему он не был рад, и что он нечасто испытывал.

Возможно, к рассвету он заставит это ощущение уйти.

Темные очертания на еще более темном небе, два корабля смерти пролетели над головой, длинные белые лучи поисковых прожекторов проникали сквозь гниющий лесной покров. Поток воздуха заставил ветки раскачиваться и хрустеть.

Как только они пролетели, Призраки выбрались из укрытия. Они накрыли себя камуфляжными плащами, сгрудившись с бойцами сопротивления, чтобы те могли разделить маскировку.

«Спасибо вам,» сказал Ландерсон. Он прятался под плащом Крийд.

Она пожала плечами. «Если они найдут тебя, то и меня они найдут,» сказала она.

«Не разговаривать,» сказал Роун. «Идем дальше.»

В конце колонны Мколл остановился и слегка наклонил голову, прислушиваясь.

Позади них, на юге, начали лаять гончие.

ДВЕНАДЦАТЬ

Когда фегат проснулся, он заметил три странные вещи.

Бастион казался очень тихим, это первое. Было все еще рано (предположил он, так как у него не было хронометра), и его комната в башне была удаленной, но даже в этом случае не было совершенно никаких звуков.

Второй вещью было то, что дверь в его комнату была приоткрытой.

Это было по-настоящему странно. Телохранитель никогда бы не сделал чего-то такого, столь небрежного. Может быть, один из лакеев бастиона? В таком случае болвану не понравится выговор Десолэйна.

Но все-таки, по какой бы то ни было причине, дверь была открыта. Фегат чувствовал, как из двери тянет, холодный воздух на своей коже. Открытая дверь...

Фегат сел на стальной конструкции, которая служила ему кроватью. Как только он оказался в вертикальном положении – даже слишком внезапно – давняя накопленная боль от сеансов транскодирования обрушилась на него. Ощущение было такое, как будто заднюю часть его черепа использовали, как полковой гонг, созывающий на ужин. Боль взорвалась на задней части глаз, и он почувствовал звон в ушах. Обнаженный, он полувстал, полуупал с конструкции и его сильно вырвало в стальной горшок, который служил ему туалетом. Рвало его ужасно, и к тому времени, как он успокоился, кровь бежала у него из ноздрей.

Трясаясь, его голова все еще кружилась, он встал на ноги. И вот тогда он осознал третью странную вещь.

Он не был прикован к конструкции.

Он стоял, озадаченный, довольно долго. Затем он дохромал до стула в углу и натянул тунику и штаны, которые лежали сложенными на сиденье.

Очень медленно он подошел к двери.

«Десолэйн?» тихо сказал он, его глотка охрипла от блевания. Никто не ответил. Он потянулся и притронулся к двери, а, когда она не захлопнулась, он осторожно открыл ее.

«Десолэйн?»

В вестибюле было пусто. Сильный холодный солнечный свет проникал сквозь высокие узкие окна. На дальней стороне вестибюля армированная дверь в холл тоже была открыта.

Фегат сделал еще один шаг вперед.

«Десолэйн?» позвал он.

Через сорок пять минут Десолэйн нашел фегата. Он был в комнате, сидел на деревянном стуле лицом к открытой двери. «Доброе утро, фегат,» сказал Десолэйн.

«Все двери были открыты. Я не был прикован.»

«В самом деле?» сказал телохранитель. «Кто-то был невнимателен.»

«Я не знал, что делать. Я звал тебя, но ты не отвечал. Поэтому я сел тут.»

«Двери были открыты, и ты не был прикован, фегат. Разве ты не подумал сбежать из этой тюрьмы?»

Фегат выглядел шокированным этим предложением. «Нет. Конечно, нет. Куда бы я пошел? Я знаю, что здесь я для собственной безопасности.» Он сделал паузу и поднял взгляд на телохранителя. «Это...» начал он, «был еще один обман? Тест?»

«Можешь называть это так, фегат,» признался Десолэйн, вызывая лакея с подносом с завтраком. «Прошлой ночью я говорил с псайкерами. Они доложили, что вчера, впервые, транскодирование принесло плоды. Внешние мнемонические барьеры были стерты. Целый слой энграмматического подавления был убран.»

«Что... что они выяснили?» спросил фегат.

«Ничего. Еще ничего. Но они, наконец-то, убрали, если угодно, оболочку ментального блока, и могут видеть, как он работает внутри. Они прикидывают, что в течение недели точное транскодирование полностью разблокирует твою память.»

Фегат обдумал это. «Тогда зачем этот сегодняшний тест?» спросил он.

«Это посчитали разумным. Псайкеры предположили что, когда твой ментальный блок исчезнет, твоя личность может снова проявить некоторую свободу воли. Они размышляли, как это может повлиять на твою верность и на твое решение встать на нашу сторону.»

«Значит, это ты оставил дверь открытой?»

«Да, фегат.»

«Чтобы увидеть не стану ли я внезапно снова верен Золотому Трону?» Десолэйн вздрогнул. «Да, фегат. Пожалуйста, попытайся больше не использовать эту фразу.» Фегат улыбнулся. Это было любопытное и мрачное выражение. Он поднял свою аугметическую руку. Протезу было более пяти лет, но время не смягчило гребни рубцовой ткани в том месте, где его поженили с обручком запястья. «Видишь это?» сказал он.

«Да,» сказал Десолэйн.

«Из-за этого, и еще из-за многого другого, я никогда не вернусь назад. Не проверяй меня снова. Это ниже нас обоих.»

С первыми лучами Призраки добрались до северной границы леса. Что лежало по эту сторону – очевидно холмистая пахотная земля – было затянуто густой пеленой дыма. Дождь закончился перед рассветом, но воздух оставался влажным и содержал кислотную гниль.

На отдалении, как ряд чудовищных часовых, отмечающих границы Провинции Эдриан, из тумана выросли гигантские ветряные мельницы, их огромные лопасти были неподвижны в неподвижном воздухе. Дремлющие с вторжения, мельницы больше не производили муку. Широкие флаги безвольно свисали с некоторых лопастей, украшенные безумными эмблемами Губительных Сил.

Они сделали короткий привал на границе леса. По звукам из леса они знали, что охотничьи отряды, которые мчались по лесу у них по пятам всю ночь, были менее, чем в получасе позади них.

Главная дорога пролежала внизу долины, ниже линии деревьев, примерно на расстоянии полукилометра.

Большая часть видимой длины дороги была на насыпи. Хотя и частично скрытые туманом, на этой насыпи можно было увидеть машины и фигуры. Вражеские солдаты. Транспорты. Они хорошо заняли дорогу. Это был другой конец клещей, ловушка, в которую их гнали охотничьи отряды.

«У нас другого выбора, как только двигаться вперед,» сказал Гаунт.

«Вы видели, сколько их там внизу?» ответил Ландерсон. Кёрк просто покачала головой.

«Поправка,» сказал Гаунт. «У нас есть еще два варианта: мы остаемся здесь и умираем, или мы возвращаемся в лес и умираем. Нам нужно пересечь эту дорогу, пробраться на расстоянии от ловушки. И я не спрашиваю вашего одобрения. Я говорю вам, что должно случиться.»

Он посмотрел на Кёрк. «Как только мы переберемся через дорогу, куда нам в идеале стоит пойти?» Она посоветовалась с Пloverом, который, казалось, располагал лучшими знаниями о местности. Он указал на северо-восток. «Эдриан Таун примерно в десяти километрах в ту сторону. Если бы у меня был выбор, я бы пошел в ту сторону. Там наиболее хороший шанс выйти на контакт с местной ячейкой.»

«Но они как раз будут ожидать, что мы пойдем в этом направлении,» сказала Кёрк. «Большой шанс, что там нас схватят.»

Пlover указал на северо-запад. «Два маленьких поселения в той стороне. Миллвэйл и Витхэд. Я думаю, что мы сможем войти в контакт там. Но ничего не обещаю. Когда я был там в последний раз, экскувиторы обложили маленькие сообщества.»

«Тогда мы пойдем в эту сторону,» сказал Гаунт. Он сделал жест ожидающим Призракам. «Держимся вместе, слушаем хорошо. Мы попытаемся прорваться через пикет. Переберемся через дорогу, пока время не ушло и туман все еще с нами. Видите ту ветряную мельницу?»

Он указал на одно из ближайших строений слева от них, в трех километрах. Оно выглядело, как шпиль собора, пробивающийся сквозь туман. Ярко-красный флаг висел между лопастями.

«Мельница с красным флагом,» сказал Гаунт. «Это наша точка встречи. Мы пересечем дорогу прямо под этой точкой, так что мы будем на открытой местности наименьшее возможное время. И мы будем прикрывать людей Майора Кёрк. Это значит, что будем делить накладки. Крийд, приглядывай за Ландерсоном. Белтайн, на тебе Акресон. Варл, Пурчасон твой. Фейгор, Пlover. Роун, будешь прикрывать майора. Лефивра я возьму с собой.»

«Я думаю, что мне --» начал Роун.

«Это решено,» прервал его Гаунт. «Теперь нам нужна диверсия. Мколл?» Сержант разведчиков почесал верхнюю губу. «Я возьму Вена и Бонина на восток. Мы что-нибудь придумаем.»

«Сэр?» Это был Ларкин. Он сканировал дорогу прицелом своего лонг-лаза. Они повернулись, чтобы увидеть, на что он указывал.

Справа от них по дороге приближался грузовик. Топливная цистерна. Он останавливался время от времени, чтобы пополнить баки машин пикета.

Мколл посмотрел на Гаунта и поднял бровь.

«Хорошо,» сказал Гаунт. «Император предоставляет. Возьми с собой Бростина. Оставь Бонина со мной.» Мколл кивнул.

«Увидимся на мельнице,» сказал Гаунт.

До того, как туман мог еще уменьшиться, они выскользнули от линии деревьев и направились вниз по склону через высокую мокрую траву к дороге. Казалось, что расстояние было небольшим, но усилия были титаническими.

Они передвигались на четвереньках под натянутыми камуфляжными плащами. Бонин был впереди, за ним следовали пары, неуклюже делящие накидки. В конце, за Керт, под ее же накидкой, полз Ларкин.

Под камуфляжем было жарко, и они начали потеть. Вскоре это стало попыткой не задыхаться, попыткой продвигаться вперед медленно и плавно. Прижимаясь к Пурчасону, Варл считал это весьма трудным. Он тащил тяжелое оружие Бростина, привязанное к его животу и груди. Они поменялись оружием, чтобы Бростин мог передвигаться более легко. Ящики с патронами свисали вокруг плеч Пурчасона. Он вызвался нести их. В полутьме под накидкой Варл вытер пот со лба и ухмыльнулся бойцу сопротивления. Пурчасон всего лишь закрыл глаза и зажмурился, капельки пота закапали с кончика носа.

Они приближались к дороге, мягко переставляя одну руку за раз. Теперь они могли слышать тихие разговоры солдат наверху, на дороге. Случайный хруст шагов. Удар двери машины. Керт поклялась, что может слышать запах сигарет с лху.

Гаунт чувствовал, что позади него Лефивр начинает напрягаться. Дыхание человека стало более поверхностным, и он продолжал останавливаться, чтобы нервно провести рукой по лицу. Гаунту приходилось проверять, как он ползет. Если бы Лефивр внезапно остановился, Гаунт рисковал стащить с него накидку и сделать видимым.

Где-то над ними офицер кричал своим людям. Голос был громким и грубым. Лефивр замер. Гаунт чувствовал, как тот дрожит. Под накидкой от человека несло кислым запахом пота. Его челюсть дрожала, а рот двигался, произнося беззвучные слова.

Гаунт взял Лефивра за плечо и повернул его лицо к своему. Гаунт мягко покачал головой.

Офицер крикнул снова. Гаунт увидел, как паническая атака охватила Лефивра, и перевернул его на траву, зажимая ему рот левой рукой.

«Дыши,» прошептал он, «глубоко и медленно. Дыши. Наполни легкие. Любой звук сейчас, и мы умрем, так что дыши, ради Императора.»

Дыхание Лефивра не замедлялось. Его глаза были дикими, побелевшими во мраке под накидкой.

Его начало трясти.

Мколл, Мквеннер и Бростин спешили через заросли на границе леса, следя за топливозаправщиком. Разведчики ничего не тревожили, но Бростин, большой и неуклюжий, продолжал ломать веточки и шуршать мокрыми листьями под ногами.

Мколл бросил взгляд на солдата с неодобрительным выражением.

«Старайся лучше,» прошипел он.

Бростин пожал плечами.

«Ты фесов Призрак! Используй свои навыки!»

«Я пытаюсь!» прошептал в ответ Бростин. «Фесовы разведчики,» пробормотал он про себя.

Мквеннер развернулся и положил раскрытую ладонь на шею Бростина. Бростин тяжело сглотнул. Он был грубым человеком, набитым мускулами, и давление было легким, но не стоило заблуждаться. Один поворот запястья, и Мквеннер сломает ему позвоночник.

«Делай так, как говорит сержант,» произнес Мквеннер. «Для этого дела ты нам нужен, но не так сильно.» Бростин кивнул. Мквеннер убрал руку. Они стали красться дальше.

Бростин зажал подмышкой лазган Варла и уставился на спину Мквеннера. У разведчика была репутация, настоящая репутация, и весь полк уважал его. Один из избранных Гаунта, один из привилегированных, как и все фесовы разведчики. Бростин, чья верность была отдана Роуну, презирал их всех до одного. Еще один такой фокус, подумал Бростин, и кому-то не повезет в беспорядке следующей перестрелки.

Мколл остановился и подал сигнал. Они надели свои плащи и начали ползти на животах вниз по склону к дороге.

Прямо под дорогой на высокой насыпи, деревья покрывали уклон до заболоченной водопропускной трубы. Бонин добрался туда первым и, осторожно забравшись в холодный омут, встал на ноги.

Он откинул свой плащ. На него падала тень от насыпи, и плыл туман.

Постепенно остальные добирались до него: Роун и Кёрк, Крийд и Ландерсон, Белтайн и Акресон. Потом Керт, потом Фейгор с Пloverом. Затем Варл и Пурчасон, сражающиеся с тяжелым оружием в защитном чехле.

Бонин распределил их позади себя жестами, и подал быстрый сигнал, чтобы они приготовили оружие. Они упирались в ил, спинами к насыпи. Из травы появился Ларкин, и поспешно добрался до Бонина, его сапоги оставляли всего лишь зыбь на стоячей воде.

Бонин кивнул ему.

Где босс? жестами спросил Ларкин.

Бонин почувствовал, как его сердце замерло, и огляделся вокруг. В двадцати метрах, вверх по склону, он мог видеть всего лишь очертание, прикрытое камуфляжным плащом в высокой траве. Оно не двигалось.

«Управляй им! Управляй своим страхом!» шипел Гаунт. «Фес тебя, Лефивр, возьми себя в руки!» Глаза Лефивра закатились. Задыхаясь под рукой Гаунта, Лефивр начал биться в конвульсиях.

В воздухе был сильный запах прометиума. Бормотали голоса. Они могли слышать дребезжащий звук насоса, работающего от двигателя заправщика.

Мколл, Мквеннер и Бростин крались по водопропускной трубе в тени дороги над ними. Солнце уже быстро поднималось, отбрасывая тень от дороги на покрытый травой склон. Они видели удлинённые очертания машин над ними, скучковавшиеся фигуры, вытянутые, как гиганты.

Мколл и Мквеннер повесили лазганы на спины и вытащили пистолеты с глушителями. Мколл посмотрел на Бростина.

Готов? показал он.

Бростин снова вдохнул запах топлива и улыбнулся.

Он кивнул.

Бонин всматривался в очертание в траве. Оно было все еще в тени дороги, но из-за той скорости, с какой поднималось солнце, оно не будет оставаться в тени очень долго. Накидка дергалась и колыхалась.

Какого феса...?

«Лефивр сдался,» прошептал Роун.

«Я возвращаюсь --» начал Бонин.

Роун покачал головой. «Ты нас всех выдашь. Остайся здесь.»

Бонин сердито посмотрел на него. «Но --»

«Ты меня слышал.»

Над ними, на дороге, снова слышались голоса.

«Вой алт ресер манчин?»

«Эйт вой? Экия ндех, магир.»

Что? Что они увидели? Роун посмотрел на Кёрк. Она покачала головой и подала сигнал «оставайся на месте.» Роун все равно вытащил свой боевой нож.

У Гаунта не было выбора. Свободной рукой он вытащил один из своих болт-пистолетов и ударил Лефивра рукояткой в висок. Боец ячейки потерял сознание. И затих. Наконец-то.

На участке дороги были два полугусеничных транспортера, топливозаправщик и группа солдат.

Они были хорошо освещены солнечным светом. Вокруг них, ниже края дороги, белый туман плыл, как дым.

Мколл перелез через край дороги и понесся в укрытие позади ближайшего транспортника. Он чувствовал запах топлива, слышал глухой шум работающего насоса. Когда мимо проходили двое солдат, он скользнул под полугусеничник, в масляную тень.

Он учуял дым.

«Акуэда вой смеклант!» прокричал голос.

«Магир, магир, алуст мой!» протестовал другой голос. Фигуры ушли в другую сторону. Двум солдатам, курящим сигареты с лхо, пока ждали, сирдар сделал выговор, чтобы они стояли подальше от заправщика.

Они подошли к краю дороги и смотрели на лес.

Под транспортником Мколл услышал дребезг. Насос остановился, и шланг был убран. Он услышал больше голосов и открытие двери кабины.

Заправка закончилась. Заправщик уезжал.

Он посмотрел на край дороги.

Мквеннер вырос позади курящих, болтающих солдат, высокий и худой, как призрак из тумана.

Он схватил одного в удушающий захват и воткнул нож другому в спину. Когда заколотый солдат тихо упал с дороги, Мквеннер крутанул захват и сломал другому шею. Он мягко положил труп на землю и поднял свой пистолет с глушителем.

Бростин вскарабкался позади него и встал на дороге. Каким-то образом он поймал одну из полувыкуренных сигарет с лхо, которую выронили люди. Равнодушно, как будто он делал утреннюю прогулку, Бростин откинулся назад и приложил сигарету к губам.

Он глубоко затянулся, вдохнул, выдохнул, и улыбнулся от удовольствия.

Двое солдат подошли к задней части полугусеничника и увидели его.

«Вой шет --» один начал кричать.

Мквеннер уже стоял на одном колене, держа рукоять пистолета двумя руками. Оружие быстро выстрелило и оба солдата с грохотом упали.

«Доесс скара, магир?» позвал голос.

Мквеннер побежал вперед, пока не прижался к заднему крылу транспортника. Он вздрогнул, когда залп из лазгана разрезал воздух позади него.

Мквеннер огляделся. Позади него появились еще трое солдат. Держа лазган в одной огромной руке, Бростин убил их, держа сигарету у рта большим и указательным пальцем другой руки.

Дорога сошла с ума. Солдаты появлялись отовсюду, встревоженные звуком стрельбы.

Голоса чужаков вопили и кричали.

Бростин наклонился при отдаче и послал еще одну очередь, с одной руки, которая отправила еще двух солдат архиврага на дорогу. Лазерные выстрелы полетели в его сторону.

Мквеннер убрал в кобуру свой пистолет и снял лазган, открывая огонь, как только поднял ствол. Он стрелял одиночными. Он редко тратил боеприпасы впустую на выстрелы в автоматическом режиме.

С прижатым к плечу оружием, он побежал вперед, прицеливаясь и уничтожая. Каждый выстрел был превосходным и убийственным. Люди падали.

Мколл все еще был под транспортником. Он пополз к передней части, пока не оказался под решеткой радиатора.

Его пистолет плевался. Офицер, который еще недавно разговаривал рядом с заправщиком, упал.

Затем то же самое случилось и с его адъютантом. Еще один солдат бежал в укрытие и упал на лицо.

«Бростин!» крикнул Мколл.

Бонин посмотрел вверх. Звуки выстрелов эхом летели с дороги. Яростная перестрелка. Фигуры над ними начали убегать. Завелись двигатели. Транспортники укатили.

«Диверсия,» сказал он Роуну.

«Давай переправляться,» сказал Роун.

«Сделай это сам,» бросил Бонин и побежал от трубы к очертаниям в траве.

«Идем!» крикнул Роун, и основная сила начала карабкаться по насыпи на дорогу.

Бонин добрался до Гаунта.

«Идемте, сэр!» крикнул он.

«Помоги мне с ним,» запротестовал Гаунт, пытаясь тащить безвольное тело Лефивра.

«Нет времени, сэр!» воскликнул Бонин.

«Сейчас, Бонин! Император Защищает!»

С проклятиями, Бонин схватился за ногу.

Мколл выбрался из-под транспортника и открыл огонь из своего лазгана. Мквеннер прикрывал его спину.

Серьезный огонь приближался с обоих направлений дороги. Отряды приближались пешком, и грузовики тоже были близко.

«Бростин!» крикнул Мколл. «Бростин, сейчас или никогда!» Он огляделся.

С винтовкой под мышкой, Бростин стоял около топливозаправщика. Водитель безвольно свисал, застреленный, из кабины. Бростин отцепил шланг и снова включил насос. Прометиум хлынул на дорогу, лясь потоком по дорожному полотну, стекая с насыпи, собираясь в лужи под транспортниками и скрюченными телами.

Бростин все еще курил сигарету. Она уже почти превратилась в окурок.

Мколл замер.

Бростин улыбнулся ему. «Все в порядке, сарж. Я сам справлюсь. Это по мне.» Мколл смотрел в изумлении. «Но --»

«Серьезно, валите на фес отсюда. Ты и Вен. *Сейчас же*, понял меня?»

Расстреляв последние заряды, Мколл и Мквеннер бросились с дороги в высокую траву со стороны мельниц.

Вонь прометиума в воздухе теперь была невероятно сильной.

Солдаты приближались с обеих сторон, придя в замешательство, когда их сапоги зашлепали по расширяющемуся озеру жидкого топлива, текущего по дороге. Поспешно они перестали стрелять и начали отступать.

Они все видели человека. Большого волосатого человека, стоящего около топливозаправщика с работающим насосом, со шлангом в одной руке и сигаретой в другой. Он заблестел с головы до ног, когда тоже окатил себя топливом.

«Вот оно,» ухмыльнулся Бростин. «Догадайтесь, что готовится.»

Он сделал последнюю, длинную затяжку, выдохнул, и затем бросил окурочок.

Окурочок дважды крутанулся в воздухе.

А затем двести метров дороги превратились в огненную стену.

ТРИНАДЦАТЬ

Поднявшись, оглушенные, Мколл и Мквеннер с трудом пробирались сквозь высокую траву, уходя от дороги, жар от огня чувствовался на спинах. Участки поля вокруг них пылали, искры и горящий шлак сыпались с неба. Оглянувшись назад, когда отважились, прикрывая глаза от яркого света, они увидели разрушенный участок дороги. Ад, в котором можно было увидеть лишь смутные очертания уничтоженных машин. Взрыв был таким мощным, что образовал в воздухе закрученный пончик из пламени, который поднялся в небо и, даже сейчас, становился все шире и шире.

На дороге они видели, что линия пикета распалась, когда люди ринулись помочь своим товарищам, а затем были отбиты назад неумолимым жаром.

«Святой Трон,» пробормотал Мколл.

«Идем к мельнице,» сказал Мквеннер. Его голос был беспристрастным. Казалось, что ничто не может взволновать мужественного разведчика, даже зрелище такого масштаба.

Затем он помедлил. Наконец что-то прорвалось через его сдержанность и вытащило наружу отклик.

«Фес меня...» сказал он.

Мколл присмотрелся. Фигура, прокладывающая дорогу в огне, пошатываясь брела сквозь траву ниже дороги. Она упала, и покаталась по земле, пытаясь потушить свою горящую одежду. Затем она снова поднялась и захромала к ним.

Это был Бростин. Его одежда выгорела, его волосы и брови сгорели, его кожа почернела и покрылась волдырями.

Но он был жив. И улыбался.

Они поспешили вниз по склону к нему.

«Я в порядке,» сказал он, его голос охрип.

«Какого феса... какого феса ты не умер?» спросил его Мколл.

Бростин колебался перед ответом. Там был бочонок геля, в задней части заправщика, замедляющий химическую реакцию в случае разлива топлива. Точно такой же, каким пользовался Бростин в свое время в пожарной службе на Танит Магна. Он окатил себя им как раз перед тем, как повернуть фокус с сигаретой. Это бы не помогло ему не загореться, только не в таком аду, но это защитило бы его на достаточно долгое время, чтобы выбраться. Бростин подумывал объяснить это Мколлу и Мквеннеру, но осознал, что, впервые, показал свои навыки и секреты, которые впечатлили невпечатлительных разведчиков. Он не захотел тратить этот момент превосходства на обычное объяснение.

Он сказал: «Я знаю огонь. Воевал с ним годами. Он не посмеет навредить мне, не после всего того, через что мы с ним прошли.»

Разведчики смотрели на него, подозревая, что их одурачили, но не нашли, что ответить.

Бростин вскарабкался по склону.

«Идем,» сказал он. «Мы не можем ждать весь день.»

«Спасибо вам, сэр,» сказал Ландерсон. Гаунт повернулся к нему. «За что?»

«За Лефивра. Вы могли его оставить. По праву, вы могли его убить. Он едва все не испортил.»

«Он был напуган. Не могу его за это винить.»

«Мы все напуганы,» сказал Ландерсон. «Мы все переживаем. Нервы Лефивра изношены, и он обуза --»

Гаунт поднял руку. «Слушай, Ландерсон. Ты и Лефивр, и другие члены ячейки рисковали всем, чтобы помочь моей команде. Я не могу отплатить тебе так, как ты этого хочешь от меня. Я не могу спасти твой мир. Но я чертовски постараюсь спасти любого из вас, если это будет в моих силах. Если мы не будем присматривать друг за другом, то можем уже сейчас прекратить это все.»

«Вы совсем не такой, каким я вас представлял,» сказал Ландерсон.

«Я знаю.»

«Нет, я имею ввиду... вы комиссар Гвардии. Я слышал истории. Истории о жестокости. Беспощадности. Железном правиле и решительном наказании.»

«Я - все эти вещи,» сказал Гаунт. «Когда мне нужно быть ими. Но у меня тоже есть душа. Я служу возлюбленному Императору, и я служу человечеству. Я верю, что эта служба распространяется на слабых и напуганных. Если бы я казнил твоего друга или бросил бы его умирать, каким бы слугой человечества это бы меня сделало?»

Умение завернуть воодушевляющую фразу хорошо служило Гаунту всю его карьеру. Ключевая часть работы любого комиссара заключалась в том, чтобы вселять

уверенность и ободрять, чтобы человек забыл о лишениях, которые испытывает, или ужасах, с которыми сталкивается. Он был хорош в этом. Прямо сейчас, с некоторым отвращением, он понял, что играет на этом умении, говоря то, что Ландерсон хочет услышать. Правда была в том, что он не хотел оставлять тело Лефивра позади, как и любую другую улику, которой архивраг мог воспользоваться. Если он собирался вытащить Лефивра, то было бы лучше, чтобы он был живой.

К тому же Гаунт хотел, чтобы Ландерсон оставался на его стороне. Сейчас Призраки нуждались в сопротивлении больше, чем когда-либо. Без их сотрудничества операция была обречена на провал. У Гаунта были серьезные опасения насчет Кёрк, а так же насчет ее коллег Пlovera и Акресона. Кроме того Ландерсон казался наименее испорченным из всех них. Надежный, заслуживающий доверия, управляемый. И верный. Гаунт не хотел порождать какие бы ни было обиды между своим отрядом и бойцами ячейки, обращаясь с ними, как с расходным материалом.

Так что он делал то, что делают комиссары с самой инаугурации в Официо Комиссариате.

Он придавал позитивный взгляд на вещи. Он вдохновил и зажег доверие.

Они были на мельнице уже двадцать минут. Опустошенная и покинутая, конструкция возвышалась над исчезающим туманом на вершине поля. Отсюда был вполне неплохой вид на дорогу, лежащую в трех километрах от мельницы. Гаунт мог видеть мерцающий свет от огромного пожара, а с помощью своего бинокля он смог разглядеть суматоху вдоль вражеской линии.

До сих пор не было никаких признаков диверсионной команды. Кёрк настаивала на уходе. «Не пройдет и часа, как они будут прочесывать зону,» говорила она Гаунту. Гаунт решил дать команде Мколла еще десять минут.

Он молился, чтобы они были живы. Пожар был огромным. Была ли это обещанная диверсия, или несчастный случай?

«Сходи, проверь Лефивра,» сказал Гаунт Ландерсону. «Скажи ему... скажи ему, что между нами все нормально. Я имею ввиду, между ним и мной. Никаких обид.»

Ландерсон повернулся и пошел внутрь мельницы, оставив Гаунт в дверном проеме. Гаунт посмотрел на отверстие для лебедки в двадцати метрах над ним.

«Есть что-нибудь?» крикнул он.

Появилась голова Ларкина и покачала.

«Продолжай смотреть, Ларкс.»

Гаунт большими шагами пошел вокруг огромного основания мельницы и вошел на погрузочную площадку. Фейгор стоял в дозоре на воротах, и кивнул своему командиру. Крийд нашла ржавый бак с водой и занималась очисткой воды, чтобы наполнить фляги.

«Есть что-нибудь от саржа?» спросила она Гаунта. Крийд сама была сержантом, первым женщиной-сержантом в Танитском Первом. Но все звали Мколла «саржем».

«Еще нет, Тона.»

Она пожала плечами. «У меня был сон прошлой ночью,» продолжила она. «Видела Каффа и детей. С ними все было в порядке.»

«Хорошо,» улыбнулся он. Они все страдали от ярких, иногда бредовых снов. Тона Крийд была бандиткой на Вергхасте, закаленная той тяжелой и бескомпромиссной жизнью, но она до сих пор демонстрировала удивительную наивность. Кричащие сны, которые Гереон возбуждал в их умах, для нее не были иллюзией. Она описывала свой сон, как важный факт, как будто она получила фотографию из дома. Гаунт не собирался разубеждать ее. Крийд была одной из самых надежных и честных людей в его команде, вместе с Венон и Мколлом.

«Насколько уменьшились припасы?» спросил он. Крийд и Белтайн разделяли ответственность за контролем над едой и боеприпасами отряда.

«В рационах до двух дней,» сказала она. «До четырех, если мы перейдем в режим экстренной экономии. Я не рекомендую это делать. Док Керт согласна. Мы станем медленными и уставшими. Время начинать мародерствовать.» Гаунт кивнул. Не было никакого способа принести с собой достаточно продовольствия на всю миссию. Мародерство было необходимым злом, и он откладывал этот момент. Как только

они начнут есть местную еду, это, скорее всего, ускорит влияние Хаоса на их организмы.

Время истекало.

«Боеприпасы?» спросил он.

«Много для тяжелого оружия, и почти полный запас гранат. Для лазганов запас уменьшился на треть. Пули это отдельная история. Очень мало. Мы были в слишком гаково многих перестрелках, чем ожидали, к данному этапу.»

Гаунт сжал губы. Они, определенно, были. Безвыходное положение в Инейрон Таун почти лишило его болтов и патронов для автопистолета.

«Сэр?»

«Да, Тона?»

«Вы знаете кого-нибудь по имени Вайлдер?»

«Вайлдер? Нет, я так не думаю.»

«Полковник Вайлдер. У него темные волосы, и он симпатичный человек.»

«Нет, сержант. Я не думаю, что знаю его. А что?»

Она улыбнулась, закручивая крышку на фляге. «Он тоже был в моем сне. Кафф назывл его 'сэр'.»

«Боюсь, что я не знаю, что это означает, Крийд,» сказал Гаунт.

«Ну ладно,» сказала она. «Я уверена, что Кафф расскажет мне.»

Фейгор позвал из-за ворот. Из тумана только что показались Мколл, Мквеннер и Бростин.

Ужасно густая пелена дыма зависла над дорогой. Уэкскулл выпрыгнул из люка корабля смерти и пошел сквозь загромождение транспортников, пока не дошел до точки, где поверхность дороги стала черной и вздувшейся. Позади него солдаты оккупационных сил стояли на коленях в страхе.

Перед ним лежал уничтоженный участок дороги. Покоробленный рокрит, обуглившиеся кучки, сожженные, расплавленные остатки машин.

«Несчастный случай с топливом?» спросил он.

Рядом с ним Вираг прочистил свою аугметическую глотку. «Лорд, мы думаем, что нет. Докладывали, что прямо перед воспламенением здесь была перестрелка.»

Уэкскулл медленно повернулся, чтобы посмотреть в сторону ветряных мельниц, которые уже медленно появлялись, потому что туман рассеивался. «Тогда они умерли здесь. Или они воспользовались суматохой, чтобы проскользнуть мимо пикета.»

«До сих пор они показывали себя хитрыми и находчивыми,» сказал Вираг. «Я думаю, что мы должны допустить, что они за дорогой. По крайней мере, некоторые из них.»

«Согласен,» сказал Уэкскулл. «Начни пункт за пунктом обыскивать территорию. Начни с мельниц и близлежащих деревень. У меня отвратительное чувство, что они водят меня за нос, и это не то ощущение, которое я хочу продлить. Найди их, Вираг. Найди их, или, по меньшей мере, покажи мне, где они. Я хочу убить их лично.»

«Да, лорд.»

«И еще кое-что,» сказал Уэкскулл. «Вызови всех сирдаров и остальных старших офицеров линии пикета. Пусть они придут ко мне в течение пяти минут.»

Вираг кивнул. Уэкскулл вытащил свой болтер и проверил магазин.

«В течение пяти минут, ты меня слышал? Я хочу наказать идиотов, которые допустили это.»

Идреша Ключ рыгала на него уже три часа. Хотя ее тощие, как скелеты, служанки и переводили гортанные вопросы, но фегат ощущал себя так, как будто на него рыгают уже слишком долго.

«Я устал,» сказал он.

Главный этнолог Анарха откинулась на своем гравикресле и сложила массивные пальцы на своей куполообразной груди.

«Мы едва начали, фегат,» сказала она, посредством одной телохранительницы.

Фегат пожал плечами. Этнолог смущала его. Не как личность – она была абсурдным монстром, и этого уже было достаточно. Нет, это было ее целью. Ее долгом было вникать во все детали жизни и культуры врага. Именно об этом она сказала ему на дамбе. Она задавала ему курьезные вопросы типа:

«Как человек делает знак аквилы, и что это означает?» или

«Яйца, когда их поджаривают, популярны среди людей Империи или нет?» или

«Какого возраста должны быть Имперские дети до того, как решат, что он или она подходят для военной службы?» или

«Объясни своими словами финансовые механизмы Муниторума.»

Они ничего не знали. Ничего! Это заставляло фегата смеяться. Со всей своей мощью, со всей своей устрашающей силой, архивраг человечества фактически ничего не понимал в ежедневном функционировании Империи.

Этнолог была, по его мнению, самым чудовищным оружием архиврага. Силы Губительных Сил могли опустошать миры, захватывать планеты и сжигать флотилии в пустоте, но они даже не начали понимать устройство своего вечного врага.

Ключ была инструментом в этой незаметной войне. Она задавала такие вопросы, на которые нельзя было получить ответ в пылу сражения. Она интересовалась мелкими деталями, маленькими подробностями об Имперской жизни.

Воинства Архонта могли сокрушить воинов Империи, могли обратить их в бегство, но понимание Ключ давало им настоящую власть. Победить врага – это одно.

Постичь работу его общества так, чтобы его можно было контролировать и сдерживать – совсем другой вопрос.

Идреша Ключ была орудием власти. То, что она узнавала, доносилось до высших сил и вооружало их для правления.

Фегат отвечал наилучшим образом.

«Я хочу сейчас уйти,» сказал он. Ноющая боль от транскодирования наполнила его мозг. «Завтра, или послезавтра, мы сможем продолжить.»

Клюж пожала плечами.

Фегат встал. «Рад был видеть вас,» сказал он и вышел из комнаты.

Он ожидал увидеть своих рогатых укротителей в вестибюле, но не было никаких признаков, что они здесь.

Дверь была открыта, и яркий солнечный свет пробивался из галереи снаружи.

Фегат вышел через дверь в галерею. Солнечный свет лился сквозь окна. Галерея была пуста по всей длине. В дальнем конце следующая дверь тоже была открыта.

«Десолэйн, Десолэйн,» сердито кричал фегат, пока бежал по галерее в тапочках. «Когда ты уже прекратишь эти проверки моей лояльности?»

В дверной проем вошла фигура, в конце зала. Это был не Десолэйн. Фегат никогда не видел эту персону. Он резко остановился, сузив глаза от любопытства.

«Кто --?» начал он.

Человек был высоким и одетым в одежду цвета темного хаки. Он потел, как будто был напуган.

«Ты – фегат?» спросил он со странным акцентом.

Фегат начал пятиться назад. «Так они называют меня...» ответил он поникшим голосом.

Человек в хаки вытащил лазерный пистолет из куртки и прицелился фегату в голову.

«Именем Пакта и Архонта!» сказал он.

И выстрелил.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Фегат стоял там же, где и был, и моргал. На левой стороне лица он чувствовал жгучую боль, и тепло на левом плече. Человек в хаки продолжал указывать пистолетом в его сторону, его руки тряслись, его глаза расширились.

Фегат медленно посмотрел вниз. Кровь пропитала левое плечо и переднюю часть туники. Его кровь. Он поднял руку и мягко потыкал в расплавленную мешанину, оставшуюся от его левого уха. Кончики пальцев были в крови. Человек в хаки был так напуган, что не попал в голову почти в упор.

Фегат был просто ошеломлен. Он сболтнул, «Бог-Император Человечества!» Эти слова спасли ему жизнь. Потенциальный убийца, уже подстегнутые адреналином, дронул при звуке еретической фразы и сделал шаг назад, поднимая руки к ушам. В этот момент на фегата накатила волна адреналина. Он размахнулся и сломал человеку нос кулаком с различимым треском.

Убийца упал на колени, фыркая кровью. Фегат повернулся и побежал.

«Убийство!» кричал он. «Убийство!» Слева от него была дверь. Он распахнул ее и забежал внутрь, когда первый лазерный заряд пролетел позади него. Убийца снова был на ногах и гнался за ним, стреляя из пистолета и разбрызгивая кровь.

Комната была хорошо обставленной спальней, с антикварной мебелью и изысканными гобеленами на стенах. В дальней части комнаты была открытая дверь, но фегат знал, что никогда до нее не доберется, и не проскочит в нее до того, как снова окажется на линии огня. Вместо этого он бросился на пол и заполз на четвереньках за кушетку.

Убийца забежал в комнату, производя мерзкий булькающий звук разбитым носом. Он дошел до дальней двери и посмотрел снаружи. Фегат мог видеть его ноги из-под кушетки.

Убийца отвернулся от двери и начал обыскивать спальню. Из своего укрытия фегат видел ноги человека, когда тот отодвигал кресла и смотрел за гобеленами. Через несколько секунд он переключил внимание к другой стороне комнаты.

Вторая пара ног вошла в спальню, в таких же сапогах, как и у первого.

«Убил его?»

«Он убежал сюда,» взволнованно ответил первый человек.

«Ты стрелял. Убил его?»

«Он убежал сюда!» повторил первый человек. «Я ранил его...»

Новоприбывший выругался. Его ноги исчезли из вида. Фегат услышал, как зацарапал тяжелый буфет по полу, когда его отодвинули.

«Ты имеешь ввиду, что он прячется?»

«Да! Помоги мне найти его!»

Второй человек что-то пробормотал. Отодвинулось кресло. «Смотри. Смотри! Это твоя кровь? Здесь, на ковре?»

«Нет.»

«Он позади той кушетки,» сказал второй человек.

Фегат лег на пол и обхватил руками голову. Выстрелили два лазпистолета, и множественные попадания изрешетили спинку кушетки, пробивая ткань и попадая в гобелены и стену позади них, выбивая наружу пуховую набивку. Один выстрел, низкий, задел бедро фегата и заставил его взвизгнуть от боли. Он быстро пополз вперед из укрытия кушетки, пока не оказался за расписанным вручную спинетом.

Но, по крайней мере, один из них засек, как он двигается. Выстрелы возобновились, разрывая инструмент. Струны рвались с жуткими звуками, панели раскалывались, и куски клавиатуры полетели в воздух.

Жуткий вой наполнил комнату, и дождь из лазерных выстрелов прекратился. Закричал человек. Затем последовал чистый крик боли. Что-то хлестало по воздуху, как кнут. Фегат поднял голову, услышав сильные удары и приглушенный стук падения на пол. Жидкость разбрызгалась по измочаленному спинету, как будто ее вытрясли из губки.

Последний выстрел лазера. Последний крик. Последний влажный стук.

Трясаясь, фегат выглянул из-под спинета. Он увидел пару копыт. Он привстал и выглянул над сломанным инструментом.

Десолэйн смотрел на него. Руки телохранителя были вытянуты. Кровь капала с боевых ножей, выставленных в каждой руке. Дымчатый плащ обвивал торс Десолэйна, как рой насекомых. Несколько маленьких капелек крови блестели на бронзовой маске.

Сквозь прорези на маске голубые водянистые глаза телохранителя застыли на фегате. «Теперь ты можешь выйти,» сказал Десолэйн.

Фегат моргнул. Он поднялся на ноги. Сказать, что двое убийц были мертвы, было таким же большим преуменьшением, как говорить, что сверхновая – это конец жизни звезды. При этом ничего не говорилось о катастрофическом насилии.

Комната была влажной от большого количества крови, которую расплескали взрывной силой. Она пропитала гобелены и мягкую мебель, текла с деревянных изделий и собиралась в лужицы на полу. Ковер насквозь промок и был темно-красным. Двое убийц были изуродованы с таким бешенством, что даже их черепа не остались нетронутыми. Фегат повидал множество ужасов, но в этом случае он решил не смотреть на хирургически разрезанные останки. Вместо этого он сфокусировался на окровавленном лазерном пистолете, который был аккуратно разрезан надвое.

Десолэйн убрал в ножны свои клинки кетра. «Фегат, мои смиренные извинения,» сказал телохранитель.

Они добрались до деревни, которую Пlover называл «Витхэд», до полудня. Было темно и холодно, с постоянной угрозой дождя с востока. Небо покрылось зеленовато-желтыми тусклыми узорами. Кёрк вела их через рощицу с редкими деревьями к забору, который стоял вдоль главной дороги, ведущей в деревню. С другой стороны лежали необработанные поля с гниющими овощными культурами и ряды разрушенных теплиц.

Гаунт воспользовался биноклем, чтобы из рощи изучить деревню. «Я вижу два военных грузовика,» сказал он.

«Поиск уже идет полным ходом,» ответила Кёрк.

«Там, у амбара. Что это за мачты?»

Кёрк посмотрела. «Местный дом экскуваторов. Вокс-связь принадлежит им.»

«У меня есть план,» сказал Гаунт. «Я обсуждал практическую сторону плана с моим адъютантом, Белтайном. Нам нужна ваша помощь, чтобы сработало.»

«Что за план?» спросила Кёрк.

«Тебе это не понравится. Совсем. Нам нужна диверсия.»

Кёрк фыркнула без доли юмора. «Я видела, что ты и такие, как ты, подразумевают под диверсией, полковник-комиссар. Поджечь половину мира. Не удивительно, что ты думаешь, что мне не понравится.» Гаунт покачал головой. «Я имею ввиду, настоящую диверсию. Чтобы сбить врага со следа. Иначе не пройдет много времени до того, как они поймут, для чего мы здесь.»

«Продолжай,» неуверенно сказала она.

«Секунду.» Гаунт подстроил фокус своего бинокля. «Там, на севере деревни. Вон там. Что это?»

Он показал на большой участок свежевскопанной земли, окруженный длинным забором из сетки рабицы.

Группы фигур в капюшонах медленно двигались по неровной земле.

«Кладбище,» сказал Пlover. «Они есть почти в каждом поселении. Тысячи умерли во время вторжения. Многие остались гнить на полях битв, но в городах и деревнях враги сваливали мертвых в общие могилы.»

«Те люди выглядят, как плакальщики,» сказал Гаунт.

«Правильно, сэр,» ответил Пlover. «Архивраг понимает, что нужно сделать определенные допущения, чтобы успокоить захваченное население и держать его под контролем. Они позволили разрешенным посещать кладбища, при условии, что они не нарушают каких-либо законов, установленных духовенством. Естественно, никто не знает, кто точно похоронен в той или иной яме, но это помогает некоторым людям отдать дань уважения на могиле.»

Гаунт ненадолго закрыл глаза. Опять гнусный враг удивил его. Это был почти акт человечности, позволяющий публичный траур на массовых захоронениях. Или это был еще один способ напомнить людям Гереона, как дешево теперь стоят их жизни?

«Дай-ка мне прояснить это,» тихо сказал Роун. «Фесовы вражеские силы позволяют людям посещать могилы?»

«Да,» сказала Кёрк.

«Это наш вход туда,» сказал Роун. «Я имею ввиду, притворимся плакальщиками.»

«Я тоже так подумал,» ответил Гаунт.

«Наша первостепенная задача - попытаться установить контакт с сопротивлением здесь,» сказала Кёрк.

«Согласен,» сказал Гаунт. «Другой мой план может подождать.»

Поток плакальщиков собрался вокруг начала дороги в деревню. Большинство были одеты в запачканные дорожные робы. Некоторые звенели колокольчиками или гремели деревянными бусами. Потерянные в собственных маленьких мирках страданий, они уделили мало внимания группе закутанных плакальщиков, которые присоединились к ним со стороны.

Кёрк и Акресон – с их мерзкими разрешительными имаго – вели группу. За ними шел Роун с Бонином, Крийд, Фейгором и Лефивром.

Незадолго произошло то, что однажды Колм Корбек назвал «активное обсуждение», о том, кто должен войти в команду. Гаунт настаивал, что должен быть ее частью – это было его шоу, в конце концов, и каждый Призрак знал это. Но Роун остался в стороне в Инейроне, и не хотел снова остаться и ждать. Они с Гаунтом яростно поспорили.

«Один лидер идет, один остается!» сказал Гаунт. «Мы должны поддерживать жизнеспособность задания. Если мы оба умрем --»

«Тогда Мколл примет командование! Ты относишься к нему, как к фесовому старшему, каким он и является, и мы оба знаем, что он сможет сделать дело. Я хочу быть частью этого! Я хочу знать, что происходит!» Гаунт холодно смотрел на Роуна. Может быть, это была ошибка взять его в первую очередь.

«Со всем уважением к Мколлу, это не вариант. Мы сделаем все по уставу.» Роун едва кивнул. «В таком случае, сэр, теперь мой черед.»

Роун выбрал Фейгора и, по совету Кёрк, так как женщин проверяют намного реже, чем мужчин, Крийд.

Они уже собрались выдвигаться, когда Лефивр попросил присоединиться к ним. Гаунт и Роун сначала отказали, но Лефивр, выглядящий более сильным и более решительным, настоял. Гаунту казалось, что боец ячейки отчаянно хотел показать себя перед Гвардейцами после его провала у дороги.

«Есть еще одна вещь,» тихо сказал Лефивр. «Я родом из этих мест. Есть все шансы, что моя мать, мой отец и оба брата похоронены на том кладбище.» Даже Роун не смог поспорить с этим.

Из леса Гаунт в бинокль наблюдал их медленное продвижение.

«Вы можете доверять Роуну, знаете ли,» тихо сказал Мколл.

Гаунт обернулся. «Я знаю. Я всего лишь хочу, чтобы он доверял мне.» Мколл улыбнулся. «Он доверяет, сэр. По-своему.»

«Сэр?» зов Ларкина был не более шепота. Он осматривал своим лонг-лазом низкие крыши мрачной деревни. «Что это, черт возьми?» Гаунт подстроил свой бинокль. Возле центрального перекрестка деревни росли несколько таликсовых деревьев с обрезанными ветками, превращенные в виселицы. Пара оборванных, напоминающих куклы, форм свисала с них, покачиваясь на легком ветру.

«Ландерсон?» Гаунт дал бойцу сопротивления свой бинокль и указал рукой.

«Что это такое?» сказал он.

«Проволочные волки,» сказала Кёрк. «Не смотрите на них.»

Роун вернул свой взгляд к грязной дороге. У него остались остаточные воспоминания о куклах, двух манекенах в натуральную величину, небрежно сделанных из металлических частей, связанных проволокой.

«Сейчас они дремлют, но не смотрите на них,» прошептал Акресон. «Это провоцирует их.» Я не против, подумал Роун.

Они шли дальше. Быстрый взгляд сказал Роуну, что Бонин и Крийд хорошо справляются, наклонив головы под капюшонами. Фейгор тоже, если бы он только расслабил свои фесовы плечи. Он был самым чертовски вертикальным и суровым плакальщиком за историю скорби.

Роун посмотрел на Лефивра. Про себя он проклял Гаунта за его решение допустить человека до этого представления. Гаунт даже имел наглость до того, как они ушли, отвести Роуна в сторону и сказать, что 'снисхождение', не было вариантом, потому что Лефивр был заинтересован.

«Ты хочешь руководить, Роун, ... ладно. Я предоставляю тебе это. Но верните Лефивра назад живым, если кто-нибудь из вас выживет. Понял меня? Я в долгу перед ними.»

Плакальщики с ними стонали и звенели в колокольчики.

Ты и я, подумал Роун.

Витхэд было печальным местом. Они прошли мимо того, что было гостиницей до того, как артиллерийский снаряд накрыл ее. Только вывеска все еще качалась.

Свободно на ветру, как проволочные волки.

Процессия плакальщиков остановилась. Впереди экскувиторы проверяли колонну. Роун потянулся под плащ и взял рукой свой МК III.

Он слышал грубые голоса жестоких экскувиторов. Они рявкали и бранились на своем грязном языке, даже не заботясь о том, чтобы их голосовые коробки переводили.

Он увидел, как они проверяют имаго Кёрк смешным, похожим на лопатку, устройством.

«Ты очень далеко от дома, разрешенная,» сказал один экскувитор, перевод внезапно раздался в отложенном треске.

«Я пришла навестить своих мертвых, магир. Я проделала долгий путь и заплатила пошлины,» услышал он ответ Кёрк.

Экскувиторы махнули остальным проходить. Роун ощущал запах экскувиторов. Сладкий, жирный, и еще запахи, которые было трудно объяснить. Плакальщики устало тащились по холму к кладбищу.

Кёрк медлила, пока не оказалась рядом с Роуном. «Слева от нас дом. Я думаю, что мы можем связаться с ячейкой там.»

Он кивнул.

Они выскользнули в сторону, покинув дорогу и медленных плакальщиков. Позади них экскувиторы на пропускном пункте не показывали признаков, что что-то заметили. Держась теней, отряд быстрым шагом пошел по боковой улице и остановился у каменного крыльца. Акресон протянул руку и перевернул один из камней в каменной колонне.

«Теперь мы пойдем на кладбище,» сказала Кёрк. «Если здесь есть сопротивление, то к тому времени, как мы вернемся сюда, под этим камнем будет перо.»

«Отлично,» кивнул Роун.

Они начали взбираться на холм к кладбищу. Роун продолжал оглядываться. Он видел припаркованные военные транспортники и солдат Оккупационных сил, ходящих от дома к дому.

А затем он увидел кое-что еще.

«А это еще что за фес?» спросил он.

Кёрк повернулась. Она издала тихий вздох. «Это – глюф,» прошептала она. «Смотри в сторону. Ради Бога-Императора, смотри в сторону!»

«Я потерял группу Роуна из виду,» сказал Гаунт. «Я думаю, что они пошли по той улице, слева от главной дороги. Но за зданиями ничего не видно.»

«Терпение,» сказал Мколл.

«Это фонарь? Что это?» пробормотал Ларкин.

«Где?»

Внезапно Ларкин откинулся назад, как будто его ужалили. Он отстранил прицел от глаза. Ларкин был смертельно бледным и его глаза расширились от страха.

«Император защити! Фес! Фес! Что я только что видел?»

Гаунт присмотрелся. Он видел свет, светящуюся массу, яркую, как неон, размером с солдатский ранец, плывущую на уровне крыш. В ней не было никакого смысла. Но, казалось, что у нее какая-то светящаяся структура. Он –

Бинокль стал черным.

Гаунт поднял взгляд. Ландерсон приложил руку к биноклю, блокируя ему обзор.

«Какого феса ты делаешь?»

«Это глюф,» сказал Ландерсон. «Поверьте мне, последнее, чего вы захотите, так это хороший, увеличенный вид этой штуки.»

«Что за фес этот--» начал Роун.

«Заткнись, Роун!» прошипела Кёрк. «Продолжай идти. Никому не смотреть на это!»

«Но --»

«Не разговаривай!»

Роун сделал так, как ему было сказано. Он повернулся, чтобы убедиться, что все следуют за ними, сражаясь с желанием не смотреть на странный, закручивающийся свет, который медленно двигался по улице позади них.

Все подчинились приказу Кёрк. Все, за исключением Фейгора.

Мюртан Фейгор стоял, прикованный к месту, глаза на светящиеся символы, которые закручивались и болтали на фоне мрачного неба. Такие яркие, как слова, написанные молнией, и какие слова! Он не понимал их, но от них по телу пробегали мурашки.

В его голове шум бегающих насекомых становился все громче и громче.

«Мюрт!» позвал Роун так громко, как только осмелился. В его голосе прозвучало крайнее напряжение. Все повернулись.

«Вот дерьмо!» выдохнула Кёрк, как только увидела, что Гвардеец замер.

Роун подошел к Фейгору и потянул его за руку. Фейгор застыл, как статуя. Его глаза были широко раскрыты и почти остекленели. Его рот был безвольно открыт, и с губ стекала слюна.

Роун потянул сильнее. Он паниковал. Самым плохим было то, что он тоже хотел посмотреть. Он хотел повернуть голову и понять, на что уставился его старый друг. В воздухе было жужжание, напоминающее шум роев, которые они нашли на полях Шэлоутонленда.

Появился Бонин, его глаза так же были нарочно обращены к земле. Он тоже схватил Фейгора, и они вместе попытались сдвинуть неподвижного человека. Фейгор сопротивлялся. Не думая, Бонин приложил руку к глазам Фейгора.

Фейгор издал сдавленный стон, когда его обзор был блокирован. Шатаясь, он отступил назад, к ним в руки, и в воздухе появился острая вонь, когда его мочевого пузырь опорожнился. Он начал отбиваться, трястись, как наркоман при ломке.

«Идем!» позвала Кёрк. «Несите его, если придется!» Она подняла руку, чтобы не видеть глюф, как будто защищала глаза от яркого солнечного света. Команда начала снова идти.

Но теперь уже Лефивр смотрел на глюф.

«Объясни мне, что это,» прямо сказал Гаунт Ландерсону. Ландерсон пожал плечами.

«Я не могу... я имею ввиду, я не магистр, не колдун. Я не понимаю работу Хаоса.»

«Попытайся!» резко бросил Гаунт.

«Это отражение варпа,» сказал Пlover. «Так мне говорили. Архивраг пометил наш мир всеми способами, даже атмосферу. Глюф – это способ Хаоса поставить свой знак на сам воздух. Глюф – это мысль, концепция идеи... высказывания Губительных Сил, каким-то образом облеченных в твердую форму. Кто-то говорит, что они разумны. Я в это не верю. Глюфы – это руны Хаоса, сгилы, символы, называйте их, как хотите. Ординалы призвали и выпустили их в самом начале, чтобы наблюдать за населением. Они плавают, они патрулируют, они следят...»

«Отлично,» кисло оборвала его Керт. «Но что они *делают?*» Пlover посмотрел на нее. «Думаю, что вы можете их рассматривать, как натянутую веревку в ловушке. Сенсоры. Сигналы тревоги. Они реагируют на человеческую деятельность. Понятия не имею как. Определенно, они реагируют на имаго. Если они засекают что-либо неразрешенное, они... они реагируют. Они призывают.»

Первый сгил был крючковатым, как полумесяц, но, в то же самое время, каким-то образом закрученным. Второй был похож на паучьи следы, которые могли быть сделаны в пыли. Третий как клапаны человеческого сердца. Яркие. Такие яркие. Такие холодные. Не было никакого порядка в сгилах, никакой систематизации, потому что они постоянно менялись местами или трансформировались. Их было больше, чем три. Меньше, чем один. Тысяча, сплетенные в единственный свет.

Лефивр знал, что он должен делать что-то другое, а не смотреть на это чудо. Он ощущал кислоту во рту. Рана на его предплечье, где когда-то было скрыто имаго, болела и пульсировала.

Воспоминание о предыдущем столкновении с глюфом вернулось к нему. Он вспомнил, как кусает ладонь Ландерсона. Он вспомнил страх.

Сейчас он не был напуган. Не сейчас. Потому что он понял символы, которые потрескивали в воздухе перед ним. Он понял, что они означают. Он не мог придумать человеческого слова, означающего то же самое, но это не имело значения.

Он понял.

Акресон был ближе всех к Лефивру. Пока Бонин и Роун тащили трясущегося Фейгора по грязной улице, Акресон побежал, махая Кёрк, чтобы она увела остальных.

Имаго Акресона сжималось и толкалось. Он чувствовал его волнение в плоти своей руки. Он питал отвращение к личинке каждым атомом своего тела, но сейчас он рассчитывал на имаго, и рассчитывал на свое решение не удалять его. Имаго давал ему разрешение на день и ночь. Может быть, оно успокоит глюф и отвлечет его от бедного, неразрешенного Лефивра.

Акресон врезался в Лефивра, сбивая того на землю. Отводя глаза от дрожащей световой формы, Акресон поднял руку и обнажил имаго.

Казалось, что вид имаго приостановил на секунду потрескивающие звуки глюфа. Отступил ли он? Отвлёк ли он его?

Послышался резкий звук, напоминающий ломающуюся ветку. Акресон ахнул. Казалось, что время замедлилось. Он почувствовал жгучую боль в животе, как будто в него воткнули раскаленный вертел. Затем он почувствовал, что ноги оторвались от земли. Он летел...

Летел спиной вперед. Удар хлыстом пронзил его тело. Одно долгое, беззвучное мгновение, Акресон видел, как блестящие капельки крови лениво летят по воздуху перед ним.

Его собственной крови.

Акресон тяжело приземлился с шокирующей болью и внезапно вернувшимся реальным временем. Заряд лаз-лока прошел сквозь его живот и отбросил назад на три метра. Дальше по узкой улице, вызванный глюфом, бежал отряд экскувиторов с поднятым оружием. Еще несколько зарядов пронеслось по улице. Распростертый на земле, неподвижный от боли, Акресон видел, как они пролетают над ним.

«Ох. Боже. Император,» выдохнул он.

Сделав свое дело, глюф уже удалялся между низких крыш, как будто эта игра ему наскучила. На тревогу сбегались экскувиторы. Горн разрывался, отдаваясь эхом на мрачных улицах Витхэда.

Отряд уже бежал. Кёрк и Крийд бежали впереди, с Бонином и Роуном по пятам, борющимися с Фейгором. Заряды лаз-локов рвали воздух вокруг них.

В тридцати метрах позади них Лефивр поднялся на ноги, озадаченный и потрясенный. Он ощущал себя так, как будто проснулся от глубокого сна. Что за чертовщина творилась? Он не мог вспомнить.

Поблизости на спине лежал дергающийся Акресон. Живот человека был кровавой воронкой. Дротики света пронзали воздух.

Лефивр повернулся. Он увидел наступающих на них экскувиторов. По какому-то капризу судьбы они еще не умудрились подстрелить его.

Инстинкт взял верх. Тренировочная программа рейнджеров СПО. Лефивр хладнокровно достал старый потрепанный пулемет из-под рваной одежды и открыл огонь.

Его самодельный глушитель фыркал, как клапан скороварки. Первые выстрелы Лефивра убили двух экскувиторов во главе наступления, бросив их спинами на землю. Он развернул попаданием третьего, а затем попал еще одному в лоб, пока водил дулом вдоль улицы.

Экскувиторы ринулись в укрытие. Заряд лаз-лока срезал правую мочку уха Лефивра, а другое попадание прожгло его левое плечо насквозь. Лефивр сделал последние выстрелы и еще два тощих врага упали лицом в грязь.

Сменить обойму. Ему нужно сменить обойму. Его руки уронили пустую обойму и шарили по поясу. Шальной заряд зацепил его голень и вырвал кусок мяса из икры.

Качаясь, Лефивр нашел новую обойму и вставил ее на место.

Автоматический огонь молотил по улице. Сначала Лефивр подумал, что это его работа, но затем он увидел Акресона. Человек сидел, подогнув под себя ноги, и стрелял из своего штурмового оружия. Руки, живот и колени мужчины были пропитаны кровью. Жуткие черные и фиолетовые кольца внутренностей выпирали из разорванного живота Акресона.

«За Бога-Императора Человечества!» закричал Лефивр. «За Гереон! За Гереон!» Он снова открыл огонь. Двое бойцов сопротивления наполнили узкую улицу потоком огня. Еще несколько экскувиторов свалились и умерли. Остальные отступили, пытаясь перезарядить свои медленные, однозарядные лазерные мушкеты.

Лефивр подбежал к Акресону.

«Пошли!»

Акресон посмотрел на него. Кровь текла из уголков его рта. «Я никуда не пойду,» сказал он.

«Нет, ты пойдешь. Нет, ты пойдешь!»

Акресон странно посмотрел на Лефивра. «Ты не помнишь, не так ли?»

«Помню что? Заткнись и дай мне помочь тебе!»

«Глюф,» сказал Акресон. «Ты привел в действие глюф.»

Лефивр помедлил. Он что-то помнил, свет, слово. Но не...

«Я ничего не хотел сделать,» сказал он.

«Я знаю,» сказал Акресон, кровь пузырилась на его губах. «Беги.»

«Но --»

«Беги, Лефивр. Спасайся.»

Внезапно экскувиторы перестали стрелять. На улицу упал вязкий холод. В тянущейся тишине поднялся ветер, и снова начал гудеть горн.

У виселицы из таликса начала появляться шаровая молния, закручиваясь вокруг ствола. Манекены начали вибрировать и колыхаться.

«Боже-Император, который защищает всех нас...» пробормотал Акресон. «Мы разбудили их.»

ПЯТНАДЦАТЬ

Эскувиторы с воплями разбежались. Горожане и плакальщики в слепой панике спасались бегством. Даже солдаты архиврага, которые собрались по внезапному сигналу тревоги, сейчас начали убегать. Некоторые бросили свое оружие.

В воздухе стоял запах озона. Сухой, чистый запах, напоминающий нагретую проволоку. Над Витхэдом появились облака, и разрастались они так быстро, как чернила на воде. Прогремел гром.

На виселице кипела и бурлила шаровая молния, более яркая, чем любое солнце. Из нее изливался свет варпа. Масса молнии зашипела и начала стекать вниз, как лава, как расплавленный обжигающий камень, заливаясь в пустые металлические марионетки, наполняя их светом.

Металлические куклы задергались, когда наполнились. Металлические сегменты со скрипом терлись друг о друга. Проволока гудела, как кабели под напряжением. Температура воздуха в Витхэде упала. Иней покрыл черепицу на крышах, и замерзли грязные улицы.

Проволочные волки пробудились.

Глюф призвал их. Темные ритуалы истончили пространство над виселицами, чтобы имматериум мог вырваться наружу сквозь эфир, когда поступит правильная команда. Теперь грубые металлические куклы, созданные, чтобы вмещать энергии варпа и соединять их, возвращались к жизни.

Их там было двое. Они приняли форму людей просто потому, что марионетки были спроектированы содержать их в таком виде. Дергающиеся на проволоках, они выглядели, как древние рыцари в полных доспехах, освещаемые снаружи ярчайшими фонарями, какие когда-либо светили. Туго натянутые проволоки, на которых они висели, дрожали и пели.

Марионетки были изготовлены не очень хорошо. Всего лишь грубые металлические ботинки, защита голеней, набедренные пластины, кольчуга. Скудное сияние вырывалось сквозь щели стыков. Секции рук дергались. Свет извергался сквозь прорези шлема, такой же яркий, как прожектора Ленд Рейдера.

Руки марионеток были незаконченными. Наплечники, металлические секции для верхней и нижней частей рук. Не были ни перчаток, ни кистей. Вспомогательные проволоки поддерживали букет бритвенно острых стальных клинков на предплечьях, которые звенели, когда поднявшийся ветер шевелил их. Контролируемый словами управляющей магии, нацарапанной на броне, гибельный свет протянулся из запястий и сделал длинные потрескивающие лапы из сплошного света, в котором эти клинки стали ногтями.

«Беги!» выдохнул Акресон.

Лефивр сделал пару шагов назад по внезапно ломкой грязи. Его пятки ломали корку льда. Он не мог поверить в то, что видел. Он почувствовал, что обмочился.

«Беги, Лефивр! Беги, ради Трона!» умолял Акресон.

Проволоки на виселице, неистово воя, как телеграфные линии, вибрировали, а затем лопнули.

Проволочные волки упали с виселицы.

Излучая жуткий свет из каждой щели, они тяжело приземлились, а затем выпрямились. Медленно. Очень, очень медленно.

Первый сделал шаг. Звук был похож на звуки траков танка в движении. Затем двинулся второй.

Скрежещущие металлические звуки, мучительная сила.

Их яркие глаза, пронзающие, как лучи целеуказателей, осмотрели окружение перед ними. Они начали принюхиваться, затем заскулили.

Затем они начали выть.

«Боже-Император...» начал Лефивр.

Проволочные волки рванули вперед, двигаясь быстрее любого человека. Смертельный холод окружал их.

Пальцы с клинками скрежетали и царапали каменные стены, когда они скользили вдоль них, чувствуя свой путь по улицам деревни похотливым поглаживанием.

«Пожалуйста... беги,» повторил Акресон.

Вой стал намного громче.

Экскувитор, застигнутый на открытом месте, упал на колени перед приближающимися проволочными волками. Один из них ударил его когтями из света и стали. Экскувитор упал в дымке фиолетового света и развалился на части. Дым заструился от его разрезанных останков.

Лефивр начал бежать.

«Что это еще за фесов шум?» крикнул Роун.

«Игнорируй его! Игнорируй его!» бормотала Кёрк. «Нам нужно укрытие, и оно нам нужно прямо сейчас!» Фейгор снова упал. Крийд присоединилась к попыткам поднять его.

«Ради Трона, быстрее!» крикнула Кёрк.

Они были уже на краю деревни, над ними небо было черным. Омерзительный свет лился с узкой улицы, которую они только что покинули.

«К деревьям!» приказала Кёрк, и они начали бежать по голому полю, которое было на склоне у западной границы Витхэда.

«Какого черта вы делаете?» крикнул Ландерсон. «Нам нужно убираться отсюда!»

«У меня там люди,» ответил Гаунт, стряхивая хватку бойца сопротивления.

«Уже нет,» сказал Ландерсон. «Поверьте мне, сэр. Проволочные волки сейчас свободны. Если мы убежим, то, может быть, останемся в живых.»

Гаунт посмотрел Ладерсону в глаза. Он знал, что человек не лжет. Он не имел ни малейшего представления, во что ввязался. Миссия была слишком важной, слишком жизненноважной. Любой из его команды был расходным материалом. Это то, на чем Вон Войтц делал акцент. Все, что имело значение, так это добраться до приза.

В то время Гаунт верил, что это приемливо. Но сейчас, когда его вера подверглась испытанию, он понял, что это не так. Там внизу был Роун. Фейгор. Крийд. Бонин.

Бонин. «Счастливчик» Бонин, который предложил свою жизнь, чтобы убить Наследника Асфоделя на Вергхасте и выжил, чтобы заслужить свое прозвище. Один из самых лучших бойцов Мколла.

Крийд, дорогая Тона, девушка-панк, которая выбралась из Улья Вервун и стала не только Призраком, но первой женщиной-офицером Первого. Она покорила сердце Каффрана. И еще были дети, конечно же...

Фейгор. Гаунт ничем не был обязан Фейгору, за исключением того, что он всегда был там, где нужно, и всегда сражался, как наглый ублюдок.

И Роун. Его немезида. Его тень. Человек, который, и в этом Гаунт был уверен, однажды убьет его с большей вероятностью, чем силы архиврага.

Но Роун был Роуном. Без него не было бы Танитского Первого. А сейчас, когда Корбек был мертв и похоронен на далеком Херодоре, Роун был последней связующей нитью того духа основания, который родился годы назад на Таните.

Гаунт не хотел терять эту нить. И он не собирался терять никого из них.

Фес поberi эту миссию.

«Мколл!» крикнул он. «Собери отряд и уходите. Выведи их. Если я не вернусь, ты знаешь для чего мы прилетели на этот мир, и я верю, что ты закончишь миссию.»

Мколл кивнул. «Я сделаю свою работу, сэр. Но как бы то ни было, я не думаю, что вы должны покидать нас, сэр.»

«Как и я,» сказал Гаунт. «Но я должен. Там Роун.»

«Человек, про которого вы говорили, что он никогда не доверял вам?»

Гаунт кивнул. «Считай, что это мой способ доказать ему, что он ошибается.»

Мколл улыбнулся. Затем он повысил голос. «Варл! Бростин! Уводите отряд! На юг в лес. Бесшумно, поняли?»

Мколл помедлил. «Мквеннер... иди с командиром.»

«Мне не нужно --» начал Гаунт.

«Вен идет с вами, сэр. Мой приказ.»

Гаунт кивнул. Он уже вытащил свои болт-пистолеты и быстро шел к краю леса.

«Приведи его назад, Вен,» сказал Мколл.

Мквеннер кивнул и побежал за полковником-комиссаром Танитцев.

Мколл поспешил в лес. «Выдвигаемся! Прямо сейчас, ублюдки! Быстрее!»

Лефивр ушел. Акресон, почти потерявший сознание от потери крови, сохранял свое сидячее положение и направлял свое оружие на улицу.

Проволочные волки, вопя, скользили и прыгали в его сторону. Акресона при их виде невольно вырвало. Вытерев желчь со рта, он открыл огонь.

Пули зашлепали по броне ближайшего волка, и там, где они ударяли по сплошному свету в соединениях брони, превращались в пар.

Акресон стрелял снова и снова, пока обойма не опустела.

«Ох Император Император Император...» начал он.

Первый проволочный волк был на нем. Он резанул своими беспощадными когтями. Голова Акресона завалилась набок, шея была почти полностью отрезана. Когти ударили глубже, и забурлила молния. Фиолетовый свет наполнил тело бойца сопротивления. За секунду Акресон превратился в скелет, покрытый сине-белым пеплом, его обнаженные кости дымились.

Отряд Роуна убегал от Витхэда по краю поля, небо над головами бурлило черными облаками.

«Бегите!» приказал Роун. Кёрк уже неслась через грубую траву. Крийд и Бонин боролись с Фейгором.

Роун вытащил трубчатый заряд из куртки и зажал ленту детонатора большим и указательным пальцем.

Вой уже становился ближе. Небо выглядело, как кровь.

Они все готовились умереть. Факт.

Как они это сделают, зависело от Роуна.

Крича и стреляя, Лефивр достиг конца улицы. За забором позади него безжизненные поля катились к лесной полосе.

Первый проволочный волк прыгнул на него, и он открыл огонь, разряжая обойму волку в грудь. Кинетическая сила пуль отбросила волка назад.

Но второй скользнул по правую руку от Лефивра. Он не ударил. Он вытянул свою лапу, и дымящиеся лезвия погрузились в плечо Лефивра.

Он вздрогнул. Его рот открылся от боли. Фиолетовая аура вспыхнула вокруг его тела. Затем его плоть испарилась голубыми капельками, а его почерневшие изжаренные кости со стуком упали на дорогу.

ШЕСТНАДЦАТЬ

Ландерсон бежал сквозь темный лес. Он был близок к панике. Пурчасон и Пlover были впереди него, несясь сломя голову. Призраки были –

Ландерсон резко затормозил и упал в суглинок. Он посмотрел назад. Призраки остановились. Они остановились и спорили.

Именем Трона! Смерть наступает на пятки! Что вы делаете?

«Ты отпустил его? Одного?» кричала Керт.

«Я отправил Вена с ним...» сказал Мколл.

«Это не правильно. Мы не должны убегать,» заявил Белтайн.

«Спасибо, что поделился, солдат,» прорычал Мколл. «Теперь идем.»

«Вы слышали саржа,» сказал Бростин. «Уходим!»

«Нет,» сказал Ларкин.

«Ну и ладно, фес с тобой, Ларкс!» сказал Бростин, и начал бежать.

Мколл посмотрел на Варла, Керт, Ларкина и Белтайна. «Я дал вам приказ. Приказ Гаунта. Не делайте этого. Не сейчас.»

«Мой дорогой сэр,» прошипела Керт. «Если не сейчас, то когда?»

Она повернулась и побежала назад сквозь заросли к деревне.

«Остановись! Остановись, женщина! Ана!» кричал Мколл. Никто и никогда не видел, чтобы начальник разведчиков показывал такие открытые эмоции. Это не остановило Варла, Белтайна и Ларкина от того, чтобы последовать за ней.

«Простите, сэр,» крикнул Белтайн через плечо. «Мы ему нужны. Что-то неправильно.»

«Стоять!» кричал Мколл. Он почти поднял свое оружие, чтобы прицелиться в них, а затем подумал, как нелепо это будет. «Пожалуйста!» крикнул он. «Гаунт сказал, чтобы мы ушли!» Четверка Призраков остановилась и посмотрела на него. Белтайн уставился на землю, не желая поймать свирепый взгляд Мколла. Керт пожала плечами. Ларкин продолжал смотреть в сторону деревни, прислушиваясь к завыванию, которое звенело над полем перед ними.

Варл просто улыбнулся. «Сарж... с каких это пор Ибрам Гаунт ввязывается в битву и не ожидает, что Призраки будут прямо позади него?»

«У нас здесь задание,» начал Мколл. «У нас есть долг. Это важно. Мы не можем просто...» Его голос затих. «Фес, я даже себя убедить не могу.» Он повернулся и посмотрел на удаляющуюся в лес фигуру Рядового Бростина.

«Бростин! Вернись! Сейчас же! За Танит и за Императора, мы возвращаемся! Шевелись, рядовой!»

Они повернулись, подняли оружие и начали бежать в сторону Витхэда.

«Мы что?» сказал Бростин. Задыхаясь, он положил свою тяжелую пушку и посмотрел назад. «Да вы фесово издеваетесь надо мной...»

«Тебе с этим помочь?» сказал Ландерсон, скользя сквозь кусты позади него.

«Что?»

«Пушка. Она ужасно тяжелая, если мы собираемся вернуться назад.»

«Фес! И ты тоже? Все что нафес сошли с ума?»

Ландерсон был уверен, что это не так. Всего лишь раз в жизни появлялся офицер, за которым стоило следовать. Называйте это любовью, называйте это уважением,

называйте это долгом, но в таком человеке было что-то, что заставляло переступить через себя, дойти прямо до предела даже перед лицом ужаса. Баллерат был таким человеком, упокой его Трон. И Гаунт был таким же. Ландерсон видел взгляды на лицах Варла и Керта, Белтайна и Ларкина. И это все, что ему нужно было знать.

Он посмотрел через плечо. Пlover и Пурчасон уже были далеко. Бростин выглядел так, как будто собирался последовать за ними.

«Идешь?» спросил Ландерсон. «Если нет, то позволь взять пушку. Она им понадобится.» Бростин сердито посмотрел на него. «Фес тебя. Фес тебя, тупой ты гак. Вы все спятели нафес?»

Излучая ленты света на своем пути, проволочные волки перепрыгнули стены периметра Витхэда и помчались по полю. Роун снова повернулся и увидел, что они приближаются.

«Быстрее! Быстрее!» кричал он Бонину и Крийд, пока они тащили Фейгора. Лесная полоса была очень далеко. Они никогда до нее не доберутся. Роун провернул трубчатый заряд в руке, как дубинку, и решил, что настал момент удерживать позицию. Сухая трава шелестела у его ног.

Проволочные волки, завывая, приближались к нему.

Кёрк с трудом забиралась на склон перед лесной полосой, когда увидела, что Гаунт и Мквеннер проскользнули мимо нее, несясь в другую сторону.

«Что вы делаете?» крикнула она. «Именем Трона, бегите, идиоты!». Они проигнорировали ее.

Дураки, решила Кёрк, и побежала вверх. Она зацепилась за корень и тяжело упала. Встав снова, она посмотрела на поле и увидела Роуна, одиноко стоящего посреди травы, лицом к лицу с монстрами варпа, скачущими к нему.

Роун мог чувствовать их ярость. Ощущать привкус их зла. Проволочные волки скакали сквозь высохшую кукурузу, чтобы встретиться с ним, демоны, заточенные в гремящие металлические одеяния.

Роун дернул ленту детонатора, поднял заряд и бросил.

Взрыв сбил его с ног. Установка таймера была идеальной. Заряд взорвался прямо над головой лидирующего волка. Он исчез в вулкане огня и взорванной земли.

Пыль осела. Проволочный волк приближался. Он даже не замедлился. Да не на чуть-чуть.

Пальцы Роуна скользнули в куртку и вытащили последний трубчатый заряд.

Проволочный волк прыгнул на него, когти разрезали воздух.

Времени нет. Времени нет. Вре –

Болты ударили монстра в воздухе и отбросили в траву. Он сразу же поднялся, а затем упал во второй раз от непрерывного болтерного огня, который стучал по его грудным пластинам, как град по жестяной крыше.

Роун поднял взгляд. Гаунт пробежал мимо него по полю, стреляя из болт-пистолетов в каждой руке. Каждый заряд находил цель, отбрасывая демона назад снова и снова, сминая его броню.

Но тот отказывался умирать.

А второй был прямо рядом с ними. Он встал, раскрыв лапы.

Автоматический лазерный огонь сбил его на траву. Прибыл Мквеннер, прямо по пятам у Гаунта, без остановки всаживая в тварь заряды.

Второй проволочный волк дернулся, снова поднимаясь. Там, где он упал, остался участок земли с почерневшей сухой травой и выгоревшей землей. Он поскакал к Мквеннеру.

Его магазин опустел. Он развернул лазган, как посох, и врезал атакующему демону в лицевую пластину прикладом, отбросив его назад. Затем он пригнулся и отпрыгнул в сторону, когда когти резанули в его сторону. Еще один удар прикладом в потрескивающий нагрудник, и снова проволочный волк отшатнулся.

Отпрыгнув назад, широко расставив ноги и уперевшись, Мквеннер достал свой боевой нож и прикрепил его к дулу винтовки. Пока Роун с благоговением смотрел на него, Мквеннер во второй раз развернул оружие, серебряный клинок заблестел в

тусклом свете, и направил его против новой атаки проволочного волка. Выпад, удар, блок, уворот, еще один удар прикладом.

Ходили слухи, что Мквеннер каким-то образом овладел древним искусством *колоул*, боевым искусством давно исчезнувших лесных воинов Танита, Налшинов. В былые времена, как рассказывали, Налшины собрались вместе в движущихся лесах Танита и, вооруженные только посохами с наконечниками из серебряных ножей, свергли коррумпированную Династию Халвич, положив начало эпохе современного, свободного Танита.

Сплошная чушь, думал тогда Роун. Все это какая-то мифическая и патриотическая легенда из прошлого Танита. Больше не было никаких Налшинов, никаких лесных воинов. Все это было кучей старого дерьма, и Мквеннер играл на этом, чтобы поднять свою репутацию таинственного, тихого типка.

Роун быстро пересмотрел свое мнение. Он с удивлением смотрел, как одинокий человек, вооруженный только разряженной винтовкой, сражается лицом к лицу с демоном из варпа, блокируя, атакуя, уклоняясь, ударяя. Движения Мквеннера были похожи на какой-то страстный балет. Он достойно отвечал на каждый удар, каждый замах твари, парируя, заставляя отступить, избегая каждый смертельный прием, который летел в его сторону, с совершенной ловкостью и грацией.

До тех пор, пока удача не отвернулась от него.

Проволочный волк рванул вперед, и Мквеннер споткнулся, запутавшись ногами в траве, убийственные когти разрезали напополам его посох из лазгана.

Проволочный волк прыгнул на растянувшегося разведчика.

Роун потянулся к своему последнему трубчатому заряду, зная, что будет слишком поздно.

«Горячий выстрел» ударил монстра в челюстную пластину и отбросил его в сторону. Он катался и корчился, сжигая землю.

У линии деревьев Ларкин перезарядился и снова прицелился.

«Хочешь еще?» выдохнул он и произвел второй выстрел. Возле него Мколл и Белтайн тоже открыли огонь.

Другой проволочный волк снова кинулся на Гаунта, воя так, как будто хотел разорвать небо на части. Гаунт убрал разряженные болт-пистолеты в кобуру и вытащил оружие, за которым просил приглядеть Белтайна на время миссии в Инейрон Тауне.

Силовой меч Иеронимо Сондара.

Он нажал на кнопку активации. Меч засиял, словно огонь, в его руках. Гаунт замахнулся им на проволочного волка и отбросил ошеломленное существо, глубокая рана образовалась на его грудной пластине.

Но этого было совершенно недостаточно, чтобы убить волка. Волк вернулся к нему с возобновленной яростью.

Гаунт понимал, что не сможет вовремя поднять меч, чтобы поставить блок.

«Мой повелитель,» сказал Вираг, и дал Уэкскуллу распечатку. Воин прочитал ее.

«Данные верны?» спросил он, его голос трещал, как сухое дерево на слабом ветру.

«Да, лорд,» сказал Вираг. «Разведка сообщает, что проволочные волки были разбужены в Витхэде.»

«Это... в десяти километрах отсюда?»

«Максимум в дюжине.»

Уэкскулл быстро пошел к ожидающему кораблю смерти. «Теперь им не уйти. Я только надеюсь, что что-нибудь все еще будет в живых к тому времени, как мы туда доберемся.»

Рука проволочного волка замахнулась, его светящиеся когти устремились к горлу Гаунта. Но удар не достиг цели.

Яркий поток тяжелых снарядов вонзился в проволочного волка, отбросив его на добрых три метра. Несколько сокрушительных ударов разорвали металлическую

проволоку, соединяющую руку демона, и его когти с наручем оторвались. Ослепляющая энергия начала брызгать и вытекать из разбитой конечности.

На линии леса, рядом с Ларкином, Белтайном и Мколлом, Ландерсон снова нажал на курок автопушки и поразил проволочного волка во второй раз.

Волк задрожал, энергия варпа разлеталась из культи, как искры от сварки.

«Возможно, тебе понадобится это,» сказал голос.

Ландерсон поднял взгляд. Бростин сидел на корточках рядом с ним и вытаскивал патронные ленты из своих патронных ящиков.

«Заряжай,» сказал Ландерсон.

Тяжелый огонь неся от леса, вместе с лазерными выстрелами и разрушительными зарядами лонг-лаза.

Но проволочные волки еще не были побеждены. Содрогаясь от попаданий, не обращая внимания как на пули, так и на лазерные заряды, они наступали на Роуна, Гаунта и Мквеннера.

Гаунт видел, что пушечные снаряды сделали с рукой одного из них. Проволочный волк уже казался более медленным, а его внутренний свет более тусклым. Гаунт вспомнил, что говорил Ландерсон в Инейрон Тауне, что твари быстро тратят свою энергию. Держа драгоценный меч двуручным хватом, Гаунт замахнулся на поврежденного проволочного волка. Силовой меч ударил по металлическим нитям на шее твари.

Натянутые нити лопнули. Проволочный волк высвободил свою энергию, когда содержащая его броня полностью сломалась.

Тварь воспламенилась, и взорвалась свирепым белым пламенем и ударной волной, которая бросила на землю Гаунта, Роуна и Мквеннера.

Гаунт тряс головой, сражаясь с последствиями взрыва. В его ушах звенело. Трава вокруг них сгорела и была усеяна частями металлического облачения демона. Плоть на лице Гаунта покалывало. Ощущение было, как от солнечного ожога.

Он снова потряс головой, и его слух начал возвращаться.

И в этот момент он услышал грохочущий звук.

СЕМНАДЦАТЬ

Военный грузовик громыхал по полю в их направлении. Это был транспортник Оккупационных сил, покрашенный матовой зеленой краской, взрывающий ухабистую поверхность поля шестью большими колесами. Он приближался с окраины поселка и разрушил, по меньшей мере, одну низкую стену в упорной попытке добраться до них.

Ну, отлично. Теперь еще и солдаты приближаются к ним.

Гаунт попытался поднять на ноги Роуна и Мквеннера. Оба были тяжело контужены, и на их лицах были ожоги.

«Давайте!» подгонял Гаунт. Он сам еще нетвердо стоял на ногах.

Второй проволочный волк все еще был невредим. Пока дым от взрыва плавал вокруг, он на секунду замер, как будто пытаясь решить, что случилось с его близнецом. Затем он поднял заключенную в металл голову, глазницы были пылающими ямами света, и начал приближаться к ковыляющим Призракам. Его шаг ускорился. Через мгновение он уже прыгал, быстро приближаясь.

Роун все еще держал свой последний трубчатый заряд. Он бросил его за спину, и атакующий проволочный волк исчез в завесе из песка и пламени.

Роун, Гаунт и Мквеннер бежали к лесу. Позади них проволочный волк выскочил из плотного черного дыма от заряда Роуна и погнался за ними.

Грузовик вылетел из дыма позади волка и врезался в него, вминая в землю. Он скрылся из вида под ревущим транспортником. Гаунт услышал скрип и скрежет металла.

Грузовик развернулся и остановился. В открытом кузове стояла фигура. Это была Керт.

«Забирайтесь!» крикнула она.

Они побежали к ней. Она помогла Роуну и Мквеннеру забраться в кузов. Гаунт с трудом залез в кабину и нашел Варла за рулем.

«Какого феса вы творите?» сказал Гаунт.

«Импровизируем,» ответил Варл, и поддал газу. «Вообще-то, это была идея дока. Остальные прикрывали вас, а у нее не было оружия, поэтому она сказала, Варл, сказал она --»

«Избавь меня от подробностей,» сказал Гаунт.

Варл рванул машину вперед. Крийд и Бонин были впереди, приближающиеся к лесной полосе, держащие под руки спотыкающегося Фейгора.

«Сначала подбери их. Потом нам нужно --»

Послышался звук разрываемого на куски металла, и грузовик задержался, когда дикая вибрация прошла по нему.

«Какого феса --» начал Варл.

Электрический разряд осветил кабину, потрескивая на металлической приборной панели голубым узором, похожим на медузу.

Проволочный волк, вонзая когти в кузов, забрался через задний откидной борт. Его броня была помята, а энергия выплескивалась из трещин. Когти волка устремились к Роуну. Мквеннер кинулся вперед и отбросил майора в сторону.

Но сила этого отчаянного броска направила их за борт все еще движущегося грузовика, и они повисли там, цепляясь за поручни. Роун соскользнул. Мквеннер одной рукой и одной ногой зацепился за борт грузовика и сумел схватить Роуна за запястье. Если он отпустит, то Танитский офицер исчезнет под задними колесами.

Керт, спотыкаясь, отступала от приближающегося проволочного волка. «Фес тебя!» крикнула она и швырнула свой нарцетиум в него. Демоническая тварь отбила его в

сторону, кейс упал на пол кузова и его содержимое рассыпалось. Грузовик снова задержался, и даже волк зашатался.

Керт упала, ударилась плечом, и стала шарить в поисках чего-нибудь – чего угодно – что можно использовать, как оружие.

Ее рука сомкнулась на чем-то маленькой и твердом. Бутылочка с ингибитором из ее кейса.

Она швырнула ее.

Бутылочка ударилась о помятую грудную пластину проволочного волка. Раствор ингибитора содержал компоненты, изготовленные Департаментом Медикае для нейтрализации эффектов варпа на человеческий метаболизм. Жидкость, в которой они были растворены, была благословленной водой из Священной Купальни Херодора.

Проволочный волк закричал. Он отшатнулся назад, царапая свое лицо и грудь, нанося самому себе раны когтями. Ингибитор вгрызся в броню твари там, где разбрызгался, разъедая, как кислота.

С широко раскрытыми глазами, Керт огляделась, нашла еще одну бутылочку и тоже ее кинула.

Проволочный волк снова закричал.

Керт увидела свой пистолет для инъекций. Он выпал из нарцетиума. Она схватила пистолет и вставила в него третью бутылочку.

Переполненная решительной отвагой, чему она сама удивилась, Керт прыгнула вперед и воткнула иглу пистолета в левую прорезь для глаза проволочного волка. Ее палец нажал активатор.

Проволочный волк затрясся, как будто страдал от сильнейшего приступа. Жидкая энергия, ужасно яркая и отвратительно вязкая, запузырилась из прорезей для глаз. Лицевая пластина начала разлагаться и размягчаться, как бумага под дождем.

Волк, пошатываясь, стал отступать назад, его конечности дергались, и упал через задний откидной борт.

Затем он взорвался.

Взрыв отбросил Керт через весь кузов. Сам грузовик почти опрокинулся. Он резко затормозил, разбрасывая почву.

Тишина. Поднимается дым.

Все еще вися сбоку транспорта, Мквеннер выдохнул и отпустил запястье Роуна. Майор приземлился на ноги и посмотрел на Мквеннера.

«Спасибо,» сказал он.

Призраки бежали к ним от лесной полосы. Кёрк и Ландерсон были с ними.

Гаунт забрался в кузов грузовика и помог Керт подняться на ноги.

«С тобой все в порядке?»

Она кивнула. Она все еще держала пистолет для инъекций. Он сломался и дымил.

«Что ты сделала?» спросил он.

«Я... я думаю, что потратила все наши медицинские запасы секунд за тридцать,» печально сказала она.

«Прямо сейчас я не думаю, что это важно,» ответил он.

Варл завел грузовик, и отряд забрался на борт. Не было никаких признаков Пловера или Пурчасона.

«Ты хочешь, чтобы мы подождали?» спросил Гаунт Кёрк. «Поискали их?» Она покачала головой. Над полем раздавались горны Витхэда, и начали появляться солдаты, рассредотачивающиеся в траве.

«Мы должны убратся отсюда прямо сейчас,» решила она.

Варл направил потрепанный грузовик вверх по склону в лес, через кустарники и ежевику, пока они не доехали до узкой тропинки.

На восток или на запад? Теперь уже выбора не было. Вражеские силы приближались с востока. Они слышали вдалеке гудение двигателей корабля смерти. Теперь оставался единственный путь – на запад.

Варл вдавил педаль газа, и они загрохотали прочь по тропинке.

Сидя в кабине рядом с Варлом, Гаунт повернулся и открыл маленькое окошко, выходящее в кузов.

«Кёрк?» позвал он.

Она подошла и прильнула к окошку с другой стороны.

«Мы воспользуемся грузовиком, чтобы уехать отсюда так далеко, как только сможем. Раньше ты мне сказала, что запад – это не вариант. Что-то с названием Антилл. Что это?»

«Болотистая местность,» сказала она. «Сейчас мы направляемся в глухой лес, и он отмечает границу. По ту сторону леса находятся сами болота. Обширные территории, непроходимые. Слово 'Антилл' пришло из самых ранних карт Гереона, карт колонистов. Гереон нашли плодородным местом, отсюда и его репутация, как одного из главных сельскохозяйственных миров в кластере. Но некоторые регионы, как болота, были непригодны для обработки. 'Антиллибл' (Бесплодный). Вот, что означает это название.»

«Значит там никак не пройти?»

Кёрк покачала головой. Она выглядела нервной и уставшей, а клеймо на ее щеке более грубым, чем когда-либо. Гаунту больно было видеть, что ее красота была так непоправимо испорчена.

«Боюсь, сэр,» сказала она, «что ваша миссия окончена. Больше нет способа закончить ее. По крайней мере, не в скором времени. Я думаю, что мы можем спрятаться в Антилле. Прямо сейчас лучшего места не найти. Даже Оккупационные силы избегают Антилл. Может быть, мы сможем рискнуть выбраться отсюда через несколько месяцев. Как только ажиотаж стихнет. Может быть, попытаемся выйти на связь с ячейкой сопротивления.»

«Несколько месяцев,» эхом ответил Гаунт. Он знал, что у них столько нет. Миссия была чрезвычайно чувствительна ко времени. И к тому же, несколько месяцев, и они все уступят заражению Гереона. Особенно сейчас, когда медикаменты Керт закончились.

«Посмотрим,» сказал он.

«Нет, не посмотрим,» ответила она. «Вы просили меня признать суровую правду, когда заручались моей поддержкой, сэр. Я это сделала. Теперь сами признайте суровую правду. Ваша миссия провалилась. Сейчас нет никакого способа закончить ее.»

«Посмотрим,» повторил Гаунт.

Медленно и неприятно, как падальщики, два корабля смерти кружили над Витхэдом. Бледный дым плыл под деревьями от сухих полей, где горели участки травы. Уэкскулл воспользовался прицелом, чтобы просканировать местность. Внизу отряды солдат и экскувиторов широкой разверткой заходили в лес для поисков. У них были своры гончих, а некоторые ехали на полугусеничниках. По приказу Уэкскулла на подмогу в деревню двигалась целая бригада.

Он вернулся к докладу, который ему дал Гургой. Проволочные волки пробудились в Витхэде, но они не вернулись на свои виселицы, когда энергия закончилась. Это не имело смысла.

Они всегда возвращаются, чтобы снова уснуть, если, конечно, они не были уничтожены.

И, конечно же, ничто не может уничтожить проволочного волка?

Уэкскулл чувствовал себя неловко, как будто сама сущность Вселенной вышла из равновесия. Он ненавидел невозможности.

Было ли похоже на правду, что Фальшивый Император послал воинов на этот мир, которые, как ни странно, были способны уничтожать безжалостные инструменты Хаоса?

«Мой лорд?» внезапно сказал Вираг. На его лице читалась тревога. Он пристально смотрел на Уэксулла.

«Что?»

«Вы нездоровы, лорд? Вы проглотили яд?»

Уэксулл заморгал. «Конечно, нет! Почему ты меня об этом спрашиваешь?»

«Ваше лицо, повелитель. Ваш рот скривился, гримаса, как будто вас заразили токсинами. И вы булькали и задыхались, как будто умирали от какой-то заразной --»

«Я смеялся,» сказал Уэксулл.

«Ой,» сказал воин. Он помедлил. «Почему, лорд?»

«Потому что мы молились об испытании, разве нет?» Отряд воинов прохрипел да.

«Мы жаждали победить красавчиков Астартес на войне, но наш возлюбленный Анарх, чье слово заглушает все остальные, решил в своей мудрости, что такая слава не для нас. Он не послал нас на передовую. Вместо этого, он наградил нас заданием присматривать за этой презренной оккупацией. Похоже, что сейчас, в конце концов, у нас появилась достойная добыча. Достойные противники. Солдаты, которые могут уничтожить проволочных волков и заставить обычных солдат и экскувиторов сбежать, поджав хвосты.» Уэксулл смотрел на своих людей. «Мы обленились. Теперь нам бросили настоящий вызов. Я буду наслаждаться, убивая их.»

Воины начала ударять себя в грудь закованными в сталь кулаками и рывкать согласие.

Посреди шума Уэксулл услышал сигнал связи.

«Докладывай?»

«Мой лорд,» протрещал голос пилота по интеркому. «Ауспекс засек металлический объект в двадцати четырех километрах к западу отсюда,двигающийся через лес. Транспортное средство, лорд.»

«Зафиксируй,» сказал Уэксулл. «Охотничья скорость. Доставь нас к нему.»

Длинный день приближался к завершению, и они быстро теряли дорогу. Тусклый, грязно-коричневый свет заполнил небо, и глушь все больше и больше становилась темной и страшной. Деревья смыкались вокруг дорожки, которая уже превращалась в заросшую колею, и ветки шуршали и ударяли по сторонам грузовика. Варл сбросил скорость.

Рядом с ним в кабине Гаунт разговаривал с Мколлом. Как и Кёрк до него, Мколл прильнул к маленькому окошку кабины. Сквозь щель он мог видеть только рот Гаунта. Они оба понимали, что это неприятно похоже на будку исповедальни. Мколл знал, что признается в своих грехах, так же, как в любом Имперском темплуме.

«Я дал тебе приказ,» сказал Гаунт.

«Да, сэр. Я знаю, что давали.»

«Увести отряд.»

«Да, сэр. Я беру всю ответственность на себя. Мы должны были уйти, как вы и сказали.»

«Но вы все вернулись назад. Вы отказались от задания и вернулись.»

«Да, сэр. Мы сделали это. Как я и сказал, я беру всю ответственность на себя. Остальные всего лишь делали то, что я им говорил делать.»

«Как фес!» крикнула Керт.

«Помолчи,» резко бросил Мколл. Он снова посмотрел на Гаунта сквозь щель. «Моя ошибка, сэр. Я с радостью сниму с себя лычки. Мквеннер может возглавить командование над разведчиками и --»

Мелькая в окне, когда грузовик подпрыгивал и трясся, рот Гаунта улыбался.

«Я очень хорошо могу представить, что случилось,» мягко сказал он. «Если бы не ты, нас бы тут не было сейчас.»

«Сэр,» сказал Мколл. «Сэр,» добавил он.

«Кёрк говорит, что мы обречены, Мколл,» продолжил Гаунт. «Она говорит, что мы направляемся в болото, через которое нет надежды пройти. Чувствуешь, что есть возможность доказать мне свое звание?»

«Да, сэр. Я, Вен и Бонин. Мы проведем нас.»

«Я рассчитываю на это.»

«Сэр?» Это был Белтайн. Он прошел по грохочущему кузову, и Мколл отодвинулся в сторону, чтобы Белтайн смог добраться до окна. У Белтайна были наушники вокса на шее, и он тащил свой передатчик с собой.

«Что у тебя, Бел?» спросил Гаунт.

«Мониторинг передвижений противника, сэр.» Он сделал паузу, чтобы высморкаться. Его глаза были опухшими и красными.

«Они распределили воиска позади нас, блокируя лес. Я перехватываю сообщения, по меньшей мере, с двух летательных аппаратов. Может быть с трех. Они быстро приближаются. Я не могу провести триангуляцию, но я думаю, что они близко.»

«Парень прав,» сказал Мколл. «Я могу слышать реактивную струю. К востоку от нас, на низкой высоте и быстро приближается.» В кабине Гаунт повернулся к Варлу. «Мы не сможем долго ехать, так ведь?»

«А Бог-Император долго сидит?»

«Тормози, Варл. Надо бросить грузовик.»

Команда прыгнула с грузовика сразу же, как только Варл остановил его. Все равно уже не было никакой дороги. Арки колес грузовика были забиты оторванными ветками ежевики и травой.

«Убедись, что мы все забрали,» сказал Гаунт Роуну.

«Все?» с сарказмом ответил Роун. «Господи, а мы еще что-то понесем?» Он был прав. Они были в плохой форме. Боеприпасов было угрожающе мало. У Гаунта оставались только обойма или две для болт-пистолетов, а у остальных последние несколько ячеек для лазганов. Из пушки выпустили так много снарядов в проволочных волков,

что у Бростина осталась только половина ящика. У Мквеннера не было даже винтовки. Волки уничтожили ее. У него был автопистолет, и он забрал свой боевой нож.

У Роуна не осталось трубчатых зарядов. Варл нес последние шесть зарядов отряда в ранце. У них почти не осталось еды, и была половина запаса питьевой воды. За исключением нескольких простых препаратов, нарцетиум Керт был пуст.

И, на самом деле, это было самым худшим. Болотная лихорадка уже захватила их. Сыпи, язвы, головные боли. Казалось, что все подхватили простуду, особенно Белтайн и Крийд, которые хлюпали носом.

Фейгор все еще был так потрясен воздействием глюфа, что ему нужна была помощь, чтобы ходить.

Керт, не привлекая внимания, сказала Гаунту, что инфекция вокруг голосового импланта Фейгора стала выглядеть намного хуже, и распространяется.

«Что бы у тебя не осталось, дай это ему,» сказал Гаунт.

И это было только начало. У Бростина были волдыри от ожогов, полученных на насыпной дороге. У Роуна, Мквеннера и самого Гаунта был плохой случай того, что выглядело, как солнечный ожог от самоуничтожения проволочного волка. Керт нянчила свое сильно ушибленное плечо. Кисть Роуна была вывихнута от спасительной хватки Мквеннера. Сотни других ушибов и порезов и –

Гаунт вздохнул. *Это будет непросто.* Так он говорил. Это будет непросто. Он мог представить сам себя, говорящим это. Стоя по стойке смирно в залитом солнцем зале на Анкреон Секстус, с кивающими анемонами на легком ветру по ту сторону стен особняка. Байота как раз закончил свой инструктаж, и Вон Войтц поднялся на ноги.

«Я знаю, что будет непросто, Ибрам,» сказал Вон Войтц. «Но ты думаешь, что сможешь это сделать?» Гаунт бросил взгляд на своих офицеров. Роуна, Даура, Мколла, Колеа и Харка.

Роун всего лишь сложил руки. Мколл кивнул. Один легкий кивок.

«Да, генерал. Призраки могут это сделать,» сказал Гаунт.

«С высокого якоря уже приготовился сняться быстрый сторожевой корабль,» подметил Вон Войтц. «Как он называется, Байота?»

«Стойкость, лорд.»

«Ах, да. Это подходящее слово, ты так не думаешь, Гаунт?»

«Да, генерал.»

«Тактическая служба советует тебе набрать в команду не более двенадцати человек. Основа заложена. Разведка вошла в контакт с местным подпольем, которое тебя встретит. Баллерат. Баллерат, правильно?»

«Да, сэр,» ответил Байота.

«Это человек, которого нужно найти. Итак... есть идеи, кого ты возьмешь с собой?» Как Колеа, так и Даур подняли руки, мешая друг другу.

«Я бы хотел --»

«Если бы я мог предложить --»

«Спасибо,» сказал Гаунт, глядя на них. «Я соберу команду ночью.»

«Как ты и сказал, Ибрам... это будет нелегко.» Вон Войтц отвернулся к одному из огромных окон зала. Солнечный свет упал на его лицо. На лице ничего не отразилось. «Есть большой шанс того, что ты не вернешься.»

«Я понимаю это, генерал сэр. Я удостоверюсь, чтобы в мое отсутствие в Танитском Первом осталась сильная командная структура.»

«Конечно. Именно так. Смотри, Ибрам...» Вон Войтц повернулся к нему. «Это грязное дело. Но критическое. Я не приказываю тебе делать это. Если ты хочешь отступить, то скажи мне об этом прямо сейчас, и мы забудем, что эта встреча когда-либо происходила.»

«Нет, генерал. Я не хочу. Я чувствую, что должен это сделать, сэр. Если бы не мое решение, то эта ситуация никогда бы не произошла. Я бы хотел получить шанс исправить это.»

«Я знал, что ты так скажешь. Потому что это он?»

«Да генерал. Потому что это он.»

«Сэр?»

Гаунт моргнул и отбросил прочь мысли. Наступала ночь. Отряд был готов выдвигаться.

«Иду, Крийд,» сказал он. Она кивнула и пошла в начало колонны.

«Выдвигаемся!» крикнула Крийд. Они начали уходить в густой темный лес.

Кёрк была рядом с ним. «Гаунт, есть еще одна вещь, о которой ты должен знать.»

«Серьезно? Еще плохие новости?»

«Да,» сказала она. «Антилл. Тут небезопасно. Совсем небезопасно.»

«Потому что?»

«Кроме хищников и ядовитых растений... здесь партизаны.»

«Что?»

«Партизаны, сэр.»

«Ну здорово,» ответил он.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Десолэйн вытащил один из своих ужасных клинков кетра из-под плавающего дымчатого плаща и положил на стол рядом с фегатом.

Фегат медленно повернулся, чтобы посмотреть на клинок. Его ухо и бедро были перемотаны бинтами. Ему впервые дали болеутоляющие по совету докторов фисики. Они не помогали с головной болью.

«Что это?» спросил он.

Десолэйн положил одну руку на стол, растопылив пальцы.

«Для наказания. Накажи меня, фегат.»

«Что?»

«Мне не удалось защитить тебя. Тебя ранили. Тебе разрешено привести наказание в исполнение.»

«Прости меня?» Фегат посмотрел в бледные голубые глаза позади бронзовой маски.

«За провал. За мой провал, как телохранителя. Тебе разрешено наказать меня.»

«Каким образом наказать? Я должен убить тебя?»

Десолэйн пожал плечами. «Если таково будет твое желание. За такой провал хозяин обычно отрезает один из пальцев телохранителя.»

Фегат резко сел. «Дай-ка мне это прояснить. Ты предлагаешь мне, чтобы я отрезал один из твоих пальцев?»

«Да, фегат.»

«Потому что на меня напали?»

«Да, фегат.»

«Не будь таким глупым, Десолэйн. Это была не твоя ошибка.» Фегат снова откинулся на подушки.

Они сделали отличные изменения в его обычных условиях для сна. Он всецело наслаждался роскошью.

«Меня не было, и ты остался уязвимым,» сказал Десолэйн. «Я не думаю, что ты понимаешь. Я – телохранитель. Я выращен, чтобы защищать своих подопечных. Ты – мой подопечный. Пожалуйста, накажи меня.»

«Я не собираюсь отрезать один из твоих --»

«Пожалуйста!»

Фегат снова посмотрел на Десолэйна. «Кажется, ты очень стремишься быть покалеченным, телохранитель.»

«Наместник в ярости от сегодняшнего нападения. Он настаивает на том, что я не пригоден для твоей охраны.»

«Я не верю, что это правда. Я верю, что ты очень компетентен. Ты спас меня от тех убийц.» Десолэйн слегка пожал плечами. Рука с растопыренными пальцами телохранителя оставалась на столе. «Пожалуйста,» снова сказал Десолэйн.

«Нет,» сказал фегат, отворачиваясь. «Это просто тупо.»

«Фегат... пойми меня. Если ты не накажешь меня, Наместник решит, что я не пригоден для твоей охраны. Он заменит меня. Ты ненавидишь меня, фегат. Ты боишься меня. Но ты даже больше возненавидишь и будешь бояться того, кем заменят меня.»

«Что ты имеешь ввиду?»

«Другие телохранители доступны для назначения. Они не будут... обращаться с тобой так же хорошо, как я. Они сделают твою жизнь тяжелее. Не позволяй им. Я привык любить тебя, фегат. Мне будет ненавистно видеть тебя... в дискомфорте.»

Фегат поднялся и свесил ноги с кровати. «Значит, если я не покалечу тебя, я подвергну себя большей жестокости?»

Десолэйн кивнул.

«Великий Трон!» пробормотал фегат. Десолэйн вздрогнул. Фегат взял лезвие и секунду побалансировал им на ладони. «Ты хочешь, чтобы я это сделал?»

«Ради себя самого, фегат.»

Фегат поднял клинок кетра и –

Положил его обратно.

«Я не могу. По правде, ты мне тоже нравишься. Ты присматриваешь за мной, Десолэйн. Ты понимаешь меня. Я не могу начать причинять тебе боль.»

«Но... пожалуйста, фегат... ?»

«Если это так важно для тебя, то сам отрежь себе палец. Я не могу сделать что-то такое.»

Десолэйн вздохнул. Телохранитель потянулся и взял клинок кетра, и очень быстро отхватил себе самый маленький палец на левой руке. Кровь, яркая красно-голубая кровь, забрызгала из обрубка. Десолэйн быстро наложил повязку на рану.

Фегат смотрел с изумлением.

«Спасибо тебя, фегат,» сказал Десолэйн. Телохранитель взял отрезанный палец и убрал клинок в ножны.

Фегат повернулся так, чтобы быть лицом к дальней стене. Невидимая для Десолэйна, на его лице была улыбка.

Вот что значит, думал он про себя, настоящая власть.

«Десолэйн,» сказал он тихо. «Каким образом два Имперских агента подобрались так близко ко мне? Я имею ввиду, на таком-то мире.»

«Они не подбирались,» ответил Десолэйн. «Те двое убийц не были Имперскими агентами.»

«О чем это ты?» спросил фегат, резко поворачиваясь.

«Дело закрыто,» сказал Десолэйн и поспешно вышел из комнаты.

Они провели непростую ночь в холодной темноте леса, и затем пошли на запад сразу перед рассветом.

На западе местность скатывалась в глубокое ущелье и черной землей и обломками камней. Они спустились во мрак, как в пещере, закрытые от неба возвышающимся лесом. Деревья были древними закрученными огромными формами, которые цеплялись за крутой склон толстыми корнями. Большинство поверхностей покрывал пушистый серый лишайник, а там, где его не было, древесная кора и валуны были покрыты омерзительным черным мхом. Странные грибковые формы тянулись из

почвы, некоторые мягкие и розовые, некоторые твердые и грубые, как черствый хлеб или кожа для ботинок. Самые большие из них были нескольких метров в ширину.

Здесь не было ни пенья птиц, ни ветерка, но в верхней части мрачный лес звенел от стуков по дереву, жужжаний, щелчков и странных урчаний. Единственным признаком животной жизни было случайное длинноногое насекомое, которое прожужжало мимо, как замысловатая, медленно спускающаяся, игрушка с часовым механизмом.

И мотыльки. Они были везде. Некоторые были крошечными, и пестрели в воздухе, как летающая шелуха от пшеницы. Некоторые были большими, как птицы. Когда они пролетали мимо, их пыльные крылья производили звук, похожий на перелистывающиеся страницы книги. Когда они приземлялись, то исчезали, крылья великолепно скрывали их на фоне лишайников и изгибов коры. Бростин оступился и потревожил упавший ствол дерева, и сотни мотыльков взмыли в воздух, лениво и медленно, как встревоженная стая птиц в замедленной съемке.

Это заставило Бростина подпрыгнуть от неожиданности, и это развеселило разведчиков. Но Керт стала нервничать.

«У меня есть кое-что, насчет мотыльков,» по секрету сказала она Гаунту.

«Что ты имеешь ввиду, кое-что?»

«Они наводят на меня ужас.»

«Ана, вчера ты столкнулась лицом к лицу с проволочным волком.»

Она состоила гримасу. «Угу. Но он не был пушистым и пыльным, не так ли? Я всего лишь чувствую брезгливость к ним, вот и все.»

«Ты? Брезгливость? Фес, женщина! Ты – хирург. Ты постоянно имеешь дело с таким, что даже мой желудок выворачивает и --»

«Да, да, это все очень смешно и иронично. Хух!» Она хлопнула руками, когда белоснежный мотылек пролетел мимо ее лица. «У нас у всех есть что-то, а у меня это мотыльки. Ясно? Если по делу, разве это не твоя работа, как руководителя миссией и, эм – я не знаю, *комиссара*? – сказать сейчас что-нибудь ободряющее, чтобы поднять

дух такого ценного члена команды, как я? Что-то вроде 'все хорошо, они не смогут навредить тебе, Ана, они всего лишь мотыльки, и я клянусь Троном Терры, что лично прихлопну любого, который пролетит рядом с тобой'?»

«Все хорошо, они не смогут навредить тебе, Ана, они всего лишь --»

«Ха-ха. Слишком поздно. Мне жутко.»

Гаунт посмотрел на нее. «Все хорошо. Ана, я был бы счастлив, если худшим, что мне нужно сделать на Гереоне, было бы отгонять от тебя мотыльков. Будь благодарна за то, что твое 'кое-что' это мотыльки, а не, дай подумать... Хаос.» Она ухмыльнулась. «Ты справишься,» сказала она.

Впереди, дальше по крутому черному склону, Кёрк остановилась и посмотрела назад на отряд. «Забыла сказать,» окликнула она. «Мотыльки и ядовиты. Не прикасайтесь к ним и не позволяйте им коснуться себя.» Керт пристально посмотрела на Кёрк, затем на Гаунта. «Она подслушивала. Она сказала это мне.»

«Она не подслушивала, и сказала не тебе.»

«Нет, сказала.»

«Хорошо, ты убила проволочного волка. Возможно, это послужило утверждением твоего доминирования.»

«Ты так думаешь?»

Он кивнул.

«Ага,» сказала Керт, сама себе по большей части. «Возможно, ты прав. Возможно, она собирается поссориться со мной.»

Даже не оборачиваясь, Кёрк окликнула, «я не собираюсь.»

Чем дальше они заходили, тем темнее и жарче становилось. Казалось, что ущелье уходит во внутренности земли. Было влажно, и усиливающийся запах разложения наполнил окружающий воздух. Толстый листовенный покров вокруг и над ними был глянцево-черным, и с него капала влага. Паразитирующие вьющиеся растения и

грибки переплетались на деревьях. Жуткие звуки становились громче и более частыми.

К тому времени, как уклон стал уменьшаться, большинство из отряда разделись до маек и рубашек. Их руки и шеи блестели от пота. Фейгор все еще был полностью одет.

«Ты себя нормально чувствуешь, Мюрт?» тихо спросил его Роун. Фейгор уже шел без помощи, но травма предыдущего дня еще не покинула его. У него был немигающий, несфокусированный взгляд, и его лицо было бледным.

«Мне холодно,» сказал он. «Здесь холодно и сыро.»

Роун, вытирая пот с глаз краем шапочки, просто кивнул.

Фейгора трясло. Плоть вокруг его горлового импланта была воспаленная и опухшая, а когда он говорил, аугметический тон звучал так, как будто тонул в мокроте. Жертвы войны, думал Роун.

Всегда были какие-то. Это была цена битвы, а в этот раз жертвой собирался стать Мюрт.

Белтайн и Крийд продолжали останавливаться, чтобы отдышаться. Сырой воздух вместе с их простудой делал дыхание настоящим достижением. Они оба были в очень хорошей форме, но сейчас оба казались выносливыми, как старики или слабаки.

Земля под ногами становилась рыхлой и заболоченной. Древние деревья, составляющие лес и склон ущелья уступали место мангровым деревьям и луковицеобразным саговникам. Тем не менее, лесные деревья были все так же многочисленны и все еще закрывали небо своими мясистыми листьями. Здесь внизу мотыльки были толстыми и с темной окраской.

«Это Антилл?» спросил Гаунт Ландерсона.

«Не совсем. Мы на окраинах болотистой местности. Еще несколько километров и мы точно дойдем туда.»

«Расскажи мне, что ты знаешь об этих партизанах.»

Ландерсон пожал плечами. «Они здесь очень давно. Они называют себя Лунатики.»

«Лунатики?»

«Не спрашивайте меня. Вероятно их название для них же похоже на что-то вроде сомнамбулисты. Лунатики. В любом случае, они объявлены вне закона, это то, что я понимаю. Они верят в независимый Гереон. Они не хотят быть частью Империи.»

«Они отвергают Императора?» спросил Гаунт.

«Да,» сказал Ландерсон. «Они потомки религиозных радикалов, которые прибыли на кораблях колонистов. Вначале была война. Партизаны проиграли и были отброшены в Антилл. В любое место, где было невозможно возделывать землю. С тех пор они здесь. Иногда они проводят набеги или террористические атаки. Знаете, как мы их раньше боялись? Сюда прибывали инквизиторы, чтобы уничтожить их, но терялись в болотах и больше не возвращались. Партизаны всегда были постыдным секретом Гереона. Хороший, крепкий Имперский мир, который скрывает тайную популяцию сепаратистов.»

Ландерсон бросил взгляд на Гаунта. «Я ненавижу их. Они были оскорблением для моей фамилии и моего права первородства. И, как я сказал, они были постоянной проблемой. Чудовища в болотах.

А затем пришел настоящий враг.»

Он отвернулся и глубоко вздохнул. Гаунт понимал, что человек пытается не дать эмоциям взять верх.

«Настоящий враг. И внезапно беспокойство о нескольких сумасшедших дикарях в болотах показалось роскошью. Трон меня побери, я скучаю по тем дням, когда партизаны были нашей самой большой проблемой.»

Три черных мотылька пролетели перед ними в сумраке, такие же тяжелые и темные, как Имперские сборники церковных гимнов.

«Если они против Трона, могли они встать на сторону архиврага?» спросил Гаунт.

«Без понятия. Может быть. Антилл такой неприступный, что даже Оккупационные воиска оставили его в покое. Насколько я знаю, партизаны все еще там. Они могут даже не знать, что мир снаружи изменился.»

«Мой лорд, он здесь,» сказал Челгур.

Уэкскулл спустился с приземлившегося корабля смерти и пошел сквозь туманный рассвет через лесную поляну. Шаттл спускался с румяного неба, мерцая прожекторами и содрогаясь маневровыми двигателями. Воины Уэкскулла подошли, чтобы встретить шаттл, и стояли рядом со своим повелителем.

В последнем шквале воздушной струи от двигателей, шаттл приземлился. После долгой паузы сбоку открылся люк, и опустилась рампа. Воздух из кабины с климат-контролем вырвался в холодное утро в виде пара. Два экскувитора сбежали по рампе вниз и заняли места по обе ее стороны с лаз-локами на плечах.

Ординалу Стенелусу пришлось пригнуться, чтобы выбраться из люка. Он был старым, высохшим, и его сморщенное тело давно атрофировалось. Одна худая рука все еще функционировала. Его сморщенная голова каталась на тощей шее. Он направился к ним по мокрой траве на шести, похожих на ходули, конечностях.

Стенелус сидел в жестком кресле, закрепленный ремнями безопасности, окруженный сложными медными устройствами, которыми он управлял своей единственной здоровой рукой. Вдыхающие гироскопы поддерживали сидение на маленьком аугметическом устройстве, из которого вытягивались удлиненные конечности. Сидящий на вершине этих тонких ног, он возвышался над массивными Космодесантниками Хаоса, и был высотой почти в четыре метра. Уэкскуллу он казался тростинкой. Один взмах руки уничтожил бы Стенелуса и его изысканную повозку.

Но Стенелус был старшим ординалом, одним из главных советников Наместника. Уважение и почтение прилагались сами собой.

«Девять целых три десятых метра от рампы до этого места. Уклон – два процента. Земля мягкая. Сто восемьдесят метров над уровнем местного моря. Шестнадцать сотен кубических метров леса и --»

«Мой ординал,» сказал Уэкскулл.

«Шшш! Я записываю.» Стенелус подстроил несколько своих сложных инструментов. Его голос был как сухой шепот. «Субъект номер один, Лорд Уэкскулл, весит пять сотен и тридцать три --»

«Мой ординал!» сказал Уэкскулл. «Я позвал вас не для таблиц и записей.» Сморщенное лицо Стенелуса нахмурилось. «Но я это делаю. Именем Анарха, чье слово заглушает все остальные. Я его планетарный оценщик. Я делаю точные карты, и подвергаю анализу каждую деталь, которую можно измерить, на завоеванных мирах. Я был занят в Провинции Терион, когда пришел ваш вызов, тем, что измерял гектары пахотных земель для посевов. Тамошняя топография очень интересная, знаете ли. Колебания не более, чем восемь процентов --»

«Ординал, я позвал вас с особой целью.»

«Единственное, Лорд Уэкскулл, что мне доверено, касается кодификации. Это мой долг. Так я служу Анарху, чье слово заглушает все остальные. Лучше бы это было важно. Наместник Исидор требует полный отчет о Терионе через две недели. Покажи мне эту срочную и особенную цель. Вы хотите от меня, чтобы я посчитал деревья в этом регионе? Каталогизировал их формы и виды? Возможно, вы хотите, чтобы я осмотрел и озвучил звук озера или другого водоема? Я чую воду. Влажность одиннадцать над пятью, с растущим градиентом --»

«Мой ординал, нет. Мне нужно, чтобы вы выследили и обнаружили кое-кого для меня.» Стенелус был так изумлен, что заморгал. Пока его, похожие на пергамент, веки закрывались и открывались, тонкие аугметические нити выдвинулись из его висков и брызнули смазывающим веществом на его сухие глаза, чтобы веки не прилипали.

«Должно быть здесь какая-то ошибка,» сказал Стенелус. «Я не отслеживаю. Я не какая-то ищейка. Это прискорбная трата усилий. За то время, которое мне понадобилось, чтобы добраться сюда от Териона, я подсчитал, что смог бы составить карту пятнадцати целых и семи десятых гектара --»

«Это работа для Анарха, ординал,» сказал Уэкскулл. «Это касается безопасности мира. Ничто – даже ваш скрупулезный труд по измерениям – не имеет большего

приоритета. Свяжитесь с Наместником, если должны, но он, я уверен, объявит вам выговор за трату времени из-за вашего упорства.»

«В самом деле, Лорд.» Стенелус помешкал. «Объясните мне суть дела.»

«Повстанцы, ординал. Опасные люди, агенты Фальшивого Императора. Они затерялись на Гереоне, и они убили множество храбрых слуг Анарха. Их нужно найти и они должны быть остановлены до того, как достигнут цели, ради которой их сюда послали.»

«Какой, лорд?»

Уэкскулл заколебался. «Какой – мы обнаружим, когда запытаем последних из них до смерти. Они проникли в Антилл. Мы должны найти их.»

«Ах, да. Антилл. Болото и/или болотистая местность, покрывающая девятьсот тысяч квадратных километров суши и --»

«Ординал.»

«Мне говорили, чтобы Антилл оставался, пока что, отсутствующим на карте. Из-за определенных трудностей. Это мертвая земля. По сравнению с урожаями, скажем, Летрики, которая ежегодно поставляет в среднем восемь миллиардов бушелей --»

«Ординал!»

«Хотя я должен сказать, что меня подмывает составить карту Антилла, Лорд Уэкскулл. Поиски, говорите? Звучит весьма сильно.»

«Мои воины и я поможем с силой.»

Стенелус облизал тонкие губы бледным слабым языком. «Я не сомневаюсь. Но почему вы вызвали меня, лорд? Я не солдат.»

«На торжественном приеме по поводу празднования первого месяца Приведения к Согласию, Наместник разговаривал со мной. Он говорил мне о ваших талантах и ваших непревзойденных инструментах. Разработанные для картографирования и измерений, конечно же, они, тем не менее, имеют побочный эффект, не так ли? Ничто не сможет укрыться от вашего исследования. Ни согнутая травинка, ни

сломанная веточка. Он говорил, что однажды вы уже выслеживали беглецов. На Балдрене. На Сципио Фокале. Обнаруживали людей, которые верили в то, что скрылись. Находили подлинную иголку в пшенице.»

«Я подтверждаю это. В качестве развлечения.»

Уэкскулл кивнул. «Антилл – это бездорожная пустошь, и говорят, что никто не сможет составить ее карту. За исключением вас, я думаю. Найдите мне этих врагов, ординал. Приведите меня к ним, и Анарх лично поблагодарит вас.»

Болота раскинулись перед ними, широкие и загадочные. Желтый туман парил под скрученными, кишасшими пауками деревьями. Мотыльки и мухи кружили в скудных лучах бледного солнечного света, который пробивался сквозь густой полог листьев. Все пахло гниением.

Теперь они шли вброд. Земля исчезла, и остались только озерца застоявшейся воды.

Мколл и Бонин вели, проверяя воду длинными шестами, как управляющие яликами. Каждые несколько минут отряду приходилось сворачивать на новый путь, когда удар шестом показывал, что под водой нет осязаемого дна.

Мангровые деревья опускались к мутной воде своими покрытыми коркой корнями. Водоросли покрывали поверхность воды, и пузырьки газа выделялись из гнили. Все ощущалось так, что они пробираются через затопленную пещеру, несмотря на то, что ни в какой пещере не могло быть так жарко и душно. Здесь был едва уловимый намек на солнечный свет.

Пиявки извивались в застоявшейся воде. Керт пришлось отцепить несколько от обнаженных рук. Они были толстыми и черными, и боролись с ее щипцами. Под водой двигались твари, бросаясь в стороны и скользя. Варл подметил проблеск от чего-то, напоминающего полурыбу, полуугря, которое было таким отвратительным, что он едва не выстрелил в это. Насекомые с длинными конечностями испещряли поверхность воды, когда передвигались по ее поверхности.

Внезапно Ларкин поднял свой лонг-лаз.

«Что?» прошипел Гаунт.

«Движение,» ответил снайпер. Что-то появилось из темноты. Это было бредущее вброд насекомое, размером с маленькую собаку, осторожно крадущееся по болоту на длинных тонких ногах, острые ротовые части были опущены вниз, готовые нырнуть и схватить любую подводную жертву. Позади насекомого было еще несколько. Когда они заметили незваных гостей, то взлетели, открыв надкрылья и взмывая в горячий воздух, метровые ноги свисали под ними.

Ларкин опустил оружие. «Фес их,» сказал он.

Крийд снова пришлось остановиться. Она едва могла дышать. Керт использовала последний укол ингибитора, чтобы облегчить недомогание солдата.

Мквеннер вырезал длинную палку, как у Бонина с Мколлом. Он приделал свой серебряный боевой нож к одному концу, сделав копье, и пользовался им, чтобы срезать нависающие растения. Некоторые лозы скручивались назад, как змеи, от его лезвия.

Никто не видел того, что напало на Кёрк. Она внезапно упала, и молотя руками скрылась под водой. Она исчезла. Призраки кинулись по воде к ее последней позиции, а она внезапно появилась в нескольких метрах от этого места, борясь и вопя.

Что-то схватило ее. Она снова скрылась под водой. Сыпя проклятиями, Гаунт вонзал свой меч в воду, а Мквеннер свое копье. Кёрк снова показалась, кашляя и выплевывая воду, покрытая водорослями, и Ландерсон схватил ее. Что-то длинное, извилистое и темное взволновало воду, когда уплывало.

Левая икра Кёрк была разорвана и кровоточила. В отметине от укуса остался один зуб. Пять сантиметров, тонкий, прозрачный.

«Идти можешь?» спросил ее Гаунт.

«Да!»

«Саббатина...»

«Я в порядке. Идем дальше.» Она пыталась вытащить липкие водоросли из волос.

«Керт может перевязать твои раны и --»

«Идем дальше,» резко бросила она. «Скажи своей подружке, чтобы поберегла бинты.»

«Моей что? Ана не моя подружка. Она --»

«Кто, Гаунт?»

«Ценный член команды.»

«Ну-ну?» Сидя на корне, Кёрк потянулась и вытащила зуб поменьше из ноги. С ее пальцев стекала разжиженная кровь. Она кинула зуб траву. «Видела я, как она на тебя смотрит. Видела я, как ты обращаешься с ней.»

«Керк --» начал Гаунт, затем остановился и посмотрел в сторону. «У меня нет на это времени. Хватит этого. Если ты можешь идти, отлично. Нам нужно идти и --»

Пронзительный крик раздался над водой.

«Это твоя подружка,» сказала Кёрк.

Гаунт уже бежал, разбрызгивая заразную воду. Остальные тоже приближались с поднятым оружием.

Керт не хотела кричать. Она действительно не хотела. Но то, что она увидела в тенях подлеска. То, что она увидела...

Она стояла на коленях в воде. Вода была ей по грудь.

«Ана!» крикнул Гаунт, когда добежал до нее с вытащенным болт-пистолетом. «Что такое?» Она указала трясущейся рукой. «Там. Там. Я видела это.»

«Что?»

«М-мотыль.»

Гаунт убрал свое оружие в кобуру и сделал жест остальным отойти. «Ради феса, Керт, я говорил тебе --»

«Ты не понимаешь, он был большим, Ибрам.»

«Да, но...»

«Я имею ввиду, большим! Большим, скотина! Размером с человека!»

«Что?»

Он повернулся и снова вытащил пистолет.

«Он полз вон там, смотря на меня. Эти фесовы глаза...»

«Вставай. Керт, вставай. Белтайн, отведи ее назад. Помоги ей.»

Подошел Белтайн.

«Идемте, док. Встаем и идем,» сказал он, ложа ее руку себе вокруг шеи.

Гаунт сделал еще один шаг вперед. В темном подлеске что-то было.

Серые очертания.

Бонин подошел к Гаунту, прицеливаясь из лазгана.

«Что она видела?» прошептал он.

«Что-то. Там. Я могу разобрать --»

Голос Гаунта затих. Очертание зашевелилось. Он увидел сверкающие фасеточные глаза и мохнатые серые крылья. Они раскрылись. Мотыль. Человек-мотыль.

Который целился в него с лаз-лока.

«Фес меня,» сказал Бонин. «Я думаю, что мы нашли этих партизанов.»

«Вообще-то,» сказал Ландерсон, поднимая руки и едва решаясь пошевелиться, «я думаю, что это они нашли нас.»

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

«Никому,» пробормотал Гаунт, «не делать резких движений.»

«Нам бросить оружие, сэр?» прошептал Белтайн.

«Нет. Но никто никуда не целится. Если ваше оружие на ремне, то пусть висит.»

«Что мы делаем?» прошипел Роун, в его голосе едва ощущалось негодование. «Мы сдаемся? Фес это! Фес все --»

«Заткнись, майор,» сказал ему Гаунт сквозь сжатые зубы. «Ты чувствуешь это? Они вокруг нас.»

Роун затих и медленно повернул голову. Члены отряда были рассредоточены по заводу. Казалось, что серые фигуры притаились и шевелятся возле каждого корня и позади каждого дерева, окружающие их.

«Черт возьми!» выплюнул он, и оставил оружие висеть на ремне.

Убирая оружие в кобуру, Гаунт смотрел на фигуру, идущую к нему, и медленно поднял руки, чтобы показать пустые ладони. Фигура слегка напряглась, хватка на его оружие стала крепче.

«Пакс Импералис,» сказал Гаунт. «Мы не намеревались сражаться в вами.» Фигура продолжала держать свой лаз-лок поднятым. Она что-то сказала, но Гаунт не понял что.

«Я вам не враг,» сказал Гаунт со все еще раскрытыми руками. Ландерсон бросил на него взгляд. Из того, что ему говорил боец сопротивления раньше, это совсем не было правдой. Но партизаны – если эти существа были ими – поймали их в ловушку и приперли к стенке более основательно, чем смогли сделать это силы архиврага с самого прибытия на Гереон. Разговор был единственным выходом из ситуации. Любые попытки подраться вели только к двум вещам: смерти и провалу миссии.

«Пакс Импералис,» повторил Гаунт. «Мы вам не враги. Меня зовут Гаунт.» Он постучал себя в грудь. «Гаунт.»

Существо в тених все еще не опустило оружие. Но оно снова заговорило, теперь более четко.

«Ххаунт.»

«Гаунт. Ибрам Гаунт.»

«Хх-хаунт.» Голос был гортанным и булькающим, грубым со странным акцентом.

«Поговаривают,» прошептал Ландерсон, медленно и очень осторожно, «что Лунатики все еще пользуются старым языком. Старый Готик. Или его диалектом.»

Мысли Гаунта помчались. Основным языком Империи был Низкий Готик, с некоторыми вариациями в зависимости от региона, а стилизованный Высокий Готик использовался Церковью, и другими организациями, такими, как Инквизиция, за официальных записей, прокламаций и обрядов. Все нити уходили корнями в прото-Готик, который был языком человечества в ранние дни Эпохи Экпансии. Как и большинству хорошо образованных людей, Гаунту необходимо было изучать Старый Готик в процессе обучения. В школе прогениум на Игнатус Кардинал, Высший Учитель Бонифаций с почти садистским удовольствием тестировал своих юных учеников на эпических поэмах на Старом Готике таких, как *Путник в Пустоте* и *Мечта Орла*. Так много вещей заполнили голову Гаунта с тех пор, так много вещей, которые заставляли забыть старые знания.

Думай! Вспомни что-нибудь!

«Хистью,» начал Гаунт. «Айем... ах... айем уклепт Гаунт, оф... хр... Танит Хис Ворлде.»

«Что за фес?» пробормотал Бонин, бросая взгляды на командира.

Лоб Гаунта морщился от концентрации. Сейчас он почти мог видеть Бонифация, чувствовать заплесневелую комнату школы, Вайнома Бленнера за партой рядом с Гаунтом, рисующего косоглазого эльдера на грифельной доске.

«Не подсматривай в учебник, Учащийся Гаунт,» окликнул Бонифаций.

«Проанализируй вербальную форму, молодой человек! Начинай! 'Айем уклепт... Хес уклепт...' Давай, сейчас! Бленнер? Ты что там рисуешь, мальчик? Покажи классу!»

«Хистью, соул,» сказал Гаунт, уже более обдуманно. «Айем уклепт Гаунт оф Танит Хис Ворлде. Пряети, хват уклептед эстоу?»

«Синаллф айем уклепт,» ответил партизан. «Оф Герюн Хис Ворлде.» Его голос капал, как клей в жарком воздухе.

«Хистью, Синалльф,» сказал Гаунт. «Биддю халлоу, эндсо оф сед халлоу уитт меани гуде рест.»

«Ты с ума сошел фесов придурок?» прошептал Роун.

«Заткнись, Роун,» выплюнула Керт. «Ты что не видишь, что он чего-то добился?» Гаунт отважился сделать шаг вперед. Болотная вода плескалась и пузырилась вокруг его сапог.

«Биддю халлоу,» повторил он. «Биддю халлоу, эндсо оф сед халлоу уитт меани гуде рест.» Партизан немного опустил свой лаз-лок и сам сделал шаг вперед. Он вышел из тени мангрового дерева. Гаунт услышал вздох Керт.

Партизан не был, как уже начал бояться Гаунт, каким-то мутировавшим гибридом человека и мотыля. По крайней мере, на первый взгляд он полностью походил на человека.

Но это не делало его менее устрашающим. Он был высоким, на голову выше, чем Гаунт или Мквеннер, самых высоких членов отряда. Он бы даже возвышался над Колмом Корбеком или Браггом, Трон упокой их обоих. Но он был таким же высоким, как и худым. Большие и мощные, но тощие, как от голода, его длинные ноги полностью состояли из тугих мускулов с полным отсутствием жира. То, что Гаунт поначалу ошибочно принял за выпученные фасеточные глаза насекомого, оказались овальными блестящими чешуйками, зафиксированными, как мозаика, вокруг его глаз и покрывающими его бритый череп. Сами глаза были узкими сверкающими щелями. Его крылья представляли собой сегментированную накидку, которая была покрыта большим числом серых перьев. Накидка висела на ремнях, которые были на горле и плечах человека. Его одежда была рваным тряпьем, и как эти лохмотья, так и его кожа были покрыты чем-то, напоминающим клей, который блестел и переливался серым цветом. Серебряные подвески были у него на шее, а серебряные браслеты и кольца украшали его пальцы и длинные худые руки. У него были длинные гладкие усы, так же обмазанные серым веществом, которые имели сходство с мандибулами насекомого и добавляли впечатление, что он мотыль в человеческой форме. Его длинное, свободно висящее оружие не было, как теперь ясно видел это Гаунт, лаз-локом. Вообще-то это был мушкет старинной модели, такой же длинный, как и высокий партизан. Молоточковый механизм с куском кремния

слушил запалом. На конце дула длинной тонкой винтовки было встроенное грязное, зазубренное лезвие.

Держа оружие наготове в одной руке, партизан поднял другую и показал свою открытую серую ладонь Гаунту.

«Синалфф айем уклепт, оф Герюн Хис Ворлде, ап Нихт. Биддю халлоу Хх-хаунт энд озерен кинде, андсо оф сед халлоу уитт меани гуде метт вералл.»

«Я...» начал Гаунт. «Как это сказать... Я имею ввиду... Я... Я имею ввиду, айем...» Он напрягался, паниковал, пытался думать. Высший Учитель Бонифаций говорил, много раз, своим ученикам, что «отсутствие хороших знаний убьет человека более вероятно, чем тысяча орудий.» Я надеюсь, что теперь ты счастлив, старый простофиля, думал Гаунт, потому что очень скоро ты окажешься прав.

«Айем уклепт Гаунт...» начал он снова. Нет, это он уже говорил. Думай. Думай!

Партизан напрягся, насторожился, и его открытая рука вернулась на свое место на абсурдно длинном мушкете.

Фес, я убил нас, подумал Гаунт.

«Хистью, Синалфф ап Нихт,» внезапно окликнул голос позади него, «энд со беют акинн. Сед халлоу сейзи, уитт би велкоммен инту зиссен аур брестас оуне ас, энд оф фулсейв уитт би херед. Велл мети, Фратер, веролл со визе йелл!»

Гаунт бросил взгляд в сторону. Сбоку к нему подходил Мквеннер, его длинное самодельное копье тянулось по трясине, его левая рука была обращена ладонью вверх. Партизан кивнул ему.

«Вен?» выдохнул Гаунт.

«Секунду, сэр.» Мквеннер сделал паузу и затем произнес, «Хистью, соул, со беют пэйс твайн ас эйзерен кинде. Брандес сетью апарте, визе рест алсе, ас уитт меани гуде метт веролл. Каунсил уитт шэл сей акинн, прелязи.»

Казалось, что партизан заметил Танитский боевой нож, прикрепленный к копыю Мквеннера.

«Прези, сеолфол беют?»

«Уклепт беют со,» кивнул Мквеннер.

Партизан опустил винтовку и пошлепал по болотцу, пока не встал лицом к лицу с Мквеннером. Он с большим интересом изучал клинок, и Мквеннер невозмутимо позволил ему взять копьё в свои руки. Они обменивались словами слишком быстро и слишком комплексно, чтобы Гаунт мог понять.

«Не нравится мне все это,» прошептал Бонин Гаунту. «Для чего весь этот фес?»

«В данный момент, все это для того, чтобы не умереть под градом пуль из мушкетов. Жди, просто жди,» посоветовал Гаунт. Он огляделся. Роун и Бростин уже были на пределе и были готовы схватиться за оружие. Кёрк тоже, черт ее дери. Остальные казались всего лишь встревоженными и смущенными. Все, за исключением Фейгора.

Он сел, спиной к дереву, по пояс в болоте, и его голова наклонилась вперед.

«Вен?» позвал Гаунт.

Мквеннер посмотрел на него, и увидел его жест в сторону Фейгора. Высокий разведчик обменялся несколькими словами с возвышающимся партизаном и парень кивнул.

«Керт может осмотреть его,» отозвался Мквеннер.

«Спасибо тебе,» ответил Гаунт. «И поблагодари его от меня. Ана?»

Керт пошла по болоту к Фейгору и начала осматривать его. Белтайн пошел с ней.

Гаунт вернул свое внимание к Мквеннеру и партизану. Они все еще разговаривали, быстро и непонятно.

«Сеолфол беют!» внезапно выкрикнул Мквеннер. «Покажите ему свои ножи,» добавил он. «Быстро!» Призраки быстро вытащили свои боевые ножи. Некоторым пришлось открепить их от зажимов для штыка на винтовках. Гаунт поднял свой.

Партизан – Синалфф – кивнул, как будто с удовольствием.

«Теперь уберите их в ножны,» приказал Мквеннер. Он склонил голову перед партизаном и пошлепал по болоту к Гаунту.

«Он согласился на разговор. Между тобой и его лидером. Кажется, они впечатлены нашим серебром.»

«Это безопасно?» спросил Гаунт.

Мквеннер пожал плечами. «Совершенно небезопасно, сэр. Они убьют нас в ту же секунду, если мы сделаем неправильное движение. Может быть даже, мы идем в ловушку. Но я думаю, самый лучший шанс, который у нас есть.» Гаунт кивнул.

Синалфф подал знак, и почти сорок партизан, одетых, как и он, и таких же высоких, вышли из дымных теней. Серые и зловещие, в крылатых составных накидках, они были вооружены мушкетами и любопытным оружием, похожим на арбалет.

«Аверси веролл!» крикнул партизан, делая жест своей винтовкой.

«Он хочет, чтобы мы пошли,» сказал Мквеннер.

«Спасибо,» сказал Гаунт. «Как ни странно, но это я понял.»

В то утро фегат подчинился проведению сеанса транскодирования, но когда Десолэйн проинформировал его, что днем вместо отдыха ожидается его встреча с Маббоном Этогором, фегат отказался.

Десолэйн смотрел на него какое-то время. «Это не обсуждается, фегат.»

«Я устал, а моя голова как будто готова расколоться, Десолэйн,» ответил фегат. Он сидел на простом стуле в своей комнате в башне, пытаясь остановить сильное кровотечение из носа тампонами, которые телохранитель дал ему. «Конечно же, я хочу сотрудничать. Но транскодирование достаточно ужасная вещь. А ты заставляешь меня идти на встречи, подвергаться интервью, которые всего лишь немного короче, чем допросы. Я думаю, ты должен дать мне небольшую поблажку.»

«Дать тебе небольшую поблажку?» повторил слова телохранитель так, как будто они были непристойными.

Фегат кивнул. Это была опасная игра, и он это знал. Сейчас у него была некая власть над Десолэйном, но телохранитель был все еще самым опасным существом, с каким он когда-либо встречался.

Фегат хотел протестировать свою новообетенную власть, но не слишком. Была черта, за которую даже Десолэйн не мог переступить.

«Какую я принесу тебе пользу, если буду истощен, Десолэйн? Перегорю? Я уже устал до костей. Я уверен, что транскодирование идет так долго из-за моей усталости.»

«Я полагаю, такое возможно,» неуверенно сказал Десолэйн.

«Разве я не угождаю всеми возможными способами?» спросил фегат.

«Угождаешь, фегат.»

«И я только думаю о великой схеме вещей. Я знаю свой потенциал для тебя и для Анарха. Поверь мне, я смотрю в будущее, в тот день, когда я смогу предложить всю свою помощь. Но я должен считаться и со своим собственным здоровьем.»

Фегат позволил словам повиснуть. Он умышленно не упомянул покушение на его жизнь, или не сделал никакого упоминания об оплошности Десолэйна, позволившей убийцам подобраться очень близко. Но смысл был ясен и без указания на это. *Ты в долгу передо мной, телохранитель. Потому что ты подвел меня, а я тебя даже не наказал. Не дави на меня.*

Десолэйн несколько секунд был неподвижен, а затем кивнул. «Посмотрю, что можно организовать,» сказал он и покинул комнату.

Фегату разрешили отдохнуть днем. Принесли еду. По правде, несмотря на кровотечение из носа и тянущуюся головную боль, и несмотря на раны, которые причинили убийцы, фегат чувствовал себя намного лучше, чем за все последние месяцы. С ясной головой, спокойный, целеустремленный.

Транскодирование наконец-то сняло оковы, которые псайкеры Имперского Комиссариата наложили на его обалдеть-какой-ценный разум. Фегат узнал, какая часть его памяти была подавлена ментальным блоком, и все еще очень маленькая ее

часть была восстановлена, но он не представлял, какая часть его личности тоже была подавлена.

Это было тем, что возвращалось к нему с каждым проходящим днем. Его характер. Его личность.

Он снова ощущал себя значимым человеком. Он чувствовал себя лидером, командиром, лордом генералом. Он вспомнил, как это было быть уважаемым и наводящим страх. Он снова мог чувствовать вызывающий привычку аромат власти.

Он наслаждался этим. Это было очень-очень давно. Годы назад. Он был очень важным офицером, кумиром Империи. Толпы людей бросались в битву по его простому слову. А потом этот ублюдок, эта ублюдочная выскочка, все у него забрала и обрекла его на эти страдания.

Имя этого ублюдка было единственной вещью, которую он никогда не забывал. Даже ментальный блок не смог затуманить эхо имени в его мозгу.

Ибрам Гаунт.

Фегат расслабился, и отпил немного чая. Фортуна снова поворачивалась к нему. Он мог снова восстать, и стать повелителем армий. Возможно, других армий, но власть была властью. Десолэйн уже был его исполнительной пешкой, и Маббон, воображал фегат, его союзником. У него снова была великая судьба, несмотря на то, что он довольно долго считал, что его жизнь закончена.

Десолэйн вернулся к вечеру. «Фегат. Как только я уведомил этого о твоём утомленном состоянии, и отложил твой визит к нему, он настоял на том, что должен посетить тебя.»

«Это похоже на него,» ответил фегат. «Но я думаю, что должен уже лечь спать. Принеси этому мои извинения. Как и ты, я уверен, он знает, насколько Великий Сек ценит мое здоровье.» Десолэйн сделал шаг вперед. Его нога, оканчивающаяся копытом, сильно стукнула по каменному полу комнаты.

«Фегат, есть несколько слов, которым я не могу позволить сорваться с твоих варварских губ и языка. Имя Анарха, чье слово заглушает все остальные,

наиглавнейшее из них.» Фегат резко сел. Он тотчас осознал, что зашел слишком далеко. Телохранитель давно прислуживал ему.

«Мои извинения,» быстро сказал фегат. «Пожалуйста, пригласи этого раба.» *Успокой животное, верни его обратно...*

«Сейчас. Спасибо, фегат. Я предупрежу его, чтобы он не оставался слишком долго и не утомлял тебя.» Маббон Этогор вошел в комнату через несколько секунд. Он очень официально пожал руку фегату, а затем сел на второй стул, который принес лакей.

«Ваш телохранитель сказал мне, что вы нездоровы, сэр,» сказал он, разглаживая полу своей коричневой кожаной куртки.

«Утомление, ничего больше. Спасибо за заботу. Я приношу извинения за то, что пропустил нашу встречу днем. Что-то важное?»

«Это может подождать,» ответил Маббон. «Я намеревался устроить смотр первого тренировочного полка для вас. Я подумал, что вы захотите осмотреть их.»

«Под тренировочным полком вы подразумеваете... Сынов Сека?»

«Анарх, чье слово заглушает все остальные, приказал мне основать первый тренировочный лагерь здесь, на Гереоне. Он находится в центральной части региона, примерно в тридцати километрах отсюда. Люди хорошо готовятся. Они страстно желают, чтобы вы прибыли понаблюдать за тренировками.»

«С нетерпением жду свой первый смотр.»

Этогор открыл портфель и вытащил пачку высококачественных пиктов. Он дал одну фегату.

«Здесь вы можете видеть их в шеренге, сэр.»

Фегат посмотрел на пикта. Он был впечатлен. Это был пикт с около трехстами людьми в шеренге, стоящими по стойке смирно. Все они были большими скотами, с бритыми наголо головами, за исключением петушиного гребня вдоль черепов. Все они были одеты в военную форму, безошибочно напоминавшую Гвардейскую, но выкрашенную в охряной цвет.

«Они выглядят превосходно, это гор», сказал фегат.

«Так и есть. Отобраны.»

«Вами?»

«Естественно, сэр.»

Маббон выбрал еще несколько снимков и дал их фегату. «Когда вы отменили свой визит днем, я решил вместо этого провести тренировку. Людей вооружили и дали приказ. Как вы можете видеть, они хорошо справились с задачей.» Фегат медленно просмотрел фотографии. Его руки слегка начали трястись.

«Какой --» начал он. «Какой приказ вы дали им, это гор?»

«Деревня в сельской местности. Называется Нарэн Таун. Население – шестнадцать сотен. Деревня, конечно же, с разрешением. Нарэн известный центр сопротивления и неразрешенных.»

«Они... они действительно разнесли там все, так ведь?»

Маббон кивнул. «Как эксперт скажу, что да. На этом снимке, и на этом, вы увидите перестрелку, которая началась, когда сопротивление показало себя. Я думаю, что эти бедные дураки, вообще-то, пытались остановить убийства гражданских.»

«Полагаю, что так...»

«По моему мнению плохая тактика,» беспечно сказал это гор. «Сопротивление процветало, когда не высывалось и любой ценой оставалось тайным. Рейд на Нарэн вытащил их наружу, как крыс. Элементарная боевая ошибка. Лучше сбежать и сохранить секретность. Их переиграли. Видите? Здесь... и здесь тоже.»

«Вы убили их всех.»

«Всех. Пятьдесят девять бойцов сопротивления. Без потерь с нашей стороны.»

«Нет, я имею ввиду... вы убили всех.»

«А, ну да, сэр. Все население тоже. Хорошая демонстрация, вы так не думаете?» Фегат рассматривал пикты еще несколько секунд, затем сложил их в пачку и отдал

Маббону. «Великолепная. Великолепная работа. Просто превосходная.» Маббон улыбнулся. «Люди будут очень рады, когда я расскажу им о вашем удовлетворении, сэр.»

«Шестнадцать сотен... ?»

«Да, сэр, и тела сейчас горят. Сыны сделали из них костер. Посвященный нашему возлюбленному Анарху.»

«Что слово заглушает все остальные...» сказал фегат.

«В самом деле, так. Фегат? С вами все в порядке?»

«Просто... просто небольшая слабость. Не обращайтесь внимания, это гор. Эта... эта демонстрация, которую устроили ваши люди сегодня. Очень... безжалостно.» Фегат поднял взгляд и встретился глазами с Маббоном. «Я очень впечатлен,» сказал он.

Маббон казался довольным. «Послезавтра я распоряжусь о новой тренировке. Город под названием Фургеш. Население – сорок сотен. Соответствует ли это вашим требованиям?»

«Было бы замечательно,» вздохнул фегат.

Маббон засунул пикты обратно в портфель и поднялся на ноги. «Спасибо вам за уделенное время, сэр. Я знаю, что вы устали. Мне... мне сказали о нападении. Раны беспокоят вас?»

«Совсем нет,» ответил фегат.

Этогор кивнул и повернулся, чтобы уйти.

«Маббон?» позвал фегат. Воин остановился и повернулся назад.

«Сэр?»

«Мой телохранитель сказал, что убийцы не были Имперскими агентами. Как такое может быть?»

«Сэр, у меня нет привелегии --»

«Скажите мне, Маббон.»

Маббон прошел назад и снова сел. Его голос был тих. «Убийцы были из Оккупационных войск, сэр. Люди, чья верность Архонту перевесила их верность его лейтенанту, Великому Секу. Некоторые рассматривают вас, как ересь и чудовище врага, которого ни в коем случае нельзя принять. Короче говоря, сэр, для них вы все еще Имперский генерал, и это делает вас целью.»

«Я отрекся от Империума Человечества. Я – генерал-предатель.»

«Я это знаю, сэр. Но многие верят... что это в крови. Некоторые личности, верные Архонту, боятся, что вы предадите его, помогая Великому Секу. Другие просто не понимают, почему человека, который сделал свою карьеру сражаясь с нами, теперь кормят и поят, как друга.»

«Но вы-то понимаете, не так ли, Маббон?» Маббон кивнул. «Да, сэр. Я понимаю, потому что я тоже предатель.»

Лагерь Лунатиков занимал почти акр болот, но очень небольшая его часть касалась земли. Он был построен на поляне среди очень старых и массивных мангровых деревьев, и по существу представлял собой группу деревянных платформ, подвешенных между стволами. Самые нижние поддерживались корнями, или были втиснуты на островки земли, которые выступали из трясины, часто с парой деревьев, выступающих из них. Другие, большие уровни, были построены между стволами деревьев, метрах в двух над поверхностью болота. Они поддерживались ходулями, утопленными в тину и тяжелыми деревянными консолями, связанными со стволами деревьев. Еще выше, меньшие платформы зависели от веревок на тяжелых ветках. Досчатые переходы соединяли нижние уровни, а плетеные лестницы тянулись к вершинам. Жилища усеивали уровни, тканевые палатки из какой-то бледной ткани и сочлененные, как накидки партизанов.

В лагере было жуткое сияние. Горели жаровни, чтобы освещать это место, и свет, отражающийся от воды и листьев, давал зелено-серый оттенок.

Бростин улыбнулся, когда увидел огни в жаровнях. Он понюхал воздух.

«Прометиум...» сказал он.

Ближайший Лунатик бросил на него взгляд, чтобы он замолчал. Бростин пожал плечами.

Понадобилось более трех часов, чтобы дойти до лагеря, и они прошли путь в вынужденной тишине. Гаунт до смерти хотел поговорить с Мквеннером, но партизаны ясно дали понять, что они не позволят разговоров, и поэтому он держал язык за зубами. Он не хотел сейчас с ними враждовать.

К тому же, они уступали числом почти четыре к одному. Лунатики позволили им оставить оружие, но не было никакой ошибки в том, кто руководит. И Гаунт был уверен, что оружие партизан, не смотря на то, что оно примитивное, могло быть смертельным. Он был очень заинтересован арбалетами, которые, при ближайшем рассмотрении, совсем не были ими. По конструкции они имели внешнее сходство с механическими луками, но, тем не менее, у них полностью отсутствовала тетива. Каждый арбалет был самодельным и персональным, хотя и прослеживался одинаковый шаблон: длинная, полая металлическая или деревянная трубка со спусковым механизмом позади нее, а за ним приклад. Насколько Гаунт мог предположить, казалось, что в приклад встроена силовая ячейка. Плечи лука резко изгибались назад с каждой стороны трубчатого дула, более резко, чем у любого арбалета, даже под напряжением, и были сделаны из металла, с металлическими грузиками на конце каждого плеча. Оружие было загадкой. Отсутствие видимого молоточкового механизма или затвора наводило на мысль, что это и не огнестрельное оружие, и не лук.

Может быть, какой-то тип энергетического оружия. Лунатики, которые несли их, так же несли на ремнях то, что Гаунту казалось колчанами.

Белтайн и Варл полутащили Фейгора, который, казалось, попеременно то теряет сознание, то приходит в себя. Кёрк ужасно хромала, и продолжала одаривать Гаунта злобными взглядами, как будто вся эта ситуация была, каким-то образом, полностью его провалом.

Гаунт игнорировал ее. «Солнечный ожог» на его лице стал чувствительным и болезненным, и казалось, что привлекает местных насекомых. Он был уверен, что то же самое происходит с Роуном и Мквеннером.

Он размышлял, что теперь их ждет. Миссия на Гереоне с самого начала оказалась чрезвычайно трудной задачей, но какое-то время казалось, что они чего-то достигли. Теперь он, казалось, полностью упустил контроль над миссией. Невезение

отбрасывало их все дальше и дальше от цели, а сейчас они попали в этот сюрреалистический мир. Это было словно сон. По пути на Гереон, он представлял себе множество бедствий, которые могут свалиться на них. А все это было настолько непохожим на них, что он почти смеялся.

Партизаны провели их через трясину в лагерь. Намного больше Лунатиков, тихих и бледных, смотрели с платформ, как они приближаются. Наблюдатели по большей части были мужчинами, но Гаунт также видел женщин и детей. Все они были высокими, худыми и с серой кожей.

Синалфф ап Нихт, или как его там звали, повел их по досчатому настилу на нижние уровни, и они устало зашли в лагерь, тихие фигуры пялились на них. Он отвел их туда, где к платформе был привинчен тяжелый деревянный ящик и поднял крышку.

«Сетю брандес херейн,» приказал он своим странным грубым голосом.

«Оружие,» сказал Мквеннер. «Он хочет, чтобы мы сложили его в ящик.»

«Это приказ?» спросил Гаунт. Мквеннер спросил Синалффа и выслушал ответ.

«Это их закон,» сказал он Гаунту. «Гостям неразрешено проносить огнестрельное оружие в лагерь. Мы должны оставить его тут, где оно будет в сохранности.

Очевидно, мы может оставить наши ножи, и, кажется, что он не беспокоится из-за вашего меча.»

«Делайте,» сказал Гаунт команде. Лазганы и пистолеты отправились в сундук, вместе с пушкой Бростина и ручными пулеметами Кёрк и Ландерсона. Ларкин вздохнул и поцеловал свой лонг-лаз перед тем, как положить его.

Синалфф закрыл крышку и снова поманил их за собой. Они последовали за ним на большую платформу, и он указал на плетеную лестницу, которая свисала с намного меньшей платформы, свисавшей из лиственного полога.

«Он хочет, чтобы мы ждали там наверху, пока он консультируется со своим лидером,» сказал Мквеннер.

Один за одним, они забрались по лестнице. Понадобилось несколько минут, чтобы затащить Фейгора на платформу.

Как только он оказался там, он лег на покрытые мхом доски и почти сразу уснул. Остальные сели там, где было место, и стали отдыхать. Платформа слегка покачивалась под их перемещающимся весом.

Гаунт стоял у лестницы и смотрел вниз на лагерь. Синалфф и остальные партизаны, которые привели их сюда, шли к палаткам на главной платформе.

За Призраками не приставили охрану, но Гаунт понимал, что с абсолютной уверенностью ожидалось, что они останутся на маленькой платформе, пока не вернется Синалфф.

Мколл присел позади Гаунта. «Хех, все это довольно странно,» сказал он.

«Могло быть хуже,» начал Гаунт.

«Мы могли быть мертвы,» закончил Мколл. Оба улыбнулись.

«Если хотите, я могу ускользнуть. Может быть, по тому дереву. Осмотреться. Принести что-то из оружия.»

Гаунт покачал головой. «Я думаю, мы здесь на правах доверия. Трон знает, Мколл, мы можем это превратить в преимущество для нас. Если мы уговорим их помочь нам...»

«Они не выглядят для меня, как помощники, сэр,» ответил Мколл.

«А как они выглядят?»

«Причудливо опасными типами, которые нас еще просто не убили.»

«Хе-хе. Я тоже так думаю. Но давай отдадим им должное. Мне абсолютно ясно, что если бы они хотели убить нас, мы бы даже об этом не узнали, пока это бы не случилось. Я думаю, что мы заигрывали их. Они любопытные. Кстати о любопытстве, позови сюда Вена.»

Мквеннер подошел к ним по сигналу Мколла.

«Сэр?»

«Вен, я верю, что мы живы только из-за твоих знаний, которые раньше были неизвестны, в прото-Готике.»

Мквеннер пожал плечами.

«Пожимание не закончит разговор, Вен. Мне нужно знать.»

«Это личное дело, сэр. Сугубо личное. Я бы предпочел не говорить об этом.»

«А я бы предпочел не спрашивать тебя, но я спрашиваю. Нужды этой миссии превосходят любые личные проблемы, которые могут быть у каждого из нас. Вот так вот.»

Мквеннер сделал глубокой вдох.

«Я пойду, проверю Фейгора,» сказал Мколл и быстро встал, чтобы оставить их одних.

«Итак,» сказал Гаунт. «Даже сарж не знает секретов своего лучшего разведчика?»

«Он знает кое-что. Больше, чем кто-нибудь еще. Но не все.»

«Ты можешь говорить на старом языке.»

«Да, сэр.»

«Потому что...?»

«Я выучил его на Таните, когда был ребенком, сэр.»

«Я тоже его учил, когда был ребенком, в школе на Игнатус Кардинале. Но ты говоришь на нем, как будто он твой родной, Вен.»

«Может быть.»

Гаунт снял свою шапочку и пробежался пальцами по гладким волосам. «Я не дантист, знаешь ли, Мквеннер.»

«Э... что, сэр?»

«Это как выдергивать зубы. У нас не так много времени. Поговори со мной, ради феса. Это связано с Налшином?»

Мквеннер внезапно показался очень настороженным. «Да, сэр. Кто рассказал?»

«Вен, о тебе ходят слухи с самого Дня Основания. В полку нет такого человека, который бы их не слышал. И нет ни одного человека, который видел, как ты дерешься один на один, чтобы сомневаться в них. У тебя навыки как ни у кого другого.»

«Сэр.»

«Считается, что Налшин вымерли, Вен. Воспоминания из феодального прошлого Танита. Как я слышал, Налшин были лесными воинами, боевым братством, которое обитало в наловых лесах и которое свергло старых тиранов. Кто-то думает, что они — миф. Кто-то полагает, что он никогда не существовали. Но они существовали, не так ли, Вен?»

«Да, сэр.»

«Не давай, мужик. Мне бы хотелось думать, что ты можешь доверять мне.»

Мквеннер сел рядом с Гаунтом. Их ноги свисали с края платформы. «Налшин существовали, сэр. Прямо до дня, когда погиб Танит. Они продолжали свои традиции в отдаленных лесах, передавая знание *колоула* от отца к сыну. Их было очень мало, но они поклялись сохранять братство на случай того, если тирания когда-либо снова возрастет на Таните. Моя родословная идет от Налшинов с тех пор, как стали вести записи.»

Гаунт кивнул, и подождал, пока Мквеннер не продолжит.

«Меня тренировали с ранних лет, с трех или четырех, я думаю. Меня отвел отец к старому учителю в наловые леса, и мне передали знания. Боевые навыки, ориентировка в лесу, саму веру. И язык. Налшин всегда использовали старую форму Готика, как их частный язык. Тот же самый язык, на котором говорили первые лесники, когда поселились на Таните в Ранние Времена.»

«Прямо, как здесь,» сказал Гаунт.

«Да, сэр. Когда я услышал речь партизана, моя кровь похолодела. Это было словно, как снова слышать голос моего отца.»

Мквеннер надолго, молча, уставился на деревья, затерявшись в воспоминаниях.

«Этого достаточно, Вен. Ты ответил на мои вопросы. Не на все, которые я хотел бы спросить, но этого достаточно.»

«Спасибо, сэр. Но я думаю, что вы можете задать остальные. Вы имеете право знать. Я не верю, что должен иметь секреты от своего командира.»

«Правильно. Ты – Налшин, Мквеннер?»

«Нет, сэр. Я обладаю многими их навыками, но я никогда не заканчивал обучения. Мой отец хотел этого, как и старый учитель. Но я был своевольным юнцом. Я... думал, что лучше знаю. Видете ли, я хотел служить Императору. Я вступил в ополчение в ближайшем городе и, когда созывали Основание, записался в Гвардию. Последние из Налшинов... люди, как мой отец и остальные лесные учителя в отдаленных местах... погибли, когда Хаос сжег наш мир.» Гаунт кивнул. «Вен,» сказал он, «если бы ты не был своевольным юнцом, если бы ты не покинул леса и не вступил в Гвардию, ты бы тоже погиб с Танитом. И если бы это случилось, два человека были бы очень разочарованы.»

«Сэр? Кто?»

«Первый это я, потому что без тебя очень много сражений Призраков были бы проиграны. Сколько раз ты спасал меня? Всего лишь вчера, на том поле, против проволочных волков. Я обязан тебе. Призраки обязаны тебе. Я знаю, что Корбек до конца жизни был обязан тебе.»

«Тогда Колм - это другой человек, сэр?» спросил Мквеннер.

«Нет, Вен. Другой человек – это твой отец. Если бы ты остался в наловых лесах, и умер бы с ним, как умер Танит, сегодня не было бы Налшина, который направлял бы последних Танитцев.»

Бростин сидел на дальнем стороне висящей платформы, смотрел на болото и мусолил одну из своих драгоценных сигарет с лхо. Он не беспокоился о том, что кто-то его видит.

«Можно мне одну?» спросила Керт, садясь рядом с ним.

Бростин оскалился. Он был здоровой скотиной, но его улыбка была заразной. Он вытащил пачку из кармана куртки, и Керт взяла одну.

Они сидели некоторое время, делая вид, что курят.

«Ммммм... отличный вкус,» прошептала она.

«Самый высший Имперский сорт,» согласился он, подыгрывая.

«Конечно же,» сказала она, «как медик Гвардии, я обязана предупредить тебя о рисках для здоровья. Курение сигарет с лхо это очень, очень плохо.»

«Эх, я знаю, док. Серьезно, знаю. Отвратительное дело.»

«Точно. Курение лхо это, откровенно, тупо. Только тупые люди делают это. Очень, очень тупые люди.»

«Знаете,» сказал Бростин, закидывая пятку одной ноги на край платформы и делая еще один тяжелый притворный вдох дыма. «Хотя знаете, что по-настоящему тупо?»

«Говори, солдат.»

«Это люди, притворяющиеся, что курят.»

Она рассмеялась. «Я знаю, Брос. Чего бы я только не сделал за огонь.» Он уставился на нее и вопросительно поднял бровь. Она снова рассмеялась.

Он тоже тихо рассмеялся, и затем указал на лагерь. «Там огонь,» сказал он.

Он указывал на одну из жаровен лагеря с пульсирующим огнем.

«Слишком далеко,» сказала она.

«Это горящий прометиум,» сказал он. «Грубый прометиум, неочищенный. Здесь они используют его, как топливо. Вот почему их лагерь здесь.»

«Что ты имеешь ввиду?» спросила Керт, моментально забыв о своей пантомиме.

«Вон там,» ответил Бростин, кивая в сторону болотца к западу от лагеря. Вода была темной и коричневой, и лениво пузырилась. Лунатики установили несколько маркерных столбов в центре болотца.

«Природный источник,» сказал Бростин. «Хлещет из-под ила. Сырой, имейте ввиду, не синтезированный. Я предполагаю, что мотыльки-уродцы построили этот лагерь на месте, где они могут добывать топливо для огня.»

«Ты уверен?» спросила она.

«Я могу это чувствовать, док,» сказал он, постукивая по своему мясистому носу грязным пальцем. «К тому же, только взгляните на масляные узоры на воде, вон там. Похожи на радугу. Это сырой прометиум, поднимающийся из месторождения. Уверен в этом так же, как и в том, что я не изящная блондиночка по имени Ана.» Она посмотрела на него. «Я полагаю, что у тебя непреодолимое желание поджечь его прямо сейчас, не так ли?»

«Док,» ответил он, «многие называют это поджогом. Многие называют меня пироманьяком. Я всего лишь думаю об этом, как о веселье со спичками. Но вот, что я вам скажу: я бы бросил всю свою пачку с сигаретами в болото ради шанса поджечь эту детку. Огонь, знаете ли. Это то, что я делаю.»

Керт притворилась, что стряхивает пепел со своей сигареты. «Давай просто продолжать притворяться.» сказала она.

Внезапно на платформе ниже началось движение. Синалфф ап Нихт появился с бандой вооруженных Лунатиков, и жестом показал Гаунту спуститься.

«Вен, со мной,» сказал он, вставая. «Роун, ты за главного.» Хоть убей, Гаунт хотел оставить командование отрядом Мколлу, но у Роуна было звание.

«Просто не сделайте чего-нибудь тупого,» сказал Гаунт Роуну.

«Можно подумать.»

«Ты, или кто-нибудь еще.»

Гаунт спустился по веревочной лестнице на нижнюю платформу, и Мквеннер за ним. Они пошли за людьми Синалффа к главной платформе.

«Значит, они называют себя лунатиками?» прошептал Гаунт Мквеннеру.

«Нет, сэр. Они называют себя *нихтгейн*, что означает 'те, кто ходят в ночи'. Попросту говоря, они *ночные бродяги*.»

Гаунт кивнул. Как легко местные превратили это слово в *сомнамбулистов* и потом *лунатиков*. Они полностью упустили смысл.

«Нихт – это темнота этих болот,» сказал Мквеннер. «Это все, что они знают.»

Главная палатка, сочлененная, как гигантский зонт, освещалась изнутри единственной большой прометиевой горелкой, висящей на цепях. Палатку заполнили партизаны, окружившие вождя, который выглядел еще более гигантским мотылем, чем любой из них. Его накидка была длинной и густой, и стелилась на платформе вокруг него.

Его глаза сверкали из-под мозаичных овалов. Его, выкрашенные в голубой, усы были длинными и заплетенными в косички.

Его звали Синхед ап Нихт. Он был «из ночи», и эту вещь он хотел действительно прояснить через перевод Мквеннера. Он представил своих сыновей: Эзекиля, Эзебе, Ээру и почти дюжину других. Гаунт запутался. В своей серой раскраске и плащах они все выглядели похоже.

Когда настал его черед, Гаунт попытался объяснить свое происхождение и свою цель. Это было медленным делом.

Мквеннер делал все, что мог, чтобы переводить, но вождь продолжал перебивать и задавать вопросы.

«Гереон изменился,» Гаунт обнаружил, что повторяется. «Мир снаружи нихт изменился. Империи больше вам не враг. Пришел Хаос.»

«Хх-аоус?» повторил вождь. «Хват уитт меани тиссен верде?»

«Архивраг для нас всех,» пытался объяснить Гаунт. «Моя команда, мои люди, мы здесь на очень важной миссии. Он жизненноважна для Империиума. Многие погибли если мы не --» он посмотрел на Мквеннера, который все еще переводил.

«Это нас ни к чему не ведет, не так ли?»

«Продолжайте, сэр,» сказал Мквеннер.

«Скажи ему... скажи ему, что я хочу помощи партизан. Нихтгейнов. Я хочу, чтобы нас провели через Антилл, чтобы мы могли добраться до Летрики и центрального региона. Скажи ему, что множество жизней --»

«Множество жизней будет спасено. Да, сэр. Я это ему сказал. Дважды. Кажется, что он сосредоточил внимание на цели другого врага.»

«Другого врага?»

«Хаоса, сэр.»

«Пряети,» сказал вождь, наклоняясь вперед. «Хват беют тиссен хх-аоус, соул?»

«Вен, скажи ему, что архивраг – это смертоносное чудовище, которое пытается найти его, чтобы убить его и его вид так же, как он хочет убить нас. Мы здесь, чтобы сражаться с ним. Именем Бога-Императора.» Мквеннер снова перевел. Вождь слушал с интересом.

«Скажи ему --»

Синхед ап Нихт вмешался, поднимая серую руку. «Хистью, лиссени ви хаф. Каонсил беют таккен, пряети. Гое фром хир, цизе рест алсе, эс уитт меани гуде метт веролл. Он уитт ви шэлле мейкен маиндэ.»

Лунатики вывели их из палатки.

«Ну?» сказал Гаунт.

«Теперь мы подождем,» сказал Мквеннер. «Они собираются обсудить то, что мы сказали и решить, что делать.»

Один из экскувиторов ординала нечаянно вдохнул мотылька. Он корчился в мутной воде, плещась и блюя до смерти.

Уэксулл смотрел на него. Он не стоил болта, чтобы закончить его страдания. У ординала было еще пять экскувиторов. Черт его знает, почему он взял их с собой. У Стенелуса был эскорт из пяти Космодесантников. Что он собирался делать с экскувиторами?

Ординал прошагал к умирающему экскуватору. Дергающийся бедняга схватил тонкие металлические конечности Стенелуса скользкими руками в надежде на благословение и помощь. Ординал всего лишь выдвинул тонкую иглу для сбора образцов, и взял образец кровавой пены экскуватора.

«Уровень токсинов – восемь целых одна десятая по шкале Фабия. Влажность воздуха девять частей. Земля покрыта водой на полметра, и уклон вниз на два градуса. Теперь исследование флоры.» Пиктеры ординала начали щелкать, когда фиксировали окружающую массу деревьев. Экскуватор дернулся в последний раз и умер.

Вокруг них, во мраке, псайбер-череп Стенелуса парили и записывали.

Ординал продолжал свою безостановочную голосовую каталогизацию, задействовав хрупкие медные сенсоры своего шагающего механизма для составления планов. Стержни на шарнирах выдвинулись во все направления.

«Ягода с толстой кожурой с красным внеплодником, ядовитая, но с потенциальным торговым значением из-за масла из семечек. Маленький фрукт с коричневатой мякотью, приблизительно --»

«Мой ординал,» сказал Уэкскулл. «Пожалуйста, сконцентрируйтесь. Враг. Где враг?» Один из длинных медных пробоотборников поднялся из ила.

«Один момент, лорд Уэкскулл. Хммм... одна часть на десять миллионов, но, тем не менее, человеческая кровь. Кого-то здесь укусили. Я так же обнаружил незначительную концентрацию яда мотылька. Любопытно. Искусственная смесь.»

«Куда?» потребовал Уэкскулл.

Стенелус показал рукой.

На подвешенной платформе члены команды ждали. Минуты превращались в часы. Казалось, что время проходит с наиболее медленной скоростью. Казалось, что тихий лагерь и медленно клубящийся туман слабо освещенного болота вокруг них поддерживают ту же скорость времени.

«Это бесполезно!» заявил Роун.

«Сядь,» сказал Гаунт.

«Это трата --»

«Роун, фес тебя, сядь. Больше повторять не буду.»

«Ради феса, мы должны, по крайней мере, дать уйти нашим разведчикам. Парни Мколла могут осмотреть территорию, забрать оружие. Они --»

«Нет, Роун.»

«Но --»

«Я сказал - нет, и я верю в то, что говорю.» Гаунт посмотрел на своего беспокойного заместителя. «Мы подождем, Элим. Мы подождем и посмотрим, что они приготовят для нас. Если ничего, да будет так. Но если что-то, то я не собираюсь разрушать наши шансы скоропалительными мерами.»

«Я согласна с Роуном,» сказала Кёрк.

«Боже, не удивительно,» проворчала Керт. Варл ухмыльнулся.

«Заткнись, женщина,» сказала Кёрк, глядя на Керт.

Керт поднялась на ноги и уставилась на лидера ячейки. «Может я себе это и выдумала, но я думаю, что была частью этого отряда задолго до того, как ты появилась. У меня есть звание --» Кёрк пренебрежительно пожала плечами. «Серьезно? Все мы знаем причину, по которой ты здесь, женщина.» Она дернула головой в сторону Гаунта.

«Вожак стаи только тогда думает о деле, когда он счастлив и когда его обслуживают на регулярной --»

«Воу, леди!» сказала Керт, ступая вперед. «Ваш рот не знает, когда закрыться, так ведь?»

Кёрк встала в полный рост. Она была значительно выше, чем медик Призраков. Она улыбнулась.

«Я что задела за живое?»

«Да я могу найти и задеть больше нервов, чем ты когда-либо мечтала, су--»

«Прекратите. Обе,» сказал Гаунт.

«Мамзель Керт... Доктор Керт... здесь из-за ее медицинских знаний,» сказал Ландерсон, вставая на ноги. Он встал между ними и уставился Кёрк в глаза.

«Предполагать что-то еще было бы неподобающе для солдата Гереона.»

Кёрк смотрела сердито. «Ландерсон, ты льстивый кусок де --»

Послышался глухой треск. Керт врезала своим маленьким, сжатым кулаком прямо по рту Кёрк. Лидер ячейки откинулась назад, и только руки Белтайна и Крийд не дали ей свалиться с платформы.

«Ах ты, маленькая ведьма!» фыркнула она.

«Еще хочешь?» рассмеялась Керт.

«Замолчите! Замолчите!» выплюнул Ларкин. «Заткните их, ради феса! Они возвращаются!» Внизу, Синалфф и еще несколько Лунатиков быстро шли к лестнице.

«Еще поговорим,» кипела Кёрк.

«Ой-ой. Укуси меня,» бросила ей Керт.

«Заткнитесь,» сказал Гаунт.

«Ну что ж, леди дерутся за тебя...» прищелкнул Роун.

«Ты тоже можешь заткнуться.»

«Ой, как я обожаю такие моменты,» сказал Роун.

Синалфф показал на Мквеннера.

«Он хочет тебя,» сказал Гаунт.

Мквеннер кивнул и спрыгнул на нижнюю платформу к партизанам. Он бросил взгляд на Гаунта, когда его уводили. Гаунт сложил руки на груди и сотворил знак аквилы.

«Мне жаль,» тихо сказала Керт. «Мои извинения.»

«Хорошо. Думаешь, что сможешь извиниться перед ней?» спросил Гаунт, кивая в сторону Кёрк, которая сидела на краю платформы, лицом к болоту.

«Если ты меня хорошенько попросишь,» ответила Керт.

«Мне не нужно. Кёрк вышестоящий по званию офицер. Другие комиссары без вопросов пристрелили бы солдата, который ударил вышестоящего по званию.»

Керт уставилась на него. «Ты меня разыгрываешь.»

«Это правда. Я такое видел.»

«Ты пристрелишь меня?» прошептала Керт. Ее глаза были очень большими.

«Никогда,» сказал Гаунт. «Так что иди и будь милой.»

«Не думаю, что это будет очень легко,» сказала Керт. Она открыла свой потрепанный нарцетиум и покопалась в остатках содержимого. «Я провела тест. Используя остатки набора. Он не точный. У меня не осталось оборудования, чтобы сделать тест точным. Но я доверяю результату.»

«Который заключается в?» спросил Гаунт.

«Перепады настроения. Нетерпимость. Это все зараза Хаоса. Она поразила нас. Изменила нас. Роун у тебя на шее. Кёрк совершенно не в себе.»

«Кто провел твой тест?» спросил Гаунт.

«Я,» ответила она. Слезы выступили у нее на глазах. «Я ударила ее потому что... потому что теперь это во мне. Это делает меня... другой... это делает меня жестокой. Это влияет на наши гормоны. Изменяет их, усиливая какую-то подавленную агрессию --»

«Ана. Шшшш.» Гаунт прижал ее к груди. Керт начала плакать. «Если то, что ты сказала, правда, то для всех нас уже слишком поздно. Но я думаю, что мы сможем побороть это. Я думаю, что мы можем быть сильными. Ты заступилась за меня, потому что ты заботишься и потому что тебе было ненавистно слышать ее оскорбления. Мы справимся.» Она что-то сказала, но это осталось приглушенным его грудью. Он отстранил ее. «Что?»

«Я сказала, что ты делаешь комиссарскую вещь, не так ли? Говоря правильные вещи, как тебя и научили.»

Гаунт улыбнулся. «Если я скажу, что нет, ты подумаешь, что это тоже, всего лишь, часть обучения, не так ли?»

«Может быть.»

Он сел рядом с ней. «Значит я проклят, если я говорю правду, и проклят, если не говорю. Ана, с нами все будет в порядке. Если зараза влияет на нас, тогда очень медленно. Мы здесь совсем недавно.»

«Кёрк нет. Она здесь с самого начала.»

Гаунт обдумал это. «Да, с начала,» сказал он. «Да, с самого начала.»

«Мы отдали тебе все,» сказала Саббатина Кёрк, когда Гаунт присел около нее на корточки. «Мы потеряли наш мир, а ты с собой не принес ни слова об освобождении, но, тем не менее, мы отдали тебе все, что у нас было. Целая ячейка была уничтожена, помогая тебе добраться. Баллерат. Многие другие. Ради чего? Ради этой бессмыслицы. Этого безумия.»

«Мне жаль,» сказал Гаунт. «Если это поможет, большинство из того, что я делаю... из того, что делают мои Призраки... по определению является безумием. У меня все еще есть цель и задание. Мы справимся, я твердо верю в это.»

«Ты лжец.»

«И еще много других вещей. Будь со мной, Саббатина. Ты мне нужна.» Его позвал Белтайн.

Мквеннер возвращался.

«Они сказали нет,» сообщил Мквеннер, когда забрался на платформу.

«Нет?» спросил Бростин. «Что нет?»

«Они не дадут нам проводников. Он не собираются помогать нам выбраться из болот. Мы – старый враг. Они с нами очень долго сражались и они не собираются помогать нам сейчас.»

«Фес,» простонал Роун.

«Вен,» сказал Варл. «Куда подевался твой фесов значек с шапочки?»

«Я не знаю. Должно быть уронил.»

«Они серьезно сказали нет?» спросила Керт.

«Бел,» сказал Мквеннер, игнорируя ее и делая жест оператору вокса отряда.

«Настрой аппарат на мой канал.»

«Что?» спросил Белтайн.

«Я уронил свой передатчик вне поля зрения в палатке вождя. Настройся на него.»

«Я постараюсь.»

Мквеннер посмотрел на Гаунта. «Они что-то замышляют. Они не собираются помогать нам, но у меня такое впечатление, что они, так же, не хотят, чтобы мы ушли.»

«Ничего нет... просто шум...» сказал Белтайн, прижав наушники к голове.

«Ублюдки собираются сдать нас,» сказал Роун.

Уэкскулл замер. Его ночное зрение ничего не выхватывало в этом ядовитом мире. Тепло поверх тепла. Но он доверял своим глазам.

Фигуры появлялись из омутов и корней перед ним. Высокие, тусклые серые фигуры, словно призраки.

«Не стрелять,» приказал своим людям Уэкскулл.

Призраки приближались.

«Как восхитительно,» заявил Стенелус. «Местные, аборигены...»

«Тихо!» рявкнул Уэкскулл.

Ближайшая фигура приближалась, пробираясь вброд по застойному озерцу. На ней был плащ из меха мотылей, и он нес какой-то тип арбалета.

Крестьянин, подумал Уэкскулл.

Тем не менее, он поднял свою массивную перчатку в приветствии.

«Привет тебе,» выкрикнул он.

«Пряети,» ответила фигура. «Бейтю Ххаоус, соул?»

«Что он говорит?» бросил Уэкскулл через плечо.

«Удивительно,» ответил Стенелус. «Кажется, существо не представляет, что мы такое. В самом деле, кажется ему любопытно.»

«Ххаоус? Бейтю Ххаоус? Пряети?» повторил партизан. Он вытащил серую руку с длинными пальцами и показал им блестящий Танитский значек с черепом, который украл.

«У них был контакт с повстанцами,» проорал Уэкскулл, как только увидел его.

«Ординал, вы можете отследить, откуда пришли эти существа?»

«Конечно же, лорд. По феромонам, а так же по следу концентрированного токсина мотылей, которые они оставляют за собой.»

«Великолепно,» сказал Уэкскулл, поднимая свой штормболтер. «Эти серые душонки пришли посмотреть на... как там это было? 'Ххаоус'? Так?»

Партизан живо кивнул и снова вытащил значек.

«Давайте покажем им, что означает 'ххаоус',» крикнул Уэкскулл.

Пять Космодесантников Хаоса открыли огонь. Их выстрелы скосили первую шеренгу партизан, отбрасывая их назад в мелком кровавом дожде. Некоторые побежали и были убиты. Кровавый туман повис в воздухе.

Танитский значек выпал из мертвой руки и быстро погрузился в потревоженный ил.

ДВАДЦАТЬ

«Там,» сказал Белтайн, концентрируясь после минутной настройки вокс-аппарата. «Я слышу голоса. Очень слыбые...»

Он дал наушники Мквеннеру, который прижал их к ушам и стал вслушиваться.

«Ублюдки собираются сдать нас,» повторил Роун.

«Шшшш!» произнес Мквеннер. «Я могу едва... Бел, ты можешь усилить сигнал?»

«Пытаюсь,» ответил Белтайн. «Лучше?»

«Немного.» Мквеннер вслушивался. «Хм. Ага. Это разговор. Я слышу вождя. Пара других голосов. Говорят об ожидании. Ожидании, чтобы что-то изучить. Ждите.» Все, кроме все еще спящего Фейгора, в полной тишине сгруппировались вокруг Мквеннера, даже Кёрк. Казалось, что Мквеннеру понадобится век, чтобы услышать достаточно. Наконец, разведчик поднял взгляд на Гаунта.

«Это плохо,» сказал он. «Партизаны обнаружили другую группу,двигающуюся в эту область. Другие пришельцы.»

«Ищущие нас?» спросил Гаунт.

Мквеннер пожал плечами. «Могу на это поставить. Вождь послал группу воинов, чтобы установить контакт и больше узнать о них.»

«Я говорил вам!» фыркнул Роун. «Сдать нас! Они собираются сдать нас!»

«Тот тип монстров, которые ищут нас, не будет заинтересован в сделках,» сказал Гаунт.

«Не важно,» сказал Кёрк. «Партизаны приведут их прямо к нам, захотят ли они этого или нет.»

«Точно,» сказал Гаунт. «Это провал. Мы попытались, и не получилось. Не будем впустую тратить время. Давайте вернем оружие и уйдем. Если партизанам это не понравится, будем действовать твердо. Будьте готовы --» Внезапно Мколл проигнорировал его. Начальник разведчиков повернулся и посмотрел в туманную темноту за платформой. «Оружейный огонь,» сказал он.

Уэкскулл и его воины появились из клубящегося болотного тумана, идя вброд через похожую на суп воду и стреляя без разбора. Вспышки от их оружия освещали темноту. Болтерные и пушечные снаряды летели от Уэкскулла, Незера и Вирага, выстрелы плазмы от Челгура, а ревущий конус огня от огнемета Гургоя. Ординал Стенелус шел за ними, распределив своих экскувиторов для поддержки.

Западный край лагеря испепелила безжалостная атака. Стволы деревьев раскололись, листву искромсало, платформы тряслись, когда их пронзали снаряды, палатки загорелись.

Лунатики умирали. Многие из людей с серой кожей смотрели с ошеломлением, как началась атака, сбитыми с толку огромными воинами, напавшими на них. Воины Уэкскулла убили их: мужчин, женщин, детей. Некоторые начали убегать. Челгур поднял свое плазменное оружие и выпустил яркие, фиолетовые лучи энергии по лагерю. Целая секция платформ рухнула в воду, потянув за собой в болото дюжины партизан. Метаясь, они умерли под следующим залпом.

Уэкскулл забежал по одной дорожке, которая застонала под его весом. Он выстрелил из своей пушки и разорвал на куски трех, спасающихся бегством, партизан. Горящие пучки серых перьев плыли по воздуху, как пепел, от их разорванных сегментированных плащей.

«Разойтись,» приказал он. «Убить всех. Найти Имперцев и принести их тела мне.»

«Идем!» крикнул Гаунт. Он мог видеть вспышки и слышать ужасный рев штурма, раздававшийся в дальней части лагеря. «Роун! Бростин! Ларкин! Заберите оружие! Белтайн и Ландерсон... заберите Фейгора! Пошли!»

«Нам нужно бежать!» крикнула Кёрк.

«Они вырезают этих людей!» ответил Гаунт.

«Ради феса,» крикнул Роун, уже на середине лестницы. «Эти люди собирались сдать нас, и они, в любом случае, не Имперские граждане!»

«Следую моим приказам!» крикнул в ответ Гаунт. «Мы должны забрать наше оружие! Больше никакой чертовой беготни! Мы сразимся с ними здесь!»

Игнорируя протесты позади себя, Гаунт соскользнул с платформы и приземлился на нижний уровень с кошачьей грацией, поднялся с согнутых ног и вытащил свой силовой меч. «Император защищает!» крикнул он, и побежал в атаку.

Партизаны пробежали мимо него в другую сторону. Гаунт осознал, что в этой ужасной сцене отсутствовала одна важная вещь. Не было криков и воплей ужаса. Даже дети Лунатиков были тихи.

А пушки не были. Он слышал плазменный огонь, потрескивающее шипение огнемета и очереди из болтеров.

Тяжелое вооружение...

Продвигаясь вперед, он впервые увидел атакующих, когда те быстро шли через лагерь, стреляя во все подряд.

И он понял, что принял плохое решение. Очень плохое решение. Может быть, Керт была права. Может быть, зараза уже была глубоко в них, что они действовали необдуманно и легкомысленно. Им нужно было бежать. Просто бежать. Позабыть про оружие. Просто фесово удирать, чтобы спастись.

Атакующие были гигантами, облаченными в жужжащую силовую броню Космодесантников. Гаунт увидел керамитовые пластины, отполированные и сверкающие как перламутр, покрытые золотой филигранью и подернутые ржавчиной омерзительные символы.

Космодесантники Хаоса. Наиболее абсурдные, наиболее могущественные воины в армии архиврага.

Имперская Гвардия не сражалась с Космодесантниками. Она оставляла эту работу для сверхчеловеческих Астарес по простой причине – Гвардеец практически ничего не мог сделать, чтобы даже разозлить Космодесантника Хаоса. На поле битвы бригады хорошо вооруженных Гвардейцев постоянно беспорядочно отступали, даже заведя нескольких Космодесантников Хаоса.

У Гаунта в отряде было около дюжины Гвардейцев. Они не были вооружены, их оружие валялось в каком-то ящике. Превосходство в численности даже не начало перекрывать это.

Плохое решение. Плохое, плохое решение.

Белтайн, Ландерсон и Керт пытались спустить Фейгора с платформы. Крийд и Варл прыгнули после них. Остальные уже побежали в сторону ящика.

«Он пошел один,» настаивала Крийд. «Гаунт пошел один и это Космодесантники.»

«Ты меня разыгрываешь,» сказал Варл.

«Сам посмотри.»

«Святой фес. Нам конец. Нам нужно наше оружие...»

«Зачем?» бросила Крийд. «Чтобы мы их немного побеспокоили?»

«Тона --» предостерег Варл.

«Дай мне свой ранец. Сейчас, Варл. Сейчас же!»

Не раздумывая, Варл кинул ей ранец с последними шестью трубчатыми зарядами. Она поймала его и побежала за Гаунтом.

«Тона! Не будь полным гаком!» кричал Варл. Но она уже исчезла.

Варл начал уже бежать в направлении ящика с оружием, затем резко остановился. «Фес!» ругнулся он, повернулся и побежал за Тоной Крийд.

Серые тела лежали везде среди горящих палаток и поврежденных деревьев. Некоторые свисали с краев платформ, опустив в зеленую воду мертвые конечности, их сегментированные плащи были разорваны, как крылья мертвых птиц, или прихлопнутых мотыльков. Незера, ростом почти в два с половиной метра с своей броне, протопал по мостовой дорожке на верхний уровень, и направил свою пушку на группу партизан, которые пытались укрыться позади останков покоробленной крыши палатки.

Гаунт появился из-за толстого дерева, которое предоставляло центральную поддержку для веса платформы. Он вложил всю свою силу в удар мечом, держа его обеими руками. Один шанс.

У Незеры было, всего лишь, достаточно времени, чтобы осознать, что справа от него появилась фигура. Затем обжигающий силовой меч Иеронимо Сондара скользнул сквозь него. Керамитовая броня могла противостоять почти всему... лазерному огню, болтам, даже выстрелу из пушки. Но для силового меча она была словно бумага. Режущий удар Гаунта прорезал грудную пластину Незеры, прошел сквозь торс и вышел из спины в кровавом тумане. С наполовину разрезанным телом, Незера споткнулся, изумленный, его системы пытались справиться с болью и починить критическое повреждение.

Рана была слишком ужасной. Кровь дико хлестала из огромной трещины в пластине, как вода через края широкого потока. Края разреза на пластине брони светились и потрескивали.

Незера упал, тяжелый и мертвый, лицом на платформу. Удар был настолько сильным, что платформа содрогнулась и закачалась.

Гаунт посмотрел на прячущихся партизанов. Их обрамленные мозаикой глаза были широкими от благоговения.

«Вставайте!» крикнул он, даже больше не пытаясь пользоваться их языком.

«Вставайте и сражайтесь, или они убьют всех нас!»

Что-то изменилось, подумал Уэкскулл, всаживая болты сквозь группу палаток и взрывая еще больше серой плоти в ярких всплесках крови. Он чувствовал это. Как изменения в воздухе перед грозой. Он ---

Его настигли первые выстрелы. Металлические стрелы разрезали с шипением воздух, как злобные шершни. Они стучали по его броне, отскакивая от керамики.

Значит, крестьяне отбиваются, улыбнулся он.

Затем железная стрела вонзилась в его плоть на левой щеке.

Почувствовалась небольшая боль, но его биомеханизмы уже задействовались.

Уэкскулл сомкнул челюсти и выдернул металлическую стрелу в брызгах крови.

Уэкскулл сразу же почувствовал, как железа в его теле стала вырабатывать антитоксин с огромной скоростью, и он растекся по его организму. Стрелы были

отравлены. Экстремально смертельная смесь, без сомнений добытая из местных мотылей. Обычный человек умер бы уже через пару секунд.

Уэкскулл не был обычным человеком. Ни на йоту. Его организм поборол чудовищный яд. Он чувствовал горящий наплыв антидота. Не смотря на дождь стрел, которые стучали по его броне, он шел вперед.

И продолжал убивать.

Впечатленные примером безрассудной храбрости, которую показал Гаунт, убив Космодесантника Хаоса, Лунатики начали подтягиваться. Многие продолжали убегать, направляя женщин и детей в воды, подальше от сожженного лагеря. Но остальные взяли свое оружие и повернулись против атакующих.

Мушкеты стреляли, их заряды сверкали на силовой броне Космодесантников. Арбалеты тоже стреляли.

Продвигаясь вперед сквозь дымящиеся руины, в которые враг превратил лагерь, Гаунт увидел арбалеты в действии. Вытащив отравленную железную стрелу из колчана, каждый партизан вставлял ее в дуло и затем стрелял от плеча. Арбалеты не производили ни звука, всего лишь свист, когда с большой силой вылетали железные дротики.

Магнетизм, понял Гаунт. Тяжелые грузики на плечах арбалетов были мощными магнитами. Они затягивали стрелы в оружие, а когда курок спускался, полярность менялась и выплевывала их. Просто, великолепно.

Но весьма бесполезно против Космодесантников Хаоса в полной броне, Космодесантников, которые могут использовать железы против токсинов, если получат царапину.

Если эта битва будет выиграна – а Гаунт сомневался, что во всей Вселенной найдется тактик, который сможет предсказать исход в его пользу – то другим способом.

Невооруженные Гвардейцы и местные с примитивным оружием не смогли бы остановить группу Космодесантников. Но Гаунт убил одного, спасибо мечу. И он сделает это снова.

Даже если это означает сталкиваться с ними один за другим.

Продвигаясь вперед на своем высоком насесте, Стенелус моргнул, когда два его экскувитора упали лицом в вонючую воду и не поднялись. Металлические стрелы шипели вокруг него, и две со звоном отскочили от нижней части его шагающего механизма.

Он воспользовался одним из зондов, чтобы вытащить одну стрелу из воды.

«Грубо сделанный снаряд, возможно заслуживающий названия 'стрела'. Пятнадцать сантиметров в длину, выплавленный из низкокачественной железной руды. Скрытая поляризация указывает на магнетизм, на кончике частички смолистой смеси, изготовленной из ядовитых крыльев местных мотыльковых форм.»

Экскувитор позади него рухнул в мутную воду, когда заряд из мушкета попал ему в череп. Двое оставшихся экскувиторов выстрелили из лаз-локов и начали перезаряжаться.

До того, как они закончили это дело наполовину, они тоже попадали от стрел.

Стенелус глянул вниз на безвольные, плавающие вокруг него в грязной воде тела экскувиторов.

«Указанный токсин имеет быстрый эффект на человекообразные организмы, предположительно --» Он остановился. Он посмотрел вниз. Пролетающая мимо стрела прорвалась сквозь ткань, покрывающую его бесформенный живот. На плоти был один длинный порез из которого рубиновыми каплями вытекала кровь.

«Лорд Уэксулл?» сказал он. «Лорд Уэксулл!»

Ординал Стенелус попытался выкрикнуть его имя в третий раз, но к этому времени его рот наполнился пеной. Незначительная доля яда убила его мгновением позже, превратив кровь в слизь. Его тощее тело дико задергалось, а затем затихло. Мгновением позже еще две стрелы попали ему в торс, но они не сделали ничего больше, чем опрокинули его ходули. Уродливый человек на высокой машине упал в трясину, и вонючая вода накрыла его лицо.

Он видела, что партизаны уже отбиваются, но знала, что этого недостаточно. Четыре оставшихся Космодесантника Хаоса превращали лагерь в горящую древесную пульпу. Крийд забралась повыше на сук одного из основных деревьев, ободрав руки о сырую кору. Ранец с трубчатыми зарядами висел на лямках на ее тощем теле.

Под собой она увидела одного из монстров, того, кто был с плазменным оружием. Он рвался вперед, несмотря на дождь из стрел и мушкетных зарядов, испаряя все на своем пути.

Не смотри наверх. Не смотри наверх, молила Крийд.

Роун пинком открыл крышку ящика и начал выкидывать оружие. Мколл, Мквеннер и Бонин поймали свои лазганы и рванули к резне. Бростин вытащил свою пушку и начал заряжаться последние заряды из своего ящика с патронами.

«Лонг-лаз!» крикнул Роун. Ларкин ловко поймал его и вставил «горячий выстрел». Если что-то и могло проткнуть броню Космодесантника Хаоса, то это высокомогущный горячий выстрел. Ларкин знал, что ему нужно выстрелить в правильное место. Между сочленениями брони. Это единственный шанс.

Внезапно Бростин открыл огонь. Пушка издавала мощный вибрирующий звук. Один из вражеских монстров наступал на них.

Ни на мгновение не обеспокоенный пушечным огнем Бростина, Космодесантник Хаоса рвался вперед. Его замахнувшийся силовой кулак смял автопушку, как фольгу, и отправил Бростина в полет. Закружившись в воздухе, Бростин свалился с платформы в болото.

«Ларкс!» крикнул Роун.

Ларкин поднял лонг-лаз. Космодесантник Хаоса навел свой огнемет. Мир исчез в вспышке белого пламени.

Уэкскулл остановил атаку, и встал на колени, дым струился из дул его перегретых орудий.

Он стоял над телом. Одного из его воинов.

Незера был мертв, его труп был разрезан. Мертв? Как это было возможно? Уэкскулл вытянул руку со стальными пальцами и дотронулся до парящих внутренностей, которые вывалились из разрезанной брони его воина.

Настоящий вызов. Вот, что говорил Уэкскулл. Вот чем он хвастался перед своими воинами.

Казалось, именно это и нашел Незера. Именем смеющихся богов, что ждало их здесь?

Нечеловечески острые чувства Уэкскулла внезапно предупредили его, что скоро он это обнаружит.

Гаунт рванулся из теней и замахнулся мечом на Уэкскулла. Отпрянув назад в последний момент, Уэкскулл поднял перчатку, чтобы отразить удар. Меч отлетел во вспышке искр, дикая отдача обожгла предплечья Гаунта. Он пытался повторить атаку, но Уэкскулл уже снова был на ногах. Лезвие срезало кончик болтера Уэкскулла. Металлические края разрезанного оружия зашипели.

С сильным ревом Уэкскулл сделал выпад вперед, выбрасывая покореженное оружие и устремляясь к Гаунту.

Гаунт упал плашмя и откатился.

«Ах ты, маленький ублюдок!» протрещал Уэкскулл, ударяя кулаком в человеческую жертву. Доски раскололись. Гаунт уже был на ногах, забираясь по веревочной лестнице на следующую платформу.

«Ты не сможешь сбежать от меня!» проревел Уэкскулл, и открыл огонь из пушки на плече. Яростный залп пробил платформу и измочалил влажную листву над головой. Гаунт откатывался в сторону, вздрагивая, когда огромные дыры появлялись в дереве рядом с ним.

Уэкскулл снова открыл огонь, обстреливая верхний уровень и уничтожая несколько поддерживающих деревьев.

С ужасным треском разрывающегося дерева, вся платформа рухнула. Гаунт оказался в воздухе, падая с ней.

С поверхностным и паническим дыханием, Крийд, раздвинув ноги, балансировала между двух веток, и смотрела вниз. Космодесантник был почти под ней, стреляя во все, что двигалось. Крийд сняла ранец с плеча, взвесила в руке для проверки, и затем вытащила один трубчатый заряд. Она завязала лямку ранца вокруг заряда, затем оторвала ленту детонатора и бросила мешок вниз.

Ранец закружился в воздухе. Ее прицел был точен. Петля на ранце приземлилась на шею Космодесантника.

Заряд сдетонировал. Миллисекундой позже взорвались остальные пять.

Космодесантник исчез в ослепляющей вспышке.

У Крийд было всего мгновение, чтобы насладиться успехом. Затем засширяющийся шар огня прорвался сквозь деревья и поглотил ее.

Крича, она упала в расширяющееся пламя.

Ларкин упал от сокрушительной волны из огнемета Десантника. Мертв? Без сознания?

Проверить времени не было. Было фесово мало времени вообще для чего-нибудь.

Даже для молитвы.

Роун подхватил упавший лонг-лаз. Дым и древесные волокна кружились в воздухе. Десантник Хаоса повернулся, увидя его сквозь дымку, и начал поднимать свое оружие.

Один шанс. Один выстрел. Роун не был снайпером, не таким, как Ларкин. Он даже не практиковался с лонг-лазом. Но в нем был «горячий выстрел», и Роун знал, что должен рассчитывать на это. Другого у него не будет.

Огнемет Космодесантника Хаоса снова начал реветь.

Роун расслабленно приложил к плечу приклад и выстрелил.

Расстояние было почти в упор. Обжигающий заряд начисто срезал голову Космодесантника Хаоса.

Пушечный огонь вгрызался в болотную воду позади него. Сжимая свой меч, Гаунт с всплеском всплыл на поверхность и с трудом забрался на досчатую дорожку. Он побежал вдоль следующей платформы, пытаясь держаться теней. Но Уэкскулл видел его и шел следом, пройдя вброд трясину, его пушка с ревом выбрасывала языки пламени из дула. Гаунт яростно рванул к большому стволу дерева, которое было между ним и линией огня. Он слышал, как выстрелы врезаются в тело древнего растения. Листья, насекомые и капли воды дождем падали с сотрясающегося лесного полога. Он снова начал бежать вверх по дорожке на следующий уровень.

Вес Уэкскулла сотряс подмости позади него, когда тот вышел из тины на доски.

Грязная вода стекала с нижней половины его керамитовой брони. Гаунт услышал характерный стук, когда заряжающее устройство в облачении врага автоматически подало свежие боеприпасы к дымящейся пушке. Он осмотрелся в поисках укрытия, двинулся, поскользнулся и тяжело упал. Пушечные выстрелы прожужжали над его головой.

Гаунт откатился, выстрелы вгрызлись в старое дерево, и пригнулся позади одной из стоек, с которой тянулись несколько поддерживающих платформу канатов. Канаты были старыми и натянутыми вручную, и были укреплены каким-то лаком. Он разрезал своим клинком несколько узлов. Платформа задрожала, затрещала и упала, сначала одной стороной.

Уэкскулл опрокинулся в воду, когда его край уровня резко упал. Пока он падал, его дикие выстрелы из пушки врезались в лесной полог и вниз посыпался дождь из рваных листьев.

Гаунт заскользил вниз по платформе. Он нашел точку опоры, и начал подтягивать себя на следующую секцию. Производя уже смертельные, почти дикие звуки, Уэкскулл вытащил себя из болота, стряхивая с себя заразную жидкость, как какой-нибудь встающий болотный зверь. Украшенный гирляндами водорослей и сорняков, он казался ужасным первобытным демоном болот, находившимся века под водой и разбуженным в гневе от суматохи войны.

Уэкскулл поднялся по упавшей платформе вслед за Гаунтом.

Крийд скверно приземлилась на разбитую платформу. Удар выбил из нее дух. С трудом она перевернулась. Доски под ней были горячими и тлели. Прямо рядом с ней лежал мертвый Десантник Хаоса. Объединенная сила взрыва вскрыла его, его броня раскололась, как яичная скорлупа, кровавые внутренности вытекали наружу, как желток.

Крийд попыталась встать. Она была контужена и близка к отключке. Она не могла дышать. Задыхаясь, пытаясь наполнить легкие, она корчилась, ее зрение было затуманено и усеяно огоньками. Маленькими кружащимися огоньками, как мотыльки в ночи.

Партизан, с серым лицом и тихий, потянулся к ней, чтобы помочь. Второй партизан, вооруженный арбалетом, стоял рядом с ними, что-то настойчиво говоря на их гортанном языке.

Крийд начала подниматься на ноги.

«Нормально,» кашлянула она. «Нормально...»

Партизан, который тянул ее, улыбался. Затем его верхняя часть от груди испарилась в кипящем облаке крови и мозгов. Его обезображенный туп завалился набок. Он все еще держал ее за руку.

Второй Десантник Хаоса с ревом вышел из дыма, его болтер все еще стрелял. Крийд почувствовала обжигающий жар от снарядов, прожужжавших мимо ее головы.

Второй партизан выстрелил из своего арбалета и умер секундой позже, когда один из болтов врезался ему в грудь и взорвался. Но стрела партизана вошла в решетку шлема Десантника Хаоса. Он отступил назад, роняя свой болтер с сильным глухим стуком. Кровь хлынула из его шлема, оттуда, куда вошла стрела. Он царапал решетку обеими руками, производя отвратительные, скрежещающие звуки, которые усиливались его вокс-системой.

Пока Крийд пыталась отползти прочь, она услышала треск раскалывающегося металла. Десантник Хаоса выдернул стрелу. Он пошел вперед, покачиваясь, вытянув руки вперед к Крийд, пока она отползала. Бронированные перчатки Десантника были

огромными, каждая была достаточно большой, чтобы вместить ее голову, и достаточно сильной, чтобы раздавить ее, как ягоду.

«Фес тебя!» крикнула она.

Стальная рука схватила ее ногу и начала тащить. Она бессмысленно пиналась.

Откуда-то появился Варл. Он схватил упавший болтер Десантника и поднял его, хрипя под весом оружия. Варл прижал большое дуло под нижней частью шлема Десантника.

И выстрелил.

Варл продолжал держать свой палец согнутым. Огромное, древнее оружие тряслось, пока обойма не опустела, угрожая сбить его с ног огромной отдачей. Он прижался к оружию, его аугметическое плечо зафиксировалось на одном месте.

На пятый выстрел шлем Десантника начал деформироваться и выгибаться изнутри.

На семнадцатый шлем взорвался. Варл, Крийд и уже безголовый Десантник покрылись блестящим веществом, которое разбрызгивалось наружу. Маленькие кусочки металлического шлема со звоном падали вокруг них.

Могучий Десантник покачался секунду и затем рухнул на спину.

Уэкскулл в нерешительности оглядывался вокруг. Зона платформы была темной и горячей, и его улучшенное зрение было бесполезно. Вместо этого он прислушивался, слыша, как капли влаги падают с листьев, гудение и жужжание насекомых, треск поддерживающих канатов, гудение охладителей его пушки, когда они дымили и шипели.

Близко, близко.

Хорошая битва, намного лучше, чем ожидалось. Настоящий вызов. Но теперь все кончено. Силовой меч был опасным сюрпризом, но человек, который нес его...

Всего лишь человек. Кусок плоти и костей. Исключительно непрочная вещь.

Уэкскулл сделал еще шаг. Он преднамеренно начал вырабатывать стимулятор на адреналине, почувствовав жажду убийства в своем организме. Это будет важное

убийство, которое стоит отпраздновать. Такое, о котором сложат песни. Убийственный туман начал заполнять его зрение, жажда крови наполнила его душу.

Его чувства обострились. Он чувствовал капающий с обнаженных пальцев человека пот, чувствовал острый запах раскаленного лезвия, слышал яростный стук сердца и быстрое дыхание, которое не могло быть скрыто или подавлено.

«Кто ты?» крикнул он. Насекомые стрекотали. Огонь потрескивал. Вода журчала.

«Кто ты, воин?» снова крикнул он, крадясь вперед. «Я – Уэкскулл. Ты хорошо сражался. За гранью того, что я ожидал от тебя. За это я пообещаю тебе кое-что.» Птицы пели. Насекомые. Плюхающая вода. Замирание сердца, где-то уже поблизости.

«Ты меня слышишь? Обещание. Знак уважения. Сдайся сейчас, и скажи мне, кто ты, и я убью тебя быстро, без причинения медленной боли. Это мое обещание, как одного воина другому.»

Насекомые визжали. Ветки трещали. Листья падали. Падение каждого листка звучало для Уэкскулла, как выстрел из пушки. Запах человеческого пота усилился. Так близко. Теперь он мог слышать шипящий звук энергии ненавистного меча. На самом деле он мог чувствовать мясо, мокрую кожу сапог, серебро.

Выманить врага, заставить его показаться...

Злобно глядя, все еще двигаясь вперед, Уэкскулл похлопал своими стальными ладонями. «Браво, воин. Браво, говорю. Ты Гвардеец? Браво! Ты хорошо заставил меня побегать. Но это закончится сейчас, конечно же, и я клянусь, это закончится быстро.»

Прямо здесь. Прямо за деревом справа от него. Мерзкий солоноватый пот человека, быстрый стук сердца. Прямо здесь...

«Кроме того я тебе скажу, что не встречал такого отличного воина среди всех вражеских Гвардейцев, которых я убил.»

«Ты просто мало встречал,» прорычал Гаунт, и вышел из-за дерева. Его меч рванул вперед и срезал пушку с крепления на плече в потрескивающем разряде разрезанных кабелей.

Уэкскулл взревел, когда подошел Гаунт. Его яростный вопль сотряс платформу, дрожь прошла по воде и с деревьев сильным дождем посыпались листья. Кулак замахнулся на Гаунта.

Гаунт пригнулся, откатился, и снова встал, чтобы нанести смертельный удар в бронированный торс Десантника.

Но Уэкскулл был быстрее, намного быстрее.

Его кулак ударил Гаунта и отправил в полет через платформу, кровь закапала из разорванной щеки.

Гаунт неуклюже приземлился, и силовой меч Иеронимо Сондара выскользнул из его руки и заскользил по мокрым доскам.

Гаунт пытался встать, его голова плыла. Его колени отказывались слушаться, а его ноги выскочили из-под него, и он упал на живот. Он пытался цепляться руками, чувствуя, как подпрыгивает платформа, когда Уэкскулл наступал на него.

Накрыв руками голову, он инстинктивно откатился. Бронированный кулак Уэкскулла проделал дыру в досчатом настиле. Огромный воин выругался, повернулся и встал во весь рост, чтобы, сплетя пальцы, ударить обеими руками лежащего врага.

С неприятным звуком железная стрела внезапно вошла ему в нос. Захныкав от боли, Уэкскулл отпрянул назад. Мгновение позже, и кусты внизу зашипели. Еще три стрелы отскочили от его наплечника. Еще одна пронзила его щеку, как игла. А еще одна прошла сквозь подбородок.

Затем еще одна вонзилась в его левую бровь.

Уэкскулл орал и пытался идти вперед с залитым кровью лицом. Теперь железные стрелы обрушились на него, как дождь, отскакивая от пластин или зарываясь между сегментами. Стрела попала ему в левый глаз и осталась там.

Уэкскулл начал кричать. Звук был оглушительным, нечеловеческим. Он разнесся по поляне. Он заставил содрогнуться болота Антилла до самых глубин.

Еще одна стрела застряла в его скуле. Уэкскулл, покачнувшись вперед, не прекращая орать. Его рот был очень широко открыт.

Гаунт был на ногах. Он вернул силовой меч, но в нем уже не было необходимости.

Партизаны появлялись из теней со всех сторон, закутанные в свои серые плащи, стреляющие и перезаряжающие свои магнитные арбалеты, и снова стреляющие. Они целились в непокрытую голову.

Уэкскулл прекратил орать, потому что больше не мог. Его голова больше не была головой. Это была искаженная масса из мяса и сломанных костей, так густо усеянная железными шипами, что множество выстрелов из арбалетов рикошетили от металлических стержней.

Кровь бежала по его нагрудной пластине и наплечникам. Лорд Уэкскулл, с черепом, представлявшим собой бесформенную подушечку для булавок, осел на досчатый настил и умер.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

«Какого феса ты сделал с моим лазом?» пробормотал Ларкин.

«Спас тебе жизнь, так что заткнись нафес,» ответил Роун.

«Всего лишь спросил...» сказал Ларкин, баюкая и подстраивая лонг-лаз, и шикая на него, как будто это была его подружка, которая шлепала его по заднице, когда он отворачивался.

«Ну, хватит,» сказал Роун. «Фес, я даже не знаю, закончилось ли все это.»

«Все закончилось,» сказал Мколл, появляясь из густого дыма, который плыл по ветру от горящих палаток. Это было видно по тишине, которая нависла над разрушенным лагерем. Оружейный огонь прекратился.

Призраки перегруппировывались, ошеломленные свирепостью дикой битвы, и слегка потрясенные важностью того, что они сделали. Они уничтожили пять вражеских Десантников Хаоса без потерь со своей стороны. Крийд и Ларкин были оба помяты, но самым близким к смерти можно было считать Бростина, который почти утонул. Посреди хаоса, Ландерсон нырнул за ним и оттащил его бессознательное тело в безопасность.

«Пять,» выдохнул Роун. «Пять ублюдков. Каким фесом мы справились с ними?»

«Удача?» предположил Бонин.

Оказалось, что удача не сопутствовала партизанам. Воины архиврага убили более сорока из них, включая женщин и детей. Их лагерь на платформах был уничтожен. Гаунт приказал своему отряду помочь им, чем смогут, и Призраки разошлись, сортируя раненых под руководством Керт. Она собрала оставшиеся запасы своего снаряжения все перевязочные материалы, чтобы перевязать любые подходящие раны. Но некоторые ранения были слишком сильными даже для ее способностей.

«Через несколько часов умрут еще пятеро или шестеро,» сказала она Гаунту.

Он кивнул. Его собственная щека была кровавым месивом там, где бронированный кулак Уэкскулла порвал ее, но он отказался от перевязки. «Я в порядке. Другим это нужно больше.»

Поначалу казалось, что партизаны не поняли намерений Призраков, но Мквеннер сделал все, что смог, чтобы объяснить, и они с неохотой разрешили, чтобы раненых отнесли Керт. Бростин, все еще изредка выbleвывавший болотную воду, был назначен тушить те части лагеря, которые загорелись при атаке. Его умение обращаться с огнем было впечатляющим, как в разжигании огня, так и в его тушении.

Ландерсон помогал Призракам так хорошо, как только мог. Только Кёрк отказалась связываться с партизанами. Она сидела на одном из нижних уровней, присматривая за лежащей на спине фигурой Фейгора.

Выжившие партизаны, тихие и мрачные в своих сегментированных накидках, казалось, собирают все сохранившееся в лагере имущество. Их искусно собранные палатки – те, которые не были разорваны или сожжены – были сложены в

переносные веретена из плотно обернутой ткани. Сшитые из кожи ранцы были наполнены пожитками, а запечатанные емкости из тыкв, заполненные до краев сырым прометиумом, были подготовлены для переноски на плечах.

«Они уходят,» заметил Гаунт.

Мколл кивнул. «Насколько Вен смог понять, они кочевой народ. Есть много лагерей на платформах, как этот, разбросанных по всему Антилле. Все они были построены века назад. Они идут из одного лагеря до другого, остаются там на несколько недель, и снова уходят. По всей видимости, сюда они больше не вернуться. Это место... загрязнено, думаю это подходящее слово. Загрязнено тем, что здесь только что произошло.»

«Мы принесли с собой им этот ад,» сказал Гаунт.

«Нет, сэр, не мы. Они сами принесли его себе. Роун теперь даже думает о том, чтобы мы помогли им.»

«Забавная штука, Мколл,» сказал Роун, появляясь из теней позади него. «У меня есть звание.»

«Мои извинения, майор,» фыркнул Мколл.

«Это правда, Роун?» спросил Гаунт.

«Да, сэр. Вы сами сделали меня майором.»

«Я другое имею ввиду. И ты это знаешь. Не уфесывай от темы, Роун. Я не в настроении.»

«Сэр.»

«Ты в самом деле не понимаешь, почему мы помогаем им?» спросил Гаунт.

Роун пожал плечами. «Они отказались помочь нам. Они пытались сдать нас. Я не понимаю, почему мы сражались, чтобы защитить их. Я не понимаю, почему мы тратим наши последние перевязочные материалы на их раны.»

«Потому что Император защищает, Роун,» сказал Гаунт.

«Даже тех, кто отвергает его величество?»

«Особенно тех, я думаю,» сказал Гаунт.

Роун тяжело вздохнул и пошел прочь. «Это место свело тебя с ума,» проворчал он.

Так ли это, удивился Гаунт? Сейчас это было вполне вероятно. Они выиграли битву – каким-то образом – но в первую очередь сражаться вообще было ошибкой. Было ли теперь его лидерство сомнительным? Принял ли он безответственное решение? Была ли зараза Гереона уже так глубоко в нем, что он думал неправильно?

Он попытался отстранить изводящий страх в сторону. Его разум оставался ясным и чистым. Он чувствовал себя хорошо. Но не было ли это тем, как это всегда начинается? Люди не тянулись к безумию Хаоса из-за того, что это казалось похоже на эффективное изменение образа жизни. Липкое влияние Губительных Сил извивалось внутри человека, изменяло его медленно и тонко, что он даже не подозревал об этом, делало безумие темноты варпа похожим на наиболее естественную вещь во Вселенной.

Всю свою жизнь, как комиссара, Гаунт понимал это. Вот почему комиссар должен был быть таким бдительным. И таким жестким. До самого конца, на Херодоре, Агун Сорик казался наиболее разумным и верным человеком. Гаунт доверял ему, любил его дух, обожал его простое мужество.

Но человек стал другим. На нем была метка псайкера. Не было другого выбора, кроме как отправить его на черные корабли.

Гаунт послушно прочитал все ученые работы, когда был молодым человеком, и все еще многие перечитывал. Некоторые из них, как, например, поэтическая философия его любимца, Рейвенора, написанная почти полстолетия назад, вживили это понимание в его разум. Особенно то место, где Рейвенор писал так выразительно, так разрывающе сердце, о падении его учителя, Эйзенхорна. Ужасная судьба Грегора Эйзенхорна была наглядным уроком чарующей силы варпа.

Кроме этого Гаунт попытался сфокусироваться на одном воспоминании, уроке, преподанном ему, казалось, целую жизнь назад, его собственным наставником, Делэйном Октаром. Самой большой верой Октара было то, что человек должен

просто прилагать все усилия для того, что кажется ему правильным. Гаунт вспомнил таявшие снежные поля Дарендары, сразу после освобождения, лучшую часть последних тридцати лет. Они сражались с сепаратистами, не Хаосом, и были большие дебаты насчет того, как должным образом покарать захваченных в плен. Несколько комиссаров настаивали на тщательной чистке и программе смертной казни. Комиссар-Генерал Октар настаивал на другом способе. Более снисходительном.

«Давайте будем твердыми, но давайте переучиваться. Кровь – не всегда ответ.» Трое из старших комиссаров, которые возражали против точки зрения Окта, давили на Кадета Гаунта, в надежде использовать молодого человека, чтобы он повлиял на решение Окта. У Гаунта был ужин со своим учителем в одной из залитых светом ламп комнат Зимнего Дворца, и во время ужина он поднял этот вопрос.

Октар снисходительно улыбнулся. «Мальчик мой,» сказал он пространно – он всегда обращался к Гаунту «мальчик». «Мальчик мой, если мы будем казнить всех, кто не согласен с нами, галактика быстро станет пустым местом.»

«Да, но --» начал говорить Мальчик.

«Император защищает, Ибрам. Он присматривает за всеми нами, не важно, в каком темном углу мы прячемся. Наш вечный долг передавать это сообщение другим, потерявшим и лишенным гражданских прав, невежественным и проблемным. Нам нужно искать способы помочь им научиться, помочь им примириться и получить пользу от великодушия Бога-Императора так, как это делаем мы. В этой трижды проклятой галактике множество вещей, с которыми у нас нет выбора, как только сражаться и убивать, не поворачиваясь еще и на нас. Подумай вот о чем... если то, что мы делаем не больше того, что мы чувствуем, и это правильно, тогда Император увидит это. И если он это одобрит, он защитит нас и даст нам знать, что он доволен нашей службой.»

«Знаете, сэр, некоторые могут сказать --»

«Сказать что, мальчик?»

«Некоторые могут сказать, что это ересь, сэр,»

Трон, он что действительно сказал это? Гаунт вздрогнул, когда вспомнил, как сказал те идиотские слова своему наставнику. Через несколько лет после Освобождения Дарендары, новый правящий совет – многих политиков из совета пощадили по милости Октара – сформировал новый альянс и обновил свои клятвы Империи. Сейчас Дарендара была наиболее стойким лояльным миром в субсекторе.

Взгляды Октара были доказаны.

Гаунт бродил в одиночестве по тлеющим платформам, и на некоторое время задержался на нетронутom самом высоком уровне. Он уставился на болота Антиллы.

«Император защищает,» пробормотал он сам себе. «Император защищает...» Сначала суди себя, потом суди других. Это был первый закон Комиссариата. Гаунт вытащил один из своих болт-пистолетов. У него оставалось очень мало зарядов для обоих. Пока у него все еще остается один выстрел, он все еще сможет привести в исполнение самый важный приговор из всех.

Следующим утром он доказал это.

Все они плохо спали на жестких платформах. Ночь была сырой, а болотный воздух особенно близким. Керт не спала до полуночи, присматривая за партизанами, которые умерли, несмотря на ее усилия. Бростин, его пушка была уничтожена, всю ночь был занят, возясь с огнеметом, который носил один из Десантников Хаоса. Это была грубая вещь и, по правде, слишком большая и тяжелая, чтобы ее нес кто-то без поддержки силовых доспехов. Но он упорно продолжал, снимая с него все, кроме основы, и сбивая наиболее оскорбительные символы и знаки Хаоса.

В конце концов, он соорудил ремень на плечо из нескольких порванных канатов с платформ, чтобы распределить вес огнемета. Он попрактиковался поводить им из стороны в сторону, и быстро понял, что сможет управляться только с одной третью топливной канистры, которую нес Десантник. Еще регулировка. Прямо перед рассветом он пошел вброд от платформ и наполнил канистру из природного источника.

«Работать будет?» спросил его Варл.

«Держу фесовое пари!» фыркнул Бростин и нажал для проверки спусковой механизм. Кашляющие, прерывистые всполохи – частично пламя и по большей части пар – слабо вырывались.

«Ясно,» сказал Бростин, почесывая голову. «Ясно. Несколько подстроек и ты увидишь.»

Когда Призраки проснулись, усталые и дрожащие, они обнаружили, что партизаны готовятся уходить. Все пожитки были упакованы и за плечами. Раненых несли на самодельных носилках. Мертвые лежали на разбитых уровнях с болотными цветами на лицах.

Синхед ап Нихт, вождь, подошел поговорить с Мквеннером, и привел с собой несколько воинов. Они долго говорили. Наконец, Мквеннер поспешил к ожидающим Призракам с один из воинов.

«Что происходит?» спросил Гаунт.

«Они уходят. Но вождь изменил свое мнение. В конце концов, он решил помочь нам. После всего, что здесь произошло. Кажется, мы впечатлили их нашими усилиями защитить их.»

«Отлично. И что это значит, Вен?»

«Он дал нам одного из своих сыновей.»

«Что?»

Мквеннер сделал жест в сторону высокого партизана рядом с собой. Серый человек казался статуей, такой тихой и неподвижной.

«Это его сын. Эзра ап Нихт. Он будет нашим проводником и проведет нас сквозь болота в центральный регион.»

Гаунт поднял глаза на возвышающегося тощего человека. «Серьезно?»

«Да, сэр.»

И если он это одобрит, он защитит нас и даст нам знать, что он доволен нашей службой.

«Тогда давайте выдвигаться,» сказал Гаунт.

Он огляделся и увидел, что партизаны уже начали уходить. Они медленно исчезали в тумане. Эзра ап Нихт даже не оглянулся посмотреть, как они уходят.

Несколько последних фигур, похожих на фантомы в сегментированных накидках, ждали, чтобы исполнить последний ритуал ухода. Бростин увидел их, сбросил свою тяжелую ношу с еще-не-работающим огнеметом, и прыгнул с платформы в воду, чтобы присоединиться к ним.

«Можно мне?» спросил он. «Можно мне это сделать?»

Не совсем понимая его слова, но понимая его настойчивое желание и блеск в глазах, один партизан протянул пылающий факел Бростину.

«Квити?» сказал партизан.

«Ты понятия не имеешь,» ответил Бростин. Партизаны пробормотали несколько ритуальных молитв с опущенными головами.

«Мы закончили? Мы все закончили? Можно мне это сделать?» страстно спросил Бростин.

Один из них кивнул.

Бростин кинул факел взмахом своей толстой, татуированной руки. Он приземлился рядом с центром природного родника в болоте. Родник вспыхнул с шипящим засасыванием и последовавшим сильным взрывом. Через мгновение яркое желтое пламя закипело и ворвалось в разрушенный деревянный лагерь. Поляна загорелась. Мертвые были поглощены огнем и отправились к какому-то там богу или богам, которым они поклонялись с основания колонии.

Бростин поспешил перейти вброд, чтобы присоединиться к отряду, который уже отходил от лютого жара.

«Вот это вещь,» ликовал он.

«Уходим!» крикнул Роун.

Гаунт в последний раз обернулся. Было тяжело смотреть на сверкающий ад, но там больше не было признаков партизан. Лунатики исчезли в Антилле.

Эзра ап Нихт все еще не смотрел наад. Он ничего не говорил. Он поднял одну серую руку и показал.

И они пошли за ним.

«Как он соблазнил вас перейти на его сторону, это гор?» спросил фегат, когда они шли по полю от дороги, где припарковался их транспорт.

«Что вы имеете ввиду, сэр?» ответил Маббон. Десолэйн шел впереди них, и фегат был уверен, что телохранитель может их слышать, но не боялся этого.

«Великий Анарх, чье слово заглушает все остальные,» сказал фегат, поднимая руку, чтобы закрыть свой рот с показной имитацией ритуала архиврага. «Вы были лордом Кровавого Пакта.»

«Я действительно не могу сказать, сэр,» ответил Маббон.

Фегат кивнул. «Я понимаю, что это личное...»

«Нет, не по этому. Я имею ввиду, я действительно не могу сказать, когда началась моя неудовлетворенность. Я был присягнувшим лордом, как вы сказали, и я создал Пакт, окровавив себя на острых краях личной брони Гора. Это была привилегия. Кровавый Пакт это великолепная боевая сила. Быть командующим в его рядах, быть это гором, это великая слава, на которую может только надеяться человек.» Они прошли еще немного. День был солнечным, но гнетущим. Скопления облаков виднелись на небе, как пятна плесени на черством белом хлебе. Поле было широким и на нем не было ничего, кроме песка и низкой жесткой соломы.

Десолэйн не рисковал после покушения на жизнь фегата. Телохранитель настаивал на тщательной безопасности на загородной прогулке. Двенадцать солдат оккупационных войск шли с ними, окружив их широким, свободным кругом, и с подготовленным оружием. Остальные охраняли дорогу и линию вдоль забора. Два корабля смерти зависли, наблюдая, над соседним полем. Фегат мог слышать вырывающиеся потоки воздуха из их двигателей.

«Я полагаю,» пространно сказал Маббон, «все изменилось, когда я встретил Анарха. Дивизия Пакта, которой я командовал, была послана в Группу Хана, чтобы помочь Великому Секу. Он меня сразу впечатлил. Знаете ли, у него большое личное обаяние. Беспощадный интеллект. Умение видеть, что необходимо и способности, чтобы достичь этого. Архонт Гор непревзойденный лидер во многих вещах, но то, что он достигает, он достигает грубой силой. Он – убийца миров, доминатор, жестокое существо. Ни разу за все годы, когда я ему служил, как этогор, он не прислушивался к моим мыслям или даже к моим мольбам.

Он не принимает никаких советов. Во многих случаях, командующим офицерам Кровавого Пакта, как и мне, было приказано необдуманно наступать и выигрывать с большими потерями по его прихоти. Я потерял, таким образом, много людей, меня заставляли посылать войска на смерть, даже когда я ясно видел лучший способ победить силы Фальшивого Императора. Когда Архонт Гор дает отприказ, нет никакой возможности для дискуссий.»

«Ясно,» сказал фегат. Он слушал вполуха. Постоянная головная боль от транскодирования кипела в его черепе. Казалось, что свежий воздух немного помогает, но не так сильно.

«Великий Сек другой,» продолжил Маббон. «Он обладает утонченностью, и активно прислушивается к предложениям и идеям своих командиров, которые могут влиться в его стратегию.»

«Я слышал, что он просто великолепен в этом.»

«Вы насладитесь встречей с ним, когда настанет время,» сказал Маббон.

«Уверен, что это так,» ответил фегат.

«Служа Анарху, я завоевал три мира в быстрой последовательности. Каждая победа была, по большей части, активным сотрудничеством между Великим Секом и полевыми командирами. Это открыло мне глаза на возможности.»

«Например?»

«Например... успешное продолжение этой войны против Империума зависит от большего, чем грубая сила и ярость. Наша победа в этих Мирах Саббат потребует хитрости и таланта. Ваш Магистр Войны умный человек.»

«Макарот? Я допускаю, что это так. Хотя, игрок. Рисковый.»

«Отважный,» сказал Маббон. В его голосе было удивляющее восхищение. «В этом его сила. Сражаться как отвагой и интеллектом, так и железом и мускулами. Великий Сек очень уважает вашего Макакота.»

Фегат улыбнулся. «Не моего Макакота, Маббон. Уже нет.»

«Извините меня, сэр,» сказал этогор. «Но Анарх, несомненно, следит, как Макарот приближается. Он сказал мне, что наслаждается перспективой сопоставить свое мастерство с Макаротом, когда настанет время.»

«Вы говорите так, как будто это игра в регицид!» рассмеялся фегат.

Маббон посмотрел на него. «Более большая доска, на миллиард больше фигур, и эти фигуры живые, но...» этогор улыбнулся.

Они приближались к зачахшим деревьям, которые обозначали границу между полем и долиной. Фегат мельком взглянул на заросшие очертания полей, покрывающих центральный регион вокруг них.

«Значит,» размышлял фегат, «вы почувствовали, что поставили не на ту лошадь?»

«Извините меня?»

«Идиомы, простите меня. Я имею ввиду... вы сделали выбор, потому что почувствовали, что Архонт может быть не самый лучший Архонт для этого дела?»

«Ждите здесь,» сказал Маббон отряду солдат и они замерли. «Вы можете тоже подождать, телохранитель,» добавил Маббон.

Десолэйн бросил взгляд на этогора.

«Я его защищу, Десолэйн. Даю тебе слово.»

С неохотой, Десолэйн тоже остановился. Маббон повел фегата к деревьям. Их поразила какая-то форма вшей или мучнистой росы. Листья были сморщенными, а стволы черными от гниения. Здесь было сильное зловоние от разложения.

«Мы должны следить за словами,» сказал Маббон фегату, когда они зашли в мертвые деревья.

«Десолэйн тщательно проверяет вашу охрану, но как вы уже поняли, есть в войске те, кто посчитает ваше мнение ересью. Архонт все еще Архонт. Он наш повелитель, даже Анарха Сека.»

«Но вы стремитесь изменить баланс сил?»

Маббон Этогор замешкался. Он поднял руку и лениво прикоснулся к глубоким, старым шрамам, которые украшали его лицо и лысую голову. Это было похоже на то, как если бы он обдумывал лучший ответ. Или так, или он вспоминал прошлую боль и обещания, которые они хранили. «Многие верят, что если Гор останется при командовании нашими войсками, он безрассудно растратит нашу силу в своей ярости, сотрет наши силы в порошок неослабевающими атаками на Макакота, и, в конечном счете, приведет нас ни к чему, кроме как к поражению и уничтожению.

Многие верят, что Сек должен был быть приемником Надзибара после Балгаута. Многие верят, что эта значительная ошибка должна быть исправлена, и скоро, до того, как мы потеряем Миры Саббат навсегда.»

«И первый шаг?» спросил фегат. «Дать Секу достойного конкурента Кровавому Пакту?» Маббон кивнул. «Вы уже это знаете, сэр.»

«Да, знаю. Однако я только сейчас осознал все это. Масштаб этого. Дерзость.» Маббон тихо рассмеялся. «Это все еще идея. Я говорил вам, что Сек желает качества.»

«Но Архонт может всех нас убить. Это равносильно мятежу. Гор был довольно долго моим врагом, и теперь, когда я переметнулся, мне не нравится ирония того, что это может случиться снова.»

«Пока Архонт занят,» сказал Маббон, «мы поможем Магистру Секу улучшить его войска, и, таким образом, качество его служения Гору. Мы не тупые животные, как,

кажется, думают Имперцы, сэр. Нам не чуждо политиканство и интриги. Мы будем маскироваться и давать ложное направление, и за всей это ложью, создавать наши воиска. Оставшаяся опасная часть может подождать. Возможно, пройдут годы, пока Сек не будет готов сделать свой шаг. У нас есть годы. Это старая война, и она никуда не денется.»

«Так вот значит почему вы тоже стали фегатом?»

Этогор громко рассмеялся. «Предателем, а? Предателем для Архонта. Да, поэтому. Я верю в будущее. И будущее – это не Урлок Гор.»

«Вы отреклись от Пакта?»

«Да,» сказал Маббон. «Мое сердце и мысли легко было изменить. Мои ритуальные шрамы – нет.» Он поднял бледные, мягкие, безупречные руки.

«Мясоперерабатывающие заводы дали мне новые руки, чтобы стереть знаки моего обета.»

Фегат обнаружил, что смотрит вниз на свою аугметическую руку. «Это странно, вы так не думаете, Маббон? Что мы отпраздновали наше предательство, разрыв давней верности, нашими руками?»

«Вы обязаны рассказать мне вашу историю когда-нибудь, сэр,» сказал Маббон.

«Мой дорогой Маббон, расскажу. Как только вспомню ее.»

Они вышли из деревьев на нижележащее поле и фегат увидел, для чего его сюда привели. Это было впечатляющее зрелище.

Около трехсот человек, раздетые до военных охряных штанов и коричневых сапог, попарно тренировались по всему полю. Они тренировались с муляжами винтовок, грубыми деревянными заготовками, отрабатывая работу штыком. Воздух был наполнен хрипением, вдохами и треском дерева об дерево. Каждый человек носил отличительный амулет на цепочке на шее. Символ Анарха.

Это были Сыны Сека.

Маббон повел фегата в стучащим рядам. Тренировочное оружие было игрушечным, но ничего игрового не было в самой тренировке. Муляжи винтовок раскалывались

под повторяющимися ударами, пот блестел на огромных спинах и толстых руках тренирующихся. Сломанное дерево пускало кровь.

Царапины свободно кровоточили на грудях и животах. Несколько человек лежали, обслуживающие фисики обрабатывали глубокие раны. Два человека были без сознания.

Учителя строевой подготовки – Маббон называл их скоржерами – ходили вдоль рядов с кнутами и свистками, наказывая любые нерешительные усилия. Скоржеры были суровыми людьми, одетыми в голубую кольчугу и железные шлемы.

«Гор основывал структуру Кровавого Пакта на труктурных принципах Имперской Гвардии,» объяснил Маббон. «Но он не скопировал все аспекты. У Кровавого Пакта нет эквивалента... как это слово?»

«Комиссары?»

«Точно. Это то, что мой Магистр попытался внедрить в Сынах. Скоржеры были выбраны из ветеранов, и тренированы отдельно от Сынов, вместе с моими офицерскими кадрами. Долг скоржеров – дисциплина, обучение и боевой дух.»

«Магистр проницателен,» ответил Фегат. «Без Комиссариата Гвардия ничто.» Фегат смотрел, как один дородный скоржер хлестнул по спине человека кнутом за вялость, и затем повернулся и мягко дал совет другому насчет техники. Прямо как чертовы комиссары, подумал он, одна рука учит, вторая бьет.

«Вы одобряете, сэр?» спросил Маббон.

Фегат кивнул. Показанное великолепное боевое искусство было неоспоримым. Абсолютная жестокость. Но его головная боль усилилась. Боль накатывала и спадала позади глаз. Возможно, это из-за солнечного света.

В последнее время он был крайне лишен этого. Он размышлял, а не попросить ли у Десолэйна шляпу.

Они прогуливались вдоль рядов, любясь картиной. Шум вокруг был сильным и зверским: щелкающие муляжи оружий, хриплое дыхание, удары кнута.

«Сколько?» спросил фегат, потирая ноющий от боли лоб.

«Сэр?»

«Сколько вы думаете обучить человек за первый год?»

«Это испытательная единица, фегат. Мои офицеры намереваются основать еще два лагеря такого же размера здесь, в центральном регионе, в течение нескольких недель. Но я планирую к зиме получить, по меньшей мере, шесть тысяч, отсюда и с лагерей на двух близлежащих мирах. Ясное дело, что при условии вашего совета и помощи.»

«Ясное дело.»

Фегат вздрогнул, когда сражающаяся пара рядом с ними закончила последнюю схватку одним человеком на спине, его нос превратился в месиво хорошо приложенным прикладом.

«Фисика сюда!» крикнул скоржер, дуя для выразительности в свисток.

«Мы начнем демонстрацию после полудня, сэр,» сказал Маббон. «Фургеш Таун сразу за холмом. Перед этим, я надеялся, что вы обратитесь к людям. Скажете несколько слов.»

«Был бы только счастлив.» Фегат снова помассировал свою пульсирующую голову. Внезапно цвета стали очень яркими, звуки чрезвычайно сильными.

«Я бы так же был благодарен, если бы вы поговорили со старшими скоржерами. Может быть, введете их немного в работу Комиссариата?»

«Без проблем,» ответил фегат. Чертова боль. Прямо позади глаз. Как раскаленные иглы.

Рядом один из тренирующихся Сынов потерял кусок мяса из плеча, когда его партнер резанул муляжом штыка. Мужчина заорал, когда из его раны начало хлестать в горячий воздух.

Фегат задрожал. Крик чувствовался таким громким, как физический шлепок, и он казался отдающимся вперед и назад эхом в его голове.

«С вами все в порядке, сэр?» спросил Маббон.

«Отлично. Все отлично,» сказал фегат, осознавая, что начал обильно потеть.
«Отлично. Всего лишь эффект от транскодирования. Я думаю, что все из-за разговоров о комиссарах. Задело за живое, Маббон. У меня пунктик насчет...»

... насчет

насчет

насчет

пунктик насчет

насчет...

Сильный звук, как падающая в водосток вода. Жужжание. Не света. Тьма. Нет света. Вкус крови.

А потом Гаунт. Ибрам Гаунт, в полной парчовой униформе комиссара, его глаза, как щели, это чертово впечатление превосходства, которое он так любить внушать остальным. Гаунт что-то держал. Болт-пистолет. Рукояткой от него.

«Последний запрос удовлетворен,» сказал Гаунт. Сволочь, сволочь, кем он себя возомнил? Кем он себя возомнил...

... он возомнил

возомнил

возомнил

он возомнил...

Он не возомнил.

Он вовсе не был Гаунтом. Это был Десолэйн. Пистолет был флягой воды. Появился свет, как будто зажгли лампы. Вернулись звуки. Как и сухой запах поля. Отдаленно, фегат мог слышать, как Маббон приказывает людям отойти.

«В группы! В группы, сейчас же! Скоржеры, вернуть всех в строй!»

«Фегат?» сказал Десолэйн.

«Нххн.»

«Ты упал, фегат. Ты потерял сознание.»

«раз, когда лорд --»

«Что? Что ты сказал, фегат?»

«Я сказал... единственный раз, когда Лорд Генерал потерял сознание, было на его выпускном. »

«С тобой все в порядке?»

Фегат сел. Голова кружилась. Но боль пропала. Он глубоко вздохнул и огляделся. Тихие, пялившиеся, Сыны Сека стояли вокруг него с опущенными муляжами оружия.

Десолэйн встал на колени и поднес флягу к губам фегата.

Вода была безумно холодной.

«Ты упал --» начал снова Десолэйн.

«Так помоги мне подняться,» сказал фегат. Внезапно его голова стала потрясающе ясной. Ясной, как никогда.

Десолэйн поднял его на ноги. «У тебя кровь из носа,» прошептал телохранитель.

Фегат вытер нос и размазал кровь по щеке. Он посмотрел на ряды воинов. На потных лицах было подозрение и отвращение. Теперь это будет не просто.

«Мне жаль, что вам пришлось увидеть это,» сказал он внезапно твердым голосом, таким же, как однажды на параде на Фантине. «Слабость офицера не должны видеть солдаты. А вы, безусловно, высококачественные солдаты. Вы – Сыны Сека.» Шепот прошел среди собравшихся.

«Это не было слабостью,» крикнул он. Теперь все вернулось, манера, естественная риторика, искусство говорить, уверенность в командовании. Он забыл, какое это восхитительное чувство. Он забыл, как хорош он был в этом. «Нет, не слабость. Это было последствие процесса, известного, как ментальный блок. Могу я доверять вам,

солдаты? Могу я доверять вам, друзья, правду?» Сыны помедлили, а затем начали рычать дикое одобрение.

Он улыбнулся, выражая им признательность, играя с ними. Он поднял руку, свою настоящую руку, для тишины. Сразу же наступила тишина. «Видите ли,» сказал он, «ваш враг решил, что мой мозг слишком ценен, что мои секреты весьма потрясающие, и что вы никогда не узнаете о них. Псайкеры заточили в клетку мой разум, клетку, которую открыли месяцы осторожной работы. Мой разум почти свободен. Мои секреты почти ваши. Ваши, и нашего возлюбленного Анарха!»

Люди проревели свое одобрение. Деревянные муляжи яростно стучали друг о друга.

«Фегат?» прошептал Десолэйн сквозь восторженный шум.

Прوماкивая свой, покрытый кровью, нос, генерал-предатель повернулся к телохранителю. «Не называй меня так. Больше никогда. Моя память сейчас быстро возвращается. Как камнепад. Я вспомнил, Десолэйн. Даже свое имя. И так ты будешь обращаться ко мне в будущем.»

«К-как...?» спросил Десолэйн.

Лорд Милитант Генерал Ночес Стурм не озаботился ответить. Он повернулся к реву, идущему от рядов Сынов Сека. В этот раз он поднял свою аугметическую руку, сжатую в кулак. «За будущее!» заорал он.

Они начали аплодировать. Как животные. Как демоны.

Как завоеватели.

ДВАДЦАТЬ ДВА

Между днем и ночью не было четкого разделения под темным лесным пологом Антилла.

Они шли, пробирались в брод и карабкались, двигаясь сквозь постоянный сумрак, наполненный теплыми туманами и ядовитыми испарениями болотного газа.

Застойные зеленые озерца пульсировали и пузырились, и невообразимые твари скользили сквозь блестящую воду, обнаруживаемые только по зыби. Остальная жизнь щелкала и волновалась в нависающем черном пологе над головой. Незначительный свет оттуда казался суровым и твердым, как зеленый мрамор.

Это было не место для людей, люди не имели никакой власти над ним. У них не было власти, когда они только прибыли на планету и назвали ее Гереон, и сейчас у них ее тоже не было. Даже у Лунатиков, привыкших к мрачным опасностям Антиллы. Хотя они и обитали здесь поколениями, они были всего лишь квартирантами, которых терпели настоящие правители болот.

Это были владения насекомых. Они были повсюду. Они были вшами в волосах, паразитами на коже, отрядами крошечных водомерок, численностью в миллиард, спешащих по поверхности воды. Они были ползунами на стволе дерева, марширующими в строю, зарывателями в грязь, вгрызателями в дерево. Они пересекали сырой воздух на влажных дрожащих крыльях.

И в духоте Антиллы им никто не сказал, когда прекратить расти. Мотыли шныряли в верхней части полога, как ястребы, хватая летающих жуков, как добычу. Стрекозы брнчали над прогалинами, первобытные планеры размером со стервятника. Пасущиеся на длинных тонких ножках твари, раздутые, как шары, ходили по водной глади, выхватывая из ила созданий своими ротовыми отверстиями и высасывая досуха.

Продвигаясь вперед, Призраки видели водомерок, размером с маленького оленя, путешествующих по водной глади на сотнях длинных, сочлененных ног. Они видели личинок, похожих на толстые, бледные, блестящие пальцы, раскачивающихся из стороны в сторону после того, как выдавливались из гнилых деревьев. Они видели богомолпауков, размером с охотничьих собак, танцующих медленные дерганые танго с осочервьями.

Влажный воздух вонял газом. Газом, гнилым деревом, паром и разложением.

Трое разведчиков шли впереди, по пятам за Эзрой ап Нихт, который, казалось, знает, куда идет. К тихому недовольству Мквеннера, Ларкин решил, что именем партизана было «Эзра Ночь».

Имя, несомненно, приживется. У Ларкина было мастерство выдумывать простые имена. В конце концов, они стали «Призраками Гаунта» из-за него.

Хвост отряда оставал. Фейгор еще не пришел в сознание, и Белтайн, Керт, Ландерсон, а иногда и сам Гаунт, поочередно несли его.

Роун был напряжен. Гаунт приказал ему держать группу вместе, но чем медленнее становился конец отряда, тем дальше уходили разведчики.

Он остановился на поляне, где налитые кровью, размером с кулак, тли сотнями присосались к белым корням упавшего мангрового дерева. Передовая группа уже была вне зоны видимости, и единственным знаком от них были отдаленные всплески.

«Фес это,» сказал он.

«Согласна.» Появилась Кёрк с оружием на плече. Ее кожа блестела от пота, и темные полукруги пятнали подмышки ее куртки. Роуну она совсем не нравилась, но он обнаружил, что любит ее. И не в первый раз. Она была чертовски привлекательной женщиной. Полный комплект, как бы сказал Мюрт Фейгор. Ее куртка была расстегнута и свободно висела, а ее мокрая, прилипшая блузка подчеркивала грудь, когда она шла к нему.

Кёрк подошла прямо к нему, лицом к лицу. Он тяжело сглотнул. Он мог чувствовать ее мускусный пот. Ее большой рот изогнулся в легкой улыбке. Она слегка наклонила подбородок и застенчиво расширила глаза.

«Э-э, видел что-нибудь?» осведомилась она.

Роун осознал, что пялится на нее. Это было неправильно. Он это знал. Ей нельзя доверять. Знак на ее щеке. Это... клеймо Хаоса. Он заставил себя посмотреть на него. Он пытался обуздать свое половое влечение, думая об отвратительной твари в руке Кёрк. Это сработало. Фесов имаго. Роун не мог понять, почему Гаунт просто не казнил ее. Она была опасна. Уже какое-то время Роун понимал, что Кёрк настраивает его против Гаунта. Она вытащила наружу их старую вражду, и с той поры оставалась на стороне Роуна по любому случаю, по любому аргументу. Женщина пыталась создать альянс, частью которого Роун быть не хотел. Ибрам Гаунт никогда бы, даже если бы

был другом Элима Роуна, кроме как для блага миссии, ни в коем случае не позволил бы –

«Роун? Что такое?»

Он поднял взгляд и их глаза встретились. Ее взгляд был полон еле сдерживаемыми жаркими эмоциями, жарче, чем даже сами чертовы болота. Обещание чего-то незаконного и запретного. Роун пытался отвести глаза к клейму на щеке. Но теперь даже этот отталкивающий знак на ее щеке казался всего лишь частью ее очарования. Он задумался, на что похоже прикосновение к шрамам стигматы. Он –

Шокированный своими желаниями, он отвернулся. Фес, он был солдатом Бога-Императора! Он бы самым первым признал то, что не безупречным. Но он был офицером Гвардии. И у него была подружка. С Айэкс Кардинала он наслаждался любовной связью с Жесси Бэндой, Вергхастской девченкой, служащей снайпером в третьем взводе. Их роман был секретом, но он что-то значил для него. Ради Трона, да у Роуна был локон волос Бэнды в стреляной гильзе на шее!

«Они отстают, майор,» сказала Кёрк.

«Я знаю, майор,» ответил он.

Да что с ним такое? Согласно Керт, зараза этого мира уже глубоко сидела в них, она влияла на их гормональный баланс, их эмоции, их самоконтроль. Это было тем самым? Начали ли они все терять контроль, включая него?

«Время избавиться от бедняги,» сказала она, вытирая пот со лба рукавом куртки. Ее поднятая рука подчеркнула пышные груди.

«Что?» сказал он.

«Я сказала, время избавиться от бедняги. Да что с тобой такое?»

Роун колебался. «Ничего. Ничего. Нет, ничего. Я только подумал, что увидел жука. Там. На твоём... горле.»

«Оно исчезло?»

«Твое горло?»

«Нет, идиот!»

«Ага, исчезло.»

Роун оторвал взгляд от ее заслуживающей внимания привлекательности. Он подумал о метке. Клеймо на ее щеке. Он попытался вспомнить лицо Бэнды.

«Ты имеешь в виду Фейгора?»

«Точно. Он... потерян.»

«Мы не бросим Фейгора,» ответил Роун, смотря на деревья позади нее. Это было не лучше. Расположение спиральных веток, казалось, повторяет форму отметки на щеке Кёрк.

«Серьезно? Почему нет?»

«Потому что мы присматриваем друг за другом.»

Кёрк мрачно рассмеялась. «Скажи это Акресону. Лефивру.»

«Отстань от меня, Кёрк. Гаунт шеей рисковал, чтобы вытащить их. Как и я. Они достойно умерли.»

«Ничего подобного, майор.»

«Неважно.»

Кёрк пожала плечами. Трон, она была на самом деле красивой, подумал Роун. Светящейся. И клубящийся туман позади нее... на секунду плывущие испарения создали образы, картины. Сплелись фигуры. Мужчина и женщина.

«Во всяком случае, что я думаю вряд ли имеет значение,» сказал Кёрк. «Ваш командир собирается бросить Фейгора.»

«Что?»

«Я слышала, как он сказал это.»

Это, в конце концов, привело его в себя. Он почувствовал новую эмоцию, такую же древнюю, как возбуждение. Роун начал идти.

«Стой здесь. Нет, иди, догони разведчиков. Верни их назад.»

Он побежал туда, откуда они пришли.

Белтайн и Ландерсон положили тело Фейгора на кучу корней, и пытались устроить его поудобнее. Белтайн старался отгонять кровавых мух от лица Фейгора.

«Мы не можем нести его,» сказал Гаунт.

«Мы можем, сэр,» сказал Белтайн. «Весь путь.»

«Нет, Бел,» сказал Гаунт. «Я имел в виду, мы не можем позволить себе нести его. Это нас очень сильно замедляет. Выматывает всех нас.» Он посмотрел на Керт, которая сидела на грязной траве и отдирала пиявок от голеней. Он никогда не видел ее такой уставшей. Она была похожа на полинявший пикт самой себя, высохший и обесцвеченный.

«Он еще не мертв,» сказала она, не поднимая взгляда.

«Я знаю, Ана --»

Керт встала на ноги и пошлепала к ним. Она оттолкнула Ландерсона с Белтайном в сторону и начала проверять жизненноважные органы Фейгора.

«Мюрт фесово упрямый сукин сын,» сказала она. «Нужно что-то большее, чтобы убить его.» Гаунт выглянул у нее из-за плеча. Кожа Фейгора была ненормально бледной и похожей на воск. Его глаза – закрытые – глубоко ввалились и были темными впадинами, а плоть на лице была вялой. Коричневые пятна покрыли его плечи и руки, и Гаунт даже боялся спросить Керт, чем они были. Он предполагал, что это какой-то вид грибка. Сладкий, гниющий запах вырывался из умирающего человека с каждым неглубоким, неровным вздохом, и казалось, что это привлекает мух. Худшим во всем этом было горло Фейгора. Плоть вокруг его имплантированной аугметики была воспаленной и опухшей, и начала гнить. Она была похожа на мягкую, растянутую кожуру гниющего плойна, готовую лопнуть. Вонючая желтая слизь тянулась с обветренных губ Фейгора. Каждый изнуренный вдох гремел мокротой в горле человека.

«Он скоро умрет, не так ли Ана?» спросил Гаунт.

«Заткнись,» резко бросила она, вытирая зараженную шею Фейгора.

«Ана, ради меня, и ради Фейгора, скажи мне правду.»

Керт обернулась. В ее глазах снова были слезы. «Заткнись, Гаунт!»

«Просто скажи мне,» сказал Гаунт. «Есть еще что-то, что ты можешь сделать для него?»

«Я могу --» Она затихла.

«Ана? Seriously, есть что-то еще? Что-нибудь?»

Керт повернулась и ударила Гаунта. Удар пришелся ему в плечо. Она ударила еще раз, и еще, а затем начала молотить сжатыми кулаками Гаунта в грудь. Она была слишком утомлена, чтобы нанести какой-нибудь вред. Он обнял ее и потянул к себе, зажав ее кулаки. Она начала рыдать в его грудь.

«Больше ничего?»

«У меня... у меня ничего нет... ничего не осталось... нет таблеток... нет снаряжения... о, Трон...»

«Все хорошо,» сказал он, крепко обнимая ее. «Все хорошо. Иногда так случается.»

«Сэр?»

Гаунт медленно отпустил Керт и позволил Белтайну отвести ее корням, где она могла посидеть и придти в себя.

«Да, Ландерсон?»

«Я бы хотел вызваться нести Фейгора, сэр.»

«Принято, но --»

Ландерсон покачал головой. «Я понимаю, сэр. Я понимаю, что вам нужно оставить Фейгора, потому что он замедляет отряд. Я понимаю важность вашей миссии. Но я не один из вашего отряда. Если я отстану, пусть будет так. Я, всего лишь, хочу попытаться дать этому человеку шанс.» Гаунт посмотрел Ландерсону в глаза. Он был

поражен, когда почувствовал, что у него навертываются слезы. Человек предлагал такую жертву, и после всего, что –

«Ландерсон,» начал Гаунт, тяжело вдохнув и пытаясь держать себя в руках. «Ты обрекаешь себя, а я этого не хочу.»

Ландерсон уже собирался ответить, когда Гаунт услышал рык позади себя. Роун появился из ниоткуда и врезался в Гаунта, сбив его в воду.

«Святой фес!» закричал Белтайн.

Борясь, метаясь, две фигуры появились на поверхности. Роун держал Гаунта за горло и пытался загнать его обратно в болото. «Фес тебя! Оставить его умирать? Фес тебя!» Роун кричал, вода струилась с его лица. «Ты бы нас всех оставил умирать! Как ты оставил умирать Танит!» Выдыхая пузыри, Гаунт снова ушел под воду.

«Святой фес!» снова крикнул Белтайн и рванул вперед, чтобы разнять драку. Ландерсон был с ним.

«Отпустите его, сэр!» кричал Белтайн, тянув Роуна за руки.

«И тебя фес тоже!» кричал в ответ Роун.

«Майор Роун, прекратите это!» крикнул Ландерсон. Он схватил Роуна за воротник и сильно дернул. Роун подался назад и Гаунт появился снова, выплевывая воду и пытаясь вдохнуть.

«Отвали от меня!» проревел Роун и ударил ребром ладони Ландерсона по трахее так сильно, что тот упал в воду, задыхаясь.

Керт встала на ноги. «Что, сейчас?» сказала она. «Сейчас? Прямо сейчас? Ты что фесово издеваешься надо мной, Элим?»

Роун был слишком занят, топя Гаунта и отбиваясь от Белтайна. Керт подбежала к барахтающемуся Ландерсону и помогла выбраться из болотной воды.

«Прекратите! Прекратите!» кричал Белтайн, дергая так сильно, как только мог. Роун развернулся и ударил кулаком в лицо Белтайна. Адъютант упал на спину.

Роун обхватил обеими руками шею Гаунта и загнал его обратно в мутную зеленую воду.

«Я фесово не могу в это поверить,» рявкнула Керт. «Вот оно, да? Момент, когда ты наконец-то решил свести счеты? Роун, ты фесово невероятный! Сколько лет ты ждал и выбрал этот момент? Фесово спасибо, тупой ублюдок!»

«Что?» сказал Роун.

«Ваша вражда с Гаунтом! Ты решил уладить это сейчас?»

Роун покачнулся и заморгал. «Что?» повторил он. Он отпустил шею Гаунта. «Это не из-за него и меня, это из-за Фейгора --»

Освобожденный, Гаунт вышел из воды и отправил Роуна через поляну ударом кулака.

Роун врезался в ствол дерева, расцарапал лицо о кору, и затем повернулся.

Гаунт кончиком боевого ножа целился в горло Роуна. Серебряный клинок.

«Мы на самом деле собираемся сделать это, Роун?» спросил Гаунт.

«Я не позволю тебе просто бросить его,» сказал Роун, вытирая рот.

Гаунт медленно отвел клинок. «Я учту это, Роун. Это место сводит нас с ума. Мы все знали, что это будет рискованно, когда подписались. Я не думаю, что любой из нас уже думает по-настоящему нормально. Гереон взвинтил нас. Ты понимаешь?» Роун кивнул.

«Но мы должны попытаться пройти это вместе. Мы должны пытаться сосредоточить наши мысли на миссии. Ты забыл о миссии, Роун?»

«Нет, сэр.»

«Ты забыл о классификации миссии?»

«Нет.»

«И ты помнишь, что это значит? Миссия первостепенна. Всё остальное, все остальные, расходный материал. Мы все понимали это с самого начала. Мы все

знали, что такая плохая работа, как эта, может появиться, и нам придется иметь с этим дело. Но так должно быть.»

Роун вздохнул. «Да. Я знаю. Отлично.»

Гаунт кивнул. Он посмотрел на остальных. «Остановимся здесь на тридцать минут. Отдохнем и приведем мысли в порядок.» Роуну он сказал «Тридцать минут. Потом я приму окончательное решение насчет Фейгора.»

«Просто не... не оставляй его здесь умирать,» сказал Роун.

«Не буду. И не собирался,» ответил Гаунт. «Если Император не может защитить, тогда он, по меньшей мере, может проявить милосердие.»

Появился отряд разведчиков, приведенный назад Кёрк. Бростин, Варл, Крийд и Ларкин были с ними.

Чувствуя, что что-то случилось, Мколл посмотрел на Гаунта.

«Мы устроим тут короткий привал,» сказал Гаунт. Мколл пожал плечами и разведчики нашли места на корнях, чтобы посидеть.

«Мне жаль,» тихо сказала Керт Гаунту. «Уже дважды я полностью растерялась. Я плачу все время, я не знаю, что со мной не так --»

«Да, ты знаешь,» сказал Гаунт. «Это не ты. Так что мы забудем об этом.»

«Ладно, --» Керт внезапно замолкла. «Эй, что он делает?»

Гаунт обернулся. Эзра ап Нихт стоял рядом с телом Фейгора, с любопытством изучая его.

Гаунт и Керт пошли к нему, и Гаунт подал сигнал Мквеннеру присоединиться к ним.

«Пряети?» спросил Гаунт.

Эзра обратил взор своих темных, непостижимых, обрамленных мозаикой глаз на полковника-комиссара и что-то пробормотал, делая жест на Фейгора. Гаунту было сложно уследить за речью.

«Помедленнее,» настаивал Гаунт.

Лунатик начал повторять, но было все еще слишком сложно. Мквеннер задал вопрос на прото-Готике, и они обменялись несколькими словами.

«Он говорит, что его люди видели несколько случаев такой инфекции за последние несколько месяцев,» сказал Мквеннер.

«Когда появился Хаос,» сказал Гаунт.

«Точно,» кивнул Мквеннер. «У партизан был способ лечения, который иногда работал. Он предлагает попробовать, если вы разрешите.»

Гаунт бросил взгляд на Керт.

«Смотри,» сказала она, делая беспомощный жест руками, «я стою на краю Имперской медицинской науки, всматриваясь в тьму. С этой точки можно пробовать все, что угодно.»

«Ясно,» сказал Гаунт. Он кивнул Эзре. «Сделай это.»

Лунатик откинул складки своей сегментированной накидки и показал маленькие бутылочки, висящие на грудном ремне. Он выбрал одну, вынул пробку, и провел двумя пальцами по внутренней стороне. Когда он вытащил пальцы, они были покрыты серой пастой, того же самого цвета, как и бледная краска, которая покрывала каждый сантиметр его кожи. Он наклонился, и нежно размазал пасту вокруг опухшего горла Фейгора. Фейгор слегка зашевелился, но не очнулся.

«Что это?» спросила Керт.

«Хват бьют, соуле?» спросил Мквеннер и выслушал ответ. Он посмотрел на Гаунта и доктора. «Это... эмм... это, по существу, яд мотыля.»

«Что?» пробормотала Керт. «Яд мотыля?»

«В основном,» сказал Мквеннер.

«Фантастика,» сказала Керт. «Может быть, мы лучше помогли бы Фейгору пронзив ножом.»

«Смотри,» сказал Мквеннер. «Как я понял, это работает. Единственный вариант, как партизаны выживали в такой ядовитой окружающей среде веками, так это понимая

яд. Их краска для кожи, она для камуфляжа, и для ритуалов, но она сделана из чешуек с крыльев мотыля. Это выработало в них иммунитет. В Антилле осталось всего несколько ядов, которые, на самом деле, могут повлиять на них. Они используют более концентрированный вариант на кончиках своих стрел. В этой пасте достаточно вещества, чтобы ослабить инфекцию.»

Керт выдохнула, когда обдумала это. «В этом есть смысл,» допустила она. «Но то, что работает для них, может не сработать на нас. У Фейгора нет иммунитета.»

«У Фейгора больше нет другого шанса.»

Эзра закончил обработку и закрыл бутылочку. Затем он присел рядом с Фейгором, сложил руки и стал ждать.

Время отдыха, которое установил Гаунт, закончилось. Он позволил продлить его еще немного, в надежде, что они смогут увидеть какие-нибудь перемены в состоянии Фейгора. Сорок минут, сорок пять. Он уже собирался встать и отдать приказ, когда услышал странный, ужасный стон.

У Фейгора были какие-то дикие судороги. Его тело билось в конвульсиях и выгибалось. Звуки, шедшие от него, были еще горестнее из-за плоского тона, генерируемого его имплантом.

«Фес!» закричала Керт. Все уже вставали и подходили ближе. Партизан мягко пытался удержать Фейгора.

Неожиданно адъютант Роуна вскочил на ноги, соскользнув с корня. Его руки хлестнули и отбросили Лунатика от него. Его голова была задрана назад, а его воющий рот был покрыт пеной. Глаза Фейгора закатились в глазницах.

«Хватайте его!» крикнул Гаунт. «Прижмите к земле!»

Бонин был ближе всех, но сумасшедшая сила в руках Фейгора застала крепкого разведчика врасплох.

Фейгор отбросил Бонина в воду.

И начал бежать.

Воя, размахивая руками, как человек в огне, он слепо бежал, врезался в деревья, продирался сквозь кусты. Тучи мотылей взлетали в воздух, как конфетти, встревоженные его яростным продвижением.

Гаунт и Роун бежали за ним. Роун бросил угрожающий злобный взгляд на Лунатика, когда пробежал мимо. «Держи отряд здесь!» крикнул через плечо Гаунт Мколлу.

Они вбежали в болото, пригибаясь под жилистыми ветвями и свисающим мхом, их сапоги месили грязь. Фейгор уже исчез из вида во мраке, но они все еще слышали его, и все еще видели следы в воде.

Темные коричневые цветки потревоженного осадка остались в зеленом болотце длинной, петляющей линией.

«И что это такое,» бросил Роун, пока они бежали.

«Я пытался помочь ему,» проворчал Гаунт.

«Отличная работа,» сказал Роун.

«Может быть что-то лучше, чем ничего?»

«Наверное.»

«Может быть, было слишком много токсина.»

Печальные крики теперь появились слева от них.

«Он возвращается,» сказал Роун. «Фес, он кричит так, как будто в агонии.»

«Вон он!» крикнул Гаунт.

Бледная, оборванная фигура Фейгора, спотыкаясь, шла на следующей поляне. Его ужасные стоны стихли, и он внезапно упал на ствол покосившейся цикады. Его руки слабо царапали кору.

Гаунт и Роун замедлились, когда подходили. Гаунт бросил взгляд на Роуна и вытащил автопистолет с глушителем.

«Он ничего не почувствует,» сказал Гаунт. «Лучше быстро, чем затяжная смерть от яда.» Роун остановил Гаунта поднятой рукой. В его глазах был ужасный фатализм.

«Лучше я,» сказал он.

Гаунт поколебался.

«Для такой любезности это должен быть друг.»

Гаунт кивнул и дал пистолет Роуну.

Роун прошел через болотце, прижимая пистолет к груди. «Золотой Трон Земли, прости меня...» прошептал он. Фейгор привалился лицом к дереву, его руки обхватили ствол.

Роун передернул затвор оружие и нацелил его на голову Фейгора.

При звуке скольжения затвора Фейгор внезапно обернулся. Он уставился на пистолет, который Роун навел на него.

«И для чего этот фес?» спросил он.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

«Это еще долго продлится?» спросил Стурм. Десолэйн посмотрел на горбатого мастера фисики и человек быстро помотал головой.

«Уже недолго, фегат,» сказал Десолэйн.

«Десолэйн...?» В голосе Стурма была предостерегающая нота.

«Мои извинения, ф-. Мои извинения, сэр. У меня проблемы с использованием нового имени.»

«Старого имени, Десолэйн. Моего старого имени.»

Мастер фисики закончил свои тесты. Он убрал составной хромированный сканер с головы Стурма и вынул иглы из черепа.

«Вы можете сесть,» сказал мастер фисики.

Стурм сел, маленькие моторчики с жужжанием подняли медицинскую кушетку вертикально, чтобы поддержать его. Генерал-предатель с некоторым отвращением осмотрел холл физики. Украшенные медицинские приборы стояли вокруг: сенсориумы, трансфузеры, сервохирургические столы, ванночки, кровопускатели и металлические каркасы для лазерных скальпелей. Стальные хирургические инструменты лежали на ярком красном шелке. Бутылки и колбы, содержащие волокнистые органические образцы в жидкости цвета мочи стояли на полках, а на стенах были схемы и пергаменты, карты нервной системы, техники трепанации и другого препарирования, описываемые коричневыми чернилами. Составные скелеты, некоторые человеческие, некоторые получеловеческие, свисали с металлических каркасов, их кости и суставы были помечены пергаментными бирками.

Мастер физики раскрыл правый глаз Стурма и всмотрелся, считывая капилляры сетчатки сквозь линзу. «Ваша головная боль?»

«Есть слегка.»

«А амнестическая афазия прошла?»

«Я помню свое имя. Имена других, которые были всего лишь бледными фигурами в тумане, который покрывал мою память до этого утра.»

«Это значительное улучшение мозговой активности,» сказал мастер Десолэйну. «Однако я смог обнаружить очень небольшую физиологическую травму. Я рекомендую, чтобы с ним встретились псайкеры так скоро, как только возможно.»

«Еще транскодирование?» резко спросил Стурм, вставая на ноги.

«Мы должны убедиться, что разрушенный ментальный блок не оставил неприятных сюрпризов,» сказал Десолэйн. «Это наиболее опасное время.»

Стурм был обнажен, но он не съеживался. Изменения в нем были весьма поразительными. Даже его осанка изменилась. Была заметная разница в его поведении и даже в тоне его голоса.

Уверенность, и величественное высокомерие, которые выпрямили его спину и развернули плечи.

Десолэйн протянул ему тунику.

«Нет,» сказал Стурм. «Не это тряпье. Я не выношу его. Найди мне что-нибудь соответствующее, или я пойду голым.»

Десолэйн повернулся и рявкнул приказы лакеям у двери зала. Они поспешно исчезли.

«Я так понимаю Наместника проинформировали,» спросил Стурм, лениво изучая хромированные инструменты с лезвиями, лежащие на близлежащей тележке.

«Да. Он делает приготовления, чтобы приехать сюда как можно скорее.

Руководители командного эшелона, стратеги и прочие ключевые ординалы так же были призваны. После транскодирования вам надо будет хорошо отдохнуть.

Следующие несколько дней будут сложными.»

Стурм кивнул. «Я хочу комнату получше. С приличной кроватью. И больше никаких наручников.»

«Сэр, я --» начал Десолэйн.

«Я хочу комнату получше. С приличной кроватью. И больше никаких наручников. Это ясно?»

«Да,» сказал Десолэйн.

Лакей вернулся с униформой. Это было одеяние сирдара Оккупационных сил, хотя все знаки отличия и эмблемы были убраны. Черные сапоги и рубашка, зеленые брюки и длинная зеленая куртка. Стурм спокойно оделся и затем полюбовался своим отражением в зеркале, висящем на стене зала физики.

Он рассматривал свое отражение какое-то время. Он видел свое лицо в зеркалах несколько раз с тех пор, как его взяли под стражу, более того транскодеры часто показывали ему его отражение в надежде, что это сможет помочь освободить его память. Это было пугающе. Лицо, которое он видел, было ему неизвестной, чуждой вещью.

Сейчас оно было похоже на старого друга. Каждая линия и изгиб и складка были удовлетворительно знакомыми. Он почесал щетинистый подбородок.

«Я хочу побриться,» сказал он телохранителю. «Это неприемлемо.»

«Да, сэр,» сказал Десолэйн. «Но сначала псайкеры.»

Они пошли вместе по отдающим эхом залам и галереям бастиона, проходя мимо спешащих слуг, неутомимых солдат, тощих экскувиторов и галдящих групп ординалов. Десолэйн отметил, что фегат больше не волочил ноги. Он маршировал с прямой спиной.

Шаловливое маленькое создание ждало их у двери омерзительной комнаты транскодирования.

Оно было немногим выше метра, его сгорбленный обезьяноподобный скелет был скрыт красной бархатной робой, отделанной золотой нитью. Пола роботы раскинулась по каменным плитам. На нем была механическая сбруя вокруг торса, передняя часть которой имела форму пюпитра, который был закреплен на груди.

К пюпитру была жестко прикреплена черная металлическая печатная машинка, с рядами клавиш с буквами и толстым рулоном пергамента, намотанным на шпиндель. Когда они подошли, маленький человек откинул рычагом заднюю секцию и стал осторожно наносить чернила на заднюю часть печатной машинки, используя замшевые лопатки. Он посмотрел вверх. Его глаза напоминали бусинки, и у него не было ничего, напоминающего нос, а его рот был безгубой гримасой обнаженных десен и обесцвеченных, лопатообразных зубов. На месте ушей у него были аугметические микрофоны, вшитые в плоть, и провода из каждого защищенного конусообразного медного уха тянулись к другой стороне его головы.

Его звали Хумилити, и Десолэйн призвал его.

«Зачем?» спросил Стурм.

«Он лексиграфер. Он будет всегда сопровождать вас и записывать ваши комментарии, так что ничего не будет потеряно.»

Хумилити закрыл секцию с острым металлическим стуком, положил замшевую лопатку в мешочек и на секунду согнул свои длинные костлявые пальцы. Затем он начал печатать со звонким звуком, и рулон пергамента начал поворачиваться.

Десолэйн открыл дверь, и Стурм вошел. Маленький лексиграфер заковылял за ним. Стурм сел в кресло и электрические манжеты сразу же сомкнулись на его запястьях и лодыжках.

«Это не обязательно,» сказал он, и услышал, как лексиграфер записывает слова. После паузы манжеты расстегнулись. Кресло стало откидываться назад, пока он не стал смотреть в арочный потолок.

«Фегат,» прошептал голос.

«Не в этот раз,» ответил он.

«И снова мы начинаем.»

Стурм услышал шарканье и почувствовал, как в комнате похолодело. Зловонные пальцы вытащили резиновые затычки из отверстий в его черепе. Затем, производя характерный высокотоновый скрежет, иглы пси-зондов повернулись и скользнули в отверстия.

Стурм слегка заворчал от дискомфорта.

«Давайте мы начнем опять с самого начала,» скомандовал пси-голос. «Ваше звание?»

«Лорд милитант генерал.»

«Ваше имя?»

«Ночес Стурм.»

«Как вы сюда попали?»

Стурм прочистил глотку. Сквозь шепот варпа, наполнивший его голову, он мог слышать, как чертов лексиграфер стучит по своей машинке. «Как я понял,» ответил он, «я был заключенным на военном транспортном корабле, который попал в засаду возле Тарнагуа. Когда нападавшие поняли, что они захватили старшего офицера Имперской Гвардии, меня сразу же забрали на безопасный мир для допроса. Там обнаружили, что есть ментальный блок. Затем меня отправили на Гереон, прочь от передовой, для того, чтобы можно было убрать ментальный блок.»

«Что вы понимаете под ментальным блоком, Ночес?» спросил другой пси-голос. Этот звучал печально, как маленький ребенок.

«Это стандартная мера предосторожности. В случаях, когда субъект знает деликатную информацию. Гильдия может полностью стереть память человека, но тогда это не позволит восстановить его память в дальнейшем.»

«Ваш разум полон секретов, Ночес,» сказал мужской голос. «Информация высочайшего уровня секретности. Почему они просто не очистили вас?»

«Без понятия,» сказал Стурм. *Стук стук* шло от машинки лексиграфа.

«Это неправда,» сказал старый женский голос. «Так ведь? Думайте об этом. До этой памяти вы можете добраться.»

Стурм закрыл глаза. Он понял, что теперь может вспомнить. Это ощущалось потрясающе. «Меня готовили к суду. Военно-полевому суду. Комиссариат не хотел, чтобы мою память стерли, потому что тогда я бы не смог участвовать в перекрестном допросе. Кроме того было решено, что слишком рискованно оставлять меня до дня суда... доступным. Гильдия Астропатикус поставила мне ментальный блок, для сохранения моих секретов. Они планировали убрать его во время суда.»

«Вам не очень это понравилось, так ведь, Ночес?» спросил детский голос.

«Я возненавидел это. Я умолял их не делать этого. Но они это все равно сделали. Это было чудовищно. Ошеломительно.

Позднее я понятия не имел, что они сделали. Всего лишь ноющее воспоминание о том, что что-то варварское совершили в моем разуме. Все забрали. Я только теперь понимаю, сколько всего было украдено.»

«Ваши воспоминания быстро возвращаются.»

«Да, но я говорю не просто о фактах и фигурах, именах и датах. Я не говорю о сведениях, которые они закрыли. Я забыл себя. Свой характер. Свою натуру. Свою душу. Они забрали мою личность. Человек, которого вы раскодировали здесь последние несколько месяцев, был всего лишь оболочкой. Он не был Ночесом Стурмом. Я даже забыл, как быть собой.»

Последовала пауза. Акустический шепот кружил вокруг него.

«Алло?» позвал Стурм.

«Почему вы были в тюрьме, Ночес?» спросил мужской голос. «Почему вам грозил суд?»

«Это была ошибка. Меня предали.»

«Объясните.»

«Я служил на защите Улья Вервун, на планете Вергхаст. Это была ожесточенная битва, и на какое-то мгновение показалось, что нас уничтожат. Но моим худшим врагом был комиссар в Гвардии. Наши пути пересекались раньше, и между нами была кое-какая вражда. Я был готов простить – у нас была война, которую нужно было выиграть, и не было времени для мелких споров. Но он манипулировал ситуацией и обвинил меня, что я покинул свой пост. Сфабриковал обвинения. Кроме того он был комиссаром, и пользовался кое-какой известностью в то темное время. Он вынес обвинения, и, с помощью поддержки своего начальства в Комиссариате, заключил меня под стражу и отправил на суд.»

«Разве обычно Комиссариат не применяет казни без промедления?» спросил детский голос.

«К малоизвестным и обычным солдатам. Не к лордам милитантам генералам. У моей семьи могущественные связи с Высшими Лордами. Поднялся бы шум, если бы он забрал мою жизнь.»

«Как его звали?»

Стурм улыбнулся. Единственной вещью, которую не закрыл ментальный блок, было это имя. «Ибрам Гаунт. Гореть ему в аду.»

Голоса налетели и зашептались вокруг него.

«Мы закончили?» спросил Стурм.

«Мы удовлетворены состоянием вашего разума, Ночес. Ваша память почти полностью вернулась. Последние обрывки ментального блока исчезли с вашей души. Наша работа почти закончена.»

«И я благодарю вас за это,» сказал Стурм. «Даже за дни, когда вы заставляли меня кричать. Я рад, что вернул себе себя.»

«Остался последний вопрос,» сказал женский голос.

«Спрашивайте.»

Они спросили его вместе, все три голоса в унисон. «Когда вы впервые пришли к нам, то поклялись в верности Анарху. Вы пообещали, что как только мы освободим ваш разум, вы отвергнете Фальшивого Императора и будете сражаться с нами против его войск.»

«Да.»

«Но сегодня вы признались, что вы уже другая персона. Вы сказали нам, что жалкий человек, который поклялся той клятвой, не был Ночесом Стурмом. Итак, мы спрашиваем вас... вы изменили свое решение?»

«Вы изменили мое решение,» сказал Стурм. «Если я лгу, вы прочтете это в моей голове. Так что слушайте внимательно. Я преданно служил Империи, и посвятил свою жизнь Трону. Но Империя отвернулась от меня, и выпнул, как собаку. Назад пути нет. Империя сделал меня своим врагом, и он еще пожалеет об этом.»

Позади кресла, клавиши Хумилити стучали почти неистово.

«Я клянусь в верности Анарху, чье слово заглушает все остальные,» сказал Стурм. «Это отвечает на ваш вопрос?»

Лунатик вел их через огромный бассейн Антилла, через парящие поляны Нихт. Они обошли по краю обширные заросли темно-красных шипов, расположенных так плотно, что сквозь них нельзя было пройти. Они перешли вброд зеленую воду, сквозь вонючие янтарные болота. Когда уровень воды, в конце концов, начал уменьшаться, там где земля уходила вверх и вдаль, мир превратился в густую серую грязь. Белые сферические грибы громоздились на черных стволах изгрызанных

деревьев. Некоторые из них были люминисцентными и создавали участки морозного бело-голубого света, который привлекал миллионы мотыльков. Их в воздухе кружился целый ураган. Солнечного света все еще не было. Полог над головой был непроницаемой черной крышей.

Команда продвигалась. Им понадобилось целых два дня марша, чтобы добраться от лагеря партизан до этих плоскогорных топей. Температура упала на несколько градусов, и влажность была меньше.

В результате они чувствовали холод. Их одежда, вымокшая от часов в воде, глубиной по бедро, прилипла. Они были голодны и вымотаны. Они регулярно останавливались на отдых, но было почти невозможно найти место для сна в жидкой грязи.

Тем не менее, некоторый душевный настрой вернулся к ним. Фейгор был жив. Его состояние все еще было плохим, и он был безоговорочно самым слабым членом команды. Но он был в сознании, мыслил ясно и шел. Инфекция на его горле уменьшилась. Ядовитая паста Эзры ап Нихта может быть почти и убила его, но, так же, и спасла ему жизнь. Как Роун, так и Гаунт, не сказали о том, как близки они были к милосердному убийству.

Их путь пролегал через густую серую грязь и разросшиеся деревья. Эти плоскогорные топи были обиталищем ящериц: ярких древесных бегунов и шароглазых амфибий, которые прятались под камнями и упавшими стволами, и выхватывали мотыльков из воздуха хлыстообразными липкими языками. Рыгающий хор голосов амфибий булькал и хлопал вокруг них, пока они шли.

Их рационы закончились, и голод давно убил бы их, оставив их кости позабытыми в болотах Антиллы. Но Эзра помогал. Он показал разведчикам несколько основных приемов нахождения дичи, и научил их тому, что было съедобно, а чего стоило избегать. Лунатик сделал большинство убийств лично, используя свой магнитный арбалет. Он позволил каждому разведчику по очереди опробовать его. Мквеннеру удалось лучше всего.

Керт использовала остатки своего медицинского снаряжения, чтобы проанализировать ядовитые пасты партизана, а так же тщательно исследовать добычу, которую приносили. С некоторыми вещами, установила она, только

иммунитет Эзры мог иметь дело. Тем не менее, здесь были определенные типы грязеугрей и похожие на крыс древесные ящерицы, которых они все могли есть, при условии, что они будут тщательно зажарены или сварены. Огнемет Бростина, все еще дающий осечки, в конце концов, пригодился в качестве инструмента для приготовления пищи. Гаунт обдумывал приказать Бростину бросить оружие. Это была вещь Хаоса. Но в данных условиях, с заразой в них всех, этого было смехотворно бояться. Сейчас он был рад, что не приказал. Без огнемета они бы не смогли есть.

Один раз Гаунт сел с Эзрой, пока они заканчивали есть. Партизан позволил ему осмотреть свое оружие.

«Пряети, соуле,» спросил Гаунт, похлопывая по арбалету. «Хват уклепт беют?»

«Рейнбоу, беют,» ответил Эзра. Он изысканно ощипывал мясо с длинной лягушачьей косточки мелкими белыми зубами.

«Рейн-боу, сейзи?» повторил Гаунт.

Эзра кивнул. «Тиссен бранде совизе уитт ви шале рейн юрон дартес зереон зе хеддес оф озерен кинде, ху ган харм мейккют он ас.»

Дождевой лук, чтобы обрушить дождь стрел на головы врагов. Гаунт улыбнулся. Он это видел. Император благослови лунатиков.

Тропа петляла на северо-запад, по краю еще одного глубокого ядовитого водоема. Они оставались на возвышенности, продираясь по грязи, скользя вдоль границы лягушачьих земель. Они прошли мимо еще одного леса темно-красных шипов, этот был самым большим из тех, что они видели, а затем побрели по краю жутко тихого леса, заваленного перегноем, где деревья были прямыми, высокими и тонкими, как копья, воткнутые в землю. Далее камыши покрывали болото, где были несметные тучи мух, и поднимались по твердому черному склону леса, который растянулся на несколько километров.

Деревья здесь были древними и кривыми, закрученными в гротескные формы и прокаженные деформации. Здесь был постоянный треск, и Гаунт осознал, что это от движения лесного полога.

Деревья двигались на ветру. Он болезненно устал, но это воодушевило его. Это же хороший знак, так ведь?

Немного погодя Эзра загнал их в укрытие. Выше по склону что-то брело мимо в темноте. Никто не видел этого четко, но все ощущали, как ноги сотрясают землю и слышали храпение. Более сухие возвышенности Антилла были, несомненно, охотничьими землями самых крупных хищников болотистой местности.

Три часа спустя Бонин был первым из них, кто увидел свет. Он разведывал впереди мшистую рощу, и поначалу подумал, что это было странное, белоствольное дерево, идеально прямое и без веток. Затем он осознал, что это был единственный луч дневного света, прорвавшийся сквозь бесконечный темный полог.

Он пошел под него и поднял лицо вверх, медленно вращаясь, улыбаясь, пока драгоценный свет лился ему в глаза.

«Сюда!» позвал он. Остальные быстро присоединились к нему, все радовались увиденному. Они ненадолго собрались вокруг луча, некоторые отважились только дотронуться до луча кончиками пальцев, остальные сделали так же, как и Бонин, и грелись под ним. Даже Кёрк прикоснулась к лучу, как будто наудачу.

Только Эзра ап Нихт держался далеко в стороне.

В приподнятом настроении они быстрее пошли вперед. Они нашли другие лучи света, затем они стали банальщиной, когда древесный покров начал истончаться. Нихт уменьшилась до бледных сумерек. Земля стала более твердой.

Несомненно, мы начали приближаться к дальнему краю Антилла, подумал Гаунт. Многие Призраки смеялись и шутили о том, что их путешествие подходит к концу.

«Спроси его,» сказал Гаунт Мквеннеру. «Спроси его, сколько еще до конца этого места.»

Мквеннер кивнул и задал вопрос Эзре. Он нахмурился при ответе.

«Ну так?» спросил Гаунт.

«Он не знает, сэр,» сказал Мквеннер. «Он никогда еще не был так далеко.»

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Над центральными регионами Летрики занимался день, открывая туманную пеструю мешанину бесконечных полей в мягких коричневых, зеленых и желтых тонах. Эта обширная территория была хлебной корзиной Гереона, наиболее производительными сельскохозяйственными провинциями. Вдалеке, похожий на синий шрам на фоне горизонта, лежал массив центрального региона, вздымающиеся горы, увенчанные облаками. Такие далекие, но все же, в конце концов, видимые.

Утреннее небо было прозрачным и пронизано нитками спутанных облаков, похожих на вату.

Роун лежал в высокой траве и смотрел на них. Каждое чертово облако имело различимую форму. Там – женщина на лошади. Там – ларисель. Вон то было птицей, или, может быть, парой суженных глаз. Вон то – рука, держащая нож.

Он сходил с ума. Теперь он это знал. Он перевернулся на спину и закрыл глаза, не желая больше ничего видеть. Болезненный солнечный свет упал на его грязное лицо. Он ощущался горячим после всех дней в бессолнечном Нихте.

Они все были больны. Все они. Некоторые, как Фейгор, физически инфицированы. Некоторые, как Керт, эмоционально разрушены. Их предупреждали об этом, медики и жрецы, до высадки, но предупреждение всегда только предупреждение. Они никак не могли подготовиться к реальности.

Роун везде видел символы, куда бы ни посмотрел. Он понимал, что это зараза делает это с его разумом, но от этого не становилось легче. Он видел изображения в облаках, в листьях, в тенях, в траве, в очертаниях камней. Каждое было особенным и ему можно было дать название. У каждого был определенный смысл.

Даже сейчас, с закрытыми веками, он мог видеть символы из точек и очертаний, плывущих на красном фоне. Угорь, плайн, женщина с пышной грудью. Стигмата.

Он открыл глаза.

Он повсюду видел непотребный символ, который Кёрк носила на щеке. Вот опять, в тех зарослях. Там, в засохшей серой грязи, прилипшей к носку его сапога. Там, в линиях на его ладони, в изгибах на подушечках его пальцев.

«Роун!»

Он посмотрел вверх. «Что?»

Это звал Гаунт. Роун поднялся на ноги и пошел к остальным. Так, как они сгруппировались вокруг Гаунта, тоже создавало очертания символа. За исключением одной части. И присоединясь к ним он полностью закончит форму.

Потребовался еще целый день ходьбы, чтобы дойти от того первого луча света, который нашел Бонин, сюда, до границы центрального региона. Путь пролегал через убогую лесную местность и глубокие ущелья из затвердевшей грязи, где травы выросли по грудь. Они приближались к свету, к обещанию настоящего дня по ту сторону редящих деревьев.

Затем наступил подъем на пояс глубокого бассейна Антилла, через разрушенные временем возвышенности, изобилующие невысокими кустарниками и камнями. Деревья здесь были голыми и мертвыми, колючие рога высушенной древесины пробивались из отвесной земли. Они видели одичавшего истощенного грокса и другой домашний скот, которые, несомненно, сбежали из смежных центральных регионов и теперь искали корм в этой суровой пустоши. Из одного сделали хороший ужин, самый лучший из тех, что у них был на Гереоне.

За пустошью местность стала травянистой, и они вошли в пограничный лес старого лесного массива, который окаймлял западную границу Антилла. Гаунт видел, насколько лишенным присутствия духа стал Эзра ап Нихт. Он продолжал останавливаться, чтобы вдохнуть новый странный воздух, и иногда задерживался позади, смотря на небо и моргая.

«Он такого никогда не видел,» сообщил Мквеннер Гаунту.

«Я это понял.»

«Он все время плачет,» добавил Мквеннер.

«Это всего лишь свет,» сказала Керт. «Он не привык к свету. Его глаза слезятся.» Варл порылся в своем поношенном ранце и вытащил выигранные солнечные очки. Он любил надевать их, чтобы выглядеть круто вне службы. Один Трон знает, почему он взял их с собой.

Он дал их Эзре.

«Держи, Эзра Ночь,» сказал он. «Бери их. Они твои, приятель.» Партизан был озадачен, и попытался вернуть их, пока Мквеннер медленно не объяснил их назначение. Эзра надел их. Странная улыбка скользнула по его лицу. Больше, чем когда-либо, с темными, блестящими линзами, закрывающими его глаза, он выглядел похожим на человека-мотыля.

«Вен, скажи ему, что он может вернуться. Он может вернуться и присоединиться к своим. Тщательно поблагодари его от меня. Он сделал для нас больше, чем я вообще мог ожидать.» Мквеннер вернулся через несколько минут. «Он не уйдет, сэр,» сказал он.

«Почему?» спросил Гаунт.

Мквеннер прочистил глотку. «Потому что он ваш, сэр.»

«Что?»

«Он - ваша собственность, сэр.»

Гаунт пошел и сам поговорил с Эзрой. Мквеннеру пришлось присоединиться к ним, чтобы помочь с переводом. Лунатик был предельно ясен. В ответ на усилия, сделанные Гаунтом и его отрядом при защите лагеря партизан, Синхед ап Нихт отдал им одного из своих сыновей. Оказалось, что партизаны были крайне буквальными людьми. Когда первоначально Гаунт попросил у них проводника, чтобы пройти через Антилл, Синхед понял его так, что он просит о постоянном владении Лунатиком. Не удивительно, что он отказал.

Но отец Эзры чувствовал себя обязанным после битвы с убийцами Уэкскулла. Он дал им проводника, о котором они просили. Буквально отдав Гаунту одного из своих сыновей. Навсегда. В знак благодарности.

«Ты возвращаешься,» сказал Гаунт Эзре. «Ты сделал все, о чем я просил тебя. Возвращайся к отцу.»

Мквеннер перевел. Эзра нахмурился и снова выразил сомнение.

«Пожалуйста, возвращайся,» сказал Гаунт.

Эзра снял солнечные очки.

«Он может оставить их,» сказал Варл.

Они оставили Эзру ап Нихта в одиночестве на края леса.

Но он пошел за ними, на расстоянии.

«Он не уходит,» сказал Мколл.

«Вен, иди поговори с ним еще раз,» сказал Гаунт. «Заставь его понять.» Когда Мквеннер вернулся, Эзра Ночь был с ним, надев солнечные очки, как трофей.

«Его нельзя убедить, сэр,» сказал Мквеннер. «Я думаю, что это связано с культурой. Дело чести. Его отец сказал ему, чтобы он пошел с вами и служил вам, и это то, что он собирается делать. Вполне возможно всегда. Не просите его уйти снова. Он никогда не был так далеко, и он не совсем уверен в обратном пути. Кроме того, просить его вернуться, то же самое, что просить его не повиноваться строгим инструкциям отца. Он любит своего отца, сэр. Он дал клятву. Я не думаю, что вы полагаете, что он нарушит ее.»

Гаунт кивнул. Он повернулся в Эзре и протянул руку. Эзра ап Нихт мягко взял ее.

«Теперь ты один из нас,» сказал Гаунт. Казалось, что Эзра понял. Он улыбнулся.

Это был странный момент единения, который Гаунт запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Итак, на рассвете, у границы лесной местности Гаунт собрал свой потрепанный отряд вокруг себя. Вдали лежали манящие безмятежные поля. Он понимал, что безмятежность была иллюзией. Инструктажи сообщали, что центральный регион являлся наиболее охраняемой территорией на Гереоне.

А так же местом их цели.

«Нам нужен хороший отдых, еда и припасы,» начал Гаунт.

«К северо-западу, примерно в трех километрах отсюда, есть деревня,» сказал Мколл. «Кажется, что он заброшена.»

«Мы начнем оттуда. Более важно, мы должны выяснить, где мы точно находимся. Кёрк?» Она пожала плечами. «Летрика, восточная окраина. Больше понятия не имею.»

«Мистер Ландерсон?» спросил Гаунт.

«Тот город вдали может быть Хедгертоном. Но опять же, это может быть и другие полдюжины поселений. Извините.»

«Давайте пойдем к деревне,» сказал Гаунт.

Они осторожно приближались в теплом солнечном свете. Насекомые жужжали. Разведчики разошлись, окружая место. Не было никаких признаков жизни. Деревня была покинута месяцы назад, возможно во время вторжения, и никто не посетил ее с тех пор.

Они разделились и обыскали несколько домов, забрав кое-какие сухие продукты, соленое мясо и банки с консервами из кладовых. Белтайн нашел старый дробовик и несколько керосиновых фонарей. В одной из комнат Керт нашла куклу в пустой детской кровати. Это заставило ее снова рыдать. Она ругалась и неистовствовала над слабостью, которую зараза вызвала в ней. Ее нашла Крийд и попыталась успокоить. Затем она увидела пустую детскую кровать и тоже начала рыдать. Для Керт это было благословением. Она заставила себя обуздать эмоции, чтобы успокоить свою подругу.

Фейгор и Варл обыскивали другой дом. Как только они вошли внутрь, Фейгор увидел старую кровать с кишасим крысами соломенным матрасом. Он лег на нее.

Когда Варл вернулся, чтобы найти его, Фейгор уже уснул. Варл присел на край кровати и присматривал за ним.

Роун ушел в следующий дом и нашел стол, подготовленный для обеда. Шесть стульев, приборы, тарелки. В кастрюле на холодной плите была черная масса. Обед бросили в спешке.

Роун сел во главе стола и уставился на столовые приборы. Они составляли форму весельной лодки. Там был образ восходящего солнца. Роун потянулся и переложил несколько приборов, и передвинул тарелки на новые места.

Так было лучше. Теперь они составляли знак стигматы.

В хижине кузнеца Ларкин и Бонин нашли полупустой бак с прометиумом, который использовался для питания кузнечной печи.

«Приведи Бростина,» сказал Бонин.

Большой человек появился через несколько мгновений и, с довольным ликованием, начал заполнять свои баки.

Пропищала микро-бусина.

«Первый,» подтвердил Гаунт.

«Мколл. Идите в темплум, сэр. Прихватите Ландерсона.»

Гаунт и Ландерсон вошли в темноту деревенского темплума. Как и все строения в этой отдаленной фермерской общине, он был немногим больше деревянной лачуги. Солнечный свет пробивался сквозь дыры в досчатых стенах и освещал пыль, которую потревожили посетители. Жесткие деревянные стулья стояли рядами, лицом к латунной аквиле, висящей на алтаре. Гаунт прошел вперед и преклонил колени перед ней. Он сделал знак орла и начал произносить *Отречение Гибели*.

Был хороший шанс того, что это последняя неоскверненная часовня на планете.

Гаунт закрыл глаза. В последние несколько ночей он начал опять видеть сны, впервые после своего прибытия на Гереон. Эти недавние сны были такими яркими; они снова проигрывались у него в голове. Саббат, всегда подзывающая его, несмотря на то, что иногда она выглядела, как Кёрк. Это было прекрасно. Пока беати была с ним, не имело значения, какой облик она принимала.

Тем не менее, в этих возобновленных снах были заметные недостатки. Некоторые из его давно потерянных друзей больше не приходили ему во сне. В них все еще был Слайдо, хотя и нечеткий и прозрачный. Цвейла Гаунт тоже видел, и иссохший жрец смеялся. Но не было никаких признаков Брагга.

Так же не было Вамберфельда. И Гаунт не мог вспомнить, когда в последний раз он видел лицо Колма Корбека.

Наихудшим было то, что Брин Майло все еще не появлялся ему. Гаунт все еще не видел Майло в своих снах с тех пор, как покинул Херодор. Тем не менее, и это угнетало его, всегда был крик. Человек кричал в пустоте. Да кем он, черт побери, был? Он был совершенно уверен, что знает голос...

Ибрам Гаунт серьезно воспринимал сны. Он верил, что ни были единственным каналом, с помощью которого Бог-Император мог сделать свой замысел понятным для простого человека. Гаунт не всегда так думал, но видения, которые привели его и Призраков на Херодор были такими реальными, что теперь он расценивал каждый сон, как сообщение.

Он был очень рад, что они наконец-то вернулись, не важно, какими тревожными они казались.

«Сэр?»

Мколл позвал его к большой книге, которую перелистывал.

«Что это?»

«Церковные записи, сэр,» ответил Мколл. «Смотрите.» Он открыл пыльную страницу и повел грязным пальцем по записям, написанным каллиграфическим почерком. «Рождения и смерти. Свадьбы.»

«Ты хотел, чтобы я посмотрел на это?»

Мколл закрыл тяжелый, с медной окантовкой том, и затем снова открыл на заглавной странице.

«Видите?»

«Церковный реестр Таули Виллэдж,» прочитал Гаунт. «Ландерсон?» Ландерсон поспешил к ним.

«Таули? Знаешь это место?»

Ландерсон покачал головой. «Простите, сэр. Нет. Я могу спросить Кёрк...»

«Не заморачивайся,» сказал Мколл. «Тут еще.»

Он развернул страницу и разложил ее. Это была схема границ церковного прихода. На ней был Таули и близлежащие городки.

«Великий Трон...» сказал Гаунт. «У нас есть карта.»

Они собрались на крыльце темплума, и Гаунт показал им старую схему. «Мистер Ландерсон был прав. Город вон там – это Хедгертон. Вон там – Лиферинг. Посмотрите. Теперь мы знаем, где мы.»

«Итак, а цель где?» спросил Роун.

«Прямо за границей карты в этой стороне, за Фургешем, здесь. Видишь?»

Роун видел все слишком хорошо. Он видел, как их тени создают образ богомола на крыльце.

И он видел знак на щеке Гаунта, который выбила одна из костяшек Уэкскулла, и который Гаунт отказался перевязать. Знак уже покрылся коркой, но форма была безошибочна. Ведьминский знак Хаоса. Стигмата. Точно такая же, как и та, которую дьявольски красивая Кёрк носила так гордо.

Гаунт был помечен.

«Разве сейчас не самое время посвятить нас в ваше задание, сэр?» спросила Кёрк.

«Скоро, майор. Очень скоро,» ответил Гаунт. «Посмотрите на карту, расскажите мне, что знаете.» Ландерсон нагнулся вперед. «Хедгертон – маленькое место. И мы скорее всего найдем там глюфы и экскувиров. Лиферинг более фажен. Это большое поселение, и последнее, что я знаю – там была активная ячейка сопротивления. Майор Кёрк?»

«Ландерсон прав,» сказала Кёрк. «Есть хороший шанс установить контакт в Лиферинге. Но там гарнизон. Отлично защищенное место, с вокс-базой и множеством Оккупационных солдат. Не считая проволочных волков.»

«Я могу иметь дело с проволочными волками,» нагло сказала Керт. «Они меня не пугают.» Гаунт решил не упоминать тот факт, что причина, по которой Керт убила проволочного волка давно исчезла.

«Вокс-база? Ты уверена, Кёрк?»

Она пожала плечами. «Ну, когда я в последний раз проверяла.»

Гаунт улыбнулся. Для Роуна это скрутило ведьминский знак в гораздо более непристойные формы.

«Лиферинг в приоритете,» провозгласил Гаунт. «Определенно.» Он сделал паузу. «Варл, где Фейгор?»

«Я оставил его спящим, сэр,» сказал Варл.

«Отличный совет,» сказал Гаунт. «Давайте все нормально выспимся и выдвинемся утром.»

Ночь упала на деревушку, холодная и темная. В разных домиках Призраки нашли кровати и спали сном, самым глубоким с высадки на планету. Никто не беспокоился о запахе плесени от простыней и сырости. По сравнению с серой грязью Антилла это была роскошь.

Эзра ап Нихт не спал. Он снял свои солнечные очки и осторожно повесил их на пояс.

Сейчас была ночь, что-то, что он понимал.

Он увидел движение на узкой улице деревушки и пошел за ним. Это был человек, которого звали Роун.

Он скользил между домов, серебряный нож был в руке.

Эзра опустил железную стрелу в дуло своего рейн-боу.

Гаунт выбрал кровать на втором этаже коттеджа. Простыни были вонючими и заплесневелыми, так что он лежал на них и спал в одежде.

Он смутно осознал, что дверь комнаты открылась. Он поднял взгляд, в темноту, и увидел силуэт женщины на фоне звездного света, пробивающегося в окно.

«Ана?»

Она сняла куртку и бросила ее на пол. Затем она села на край кровати и стянула сапоги. Затем быстро последовала остальная одежда.

«Ибрам,» прошептала она. Он обнял ее, и они поцеловались. Они смеялись, когда она стягивала с него одежду.

«Ана...» прошептал он.

«Шшшш...» сказала она.

С серебряным клинком в руке Роун пошел по лестнице коттеджа в темноте. Над ним раздавался неясный шум. Он поднялся еще на несколько ступенек. Теперь он мог слышать крики оргазма сквозь тонкие стены коттеджа. Потом тишина.

Роун прошел последние несколько ступенек, тихий, как тень, и осторожно открыл дверь в комнату.

Он заглянул внутрь.

Обнаженные, спящие, Гаунт и Кёрк лежали в обнимку, их конечности переплелись. Прямо, как символ, который Роун видел в туманах Антилла.

Он закрыл дверь и пошел вниз по лестнице. Рабочий конец магнитного арбалета Эзры ап Нихта внезапно уставился ему в лицо.

Роун убрал в ножны свой боевой нож.

«Иди спать,» сказал он партизану. «Просто иди спать.»

Гаунт проснулся с дрожью. Было рано, все еще темно. Ему снилось, что он в кровати был не один.

Сбивающие с толку воспоминания отхлынули. Он потянулся рукой и обнаружил, что трухлявые простыни были все еще теплыми на ощупь.

Кто-то был здесь с ним. Теперь у него были яркие воспоминания о мягкой коже. О настойчивости. О теплоте тела.

«Ана?» позвал он. «Ана?»

Они покинули Таули, как только встало солнце, подернутое дымкой и красное, над полями.

Пристойный отдых и шанс постирать одежду и снаряжение под насосом в деревне подняло им настроение. Даже Фейгор выглядел немного лучше, к нему немного вернулся цвет лица.

Мколл установил быстрый темп. Они шли по проселочной дороге, пока она не соединилась с линией между полями, которая скоро соединилась с сельской дорогой. Первые два дневных часа они не видели никого, но когда солнце забралось повыше, несколько транспортов проехали по дороге, так что они ушли с нее и срезали путь через поля, напрямую к Лиферингу.

Поля центрального региона были в гораздо лучшем состоянии, чем фермерские угодия вокруг Инейрон Тауна. Огромные зоны полей, некоторые из которых были созданы методичной очисткой от старых изгородей, чтобы соединить меньшие поля вместе, были превращены в индустриальные плантации. Воздух вонял удобрениями, и поля были покрыты толстым слоем розоватых нитратов. Из-под них росли, ряд за рядом, толстые, черные, мясистые стебли, на которых развивались миллионы луковицеобразных розовато-лиловых плодов.

«Это не местные масштабы производства,» сказала Кёрк.

«Как и не местные растение, бьюсь об заклад,» ответил Гаунт. За годы он прочитал множество докладов об огромных плантациях ксено-растений архиврага на захваченных сельскохозяйственных мирах, таких, как Гереон. Высокоустойчивые к болезням и климату, возможно скрещенные для ускорения роста, эти плантации быстро утраивали или учетверяли урожаи, но дорого обходились экосфере планеты. За несколько десятилетий выращивания ксенокультуры планета становилась

бесплодной, верхний слой почвы лишался всей органики. Он задумался, имела ли Кёрк хоть какое-нибудь представление о том, что эти плантации будут значить для будущего ее мира.

«Если у тебя когда-нибудь появится шанс,» сказал он, «порекомендуй сопротивлению нацелиться на эти плантации. Ты не захочешь их здесь, даже больше, чем не хочешь архиврага.» Она странно посмотрела на него. Если подумать, у нее все утро было странный взгляд. Гаунт уже был готов спросить ее об этом, когда Бонин просигналил предупреждение и все нашли укрытие в густой живой изгороди, которая шла по всей длине плантации. По полю приближалась машина. Она была немного похожа на стелк-танк, центральные секции корпуса двигались на восьми паучьих конечностях. Но эти конечности были более двадцати метров в длину, так что машина возвышалась над землей, как будто на ходулях. Машина широко расставила ноги над рядами плантации, по пачке ног на каждой стороне линии насаждений, так что ее корпус висел над растениями. Пока она шла, она выпускала ядовитые облака пестицидов из труб внизу брюха.

Призраки ускользнули через изгородь, вдоль тихой дороги, и вместо этого пересекли следующую плантацию.

Они проделали путь, по меньшей мере, в десять километров по плантациям. Гаунт задумался, сколько же тысяч квадратных километров центрального региона было заражено чуждыми культурами. Команда сторонилась других опрыскивателей на ходулях, и того, что издали казалось работающими механическими сборщиками урожая.

Лиферинг был уже менее, чем в получасе. Он был похож на большое старое поселение с величественными каменными зданиями. Как только они будут достаточно близко, разведчики проведут быструю разведку и решат, как попасть внутрь.

Дороги уже были совершенно переполнены машинами, в основном транспортом и грузовиками, так что они придерживались живой изгороди, выходя на открытое пространство только по необходимости. Во время последнего привала в молодом лесу таликсовых деревьев, когда солнце было жарким и высоким, Гаунт сел рядом с Керт.

«Как дела?»

«Сегодня? Лучше. Совершенно не чувствую себя переутомленной.»

«Думаю, что я тоже,» сказал Гаунт. Он отпил воды из фляги. «Ты ушла.»

«Куда я ушла?» спросила она.

«Ты ушла. Этим утром.»

«О чем фес тебя ты говоришь?» спросила она. «Ты что опять был на солнце без шапочки?»

«Не бери в голову,» сказал Гаунт. Он решил, что нет смысла напирать, когда Керт была настолько уязвима и предрасположена к переменам настроения. Он поднялся на ноги.

«Идем,» позвал он. «Давайте сделаем это.»

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Трое экскувиров брели по двору, длинные стволы их наклоненных лонг-лазов покачивались.

Они обменялись несколькими словами, затем повернулись прямо к воротам арки и исчезли на украшенной флагами улице, идущей в сторону коммерции.

Бонин подождал, пока они не ушли, затем выскользнул из теней, перебежал через двор и пригнулся за высокой кипой пачек с бумагой. Некоторые бумажки торчали наружу, и Бонин вытащил одну и прочитал. Это была грубо отпечатанная брошюра, поощряющая «граждан Посредничества» стать новообращенными и обратиться в верующих. Бонин затолкал ее туда, где нашел.

В Лиферинге наступил ранний вечер, и на улице начало мерцать освещение, хотя сами улицы все еще были достаточно загруженными. Еще час, и прозвучит сигнал о начале комендантского часа, приказывающий дневным разрешенным разойтись по

домам. С выгодной позиции за сложенными брошюрами с пропагандой, у Бонина был хороший обзор на заднюю часть двора. Большое оуслитовое здание слева от него использовалось, как полицейский участок Оккупационных войск. Перед ним была большая активность солдат, а на главной дороге стояла линия припаркованных полугусеничников.

Этот маленький двор, окруженный высокой каменной стеной, располагался позади здания.

Здесь было несколько небольших пристроек, крыша одной из которых была уставлена вокс-мачтами и антеннами.

Никого в поле видимости. А так же никаких мерзких сюрпризов в виде глюфов. Чтобы проникнуть в город им пришлось миновать виселицы проволочных волков на окраинах города, и, по меньшей мере, один раз они видели мерцание глюфа позади ближайшего ряда зданий. Его вид заставил Фейгора трястись.

Но в этом маленьком дворе было достаточно пусто.

Бонин подал сигнал.

Мколл и Мквеннер залезли на стену, прыгнули и прошли к дальней стороне двора к Бонину. Все трое вытащили свои автоматические пистолеты с глушителями.

Пока Бонин прикрывал двор, водя оружием из стороны в сторону, Мколл и Мквеннер подошли к пристройке с забитой мачтами крыше. Мквеннер прикрывал Мколла, пока он, пригнувшись, заходил внутрь.

Тридцать пять секунд спустя он вышел и сказал, что все чисто.

Бонин кивнул и включил свою микро-бусину.

«Серебро,» сказал он.

Внезапно дверь, выходящая во двор сзади основного здания, открылась. Мколл с Мквеннером скользнули в дверной проем пристройки, а Бонин бросился в тени вдоль внешней стены. Вышел сирдар в униформе, сопровождаемый младшим офицером и четырьмя экскувиторами, и начал идти по двору.

«Брагг! Брагг!» зашипел Бонин.

В тенях аллеи на дальней стороне дворовой стены Гаунт внимательно вслушивался в свой наушник.

«Бонин? Брагг или серебро? Что из этого?»

Длинная пауза.

«Бонин?»

«Брагг,» пришел шепот.

Роун и Белтайн были готовы перелезть через стену.

«Стойте,» сказал Гаунт. «Не чисто.»

«Я слышал Бо сказал 'серебро',» сказал Роун.

«Ну, он изменил свое мнение,» сказал Гаунт.

«Я все равно иду,» сказал Роун, делая жест Варлу, чтобы он сложил руки и подсадил его. «Иначе мы проторчим тут всю ночь.»

«Ты что не можешь контролировать своих людей?» прошипела Кёрк.

«До сих пор этому не было никаких доказательств,» ответил Гаунт.

«Серебро. Серебро!» позвал Бонин.

«Ясно, вперед,» сказал Гаунт.

Сирдар и его эскорт ушли через ворота. Бонин просигналил снова, и Роун с Белтайном появились на стене и соскользнули во двор. Они побежали к Бонину, который показал им на пристройку, где Мквеннер ждал в дверях.

Пристройка была вокс-офисом полицейского участка. Внутри, в тусклой комнате, подсвеченной желтоватыми светосферами, стоял большой, непереносной вокс-передатчик. Пучки кабелей проросли через крышу, чтобы связать передатчик с антеннами. Это была часть главной коммуникационной сети Оккупационных сил, настроенная на главные командные каналы архиврага и для передачи данных.

Наиболее важным было то, что станция была снабжена шифровальным модулем, который дешифровал секретные сетевые коды. Два оператора составляли персонал пристройки. Мколл оставил их тела в углу комнаты.

Белтайн поспешил внутрь, и снял свой вокс-передатчик с плеча. Он снял чехол и открыл крышку кабельного порта.

«Так быстро, как можешь,» подгонял Роун.

«Не мешай мне, когда я работаю,» ответил Белтайн не поднимая взгляд. Он открыл сумку с инструментами и вынул соединительный кабель. Затем он вернул внимание к вражеской машине.

«Сонограф 160. Очень, очень старый, и, несомненно, модифицированный. Я уже очень давно не имел с такими дело.»

«Давай просвети меня, почему,» проворчал Роун. Он бросил взгляд на внешнюю дверь, где Бонин и Мквеннер стояли на страже.

Белтайн для проверки дернул несколько переключателей на большом передатчике и изучил показания длины волны.

Затем он воспользовался отверткой для часов, чтобы убрать винты, держащие контрольную пластину.

Пластина отошла, обнажив кольца проводов и маленькие встроенные шунты. Используя маленькие плоскогубцы и вольтметр из снаряжения, Белтайн протестировал и затем поменял несколько проводов и вытащил один из шунтов. Затем он прикрепил один конец соединительного кабеля к своему аппарату, а другой к гнезду выхода на передатчике.

«Поторопись,» сказал Роун. Он начинал нервничать. Пучок проводов, которые обнажил Белтайн, с точностью формировали форму стигмат. Он посмотрел на что-то еще.

Белтайн включил питание своего аппарата, сделал подстройки, затем вернулся к большой машине. Он неуверенно нажал несколько кнопок на основной консоли и,

когда шкалы замерцали янтарным и задрожали стрелки, начал просматривать столбцы данных, появившиеся на дрожащем графике на маленьком экране.

«Нашел,» сказал Белтайн. «Ага. Я нашел. Журнал передач. Сколько надо?»

«Сколько есть?» спросил Роун.

Белтайн, всматриваясь, промотал немного дальше. «Ммм.... по крайней мере, за восемь месяцев. Мне потребуется время, чтобы забрать все.»

«И сколько времени это займет?»

Белтайн пожал плечами. «Может быть, пять-десять минут на неделю.»

«Фес!» сказал Роун.

«Забирай последнюю неделю,» сказал Мколл. «Для большего у нас нет времени. Давайте просто молиться, что будет что-нибудь стоящее.»

Белтайн посмотрел на Роуна.

«Делай, как он говорит,» согласился Роун. Белтайн настроил устройство, нажал кнопки активации на основном передатчике и на своем портативном, и информация начала стекаться по коннектору в буфер записи.

«Тихо!» позвал из двери Мквеннер.

Снаружи, двое солдат Оккупационных войск забрели во двор и шатались без дела, покуривая сигареты с лхо. Они были заняты праздной беседой.

«Ну же,» прошептал Бонин. «Покурите и свалите.»

Белтайн поднялся и медленно подошел к своему аппарату, изучая маленький дисплей.

«Что-то неправильно,» прошептал он.

Роун почувствовал, как у него похолодело сердце. «Что ты имеешь в виду?»

Белтайн перезапустил свой вокс и поспешил назад к главному передатчику, чтобы сделать то же самое.

«Данные передались, но они зашифрованы. Мне нужно начать сначала. То, что я скачал – бесполезно.»

«Фес это!» прошипел Роун.

Солдаты во дворе все еще курили и болтали.

«Думай, думай...» сказал себе Белтайн. Он нашел шифровальный модуль и изучил его. «Почему ты не работаешь? Почему фес тебя ты не работаешь?»

Он повернулся к Роуну и Мколлу. «Тут защитная блокировка. Модулю нужен ключ, чтобы заработать.»

«Код?»

«Нет, физический ключ. Вставляется сюда.»

Мколл пошел к телам операторов. Он обыскал их карманы и, в конце концов, нашел маленький стальной ключ на тонкой цепочке на шее одного трупа.

«Этот?»

Белтайн попробовал. Когда ключ повернулся, шифровальный модуль начал гудеть. Ожили два огонька монитора.

«Мы снова в деле,» сказал он и начал передачу снова.

Бонин был почти уверен, что двое солдат уже собирались уходить. В это время дверь во двор снова открылась, и выбежал младший офицер в униформе с листом бумаги в руке. Он направлялся к пристройке. Посыльный, несущий срочное сообщение для отправки операторами.

«Кто-то приближается,» сказал Мквеннер.

«Сюда?» спросил Роун.

«Прямо сюда,» ответил Бонин.

Мколл подошел к двери. «Пусть зайдет,» сказал он. «Пусть зайдет, и тогда уберем его. Бесшумно.»

Посыльный подошел к двери пристройки. Затем он сделал то, чего они не ожидали. Он постучал.

Призраки беспомощно смотрели друг на друга.

Посыльный снова постучал. Ожидая у двери, от нетерпения подпрыгивая на пальцах ног, посыльный повернулся и ухмыльнулся двум солдатам. Один из них выкрикнул что-то. Посыльный ответил и рассмеялся.

Потом он снова постучал.

«Вой сан, магир?» позвал он.

Все смотрели на Роуна. «Я не знаю!» с возмущением задвигался его рот. Как же, фес, сказать 'Войдите'? Все, о чем мог думать Роун, что Кёрк бы знала.

В отчаянии он выкрикнул несколько выдуманных звуков, преднамеренно сжав их до неразборчивого рявканья.

Это сработало. Посыльный открыл дверь и вошел внутрь. Его улыбка растаяла. Он увидел троих вражеских волдат в запачканных черных одеждах, собравшихся вокруг основного передатчика. Он не видел остальных двоих, которые были за дверью позади него. Бонин закрыл дверь. Левая рука Мквеннера закрыла рот посыльному до того, как он смог произнести хоть слово, а его боевой нож ударил. Он крепко держал широко распахнувшего глаза посыльного, пока тот извивался и трясся. Когда дергания закончились, он бесшумно опустил тело на пол с помощью Мколла.

Бонин осторожно приоткрыл дверь, оставив щелку, и присмотрелся. Солдаты уходили.

Мколл посмотрел на посыльного. «Он торопился. Возможно, он ожидал быстрый ответ. Я бы поставил деньги на то, что его хватятся минут через пятнадцать.» Роун посмотрел на Белтайна. «Сколько?» спросил он.

Белтайн смотрел на дисплей своего аппарата. «Идет медленно. Может быть еще десять-двенадцать минут.» Эти минуты тянулись мучительно медленно. Бонин и Мквеннер присели у двери. Мколл сидел, идеально неподвижно, в одном из операторских кресел. Роун ходил, стуча пальцами правой руки по костяшкам левой.

Он осознал, что Мколл уставился на него сузившимися глазами. Беспокойство Роуна добралось до невозмутимого, тихого старшего разведчика.

Роун бросил взгляд на Мколла. «Я – майор,» бросил он. «Могу делать то, что мне фесово нравится.»

«Как раз в этом, так часто, кроются наши проблемы,» холодно ответил Мколл. Все обернулись. С возможным исключением в виде Мквеннера, Мколл был наиболее собранным и сдержанным человеком в Призраках. Никто и никогда не слышал от него, чтобы он высказал подобную насмешку.

«Ты что-то сказал?» сказал Роун и сделал шаг вперед. Кресло Мколла со скрипом отодвинулось назад, и он поднялся на ноги. Роун был намного выше Мколла, но их глаза убийственно уставились друг на друга.

«Ты на самом деле хочешь поговорить об этом, мудака?» выдохнул Мколл.

Мквеннер и Бонин уже поднялись, обходя Роуна сбоку. Окруженный тремя наиболее опасными людьми в Танитском Первом, Роун казался совершенно необеспокоенным. Он ни на секунду не отводил глаз от глаз Мколла, и сказал, «Знаешь ли, фесомордый, думаю, что хочу.»

«Ой, ради феса!» крикнул Белтайн, так громко, что все вздрогнули.

«Да что с вами, майор? У вас что план подраться со всеми в отряде до того, как мы закончим миссию?» Все четверо мужчин резко посмотрели на него. Белтайн съежился, поднимая руки. «Или я могу просто заниматься своим делом.»

Его выражение лица заставило Бонина тихо рассмеяться.

Плечи Роуна слегка расслабились. «Парень прав. Ради феса,» проворчал он. «Что я творю?»

Мколл тоже отступил назад, уставившись в пол, прижимая пальцы к вискам. «Святой Трон,» сказал он.

«Это был я, так ведь? Это был я.» Он поднял взгляд на Роуна. «Простите, сэр,» сказал он. «Я не знаю, откуда это появилось.»

Роун кусал губу и грустно качал головой. «Это со всеми нами,» сказал он. «Это со всеми нами.»

«Передача завершена,» позвал Белтайн. Он начал отсоединять оборудование и собирать снаряжение.

«Идем,» сказал Роун.

«Прочитирую своего друга – оператора вокса,» сказал Бонин. «Что-то не правильно.» Грузовик, выкрашенный в коричневый цвет Оккупационных войск, заехал во двор, пока они по-идиотски набрасывались друг на друга. Четыре человека спрыгнули с него и, под наблюдением пятого, тучного старого человека в форме сирдара, загружали пачки с пропагандистскими брошюрами.

«Этого еще нам не хватало,» заметил Бонин.

Роун взглянул. «Император поцелуй мой зад,» вздохнул он. «Им потребуется целая вечность, чтобы загрузить это дерьмо. Мы тут застряли, пока они не закончат.»

«Или пока кто-нибудь не придет в поисках посыльного,» сказал Мколл.

«Или пока мы не выйдем и не убьем их,» предложил Белтайн. «Не я, ясное дело. Вы, парни – превосходные, крепкие типы, которые делают такие штуки.»

«Последнее, что нам сейчас нужно, это драка, которая может усугубиться,» сказал Мколл.

Сумерки уже превращались в ночь. Прозвучал сигнал комендантского часа, и улицы пустели. Отряд Мколла уже слишком долго отсутствовал.

Гаунт увел остальных с аллеи, где они были слишком на виду, и они спрятались в задней комнате покинутого ателье несколькими дверями далее. Ларкин прикрывал фронт, Варл заднюю часть, а Крийд наблюдала за боковой дверью. Гаунт ждал с Кёрк, Ландерсоном, Фейгором, Керт и Бростином в комнате, наполненной безголовыми манекенами, пыльными образцами тканей и смятыми бумажными шаблонами. Эзра ап Нихт притаился в углу, медленно листая тяжелый каталог, его серые пальцы проводили с интересом по картинкам красивых джентельменов и леди, позирующих в одеждах последнего сезона.

«Что ты имел в виду, сказав, что я ушла?» внезапно сказала Керт.

«Не сейчас, Ана,» сказал Гаунт.

«Нет. Что ты имел в виду?»

Гаунт быстро встал и ушел. Он прошел в заднюю комнату. «Что-нибудь?» позвал он Крийд.

Она покачала головой.

«Черт возьми,» сказал он и повернулся. Кёрк вышла за ним. Она встала в дверном проеме.

«Что такое?» спросил он.

«Твоя женщина не уходила,» тихо сказала она.

«Что?»

«Я ушла, Ибрам.»

Гаунт уставился на нее. Он был готов ответить, когда пропищала его микро-бусина. Роуну было сказано использовать связь только в крайнем случае.

«Первый?»

«Это второй. Мы нашли, что нужно. Но мы застряли в пристройке. Несколько идиотов загружают грузовик во дворе.»

«Можете разобраться, второй?»

«Я бы на это сказал 'Брагг', сэр. Мы бы могли их убрать, но все может быстро усложниться. Тем не менее, сидеть тут еще дольше мы тоже не хотим.»

«Понял. Ждите. Когда услышишь 'серебро', выбирайтесь на аллею. Отключаюсь.»

«Проблема?» спросила Кёрк. Она потянулась рукой и положила ее на грудь Гаунту. Он отвел ее в сторону.

«Не сейчас, Саббатина. Мы об этом позже поговорим.»

«О чем поговорим?» спросила она.

«Прекрати.» Гаунт зашел обратно в комнату. «Подъем,» сказал он. «Кажется, настало время для одного из событий, перед которым Майор Кёрк испытывает благоговейный страх.»

«Планетарное вторжение?» с сарказмом усмехнулась она.

«Диверсия,» ответил он.

«Ради Трона!» прорычала она, ее нижняя челюсть нагло выдвинулась вперед. «Отлично, если только это не связано с вашим пироманьком.»

«Часть вторая плохих новостей,» сказал Гаунт. «Бростин, твой выход. Эта фесова горелка еще работает?»

«Поглядим, сэр,» ответил Бростин, надевая сбрую массивного оружия на свое широкое плечо.

«Варл?» позвал Гаунт.

Варл быстро отреагировал, вбегая назад в комнату с готовым лазганом.

«Я пойду с Бростином с главного входа. Собери команду, выбирайтесь на аллею и ждите группу Роуна. Кёрк?»

«Да, Ибрам?»

Он проигнорировал ее фамильярность. «Следующий пункт касается тебя и Мистера Ландерсона. Ячейка Лиферинга. Как мы найдем их?»

«Что-то могло измениться, но здесь использовалась точка контакта в Храме Беати, недалеко к западу отсюда,» ответила Кёрк.

Храм Беати, улыбнулся Гаунт. Как совершенно уместно. «Хорошо,» сказал он.

«Поговори с Варлом, объясни, как туда добраться. Я хочу, чтобы вы оба были готовы вести отряд сразу же, как мы вернемся к вам. Если услышите кодовое слово... эм... 'Саббат', пусть будет 'Саббат'... если услышите это, идите без нас. Без вопросов. Варл, с того момента ты будешь старшим офицером, командующим миссией.»

«Да, сэр.»

«Прекрати улыбаться, Варл,» сказал Гаунт. «Если дела пойдут плохо, то это будешь ты.»

«Император защищает,» сентиментально сказал Варл. «А так же гадит на нас с очень большой высоты.» Гаунт вышел с Бростином из передней двери ателье на пустую улицу. Уличное освещение было плохим в этой районе, хотя фонари горели за углом, заливая светом бульвар, к которому стоял фасадом полицейский участок. Они могли слышать движение машин и, где-то, стук гонга.

Это было хорошо. Были несколько звуков, которые Гаунт не хотел слышать, а самыми главными из них – завывания проволочных волков. Он больше никогда не хотел слышать этот специфический шум.

«Какой план?» прошептал Бростин.

Гаунт собирался ответить, когда позади них появилась фигура. Он развернулся, целясь из автопистолета.

Это был Эзра.

«Иди назад!» прошипел Гаунт. «Иди с остальными.»

Лунатик нахмурился, не понимая. Очевидно, его связь была с Гаунтом, а не с отрядом в целом. Эзра ап Нихт принадлежал Гаунту, и поэтому Эзра ап Нихт будет идти туда, куда пойдет Гаунт.

«Пряети, соуле... ух...» начал Гаунт. «Ай, да фес это. Идем. Аверси веролл!» Эзра кивнул. Гаунт не удосужился сказать «и будь тих». Партизан казался неспособным быть кем-то еще.

Троица поспешила по улице. Когда они проходили открытые дворовые ворота, они посмотрели туда и увидели солдат, загружающих грузовик при свете фар машины.

Гаунт взмахом позвал Бростина и Эзру дальше, и они помчались через открытую территорию к главному бульвару.

«Этот,» сказал Гаунт, указывая на заброшенный магазин, который стоял напротив полицейского участка.

«Что этот?» спросил Бростин.

«Я хочу, чтобы ты спалил его, Бростин.»

Широкая улыбка появилась на лице Бростина. «Сэр, это самая приятная вещь, какую мне кто-либо когда-либо говорил.» Они подошли к двери магазина и Гаунт выбил дверь. Это был магазин тканей – несомненно, это был галантерейный квартал города.

«Пойдет?» спросил он.

«Идеально,» ответил Бростин. «Множество источников возгорания, много фитиля.»

«Фитиля?»

«Это жаргон поджигателя. Не беспокойтесь. Просто будьте готовы уходить, когда я скажу.»

Гаунт схватил Эзру за руку и подтолкнул назад к дверному проему. Бростин обошел переднюю часть магазина, трогая тюки с одеждой и пыльными рулонами материалов, как будто оценивая их стоимость. Он остановился на плотной бархатной материи.

«Приступим,» сказал он.

Он покачал спусковой крючок огнемета, чтобы жидкий прометиум вылился из дула и полил топливом на тюк, и на остальные рядом с ним. Почти элегантно он разлил пятна топлива на другие свертки, и провел топливом дорожки на стенах магазина.

Затем он вернулся к двери, оставив дорожку жидкого топлива на полу за собой. Он повесил огнемет на спину, вытащил спичечную коробку и присел.

«Ты не воспользуешься огнеметом?» спросил позади него Гаунт.

«Выстрел из огнемета превратит это место в печь. Я думал, что вы хотите, чтобы все выглядело, как несчастный случай.»

Гаунт кивнул.

«Скажите привет Мистеру Желтому,» прошептал Бростин и зажег спичку. Она зашипели меж его пальцев. «И приготовьтесь бежать, как в аду.»

Бростин резко подал вперед свою волосатую, татуированную руку, не так сильно, чтобы это могло потушить спичку, но достаточно сильно, чтобы отправить ее в полет. Она приземлилась на дорожку из прометиума на полу магазина. И мгновенно занялась.

Потрескивая, пламя устремилось вперед по топливу к тюкам с пропитанным материалом.

«Я бы хотел остаться и посмотреть,» пробормотал Бростин. «Но нам нужно уходить. Бег поможет.» Они побежали назад по улице к входу в аллею позади двора. Позади них послышался сосущий звук, а затем раздался сильный взрыв, который выбил стекла в магазине. Огненный вихрь охватил первый этаж магазина и ворвался в ночной воздух сквозь разбитые окна.

Гаунт, Бростин и Эзра скользнули в укрытие позади стены. Они уже слышали крики сквозь треск яростного огня. Фигуры выбегали из двора, выкрикивая тревогу. Двое, трое, пятеро. Тучный сирдар был последним.

«Серебро,» воксировал Гаунт.

Начали звенеть пожарные колокола. Бростин стоял у края стены и смотрел, как разрушительный пожар пожирает фасад старого магазина.

«Разве это не прекрасно,» выдохнул он.

«Ты будешь шевелиться, фес тебя?» рявкнул Гаунт.

Перегруппировавшись, отряд побежал через темную аллею, оставляя яростный огонь позади. Уже звенело больше пожарных колоколов, а свет залил ночное небо.

«Вы нашли?» спросил Гаунт Роуна.

«Мы нашли. Но позади осталось три тела, которые поднимут несколько вопросов.»

«Ясно. Кёрк? Где этот храм?»

«Туда!» позвала она.

Они пересекли еще две боковые улицы, и затем пробежали по пустому бульвару двадцать метров.

Внезапно Кёрк и Варл направили их в укрытие. Они укрылись в тенях, пульс бешено скакал.

Едва видимый, глюф плыл мимо в конце дороги, его непотребный свет отражался от полированных каменных плит. Керт пришлось зажать руками рот Фейгору, чтобы он не закричал.

Глюф исчез. Они снова пошли, шаги стучали по твердому булыжнику.

«Вот дерьмо!» сказал Варл.

Пять экскувиторов внезапно появились в конце улицы. Они заморгали при виде толпы фигур перед собой, и начали поднимать свои лаз-локи.

«В укрытие!» крикнул Гаунт. Все разбежались влево и вправо.

Все, кроме Эзры ап Нихта. Он уже видел таких тварей прежде. Он поднял свой рейн-боу и вонзил железную стрелу в лоб первой фигуре. Экскувитор отлетел назад и упал. Эзра перезарядился. Железная стрела издала звонкий звук, когда упала в ствол арбалета, притянута на место мощными магнитами. Он снова выстрелил.

Второй экскувитор упал, молотя руками. Раздался сильный грохот, когда он упал на камни, а его лаз-лок треснул под его весом.

Невозмутимо, партизан снова перезарядился. *Шши-дыщ.*

Оставшиеся экскувиторы открыли огонь. Их оружие затрещало, и обжигающие болты лаз-локов пролетели рядом с высокой серой фигурой. Она даже не вздрогнула.

Крийд и Варл, пользуясь лучшим укрытием на стороне улицы, высунулись и открыли огонь из автопистолетов. Прерывистые, приглушенные выстрелы свалили еще двоих экскувиторов на спины.

Последний экскувитор начал убегать. Эзра сделал пару шагов вперед, прицелился и выстрелил.

Это был дальний выстрел. Экскувитор почти исчез за углом улицы. Отравленная стрела вонзилась ему в заднюю часть бритого черепа и бросила его на лицо с треском ломающейся кости.

«Храм?» подгонял Гаунт Кёрк.

«Вон там,» сказала она.

В храме было пусто и тихо. Это было самое печальное место из тех, какие Гаунт видел на Гереоне. Трудовые отряды из местного Айконоклава превратили в мусор иконы и разбили вдребезги скульптуры. Фрески были испорчены похабщиной.

С пушками наготове, отряд крался внутрь в тених. Тела в лохмотьях, давно разложившиеся, лежали на мраморном полу внутренней усыпальницы, где их убили месяцы назад. Женщины и дети, просившие убежища у Святой. Гаунт закрыл глаза.

Именно это они и делали сейчас.

Он прошел к разрушенному алтарю и встал на колени. Лицо Беати было едва видимо сквозь грязные надписи, которые намалевали солдаты Оккупационных войск.

«Пожалуйста,» прошептал Гаунт, обращаясь к испорченному лицу. «Пожалуйста.»

«Она не слушает,» резко сказала Кёрк и прошла мимо него. «Здесь только я.» Кёрк взяла потертый золотой канделябр и повернула его так, чтобы он указывал на север.

«Теперь мы спрячемся и будем ждать,» сказала она.

Храмовый жрец пришел сразу после полуночи, чтобы совершить свое тайное, неразрешенное служение. Когда он увидел канделябр, то сотворил знак аквилы и быстро ретировался.

Через час он вернулся.

«Привет?» позвал он. Он был старым и горбатым, а его голос тоненьким. «Привет? Здесь есть кто-нибудь?» Гаунт поднялся на ноги и выскользнул из теней.

«Привет,» сказал он.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

«Это неприемлемо,» сказал Полковник Нот. «Абсолютно неприемлемо.»

«Ну, я уверен, что вы сходите с этим куда-нибудь,» ответил Гаунт. «Но я хочу, чтобы вы смотались туда быстро.»

Они были на цокольном этаже муниципального магазина на северо-западе Лиферинга. Местная ячейка, человек в пятьдесят и удивительно хорошо вооруженная, отвела их из храма в укрытие. Отряд вокруг отдыхал, спал или ел суп, который был приготовлен на потрескивающем огне в бочках на цокольном этаже.

Максель Нот был низким, хорошо сложенным человеком в свои поздние сорок. У него были мокрые и длинные черные волосы, завязанные в хвост.

«Вы пришли сюда с этой невероятной историей. Невероятной. И вы имеете дерзость просить меня поверить вам?»

«Может быть вы хотите поговорить с Майором Кёрк,» предложил Гаунт. «Она тоже из сопротивления.»

«Так она сказала. Из Инейрон Тауна. Но общеизвестно, что ячейка Инейрона была обнаружена и уничтожена с неделю назад. Вы можете быть кем угодно. Вы можете быть хорошо информированными доносчиками.»

«Нот,» устало сказал Гаунт. «Мне нужна ваша помощь. Я здесь, чтобы сделать работу для Императора. Мне нужны друзья.»

«Чтобы сделать что?» напрямик спросил лидер ячейки. «Вы заявили, что вы Гвардия. Вы здесь, чтобы освободить мой мир?»

«Только не снова...» вздохнул Гаунт.

Подошел Ландерсон. «Полковник Нот? Я думаю, что мы должны пояснить. У полковника-комиссара и его отряда здесь задание высочайшего приоритета.»

«Например?» спросил Нот.

«Я без понятия. Мне не сказали. Но я доверяю ему, сэр. Баллерат лично приказал мне провести его и его команду.»

«Баллерат, да? Хороший человек.»

«Он мертв, сэр,» сказал Ландерсон.

«Он? Мертв?»

«Погиб, помогая людям Гаунта, и это должно вам кое-что сказать о важности, которую он придавал им.»

Нот пожал плечами. «Не в этом дело. Здесь, в Лиферинге, мы как на наковальне. Не нужно ожидать, что мы --»

«Император ожидает, сэр,» сказал Гаунт.

Нот бросил на него взгляд. «Поймите вот что, сэр. Мы были вовлечены в тайные бои эти последние месяцы. Мы пользовались нашей анонимностью, чтобы нацелиться на склады зерна, дорожные развязки и электростанции. Ничто из того, что мы делали, не было... вульгарным или видимым. Вульгарность и видимость ведут к обнаружению и смерти. А сегодня ночью вы завалились в Лиферинг, ввязались в перестрелку, убили офицеров Оккупационных сил, по вашему же признанию. Это чудо, что волки все еще спят. Трон, сэр! Вы раскроете нас всех.»

«Может он так и сделает,» сказала Кёрк, садясь рядом с Гаунтом. «Полковник, это тяжело слышать... поверьте мне, я знаю... но вы должны понять, что полковник-комиссар здесь по причине, куда большей, чем вы или я. Гораздо большей, чем эта ячейка. Гораздо большей, чем Гереон. Волей Императора, мы все можем умереть, и это все еще будет стоить того, если Гаунт преуспеет. Пожалуйста, отнеситесь к этому серьезно. Это ради Империи, и если ради этого сгорит Гереон, пусть будет так.» Нот нахмурился. «Я ко всему отношусь серьезно с тех пор, как архивраг заявился на мою планету. Все вертится вокруг жизни и смерти. Не читайте мне нотаций об ответственности.» Он посмотрел на Гаунта. «Что вам нужно от меня?» спросил он.

«Кое-какие припасы. Рационы, перевязки, патроны, гранаты, если они у вас есть. Для начала, я понимаю, что ваши ресурсы ограничены. Ну и потом, перемещение. У вас должны быть скрытые пути для перемещения личного состава с места на место.»

«Перемещение куда?» спросил Нот.

«Я надеюсь, что смогу сказать вам это в ближайшее время,» ответил Гаунт.

«Что-то еще?» спросил Нот.

«Возможно, он еще попросит вас о диверсии,» ехидно сказала Кёрк. «Он их очень любит.»

«Это вполне вероятно,» сказал Гаунт.

Неподалеку Мколл сидел около одной из горящих бочек, осторожно опуская силовые ячейки лазганов оряда в огонь. У каждого члена команды оставалось мало энергетических боеприпасов, и хотя ячейки было достаточно просто перезарядить, местная энергосеть была еще меньше, чем заслуживающая доверия. Обнажить термальный рецептор ячейки, чтобы нагреть его в огне было радикальным, но эффективным методом перезарядки. Тем не менее, это сильно сокращало жизнь блоков питания. Мколл смирился с этим. Он чувствовал, что продолжительность их жизни уменьшилась до дней, если не до часов.

Подошел Мквеннер с последними несколькими батареями, которые он собрал у Крийд и Варла. Он помог Мколлу опустить их в огонь.

«Этого не должно было случиться,» сказал Мколл.

«Чего?»

«Того абсурда с Роуном. Я не могу поверить, что сделал это. В тот момент я был не я, понимаешь, Вен? Совсем не я.»

«Керт говорит, что мы все должны ожидать этого. Мы были обнажены этому миру достаточно долго, и его отравы напитала нас. Она говорит, что наши личности изменятся. Наше настроение поменяется. Ты видел это.»

Мколл вздохнул. «Да. Я просто до сих пор думал, что избежал этого прикосновения.» Он посмотрел на свои руки, когда забрасывал последнюю батарею в огонь. Как и всех них, его кожу покрывала сыпь, и его ногти стали покрываться крапинками. «Из этого мы не выберемся, Вен. Наши тела распадаются, и мы теряем разум.»

«Но с другой стороны...» сказал Мквеннер.

Мколл улыбнулся. *Эта сила духа Налшинов...*

«Я не думаю, что это разрушит нас,» после долгой паузы, задумчиво сказал Мквеннер.

«Да?» спросил Мколл.

«Хаос. Нас очень часто предупреждали, что зараза Губительных Сил разрушает человека, как болезнь. Но разве это ощущается так?»

«О чем это ты говоришь, Вен? Я чувствую себя больным до самых костей.»

«Это изменяет нас,» сказал Мквеннер. «Вот как это работает. Вот, почему это так... опасно. Посмотри на Роуна.»

«А мне нужно?»

«Роун никогда никому не доверял. Теперь зараза добралась до него, и вытащила эту его часть на передний план. Преувеличила ее. Он теперь параноик. Ты можешь это видеть. Чрезвычайно нервный. И Доктор Керт. Она всегда была твердой, но она так же всегда держала свое негодование от цены войны внутри себя, и таким образом могла сконцентрироваться на спасении жизней. Хаос вытащил всю эту потаенную злость наружу, как внезапное наводнение. Так же с Белтайном. У парня всегда была дерзкая жилка, которую он пытался контролировать. Сейчас он огрызается и острит. И ты...»

«Я?» ответил Мколл.

«Ты, наконец-то, сказал Роуну все, что хотел. Хаос не уничтожает нас, он находит вещи, которые всегда были внутри нас, и вытаскивает их наружу. Сварливость, пороки, худшее в нас. Вот почему именно этого по-настоящему должно бояться человечество. Хаос выявляет худшее в нас, а худшее уже там.»

«Возможно, ты прав,» сказал Мколл.

«Возможно,» согласился Мквеннер. «Или может быть эта идея появилась, потому что Хаос вынул худшее из меня.»

На другой стороне цокольного этажа Белтайн возился со своим воксом. Ларкин сел рядом с ним.

«Как продвигается?» спросил он.

«Медленно. Здесь слишком многое надо просмотреть. Это убивает мои глаза.» Белтайн прокручивал лог передачи, который скопировал с передатчика архиврага. Экранчик передатчика был маленьким, и он напрягался, чтобы разглядеть данные. «Данные расшифрованы, но мне все равно приходится прогонять их через переводчик передатчика, а ты бы знал, как это безнадежно. В нем только элементарные формы языка врага. Загруженные слова приходят в виде *не найдено*.»

«Сколько ты раздобыл?» спросил Ларкин.

«Всего лишь последнюю неделю, но и в этом тысячи вариантов расшифровок. Я собираюсь начать с первых записей данных врага. Это кажется самым лучшим местом, с чего начать.»

«Нужна помощь?» спросил Ларкин.

Белтайн бросил на него взгляд.

«Самый острый глаз в Призраках это я,» ухмыльнулся Ларкин. «Пойди, поешь того отвратительного супа, и позволь мне поработать.»

Гаунт спал уже около трех часов. Сначала сон был без сновидений, потом картинки начали появляться. Он видел лед и снег, которые могли быть Хагией, Храмовым миром. Серебряный волк бежал по снежным полям, не оставляя следов за собой. Он добежал до одинокой черной изгороди и посмотрел назад. У волка были глаза Роуна.

Откуда-то слышался крик. Отдаленный, но четкий. Мужской голос, кричал и кричал от достойной сожаления боли. Он знал этот голос. Кто это был?

Волк испарился. По причинам логики сна открылась дверь в центре деревьев и из нее вышла фигура. Это была Беати, но, так же, это была и Кёрк. Стигмата на ее щеке была аквиллой.

Ее рот двигался, когда она говорила, но звуки были рассинхронизированы с ее губами.

Она сказала, «Под кожей. Что важно – внутри.»

Затем она вошла обратно в дверь, как картинка, прокрученная в обратном направлении, и дверь закрылась.

Это случилось, когда крик начал становиться громче, пока не осталось никакого снега, никакого льда, ни двери, ни деревьев, и, вообще, никакого сна. Только крик.

Затем его разбудил Белтайн, что отлично подошло Гаунту.

Он зевал и потягивался. Ларкин был рядом с Белтайном.

«Ну, так?»

«Думаю, что мы нашли,» сказал Белтайн. «Ларкин обнаружил.»

«И?»

«Это было на главном командном канале. Несколько передач вчера и позавчера. Активность в Бастионе Летрики. Самое большое, что я смог понять, множество старших ординалов собираются там. Что-то типа встречи с высоким уровнем безопасности.»

«Ясно,» сказал Гаунт. «Но бастион – это одна из главных крепостей на Гереоне. Собрание старших ординалов может быть не столь необычным событием.»

Белтайн кивнул. «Одно их кодовых слов – 'эрешт'» Это означает посылка или пакет. Кого бы не назвали кодовым именем 'эрешт', кажется, он уже в бастионе. Остальные собираются посмотреть на него. Их призвали увидеть его. Сэр, в некоторых ранних данных, собранных прямо перед миссией, кодовое слово 'эрешт' использовалось для нашей цели.»

Гаунт провел руками по щекам и уставился на пол. «Он все еще там?»

«Да, сэр.»

«Святой Трон. Он все еще там.» Гаунт поднял взгляд на Ларкина и Белтайна.

«Отлично сработали, вы оба. Давайте поговорим с Полковником Нотом. И, так же, приведите Кёрк и Мистера Ландерсона. Время рассказать им правду.»

«Наша миссия на Гереоне – найти и ликвидировать одну личность,» сказал Гаунт.

Собравшиеся Призраки сидели или стояли полукругом вокруг Гаунта. Ничего из того, что собирался сказать их лидер, для них не было новостью. Это все было ради Ландерсона, Кёрк, Нота и его четырех старших лейтенантов.

«Одну личность?» спросил Нот. Он засмеялся. «Кто? Наместник? Я не думаю, что еще кто-то достаточно важный стоит таких усилий. Даже Наместник, если подумать. Анарх просто заменит эту жабу другим лордом...» Его голос затих. «Святой Трон, он что, здесь?»

«Кто?»

«Чертов Анарх! Он что на Гереоне?»

«Нет,» ответил Гаунт. «Наша цель – человек по имени Ночес Стурм.»

«Человек?» сказал Ландерсон. После всего его терпения и доверия, он чувствовал себя обманутым.

«Заклученный, вообще-то. Архивраг удерживает его в Бастионе Летрики.» Нот поднялся на ноги. «Я говорил, что все это было ерундой! Вы выжили из ума!»

«Сядьте, полковник,» сказал Гаунт.

«Я не хочу принимать участие --»

«Полковник Нот, у человека, о котором я только что сказал, тоже есть звание. Ночес Стурм – Лорд Милитант Генерал Стурм из Имперской Гвардии.»

Нот заморгал и снова сел. Ландерсон выпустил долгий, свистящий выдох.

«У них есть лорд генерал?» спросил Нот.

«Он у них уже много месяцев. Как вы можете представить, это представляет критической значение для безопасности армий Крестового Похода.»

Непреувеличением будет сказать, что это может изменить ход всей войны здесь, в Мирах Саббат. Лорд генерал знает... ладно, с чего мне начать? Коды Гвардии, шаблоны шифрования, распределение войск, размещение армий, нахождение флота, тактические планы, коммуникационные протоколы, слабости, силу, секреты.»

«Как, черт возьми, они добрались до него?» спросил Ландерсон.

«Случай,» сказал Гаунт. «И, под определенным углом, из-за ошибки, которую сделал я.»

«Что?» ухмыльнулась Кёрк. «Вот поэтому-то ты ввязался в эту кошмарную миссию? Чтобы извиниться за то, что его взяли в плен?»

Гаунт бросил на нее взгляд. «Нет, Кёрк. Я здесь, чтобы извиниться за то, что не убил его, когда у меня был шанс.»

«Я не понимаю,» сказал Нот.

«Стурм – предатель, полковник. Несколько лет назад, он и я отвечали за защиту города-улья на планете Вергхаст. Это была тяжелая победа. В самый темный час, боясь за себя, он попытался покинуть улей, чтобы сбежать. Его действия ослабили оборону и почти стоили нам битвы. Как старший комиссар, я арестовал его за дезертирство и трусость. Он выбрал почетный способ умереть, но затем обернул эту возможность в еще одну попытку сбежать. Я отрезал ему руку и поместил под стражу. Мне нужно было казнить его, прямо там и прямо тогда.»

«А почему не казнил?» спросила Кёрк.

Гаунт помешкал. «После всего, что он сделал, Кёрк, я думаю, что хотел, чтобы он страдал. Я хотел, чтобы он перенес унижение военно-полевого суда, публичного позора. По-простому, осуществить быструю казнь на поле битвы, что я мог легко сделать с моими полномочиями, если быть точным, было бы слишком легко. Кроме того, комиссар во мне видел политическое значение военно-полевого суда.

Публичное бесчестие, суд и казнь лорда генерала послали бы сообщение любому слишком усердному, слишком амбициозному командиру, что новый Магистр Войны не кто-то там, с кем стоит шутить. Стурма перевозили под стражей для суда. Суд был назначен на середину прошлого года, но вмешалась контратака через Группу Хана. К

огромной неудаче, Стурм был на пути для военно-полевого суда, когда его корабль захватила вражеская эскадра. Они быстро поняли, какой ценный трофеем они случайно получили.»

Один из офицеров Нота поднял руку. «Сэр, а разве уже не поздно? Я имею в виду, может Стурм уже раскрыл все свои секреты?»

«Особенно, если они пытались его,» согласился Нот.

«Во время содержания под стражей, Стурму поставила ментальный блок Гильдия Астропатикус. В таких случаях это стандартная практика. Гильдия убрала бы джок на суде, чтобы Стурма могли как следует допросить.»

«Значит, он не может ничего им рассказать?» спросил Ландерсон.

Гаунт пожал плечами. «С готовностью – нет, Мистер Ландерсон. Но у архиврага есть свои могущественные псайкеры. Ментальный блок трудно убрать, но не невозможно. Нет, я боюсь, что единственный путь, чтобы убедиться, что Стурм не откроет своих секретов, это если они умрут вместе с ним.»

«Если это так жизненно важно,» сказал Нот, «зачем посылать только отряд солдат? Почему не привести флот и не сравнять бастион с землей с орбиты?»

«По той же причине, по которой освобождение Гереона все еще не началось, полковник,» сказал Гаунт. «Контратаку все еще отбивают. Флот растянут до предела. И, кроме того, нет никаких гарантий. После бомбардировки мы никогда не сможем быть уверены, что на самом деле добрались до Стурма.»

«Вы знаете, что Бастион Летрики это не то место, в которое вы легко сможете войти?» тихо спросил Нот.

Гаунт кивнул. «Нужно будет скрупулезное планирование и много удачи.»

«Ты уверен, что он там?» спросила Кёрк.

«Уверен настолько, насколько могу. Собранные прямо перед миссией разведданные позитивно идентифицировали бастион, как место, где враг изолировал Стурма. Были все шансы, что его переместили. Но мой вокс-офицер сумел получить доступ и

считать недавние передачи, сделанные на командных каналах архиврага.» Гаунт посмотрел на Белтайна.

Белтайн прочистил горло. «Стурм упоминается врагом кодовым словом 'эрешт', что означает посылка или пакет. Он, определенно, еще там. По факту, кажется, что намечается что-то большое. Большое число старших ординалов собираются в бастионе, чтобы встретиться с ним.»

«Что-то большое?» сказал Нот. «Как... возможно, разрушение ментального блока?» Белтайн пожал плечами. «Не могу сказать, сэр. Большинство передач непереводимы. Но мы знаем, что он там. Некоторые кодовые слова относятся к нему. Эрешт – главное. Они так же используют слово 'фегат', но мое оборудование не может распознать смысл этого слова.» Роун кивнул через комнату. «Может быть, Майор Кёрк сможет сказать нам?» Кёрк бросила взгляд на Роуна. «Не спрашивайте меня о буквальном переводе. Это унижительное слово. Чрезвычайно неприятное. По-простому, оно означает 'предатель'.»

Нот поднялся на ноги. «Посмотрю, какие карты и схемы смогу достать, сэр,» сказал он. «Мы начнем разрабатывать план проникновения. Кёрк, так же, говорила о диверсии. Мне это кажется очень важным. Большая шумиха, чтобы отвлечь внимание врага. Я свяжусь с лидерами других ячеек в регионе ночью. Вместе мы можем собрать шесть сотен бойцов. Будет несложно скоординировать объединенную атаку на бастион, особенно, если я скажу своим приятелям-командирам, что есть шанс уничтожить целую толпу старших ординалов врага за один заход. Это благоприятная возможность для сопротивления, которую нельзя позволить упустить.»

«Полковник,» позвал Гаунт. «Вы же осознаете, что это ложь? Даже с шестьюстами людьми, шансы проникнуть через ворота ничтожны. Вы вряд ли доберетесь до ординалов.»

Нот кивнул. «Я понимаю, что это ложь. Но я же должен что-нибудь сказать командирам, если собираюсь убедить их пожертвовать целыми своими ячейками только для того, чтобы вы проникли внутрь.»

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

«Что это еще за чертов шум?» спросил Стурм. Позади него лексиграфер Хумилити нажал на несколько клавиш.

«Да не печатай это, идиот!» резко бросил Стурм. «Десолэйн?»

Был поздний вечер, но свет снаружи уже померк, как будто собирался шторм.

Слуги со свечками торопились по длинным холлам бастиона, зажигая фонари. Повсюду в крепости была суeta. Транспорты и авиация прибывали весь день, и главные внутренние дворы кишели новоприбывшими отрядами. Стурм наслаждался знанием того, что все это было в его честь. Вся эта суматоха, и близкая официальная церемония. Ради него.

«Десолэйн!»

Телохранитель был на дальнем конце мраморной галереи и разговаривал с сирдарами Охраны Бастиона.

Офицеры были одеты для приема в экстравагантную официальную форму, с золотым орнаментом и серебряными пуговицами. Горжеты отделаны драгоценными камнями, а серебряные шлемы, которые они держали подмышками, были украшены белыми гребнями из перьев.

Услышав голос Стурма, Десолэйн отпустил сирдаров и поспешил к генералу.

«Сэр?»

«Этот чертов ужасный шум, Десолэйн. Что это?»

«Это военный оркестр из Первого Эшелона, сэр, репетирует для ночного приема. Высший Сирдар Брендель настоял на том, чтобы оркестр играл, когда прибудет Наместник.»

«Этот Брендель идиот.»

«Он высший сирдар Оккупационной армии, сэр. И он будет одним из старших сановников, которые будут задавать вам вопросы, когда начнутся официальные интервью.»

«Я расскажу ему то, что он захочет узнать,» фыркнул Стурм. «И я скажу ему, что его марширующий оркестр чертовски непопадает в ногу.»

«Конечно, вы должны сделать так, как посчитаете нужным,» сказал Десолэйн.

Они шли вместе по галерее, лексиграфер хромал за ними. Недавно Хумилити оторвал еще один напечатанный рулон и вручил его слуге, чтобы тот отнес его на хранение. Лексиграфер следовал за Стурмом по бастиону весь день, записывая каждый комментарий генерала. Он уже дважды поменял рулоны бумаги.

Стурм был в великодушном настроении, жадный до бесед, даже хотя и испытывал презрение к миниатюрному слуге. Воспоминания уже возвращались все время: некоторые короткие и обрывочные, другие длинные и запутанные. Стурм с удовольствием подробно рассказывал обо всем лексиграферу, что с ним случалось, чтобы тот записал. Он припомнил события определенных боевых действий, детали униформы полков, с которыми служил, события из детства, характеры людей, которых знал, родословную своей семьи, свой первый успех на поле боя.

Один раз, ранее этим днем, он остановился и заявил, «Жареный филей грокса. С кровью. Это мое любимое блюдо. Я только что вспомнил. Забавно не помнить такого.»

Он рассмеялся. Десолэйн сделал заметку убедиться, что грокс будет в меню на банкете. С кровью.

Телохранителю казалось, что Стурм отчаянно желал занести свои воспоминания на бумагу. Стурм размышлял о «написании полной автобиографии», поскольку работа такого рода была подходящей для человека такой заметности и значимости.

«История должна запомнить меня, Десолэйн. Потому что история примет свою форму из-за меня.»

Десолэйн почтительно кивнул. У телохранителя не было желания мешать настойчивому возвращению памяти Стурма, так как казалось, что он вспоминает все

больше и больше с каждым возвращающимся воспоминанием. Одна мысль наводила на другую, одна идея напоминала Стурму о дюжине других вещей, о которых можно рассказать.

Но, по правде, в этом было отчаяние. Как будто Стурм страстно желал записать все на тот случай, если он все снова забудет. Ментальный блок был, в самом деле, жестокой штукой. Стурм больше никогда не хотел чувствовать себя таким потерянным снова.

На генерале была простая униформа Оккупационных войск, которую нашел Десолэйн, но он уже настоял на «чем-нибудь более достойном» для вечерних формальностей. «Что-нибудь с тесьмой, пожалуйста, Десолэйн. Длинную куртку, пояс. Еще офицерскую фуражку, или это уже слишком?»

«Я все подготавливаю», ответил Десолэйн.

Сейчас, когда дневной свет померк, они вышли из галереи на широкую мраморную площадку, которая возвышалась над двойным проходом парадной лестницы в главном вестибюле бастиона. Горели хрустальные подсвечники, и огромные шелковые знамена украшали стены, на которых были изображены инсигнии различных воинских подразделений, символы Высших Сил, и по центру, знак самого Анарха.

Стурм снова говорил, что-то об официальной церемонии, похожей на эту, на которую его когда-то приглашали.

Хумилити все записывал, делая паузы только для нанесения чернил. Снизу слуги и солдаты сновали туда-сюда по широкому полу зала, толкая тележки с хрустальными бокалами, принося еду, выгруженную с транспортных.

Десолэйну было над чем подумать. Безопасность в бастионе должна была быть идеальной. Кроме самого Стурма, и благородного Наместника, к полуночи должны были прибыть триста восемь старших ординалов и офицеров. Большинство из них имели своих собственных телохранителей, но Десолэйн чувствовал максимальную ответственность за безопасность их всех. После покушения на жизнь Стурма, телохранитель лично пересмотрел каждый аспект охраны. Десолэйн не осмелился передать полномочия кому-либо из сирдаров, и не чувствовал себя настолько расслабленным, чтобы доверить кому-нибудь еще сделать работу хорошо.

«Прибыли еще старшие,» сказал Десолэйн, указывая на огромные двери на другой стороне зала.

«Должен ли я поприветствовать их?» спросил Стурм.

«Нет, вас официально представят на приеме, как только прибудет Наместник,» сказал Десолэйн. «Там. Тот человек – Ординал Офлен. Он эксперт в языковых формах, и захочет задать вам вопросы об Имперским боевых языках. С ним, Ординал Зерет, который специализируется на пропаганде. Он будет расспрашивать вас об Имперском боевом духе, и о тех методах, которые могут быть применены для подрыва доверия и мотивации обыкновенного Имперского Гвардейца. Входящая в двери, это Сирдар Командующая Эрра Фендра Эзебер из Специального Эшелона. Она интересуется тактикой, а так же хитростью и уловками.»

«А это что?» спросил Стурм, указывая на громадную фигуру, одетую в отороченную мехом робу, которая только что вошла в двери, сопровождаемая двумя серебряными сервиторами.

«Ага. Это Питто, агент Адмирала Флотилии Озлока. От него будет много вопросов. О тактике Имперского Флота, уязвимых местах кораблей, возможно даже о расположениях. Прошло много времени с тех пор, как вы были осведомлены в такой информации, но адмирал надеется, что вы сможете указать на безопасные гавани и высокие якоря, которые используют Имперские корабли. Неожиданное нападение на Имперские безопасные гавани сможет нанести значительный ущерб космическим силам Магистра Войны.»

«Я говорил об этом ранее. Так ведь?» Стурм посмотрел вниз на Хумилити, который страстно закивал.

«Ранее сегодня, я вспомнил несколько деталей о скрытых высоких якорях в центральной части Группы Хана. Малявка все записал. Убедись, что соответствующие части моих записей передали вашему любимому адмиралу с моими наилучшими пожеланиями.»

«Возможно, вам стоит немного отдохнуть, сэр,» предложил Десолэйн.

«Я бы попытался, если этот чертов оркестр согласится замолчать.»

Десолэйн слегка поклонился в согласии. «Его высочество Наместник собирается прибыть через три часа, в это время начнется официальная встреча. Я понимаю, что он захочет начать с того, чтобы вы принесли клятву верности Анарху, чье слово заглушает все остальные. После этого, я полагаю, он намеревается даровать вам почетное звание – полагаю сирдара командующего – и наградить вас лентой за заслуги для признания ваших усилий.» Стурм глубокомысленно кивнул. «Разумно. Будет хорошо перед этими командующими укрепить мнение о том, что я значимый человек.»

Десолэйн был удивлен. Стурм не мог скрыть румянец гордости, который залил его лицо. Уважение, восхищение, власть, после всего этого времени вернулись к нему.

«Я приму ванну в вашей комнате, сэр,» сказал Десолэйн, «и пришлю слуг, чтобы они принесли вашу одежду. Я приду за вами за пятнадцать минут до начала официальных церемоний. Теперь, если вы извините меня, сэр.»

Десолэйн снова поклонился и поспешил вниз по лестнице, остановившись, чтобы дать инструкции группе экскувиторов. Затем телохранитель спустился в зал и пошел к гостям, которые прибыли только что.

Маббон Этогор был одет в свой обычный заниженный наряд из коричневой кожи, но его сапоги и пуговицы были начищены, и у него была прикреплена золотая эмблема Анарха к пуговице под горлом. В кобуре у него был дорогостоящий лазерный пистолет, а в богато украшенных ножнах изогнутый силовой меч.

«Этогогор,» кивнул Десолэйн.

«Телохранитель. Вы просили меня прибыть пораньше.»

«Вы понимаете почему?»

«Безопасность, так говорилось в сообщении.»

«Точно.»

Маббон Этогор повернулся и кивнул на двух мужчин, которые сопровождали его. Они оба были здоровыми, мускулистыми солдатами в охряной форме с золотыми кушаками и белыми, света кости, шлемами, которые опускались полувизорами на их

лица. Они стояли по стойке смирно, неподвижные, глаза смотрят вперед, их полированные лазганы были на груди.

«Это будет замечательная ночь,» сказал Маббон, «и я не вижу причин, почему сейчас не самое подходящее время достойным командующим сил Анарха не ознакомиться впервые с Сынами Сека. Я привел шестьдесят человек, самых лучших в лагере. Я надеюсь, это поможет вашим вопросам безопасности?»

«Я удовлетворен,» сказал Десолэйн. «Пусть большинство из них соберутся на верхнем дворе, готовые к смотру. Я бы хотел, чтобы несколько были готовы усилить охрану передних врат и стен, во время банкета. А еще можете вы выделить двоих, самых надежных, для охраны личных апартаментов фегата... простите, личных апартаментов Лорда Стурма?»

Маббон кивнул. «Вы сказали двоих самых надежных, телохранитель, но я скажу вам странную вещь. За недели тренировок, я иногда разговаривал с людьми о... фегате, и о том, как он, в конце концов, помогает им знаниями и мудростью. Судя по их ожиданиям, они почти боготворили его. А затем, в тот день, когда он пришел осмотреть их в поле, когда Стурм упал перед ними... я боялся, что они потеряют все уважение к человеку. Сыны отвергают слабости, знаете ли.»

«И?» спросил Десолэйн.

«Вы были там, телохранитель. Вы видели, как Стурм восстал, поднялся на ноги, встретился с ними лицом к лицу без намека на стыд. И какую речь он произнес. Это заставляло склонить голову. У человека настоящая харизма. Он – прирожденный лидер. Не удивительно, что он получил такое высокое звание в армии Фальшивого Императора.»

«Я согласен,» сказал Десолэйн. «Это было воодушевляюще.»

«Это было ошеломительно,» сказал Маббон. «Итак, видите ли, когда вы попросили меня выбрать наиболее надежных, я пришел в замешательство, потому что не знаю, кого выбрать. Сыны Сека обожают Генерала Стурма. Они почти боготворят его. И они умрут за него.»

«Генералу доставит удовольствие услышать это,» сказал Десолэйн.

«А вон там не он, на площадке?» спросил Маббон.

Стурм все еще был там, где его оставил Десолэйн. Он с воодушевлением говорил, рассказывая некоторые свежевспомненные детали лексиграферу.

«Он. Он весь день ходил по бастиону, вспоминая.»

«Вспоминая что?» спросил Маббон Этогор.

«Насколько я могу судить,» сказал Десолэйн, «все.»

Бастион был огромен. В закате он казался частью огромной горы, которая окружала его, видимый только из-за тысяч огней в окнах, которые пятнали его переднюю часть. Он был сделан в виде центральной башни, окруженной по бокам двумя меньшими башнями, которые сидели, как широкие плечи напротив основной цитадели. Там были верхний двор, окруженный защитной стеной, и нижний, окруженный массивной навесной стеной.

Пока они приближались, они могли видеть защитные батареи вдоль обоих кругов стен, достаточных, чтобы отбить с небольшими усилиями атаку бригады. Летательные аппараты прибывали на посадочные площадки во внутренней части бастиона, их прожектора мигали в холодной горном воздухе. Корабли смерти, шаттлы, роскошные транспорты. Сливки иерархии архиврага собирались ночью в светящемся бастионе.

Единственная дорога к бастиону пролежала через широкую долину ниже бастиона, резко извиваясь. На дороге была наледь, и только тонкий барьер на одной стороне дороги защищал от падения. Внизу виднелось ущелье, такое глубокое, что ее дно терялось в чернильных тенях.

Колеса тяжелого грузовика-10 заскользили.

«Смотри на дорогу,» сказала она. Водитель в капюшоне кивнул.

Сама дорога была забита машинами. Грузовики с солдатами и грузами, бронированные машины и более роскошные повозки ординалов, которые прибывали по земле, и все они направлялись в крепость. На пропускном пункте

сформировалась пробка, рядом с главными воротами, пока экскувиторы и солдаты Оккупационных сил проверяли каждую прибывающую машину.

Они замедлились, присоединившись к очереди. Большой двигатель машины шумел и кашлял.

«Не дай ему сдохнуть!» резко бросила она.

«Может хватит?»

Она бросила взгляд на боковое зеркало. Позади них уже собралась куча машин.

«Берегись,» сказал водитель.

Два экскувитора, их дыхание вырывалось паром из голосовых решеток, ходили вдоль линии ожидающих машин, рвякая приказы.

«Вой шет! Ахенна барат войр! Мэй! Мэй!»

«Что такое?» спросил водитель.

«Они хотят, чтобы мы остановились. Чтобы припарковались там. Мы должны освободить место.»

«Ахенна барат войр! Мэй! Авар вой сквин? Мэй!»

«Давай туда! Ну же! Они хотят, чтобы мы что-то пропустили.»

«Пытаюсь, ясно?» недовольно сказал водитель. «Эта куча хлама... хлам.» Он увеличил обороты двигателя и потащил грузовик на тяжелых колесах к стороне дороги, заканчивающейся отвесным склоном.

Впереди них, и позади, под приказами экскувиторов, остальная часть линии делала то же самое.

Они ждали. Через минуту или две, огромный транспорт, сопровождаемый четырьмя мотоциклистами, промурлыкал мимо. Он проехал к пропускному пункту, и миновал его, не останавливаясь.

«Это был кто-то очень важный,» сказала она.

«Напомни мне выяснить, кто это был, чтобы я позже убил его,» сказал водитель.

Очередь снова начала двигаться, ползя вперед. «Сохраняйте спокойствие. Просто сохраняйте спокойствие,» сказала она. «Просто делайте то, что я вам говорила, и оставьте разговоры мне.»

«А если это не сработает?» спросил водитель.

«Тогда попрощайся с жизнью,» сказала она.

Им понадобилось еще десять минут, чтобы доехать до начала очереди. Охрана на внешнем пропускном пункте проверяла всех прибывающих. Она увидела, как минимум, три транспорта, которые отвели в сторону и досматривали. Водители машин ожидали на холоде, держа руки за головами, на них было нацелено оружие, а гончие рвались на поводках, чтобы наброситься.

«Если такое произойдет с нами...» прошептал водитель.

«Не произойдет,» сказала она, «потому что мы все сделаем правильно. Теперь, поехали.» Они подъехали к опущенному шлагбауму. Солдаты Оккупационных войск медленно окружили грузовик. Она увидела точку с лазерной пушкой слева от себя, дуло было направлено на их кабину. В их сторону вышли три экскувитора, у одного на привязи была пара рычащих гончих.

Она опустила стекло, когда подошел экскувитор.

«Вой шет? Хакра атарса?»

«Разрешенная, магир. Я разрешенная.»

Экскувитор переключил свой рупор на перевод.

«Что ты такое?»

«Доставка, магир. Из Горнелла. Еда. Нам нужно доставить ее на кухню до того, как она испортится. Ординалы будут очень недовольны, если их мясо сгниет и --»

«Заткнись,» сказал экскувитор. «Ты слишком много говоришь, разрешенная.»

«Да, магир.»

Экскувитор с собаками ходил вокруг машины. Они гавкали и сопели.

«Стигмата?» спросил экскувитор у кабины.

Она повернулась щекой и показала ему.

«Покажи мне свое разрешение!» потребовал он.

Она закатала рукав и высунула руку из кабины.

«Элетраа кух дроук!» сказал экскувитор своим компаньонам.

«Чии атаа дроук,» ответил другой. Он снял длинный металлический тестер с пояса и поместил чашечку на ее имаго. Она напряглась, когда тварь в ее руке зашевелилась. На тестере зажглись руны.

«Фехет ганеш,» сказал экскувитор своему товарищу.

«Можете проезжать, посредник,» сказал первый экскувитор.

Она кивнула водителю, который начал заводить двигатель. Но шлагбаум не поднялся.

«Стоп!» приказал экскувитор.

Пара гончих были возбуждены, рыча и нюхая около задней двери грузовика-10. Хозяин гончих выкрикнул несколько слов, и экскувитор ответил.

Затем он посмотрел в кабину на нее. «Гончие что-то учуяли. Мы должны обыскать ваш транспорт. Припаркуйтесь там.»

«Конечно они что-то учуяли, магир,» быстро сказала она. «Там груз чистого мяса. Стейки и грудинки, а так же несколько туш гроксов. Они чуют кровь. Это чудо, что они еще запрыгнули в грузовик.»

Экскувитор обдумал это. Он повернулся и прокричал что-то, что она не поняла, хозяину гончих. Пришел ответ.

«Вы можете проезжать,» сказал экскувитор.

Кивок, и шлагбаум поднялся.

«Спасибо, магир,» сказала она.

Грузовик рванул вперед, вверх по склону и под возвышающуюся арку главных ворот.

Внутри был беспорядок из машин, мерцающих фонарями. Ночь позади стены была особенно темной. Экскувиторы со световыми указателями направляли машины в соответствующих направлениях. Она высунулась из кабины, сказала о своем деле одному из экскувиторов, и ей дали инструкции.

Она села назад и закрыла окно. «Направо. Туда.»

«Ясно,» ответил водитель.

Они приблизились к внутреннему бастиону, и заехали в него через одни из меньших ворот. Внутри, прямо за массивными стенами бастиона, они свернули в маленький двор, который обслуживал кухни.

«Езжай туда. Туда, за те грузовики. Прижмись к стене двора.» Водитель кивнул и повиновался. Он остановил грузовик-10 и выключил двигатель.

Они оба выдохнули с облегчением.

Варл отодвинулся от руля и снял капюшон. Он ухмыльнулся Кёрк.

«Это было трудно,» сказал он.

«Я знаю,» ответила она.

«Фесово трудно. На секунду там --»

«Я знаю,» повторила она.

«Ты была великолепно,» сказал Варл. «Заговорила этих ублюдков. Ты родилась лгуньей, или это пришло само по себе?»

«Мы даже еще не начали, солдат,» сказала Кёрк.

«Ага, но это были острые ощущения. Я бы расцеловал тебя.»

«Не надо,» сказала она.

Варл все равно это сделал.

Кёрк улыбнулась. «Идем,» сказала она, и постучала кулаком по стенке позади них.

В контейнере транспортника на крюках висели окровавленные туши, а самые лучшие вырезки мяса лежали на поддонах, обернутые в бумагу. Воздух вонял кровью.

Гаунт услышал стук.

«Приготовиться,» сказал он Призракам. Они поднялись, собирая снаряжение, и выстроились в линию в сторону задних дверей.

«Все нормально?» спросил Гаунт Ландерсона.

Боец ячейки нес новенький ручной пулемет, который ему дали люди Нота.

«Сэр,» сказал он. «Я бы хотел поблагодарить вас за то, что вы позволили мне --»

Гаунт приложил палец к губам. «Ты зашел слишком далеко, и было бы невежливо оставить тебя позади, Мистер Ландерсон.»

Гаунт посмотрел на Эзру ап Нихта, еще одного гостя в их отряде. Гаунт не хотел вовлекать в это партизана, но было невозможно отговорить Лунатика оставаться рядом с Гаунтом. Во время путешествия через центральный регион Гаунт и Мквеннер провели много времени, осторожно объясняя Эзре, что было поставлено на кон и что ожидалось от него.

«Открываю двери,» сказал Мколл.

«Давай,» ответил Гаунт.

Большие двери грузовика со скрипом открылись, и Призраки выпрыгнули в темноту один за другим.

Гаунт был последним. Пригибаясь, они присоединились к Кёрк и Варлу, и поспешили вперед в темноте между припаркованными транспортом и стеной двора.

Потребовалась большая часть дня, чтобы добраться до окраин бастиона из Лиферинга.

Людям Нота удалось это. Они воспользовались повозками витталеров, и прокрались через центральный регион к городку под названием Горнелл, расположенному в

предгорье крепостного массива. Здесь, местная ячейка, под руководством женщины, которую называли Молотильщик, встретила их. Поработав с деталями, которые отправил ей Нот по сети подполья, Молотильщик проработала схему пути в бастион для отряда. Контакт ячейки на одной из скотобоен Гереона в последнюю минуту доложил о приказе на грокса, пришедший из бастиона, и поэтому для его доставки был приготовлен грузовик.

С этого момента они были сами по себе.

Вжимаясь с тени стены, укрытые своими камуфляжными плащами, Призраки шли по направлению к ярко освещенным входам на кухни. Швейцары гремели тележками с едой, и они могли слышать крики приказов и разговоры. Запах тепла и готовки наполнил холодный горный воздух.

Мколл с Мквеннером шли недалеко впереди. Они проверили один вход, подняв руки для предупреждения, а затем быстрыми жестами показали продвигаться.

Отряд побежал к яркому свету входа. Каменный коридор, с дверями по правую сторону, откуда валил пар и запахи готовки.

Мколл рукой подгонял их, и отряд поспешил по коридору к перекрестку. Налево или направо, или вверх по лестнице?

Наверх, просигналил Гаунт. Они побежали наверх, за секунду пробегая пролет лестницы, держа в руках пистолеты с глушителями.

На пятом этаже они свернули налево в продуваемый холл, освещаемый тоненькими свечками. Они вжимались в стены и передвигались от тени к тени. Схемы бастиона, которые удалось достать Ноту, были неполными, но достаточными, чтобы сообщить Гаунту, что кухни были в самом низу правой башни, и то, что гости, такие же важные, как и Стурм, должны быть в безопасности в главной центральной башне, возможно на верхних уровнях.

Откуда-то лилась музыка. Отвратительная, резкая военная музыка. Бонин указывал им на следующий перекресток, оставаясь на страже с поднятым пистолетом, пока последний из них не прошел мимо него. Это что были аплодисменты, которые он услышал?

Здесь были узкие окна. Роун подошел к одному и посмотрел внутрь.

«Мы в главной башне,» прошептал он.

Теперь начинается самое сложное, подумал Гаунт. Как будто все, через что они прошли, было легким. Бастион был огромным, с тысячами комнат. Стурм мог быть почти везде.

Они поднялись еще по нескольким лестницам, и вышли на одну из верхних галерей. Галерея когда-то была украшена огромными картинами знати Гереона и командующих армией. На стенах остались только позолоченные рамы. Холсты тоже отсутствовали. В центре каждой пустой рамы на каменной стене был намалеван знак Хаоса.

Ветер стонал в длинном каменном зале. Они снова могли слышать обрывки триумфальной музыки далеко внизу от них.

В конце галереи за аркой была еще одна широкая лестничная площадка. Гаунт размышлял, куда повернуть, когда три солдата Оккупационных войск появились из-за угла.

Ландерсон вздрогнул. Убийство было таким быстрым. Он даже не заметил вражеских солдат до того, как они умерли. Трое разведчиков вытерли свои серебряные ножи и спрятали тела в грязной комнате, рядом с площадкой.

Отряд продвигался дальше, через площадку, и дальше по переходу со множеством дверей в личные комнаты.

Мколл поднял руку.

«Что такое?» прошептал Гаунт, когда они остановились.

«Без понятия, сэр. Пение?»

Гаунт подал сигнал основной группе остановиться, и пошел вперед по холодному коридору с Мколлом. Он уже тоже мог слышать это. Пение, смех. Разговоры.

Одна из дверей была открыта.

Это были королевские апартаменты, освещенные светосферами. Два рогатых мутанта, местные слуги, заправляли постель. Один напевал немелодичный напев, другой лопотал о чем-то, пока разравнивал одеяло. Возле двери стояла деревянная тележка, заставленная вениками и совками, бутылочками с отбеливателями и благовонными травами, и стопками выстиранных простыней.

Гаунт кивнул Мколлу и вышел вперед. Его автопистолет с глушителем был поднят.

«Стурм,» осторожно спросил он. «Где он?»

Мутант около кровати обосрался от страха и бросил лампу в Гаунта. Гаунт пригнулся и пристрелил его. Другой, хныкая, понесся к двери. Мколл схватил его, но зверь оказался поразительно сильным и отбросил его. Гаунт быстро развернулся и его пистолет с глушителем дважды кашлянул. Слуга врезался в деревянную тележку и опрокинул ее.

«Простите, сэр,» сказал Мколл, вставая на ноги. «Должно быть, становлюсь медлительным в свои-то годы.» Гаунт понимал, что это не так. Он не хотел думать о настоящей причине, по которой реакция Мколла снизилась. Подошли Крийд и Мквеннер и помогли им оттащить трупы мутантов за кровать. Крийд так же подняла опрокинутую тележку.

«Сэр?» позвала она. Она нашла рулон пергамента, который выпал из тележки. Она дала его ему.

Это был длинный лист имен и званий, и номера, которые были закреплены за ними. Больше из этого ничего не имело смысла.

«Кёрк?» тихо позвал Гаунт. Она подошла.

«Ты можешь это прочитать?»

Кёрк изучила пергамент. «Это список комнат,» сказала она. «Здесь список ординалов, сановников и старших офицеров, и это список комнат, которые им назначили для проживания. Кто бы это не написал, он не хотел допустить промах. Все описано досконально. Учтена каждая конкретная потребность. Смотри, здесь сказано 'Ординалу Ключ необходима комната, выходящая на юг'. А здесь, 'Кровать высшего

сирдара должна быть застелена пеньковыми простынями, и на ночном столике должна стоять единственная лампа.'»

«Да, но --» начал Гаунт.

«Знаю, знаю,» ответила она. «Здесь. Тут сказано, что королевские апартаменты на шестнадцатом этаже приготовлены для *фегата*. Там должна быть приготовлена ванна. Кое-какие детали об униформе. Бла-бла-бла. Кажется, он хочет хлопковые простыни.»

Кёрк посмотрела на него.

«А шестнадцатый этаж?» спросил он.

«Согласно этому, мы на девятом,» сказала Кёрк.

Гаунт кивнул. «Собратся!» позвал он. Отряд собрался вокруг него. «Здесь мы разделимся,» сказал им Гаунт.

Украшенный огнями, шаттл Наместника приземлился на верхнем дворе. Оркестр начал играть, духовые инструменты гудели над гроыхающими литаврами. Почетная гвардия построилась приветствовать его. Позади них стояли по стойке смирно длинные ряды солдат Оккупационных сил и фаланги ординалов со склоненными головами.

Наместник Исидор Сек Воплощенный вышел из своего зависшего летательного аппарата. Два массивных Десантника Хаоса шли сбоку от него, рыча, они высоко потрясали своим оружием, а позади них шли четыре минотавра, фыркающих на холодном воздухе, их толстые руки держали шесты зонта над высокомерной головой Наместника.

Он равнодушно махнул толпе, солдаты загремели своим оружием. Высший сирдар вышел вперед и поклонился. Позади него Десолэйн сделал реверанс.

Исидор кивнул, и позволил им поцеловать свои руки, в то время, как снова гроыхнули фанфары.

«Ожидает ли Генерал Стурм удовольствия встретиться со мной?» спросил Исидор сквозь гремющую музыку.

«Он ожидает, магир,» сказал Десолэйн.

Наместнику понадобилось двадцать семь минут для прогулки по длинному ковру. Он часто останавливался, чтобы поприветствовать сирдаров в строю, а затем начал здороваться с ординалами, позволяя им преклонить колени и целовать ему пальцы.

В это время Десолэйн отправил посыльного, чтобы привести фегата.

Стурм стоял и любовался собой в длинном зеркале. Он отряхнул манжеты.

«Неплохо. Китель слегка туговат, но пояс восхитительный.» Лексиграфер застучал по клавишам.

«Да не пиши это, насекомое!» проворчал Стурм.

Хумилити съежился и, вынув ластик, начал стирать строчки, которые только что набрал.

«Где я остановился?» спросил Стурм, шагая.

Лексиграфер показал ему бумагу, которая была закреплена в зажиме его печатной машинки.

Стурм прочитал. «Ах, да. Улей Вервун. Незадолго до варварского ментального блока... ты записываешь, обезьяна?»

Хумилити кивнул, снова яростно печатая.

«Незадолго до необоснованного, нечеловеческого ментального блока... я нахожу, что мне трудно вспомнить детали. Я был главнокомандующим, вообще-то. Гаунт был довеском. У него не было таланта в военном деле. В чем у него был талант, так это во вредительстве. Он был комиссаром, видишь ли, думаю, я это уже говорил. Я говорил это?»

Лексиграфер быстро прочитал напечатанное и затем кивнул.

«Он был членом Комиссариата, организации, ответственной за дисциплину. Если просишь меня, это все политика. Человек был корыстным ублюдком. А обвинения? Я вот что тебе скажу, был ли хоть один человек когда-либо так незаслуженно обвинен? Дезертирство? Разве теперь удивительно, что я так ненавижу Империум? Вся моя

жизнь, посвященная служению Богу-Императору... а потом вот что он позволил сделать своим мелким сошкам со мной? Ублюдки! Я был лордом милитантом генералом!» В дверь комнаты постучались.

«Войдите!» кривнул Стурм.

Дверь открылась и заглянул один из Сынов Сека. «Магир,» сказал он. «Наместник ожидает встречи с вами.»

Стурм надел фуражку.

«Ну, идем,» сказал он.

На неровном склоне, рядом с подъездной дорогой, Полковник Нот застегнул шлем и посмотрел вниз на линию ожидающих мужчин и женщин.

«По моей команде,» прошептал он в вокс. «Три, два, один... вперед!» Сопротивление Гереона понеслось к воротам Бастиона Летрики, сверкая оружием.

«Гереон сопротивляется!» кричал Нот. «Гереон сопротивляется!»

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Наступающая волна бойцов подполья пронеслась, как прилив, через пропускной пункт в начале подъездной дороги, сметая экскувиторов и охрану пункта. У Солдат на стационарных огневых точках не было никакого шанса открыть ответный огонь. Гранаты быстро закончили их вклад в оккупацию Гереона.

Шторм огня от сотен бойцов ячейки сопротивления был таким яростным, что несколько последних транспортов, ожидающих у шлагбаума пропуска в бастион, закачались, когда их изрешетили выстрелы. Один загорелся.

«Вперед! Вперед!» перекрикивал Нот треск выстрелов. «Стены и ворота!» Сотни гранат ударялись о крутую стену, сотрясая ее взрывами. Некоторые залетали достаточно высоко, чтобы попасть на стену и взорвать батареи. Но большое число защитных батарей на стене уже начало отстреливаться, истребляя толпы бойцов

сопротивления, продвигающихся вперед к стене. Паровые лебедки медленно закрывали массивные ворота.

Ячейки центрального региона объединили все ресурсы, привели всех людей и взяли с собой все драгоценное оружие, которое еще оставалось в их тайниках. По меньшей мере, дюжина ракетометов и двадцать переносных мортир отвечали на обстрел со стены. Свистящие ракеты взрывались дикими вспышками огня, а одна, как ни странно, взорвала секцию стены. Каменные глыбы и куски тел посыпались к основанию стены.

Но если главные ворота закроются, то ничто уже не будет иметь значения. На бегу Нот с отчаянием осматривался. Лазерные выстрелы пронзали воздух вокруг него. Прямо перед ним боец ячейки согнулся и упал.

Еще одного сбило с ног пушечным выстрелом.

Нот увидел грузовик. Всего лишь обычный транспорт с припасами, направляющийся по дороге к бастиону. За исключением того, что он им не был.

Набирая скорость, грузовик увернулся от разбитых выстрелами машин на пропускном пункте, разбил шлагбаум и рванул по дороге к все еще закрывающимся воротам.

Со стены Охрана Бастиона открыла по нему огонь, выбив окна в кабине, изрешетив кузов и пробив заднее колесо. Но он все еще ехал. Нот увидел, как водитель выпрыгнул из кабины.

Транспорт врезался в ворота с жутким металлическим скрежетом. Лебедки продолжали закрывать ворота, но разбитый грузовик теперь был зажат между ними. Его металлический корпус и шасси покорежились, когда огромные ворота еще немного сошлись, но затем паровые лебедки стали напрягаться и сдавать.

Почему так долго, думал Нот? Почему так –

Около тонны фуцелиновой взрывчатки – весь объединенный запас ячеек центрального региона – в конце концов, взорвался в кузове транспортного средства.

Последовала розовая вспышка, достаточно яркая, чтобы ослепнуть, а секундой позже молотом ударил звук, и прошла ударная волна, такая мощная, что сбила с ног Полковника Нота и многих бойцов сопротивления. Несколько бойцов подполья были слишком близко к грузовику, что распались на атомы вместе с ним.

Тем не менее, огромная часть главных ворот бастиона тоже распалась на атомы.

Ужасный, вызывающий слезы дым заполнил все вокруг, и воздух был наполнен треском ружейных выстрелов.

Нот поднялся на ноги. «Внутри! Вперед! В ворота!» кричал он. «Гереон сопротивляется! Гереон сопротивляется!»

Первые взрывы осветили защитную стену, как зарница. Затем огромный взрыв выбросил огонь и обломки в ночной воздух, в направлении главных ворот.

Во внутреннем дворе приглашенная толпа замерла и повернулась. Оркестр прекратил играть. Было внезапное, всеобщее оцепенение, повышающиеся голоса приказывали шеренгам разойтись. Все могли слышать, как защитные батареи бастиона открыли огонь.

Десолэйн побежал вперед. Телохранители Наместника уже подгоняли его к безопасности его флаера. Позади них послышался нарастающий рев от приглашенной знати.

«Солдаты на стену!» приказал Десолэйн. «Сейчас же! Экскувиторы, отведите ординалов в бастион! Отведите их в безопасные места!»

Люди метались вокруг телохранителя во всех направлениях. Десолэйн схватил сирдара из Охраны Бастиона.

«Собери свой отряд,» сказал ему телохранитель. «Генерал Стурм спускается сюда. Перехватите его и сопроводите назад в его комнату. Я скоро приду туда.»

«Слышали это?» прошептал Бонин. Мколл кивнул. Даже через массивную каменную кладку бастиона дрожь от взрывов была ощутимой.

«Началась атака,» сказал Ландерсон, и сотворил знак аквилы. Часть него, его страстный патриотизм, желала быть там, сражаясь плечом к плечу с сопротивлением. Но Гаунт выбрал его для этой великой чести.

«Мы готовы?» спросил Мколл.

«Почти,» сказал Варл. Он осторожно прикреплял заряд внизу стены коридора. Крийд и Бростин прикрывали один конец коридора, Белтайн и Бонин – другой.

Эта половина отряда была под командованием Мколла. Их делом было посеять замешательство и причинить столько ущерба, сколько смогут. Полковник Нот забрал одну коробку с фуцелиновыми зарядами из огромного груза, который был на грузовике, и сейчас Варл нес ее в брезентовом ранце. Тридцать зарядов плюс детонаторы. Команда Мколла спускалась в крепости, устанавливая заряды в ключевых точках, в то время, как отряд Гаунта пошел наверх. Ранец уже на треть опустел.

Варл воткнул детонатор в мягкий заряд. «Есть,» сказал он. Детонаторы были установлены на десять минут. Через пять минут начнут взрываться первые заряды.

«Пошли!» приказал Мколл. Отряд пошел по коридору и добрался до следующего лестничного пролета. Бонин отогнал всех назад в укрытие, когда взвод солдат Оккупационных войск прогрохотал вниз по лестнице. Звенели тревожные колокола. Шум битвы снаружи становился громче.

Призраки зашли на лестницу сразу, как только исчезли солдаты, и осторожно спустились еще на два этажа.

«Здесь,» сказал Мколл Варлу, указывая на стену. Варл приступил к работе, пока остальные встали на охрану.

«Шаги,» предупредил Бонин. «Сверху.»

«Варл?» спросил Мколл.

«Я прямо в середине!»

«Фес!» прорычал Мколл. Он указал на Бонина и Крийд и сделал жест в сторону лестницы.

Оба оставили лазганы висеть и вытащили автопистолеты с глушителями. Бонин шел впереди. Крийд уже тоже могла слышать шаги. Сапоги, несколько пар, бегут.

Крийд и Бонин вскинули оружие.

Шестеро солдат бастиона спешили вниз по широкому лестничному пролету. Крийд и Бонин открыли по ним беглый огонь. Вражеские солдаты посыпались, как кегли. Крийд пришлось сделать шаг в сторону, когда одно тело, кувyrкаясь, пролетело по ступенькам мимо нее.

Пятеро уже были мертвы. Шестой, раненый и упавший, сумел схватиться за свой ручной пулемет до того, как Бонин попал ему между глаз.

Но конвульсирующие пальцы человека зажали спусковой крючок и пулемет выплюнул очередь.

Крийд и Бонин посмотрели друг на друга. Обоим пришлось пригнуться, и никого из них даже не поцарапало.

Очередь оставила длинную линию выбоин на изогнутой стене лестничного пролета. Поплыл дым.

В ограниченном пространстве лестничного колодца выстрелы были оглушительно громкими.

Они слышали крики сверху.

Стурм так же внезапно остановился, как и Сыны Сека, которые шли в нескольких шагах впереди него. Хумилити почти врезался в ноги Стурма.

«Что это?» спросил Стурм.

«Сэр?»

«Ты что не слышишь это, парень? Это выстрелы. Взрывы.» Стурм распахнул дверь ближайшей комнаты и быстро прошел к узкому окну, которое выходило во внутренний двор. Комната была неосвещена и не использовалась. К тому времени, как Стурм дошел до окна, янтарная вспышка снаружи осветила черты лица.

«Бастион штурмуют,» пробормотал он в изумлении. «У ворот массированная перестрелка, и взрывы...»

Он тяжело сглотнул. Вид разжег другие воспоминания. Ощущения. Опасение битвы, всплеск адреналина.

Сыны посмотрели друг на друга.

«Мы должны отвести вас в вашу комнату, сэр,» сказал один. «Там вы будете в безопасности.» Стурм кивнул. «Я думаю, что так будет лучше. Пока ситуация не будет под контролем.» Они вышли обратно в коридор и пошли назад. Оба Сына приготовили оружие.

Хумилити вздохнул, повернулся и снова захромал за ними.

На шестнадцатом этаже, весьма далеко от конфликта снаружи, отряд Гаунта скользил по почти тихому коридору к двери комнаты. Гаунт шел впереди с вытащенным болт-пистолетом, сбоку от него был Мквеннер, у которого был ручной пулемет, который ему дало сопротивление.

Позади них шел Эзра ап Нихт с подготовленным рейнбоу, вместе с Аной Керт, которая вытащила свой автопистолет. Недалеко от них оставшаяся часть группы – Роун, Ларкин, Фейгор и Кёрк – прикрывали коридор.

Гаунт и Мквеннер ворвались в дверь, водя оружием из стороны в сторону. Горели лампы, но здесь никого не было. Это была большая комната, со стульями с богатой обивкой, карточный стол и высокое зеркало. Примыкающая дверь вела в спальню.

Но полу лежала одежда. Части униформы Оккупационных войск. Еще здесь была роскошная латунная ванна, наполненная использованной водой. Мквеннер притронулся к корпусу ванны.

«Остывает. Недавно использовалась. Мы упустили его.»

«Если, конечно, это его комната,» сказал Гаунт. «Давай проверим остальные на этаже.»

Бонин и Крийд сбежали вниз по лестнице.

«Нам нужно уходить! Сейчас же!» крикнул Бонин. Случайные выстрелы следовали за ними, ударяясь по изогнутой стене.

«Уходим!» приказал Мколл.

«Закончил! Закончил!» произнес Варл, и собрал снаряжение.

Отряд спустился вниз, в следующий длинный коридор, широкую галерею. Мколл был в конце, подгоняя остальных. Они были на середине галереи, когда первые солдаты спустились с лестницы позади них.

Мколл упал на колени и открыл огонь из лазгана. «Первый и единственный!» крикнул он.

Несколько вражеских солдат упали, сбитые обжигающими лазерными зарядами. Остальные начали стрелять из своих винтовок.

Крийд и Ландерсон повернулись и добавили свою огневую мощь к мощи Мколла. Пули и лазерные выстрелы летали туда-сюда по большой галерее несколько яростных секунд, вгрызаясь в деревянные панели и разбивая светильники. Ландерсон почувствовал, как пуля задела его левое бедро, но не прекратил стрелять.

Глухой взрыв сотряс пол. Где-то сдетонировал первый из зарядов Варла.

Появилось еще больше солдат. Территория возле лестницы была усеяна мертвыми, но солдаты все еще пытались пробраться в галерею.

Стреляя, прижимаясь к стенам галереи, Мколл, Ландерсон и Крийд отступали к остальным членам отряда, которые уже добрались до дальнего конца галереи.

Белтайн был первым у выхода.

«Проверь!» крикнул Бонин, но вокс-офицер уже зашел.

Обжигающий выстрел из лаз-лока ударил Белтайна в спину и бросил его на лицо.

«Белтайн!» крикнул Бонин. Он побежал вперед, стреляя из лазгана с одной руки, пока пытался оттащить Белтайна в укрытие. Солдаты и экскувиторы заволокли лестницу впереди. Отряд Мколла был в ловушке.

Гаунт услышать звук второго заряда Варла, пришедший издалека внизу. Он уже почти предположил, что они не на том этаже, когда из-за угла, не далее десяти метров от него, вышли три фигуры. Два больших солдата, одетые в ненавистную охранную одежду, с еще одним человеком между ними.

Это был Ночес Стурм.

Глаза Стурма и Гаунта встретились на наносекунду. Один удар сердца шокирующего обоюдного узнавания.

Затем солдаты в желтом начали стрелять.

Гаунт почувствовал, как буля пролетела сквозь его левое плечо. Он упал на дверь ближайшей комнаты.

Мквеннер бросился на Гаунта, и оба влетели в относительное укрытие дверного проема, чтобы избежать губительного огня от странных солдат врага.

Позади Гаунта и Мквеннера остальные бросились в укрытия. К тому времени, как Роун нашел себе какое-то подобие огневой позиции, двое воинов в охре профессионально отступили за угол, с каждым шагом прикрывая Стурма.

«Он! Это был он!» кричал Гаунт.

«Гаунт? Гаунт? Как... как он может быть здесь?» говорил Стурм. Хумилити не понял, должен ли он записать это, но все равно записал. С дымящимся оружием, Сыны Сека грубо подгоняли генерала к ближайшей комнате, выбили ногами дверь, и втокнули его внутрь.

«Как это возможно?» потребовал Стурм. «Как это произошло?» Сыны не ответили. Роун, Мквеннер и Фейгор уже появились на повороте коридора и стреляли в переход. Сыны ползали в дверях, используя мощные пороги, как укрытие, и отвечали быстрыми, расчетливыми очередями, которые заставляли Призраков прятаться. «Как?» орал Стурм. «Как?»

Гаунт добрался до угла, игнорируя попытки Керт перевязать ему рану на плече. Выстрелы пролетали мимо конца стены.

«Там их только двое!» прокричал Роун.

«И этого достаточно,» ответил Мквеннер. «Они перекрывают весь коридор. И они фесово хороши.»

Гаунт уже это понял. Телохранители Стурма отреагировали со скоростью и стойкостью элитных солдат.

«Двое или двести, но мы убьем их сейчас,» сказал Гаунт.

Но, внезапно, выстрелы раздались у них позади.

Отряд Охраны Бастиона, который Десолэйн послал перехватить Стурма, только что прибыл на другую сторону шестнадцатого этажа. Подстегиваемые звуками выстрелов, они стремительно ворвались в коридор.

Ларкин, Кёрк, Эзра и даже Керт открыли огонь.

Грохот битвы, отдававшийся эхом с внешнего двора, был ошеломительным. Он сотрясал холодный ночной воздух и эхом отражался от окружающих гор. Большая часть крепостной стены вокруг главных ворот пылала, вызывая адское сияние, которое освещало громадные клубы белого дыма, поднимавшиеся от ворот. Внутри, между навесной стеной и внутренним защитным валом, ночь прошивали бесчисленные вспышки, очереди и трассеры.

Десолэйн дошел до защитного вала. Солдатские резервы бастиона, вместе с приезжими отрядами, распределились позади внутренней стены, проверяя оружие.

Десолэйн подошел к старшим офицерам. «Доклад?»

«Каким-то образом, они сломали ворота и забрались во внешний двор,» сказал один сирдар.

«Мы запечатали бастион,» доложил второй, «но они сильно наступают.»

«Сколько их? И кто они такие?» спросил Десолэйн.

«Несколько сотен. Неподтвержденные доклады обозначают их, как сопротивление,» высказался старший экскувитор.

«Ну, конечно же, это сопротивление!» резко бросил Десолэйн.

«Это непростительный поступок,» провозгласил Высший Сирдар Брендель. «Я, несомненно, принесу его высочеству Наместнику свои самые искренние извинения за этот непростительный провал в безопасности.» Послышался быстрый, свистящий звук и треск. Все офицеры вздрогнули. Один из клинков кетра Десолэйна разрезал напополам голову и шлем высшего сирдара. Его труп упал на спину.

«Я избавлю его от необходимости принимать их,» прошептал Десолэйн. Телохранитель повернулся к остальным старшим офицерам. «Этот идиот ошибался. Безопасность бастиона, Наместника и фегата лежат на мне. Только на мне. Вы будете следовать моим приказам и незамедлительно подавите это позорное выступление. Где этогор?»

«Я здесь, телохранитель,» Маббон вышел вперед.

«Мне нужен командующий, которому я могу доверить сокрушить это наступление незамедлительно. Сыны Сека готовы?»

«Они в томительном ожидании, телохранитель.»

«Командование ваше. Сирдары и старшие офицеры? Вы отчаеете перед этогором.» Последовал быстрый хор подтверждений. «Приготовьтесь выступать!» прокричал Маббон. «Во имя Анарха, чье слово заглушает все остальные! Вперед!»

«Телохранитель?»

Десолэйн повернулся. Тяжело дыша, приближался младший офицер.

«Что?»

«Доклады о взрывах, телохранитель,» задыхаясь, сказал младший офицер. «Внутри бастиона.» Десолэйн оттолкнул в сторону офицера и побежал по внутреннему двору к главной башне.

«Ложись, фес вас!» проревел Бростин и нажал на спусковой крючок трофейного огнемета. Оружие забулькало, закашляло и затем послало ослепительное копье жидкого пламени на лестницу. Начали орать голоса.

Мколл, Крийд и Ландерсон уже присоединились к ним, все еще сражаясь с солдатами архиврага, лезущими с дальнего конца галереи.

«Это очистит нам путь,» сказал Бростин, снова стреляя сквозь дверной проем.

«Давай быстрее!» бросил Мколл. Выстрелы дождем сыпались рядом с ними, врезаясь в стены и пол. Мколл увидел Белтайна, лежащего ничком, Бонин согнулся над ним.

«О, фес! Нет!» закричал сержант-разведчик.

«Он в порядке,» сказал Бонин. «Он жив.»

Давясь, Белтайн перевернулся. Мощный выстрел лаз-лока попал ему прямо в вокс-передатчик на спине. Чистая сила хорошо врезала по нему, но он был совершенно цел.

То же самое нельзя было сказать о его вокс-передатчике. Бонин снял его. Это были почерневшие останки, дым струился из разбитого вдребезги прибора.

«Мне он нужен...» задыхаясь сказал Белтайн.

«Больше нет, Бел,» сказал Бонин. «Это хлам. Давай, вставай.» С Крийд, Варлом и Ландерсоном в арьергарде, стреляющих по уже разрушенной галерее, Бростин повел их через дверной проем. Каменный лестничный колодец излучал тепло от подожженных поверхностей и копоти, которая покрыла все. Дымящиеся тела, большинство из которых так уменьшились от огня, что представляли собой куски угля, заполнили ступени. Бростин для острастки послал еще один обжигающий заряд вниз по лестнице.

«Идем!» крикнул он.

Откуда-то сверху раздался еще один грохот от зарядов Варла.

В воздухе был дым. Он лениво полз по пустым коридорам бастиона. Издалека доносились звуки битвы, и толпа ординалов съежилась в главных залах.

Но этот дым, наверху... Он тянулся из крепости, сверху. Десолэйн остановился, когда по каменному полу прошла дрожь. Что-то только что взорвалось, несколькими этажами выше.

Телохранитель вытащил свои клинки кетра.

«Роун!» закричал Гаунт. «Возьми отряд и отбрось тех ублюдков! Я с Веном пойду за Стурмом!»

Времени обсуждать это не было. Грохот выстрелов от сражения с отрядом бастиона делал почти невозможным что-либо расслышать. Роун кивнул и, перекатившись, поднялся на ноги. Кёрк, Фейгор, Керт и Ларкин заняли огневые позиции вдоль главного коридора шестнадцатого этажа, и пытались держать солдат у лестничной клетки. Партизан поддерживал их, посылая стрелы в церемониально одетых вражеских солдат. Одна из железных стрел ударила человека в лицо, и тот упал, его огромный плюмаж из белых перьев на шлеме взмахнул, как дичь, которую пострелили в полете.

Роун устремился вперед. Каким-то образом Кёрк оказалась во главе защиты, и Роуну пришлось признать, что она хорошо справляется. Она распределила Призраков в пристойном боевом порядке, используя дверные проемы и колонны в качестве щитов, и они, уже, заставляли противника отступить.

Только Керт – неопытная в сражении – игнорировала инструкции Кёрк. Гнев Керт снова вырвался. Она дико стреляла из пистолета. Роуну было больно видеть сильного упрямого медика таким разбитым и бешеным.

«Кёрк!» крикул он. «Я хочу попробовать отбросить их назад на лестницу! Мы сможем держать ее намного лучше!»

«Согласна!» крикнула она.

Роун упал и по очереди показал Кёрк, Фейгору и Ларкину, показывая им позиции, на которые он хотел, чтобы они выдвинулись, когда он отдаст приказ. Он и Кёрк пойдут первыми.

«Ларкс!» позвал он. «Заряди горячим выстрелом в их центр, чтобы они пригнулись!» Ларкин кивнул, и вставил свежую ячейку в свой лонг-лаз. Мощные обоймы для горячего выстрела несли в себе всего один сверхперегретый заряд. У него осталось всего три таких. После этого он будет пользоваться пистолетом.

«Готово!» крикнул он.

«Давай!» прокричал Роун.

Лонг-лаз крикнул и сияющая стрела полетела по коридору. Роун и Кёрк уже двигались.

Но, как только Роун вышел из укрытия, он помедлил. Клубящийся в воздухе дым сформировал точную форму стигмат, а позади нее величественные фигуры вражеских солдат каким-то образом идеально с ней совпадали. Снова безумие ползло к нему, паранойя. Они собирались сдаться и умереть и –

Выстрел прошел сквозь его левое бедро и он с хрипом упал на колено. Смущенный на мгновение нерешительностью Роуна, Ларкин тоже рванул вперед, и был сбит на спину выстрелом, который сломал ему ключицу.

Ларкин скорчился на полу, завывая, кровь лилась из него на пол коридора.

«Ларкс!» заорал Фейгор и, пригнувшись, побежал сквозь поток огня. Он схватил Ларкина за ремни его обвеса и начал оттащить в укрытие за дверью, не обращая внимания на личную безопасность. Выстрел пролетел сквозь его левый трицепс, еще один разорвал плоть над его правым коленом, третий мельком скользнул по его лбу так, что почти сорвал ему скальп. Кровь полилась ему в глаза, Фейгор заорал и продолжил тащить беспомощного снайпера. При каждом толчке, Ларкин орал, когда его сломанные кости терлись друг о друга.

Роун отполз в укрытие, проклиная свою моральную слабость. Их попытка полностью провалилась.

А худшим было то, что Кёрк рванула вперед, предполагая, что все они были позади нее. Теперь ее прижали, одну, и она была абсолютно беспомощна.

В тридцати метрах позади них, Гаунт и Мквеннер были у угла. Стрельба прекратилась. Гаунт рискнул высунуться и увидел что, как раз в это время, два воина в охряном уводили Стурма за следующий угол. Необычный маленький гоминид в длинной робе ковылял за ними.

«Идем!» крикнул Гаунт. С Мквеннером рядом, он начал бежать за человеком, которого встретил миллион лет назад, и ради уничтожения которого рисковал всем.

На следующей лестничной площадке Десолэйн снова остановился. Дым уже был гуще. Где-то в бастионе был значительный пожар. Телохранитель почувствовал еще одну вибрацию. Еще один взрыв.

Сколько уже было? Шесть? Семь?

Кто это делал? Несомненно, это было как-то связано с местным сопротивлением. Все, что им когда-либо удавалось, так это взорвать дороги или поджечь амбары.

Десолэйн подумал о Лорде Уэкскулле. Он и его отряд воинов уже давно отсутствовали, как и Ординал Стенелус. В своем последнем докладе Уэкскулл говорил о «Имперских убийцах», специалистах, которые убили всех, что посылала на них Оккупация. Были ли они сейчас здесь?

Были ли это те, кто полностью опозорили телохранителя и военные части бастиона?

Была только одна причина, по которой элитный отряд солдат Фальшивого Императора был здесь, на оккупированном Гереоне. Десолэйн понимал это. Причиной был фегат. Десолэйн обожал фегата. Десолэйн лично поклялся Исидору защищать жизнь драгоценного *эрешта* Анарха. Другие телохранители отвергли с презрением этот долг. Предатель, верили они, враг, который незаслуживает такой вид охраны, обычно предоставляемый наиболее важным ординалам. Но Десолэйн не отверг.

Десолэйн в этом видел настоящее испытание своих способностей. Телохранителей с рождения растили быть великолепными защитниками. Ничто не было так важно, как дать обет защищать своих подопечных.

И Десолэйн был самым лучшим. Это вызывало гордость, принять эту работу от Анарха, чье слово заглушает все остальные, и выполнить ее безупречно.

Конечно, была и другая сторона. За месяцы, которые они провели вместе, часто днями они были только вдвоем, Десолэйн начал беспокоиться о фегате. Между ними выросла связь. Фегат показался Десолэйну милым, печальным человеком, сломанным жесткой рукой судьбы, всегда вежливым к телохранителю, всегда благодарным за каждый акт внимания, который Десолэйн делал, чтобы сделать его прибытие в тюрьме более сносным. Когда на фегата было покушение, он не

обвинил Десолэйна. Он, как ни странно, отверг осуществить ритуальное наказание. Именно тогда Десолэйн осознал, что фегат тоже беспокоится о жизни телохранителя.

Конечно, стало более трудно, когда упал ментальный блок, и фегат снова стал Стурмом. Стурм был напыщенной, высокопарной душой, и он выказывал гораздо меньше уважения телохранителю. Но даже тогда Десолэйн смог разглядеть человека, которого он поклялся защищать. Скромный фегат, в тапочках и мантии, прикованный к стальной кровати, улыбающийся, пока попивал свой слабый черный чай, как будто это была самая лучшая вещь в галактике.

Десолэйн защитит своего фегата. Не смотря ни на что. Телохранитель вынул маленький позолоченный сканер из-под своего дымчатого плаща. Фегат не знал, но ранее трекер был внедрен в его правую ягодицу, и, таким образом, Десолэйн всегда мог знать его местоположение.

Десолэйн считал показания сканера и затем заскользил по лестнице, через четыре ступеньки за раз.

Соппротивление было у крепостной стены. Молотильщик доложила, что одни из врат почти упали.

Оружейный огонь метался во всех направлениях, большинство выстрелов шли с начала бульвара. Вокруг Нота умирали бойцы сопротивления, разрезанные на части смертельной защитой.

Но они все еще продвигались. Если бы у них было время обдумать, то они бы посчитали это чудом, что продвинулись так далеко. Все еще оставался шанс. Если защитный вал сможет быть пройден, они смогут войти во внутренний двор бастиона. К чертовым ординалам и другим сановникам, убивая ублюдков во имя свободного Гереона.

«Продвигаемся!» прокричал Нот, его оружие говорило в руках, пока он бежал вперед. «Ворота! Ракетометы! Вперед, мы прижали их! Гереон сопротивляется! Гереон сопротивляется!»

Нот споткнулся, когда взрыв ударил по нему с левой стороны. Камни полетели в воздух и усеяли двор. Сквозь дым Нот увидел движение. На другом бульваре изнутри открылись ворота и солдаты побежали, чтобы контратаковать их.

Они были похожи на демонов, одетых в охряное. Нот никогда ничего подобного не видел.

Боец ячейки, слева от него, сложился, когда выстрел прошел через его живот. Еще один человек упал, завывая, когда выстрел оторвал ему ногу ниже колена. Под огнем падали еще люди.

«Сплотиться! Сплотиться!» прокричал Нот. «Вперед! В линию!»

Он развернулся, стреляя автоматическим огнем, и увидел, как, по меньшей мере, одна из охряных фигур вздрогнула и упала.

«Ко мне! Спротивляемся!»

Человек рядом с ним развернулся, как будто попавший под хлыст. Выстрел снес ему челюсть.

Остальные бежали к нему. Ячейка Молотильщика отвернулась от уязвимых врат и тоже открыла огонь.

«В линию! Линию!» прокричал Нот. «Гереон сопротивляется!»

Слева от него он услышал, как Майор Плантерсон пытается руководить своим отрядом. Полковник Стокер уже был мертв. Молотильщик пыталась перегруппировать своих людей.

Воины в охряном шли сквозь дым, как ураган, врываясь во все еще формирующуюся линию Нота. Штыки били и кололи.

Нот ознакомился с отчетами сопротивления насчет Фургеша и Нарэна, сельских городков, которые были таинственно уничтожены за последние две недели. Были недоказанные слухи, что убийства были сделаны солдатами в охряном, воинами, которые кричали слова «Сыны Сека!», когда убивали.

Линия Нота прогнулась под атакой. Полковник видел мужчин и женщин, которых он знал всю свою жизнь, зарезанными, убитыми, изуродованными, пока они пытались отбить беспощадную атаку.

Ячейка Молотильщика пыталась помочь им, но их уже отрезали.

Нот увидел, как упала Молотильщик.

Так близко, подумал он. Один из ублюдков в охре появился перед ним, и Нот пристрелил его.

Еще один вонзил свой штык в череп человека рядом с Нотом, и Нот выпустил пять пуль в грудь убийцы.

«Гереон сопротивляется!» закричал он. «Гереон сопротивляется!»

Еще одна фигура была перед ним. Магазин Нота был уже пуст. Он сделал выпад штыком, крича.

Охрянной воин отбил оружие Нота отточенным ударом, как будто месяцами тренировался над этим.

Вражеский штык вонзился Ноту в грудь. Он кашлял кровью, пока штык вращался и давил вперед.

Он понимал, что уже мертв. Он попытался выкрикнуть боевой клич сопротивлению последний раз, но его легкие уже были наполнены кровью.

Сыны Сека даже не дали ему упасть. Хихикая, как шакалы, они отрезали его конечности своими клинками.

«Вниз! Вперед!» крикнул Мколл, подгоняя отряд по продуваемой ветром лестнице. Вверх было не вариант. То, что казалось дивизией солдат Оккупационных войск, сидело у них по пятам, громяхая выстрелами позади них. Каждый член отряда Мколла, как и он сам, уже получили по свежему ранению, а Бонин был сильно подстрелен выше правого бедра.

Кроме того, над ними был пожар. Заряды Варла слегка сместили несколько этажей крепости. Воздух был наполнен плывущим дымом и в воздухе ощущался тревожный

запах горения. Мколл задумался, смог ли Гаунт сделать дело. Он молился, чтобы это было так.

Варл и Крийд шли впереди. Кровь бежала из пореза на плече Варла, а у Крийд кровоточила рана под линией волос.

Ландерсон помогал Бонину.

Внезапно на них стали сыпаться выстрелы. Они пригнулись. Варл посмотрел вниз. Снизу поднималась дюжина экскувиров.

«Нам нужен другой выход!» прокричал Варл.

Мколл взбежал обратно по лестнице, стреляя в первые попавшиеся лица солдат Оккупационных войск, показывающиеся возле перил лестницы, и выбил дверь ногой. Она вела в еще один коридор. Солдаты прибыли из другой башни, примыкающей к главной.

«Пошли!» прокричал Мколл, стреляя в солдат, которые пытались выбраться на лестницу, чтобы убить их. Несколько упали, тяжело приземлившись на ступени и соскользнув вниз.

Варл и Бростин были последними у дверей. Огнемёт Бростина уже забрал множество врагов, и еще добавил огоньку в бастине. Сейчас его емкости с прометиумом свистели и были почти пустыми.

«У тебя что-то осталось от тех зарядов?» спросил он Варла.

«Не особо,» сказал Варл. «Кроме того, у меня не было времени установить детонаторы--»

«Да просто брось их нафес!» крикнул Бростин.

Варл повернулся и выбросил ранец на лестницу.

«Теперь беги, Варл. Беги, как ублюдок, и не оборачивайся.»

Варл сделал именно так, как ему сказал Бростин. Бростин потряс емкости огнемёта и вылил немного катализатора. Затем он прицелился в лестницу.

«Скажи привет Мистеру Желтому,» пробормотал он и выпустил последнее копьё пламени.

Бростин бросил тяжелое оружие и начал бежать. Большая часть отряда Мколла уже была на другом конце коридора. Стуча своими длинными ногами, Бростин передвигался довольно быстро для тяжелого человека. Он почти догнал Варла, когда огонь на лестнице поджег ранец.

Был странный, глухой удар, похожий на удар по барабану. Затем огненный шар развернулся на лестнице и пошел вдоль коридора, сбивая Варла и Бростина с ног.

Во внутреннем дворе Сыны Сека начали праздновать победу. Маббон Этогор шел вперед, похлопывая людей по спинам и переступая через мертвых. Случайные выстрелы все еще звучали с другой стороны.

Он что-то услышал и посмотрел вверх. Темный на фоне ночного неба, бастион, внезапно, осветился. Вырвалось что-то, типа огня в печи, сквозь дюжины окон. Маббон с изумлением смотрел на это. Правая часть бастиона горела, а так же, верхние этажи боковой башни.

Маббон включил свою вокс-бусину. «Это этогор. Первостепенный приказ. Всем отрядам покинуть бастион. Вам приказано обезопасить ординалов. Сделайте это сейчас и сделайте это как следует.» Он обернулся на огромную крепость. Пожар извергался на всей правой стороне. Что, во имя Анарха, случилось там, наверху?

«Кёрк! Кёрк, пригнись!» кричал Роун, пытаясь удержать кровь, льющуюся из его раны на ногу.

Что-то катастрофическое только что сотрясло всю центральную башню. Он мог чувствовать запах огня.

Он услышал визг Кёрк. В нее попали. Плотность огня от солдат бастиона увеличилась, а некоторые пошли вперед.

«Не поднимай голову!» снова прокричал он.

Роун осмотрелся. Партизан испарился, а Фейгор, которого покалечили последние три попадания, наконец-то успешно оттащил Ларкина в комнату.

Единственной личностью в поле зрения была Керт, ползущая в коридоре. Она выбросила свой пистолет и подхватила упавший лазган Фейгора.

«Ана!» прокричал Роун сквозь непрекращающуюся стрельбу.

«Что?»

«Нам нужно прорываться вперед! Нам нужно прорваться вперед прямо сейчас!»

«Почему? Для какого феса?»

Роун, пошатываясь, пересек коридор и упал рядом с ней. «Кёрк прижали,» сказал он. «Нам нужно выдвинуться и отбросить их, или она умрет.»

«И что нафес?» прорычала Керт, снова стреляя. «Она заслуживает смерти. Эта сука. Она полная сука. Ты видел знак на ее щеке. Она шлюха Хаоса!»

«Я видел,» пробормотал Роун. «Я все видел.»

«Что?»

Он сел и посмотрел на нее. Она все еще стреляла.

«Ана. Мы не можем оставить ее умирать.»

«Это почему, фес ее?» спросила Керт.

«Потому что... потому что, в таком случае, архивраг победит.»

«Что за фес ты несешь, Роун?»

Роун откашлялся от дыма. «Она помогала нам, Керт. На каждом шагу, без вопросов. Она провела нас, рисковала своей жизнью. Да фес это, мы бы сюда не добрались без нее. Мне она тоже не нравится. Я не верю ей. На ней отметка. Кроме того, опять же, я не думаю, что больше доверяю кому-нибудь вообще.»

«Я сказала, что мы бросим ее!» пробормотала Керт и снова выстрелила.

«Ана,» прошептал Роун. «Зараза в нас. Яд этого фесова мира. Как в тебе, так и во мне. Если мы оставим Кёрк, мы дадим ей победить.»

Керт уставилась на него. «Это ерунда!» сказала она.

«Нет, не ерунда. Что бы я или ты не думали, она зашла так далеко. Это наш последний шанс, Ана. Наш последний шанс!»

«Наш последний шанс для чего?»

«Чтобы доказать, что мы все еще люди. Чтобы доказать, что мы все еще верные слуги Императора. Даже сейчас. Даже сейчас, когда Гереон надругался над нами.»

Керт опустила винтовку и уставилась на него. Слезы появились у нее на глазах. «Ты дофеса говоришь, ты это знаешь, майор?»

«Ты знаешь, что я прав,» ответил Роун. «Я не позволю этому месту победить меня. А что насчет тебя?»

«Сделать все правильно?» с сарказмом спросила она.

«Потому что Император защищает. И если он одобрит, он защитит нас, и даст нам знать, что он удовлетворен нашей службой.»

«Ты сам придумал это дерьмо?» спросила она.

«Нет. Что-то такое сказал Гаунт.»

«Ладно,» сказала Керт. Роун дал ей свою последнюю обойму, и она воткнула ее на место.

«Тогда, За Императора,» сказала она. Он покачал головой. «Нет, за Танит, первый и единственный.» Они встали, стреляя из лазганов, и устремились по коридору, плечом к плечу, против вражеского огня.

Два Сына Сека затолкнули Стурма в еще одну комнату. Он уже был ужасно возбужден, ходил туда-сюда, лексиграфер хромал за ним.

«Гаунт... нет, это неправильно. Как я и говорил, его тут быть не должно. В этом нет никакого смысла...» Стурм замешкался. Он бросил взгляд на Хумилити, который все еще печатал, а затем пошел в дверь спальни, распахнув дверь.

«Я вспомнил,» сказал он, сидя на кровати. «Я все вспомнил. Трон, я думал, что вспомнил все. Кем я был, чем я был. Но тут глубокие, темные места, в разуме, которым потребовалось много времени, чтобы выйти наружу.»

Хумилити стучал по клавишам.

«Я был главнокомандующим.... Я это говорил раньше?»

Лексиграфер кивнул.

«Люди боялись меня. Уважали меня. Но... ох, Император, я вспомнил. Улей Вервун. Кровавая война. Мы проигрывали. Зойканцы были у ворот. » Стурм поднялся на ноги и присел, чтобы посмотреть лексиграферу в лицо. Хумилити поднял взгляд на него своими прозрачными глазами, его проворные пальцы застыли над клавишами.

«Я боялся,» сказал Стурм. «Я боялся за свою жизнь. Я убежал. Я дезертировал. Я бросил их всех на смерть.»

Хумилити замешкался, раздумывая, записать ли все это.

«Запиши это, червяк!» закричал Стурм, снова вставая. «Запиши это все! Это моя исповедь! Это я! Ты и твои мерзкие хозяева хотели знать все обо мне! Все мои тайны! Вы хотели достать мой разум! Ладно, а как насчет этого, а? Думаю, что был лордом генералом. Думаю, что обладал силой и властью. Вот почему они потратили все это время и усилия. И, что они получили? Что они получили, коротышка?» Стурм повернулся и отвесил поклон. «Труса. Человека, слишком боящегося смерти, чтобы сделать все правильно.» По ту сторону конаты прозвучали выстрелы.

Мколл и Крийд оттащили Варла и Бростина к своим ногам. Оба мужчины были покрыты волдырями от пламени. Позади них вся лестничная клетка пылала. Там что-то угрожающе гроыхало, как будто бастион начинал рассыпаться.

«Неплохо,» оскалилась Крийд.

«Уходим,» сказал Мколл.

«Где рана?» крикнула Керт. «Куда в тебя попали?»

Кёрк показал Керт свое левое предплечье. Пуля сломала кости и уничтожила имаго в его волдыре.

«Его нет,» вздохнула Кёрк.

«Идем,» настойчиво сказала Керт, помогая ей подняться. Роун был позади нее, стреляя в дверной проем лестницы, заставляя врага отступить. Каждая вспышка казалась формой стигмат, но ему больше не было до этого дела.

«Вы вернулись за мной,» прошептала Кёрк.

«Ага, вернулись,» сказала Керт. «А что насчет этого?»

Двое Сынов Сека повернулись и начали отстреливаться, но Гаунт и Мквеннер навалились на них.

Гаунт рвался вперед, с болт-пистолетами в каждой руке, стреляя в неистовых воинов. Один повалился, когда его череп взорвался. Другой вздрогнул, болт ударил по его правой руке и она испарилась. Солдат закричал, а Мквеннер выпустил ему пулю в открытый рот.

Гаунт и Мквеннер крались вперед с дымящимся оружием. Дверь, которую защищали Сыны, была настежь открыта. Гаунт убрал в кобуру пистолеты и вытащил силовой меч. Он запульсировал, когда загорелось лезвие.

Комната была приемной, наполненной роскошной мебелью. Пустая позолоченная рама висела на стене, в окружении богохульных символов. Рядом была открытая дверь. Гаунт мог слышать говорящий голос.

Он бросил взгляд на Мквеннера. Вен поднял свой ручной пулемет. Они крались вперед.

А за ними в комнату вошел Десолэйн.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

Телохранитель сделал выпад, его двойные клинки кетра устремились к двум Гвардейцам. Мквеннер отреагировал первым, обернувшись, чтобы заблокировать удар, его поднятая винтовка развалилась на части от правого клинка телохранителя.

Гаунт тоже повернулся, поднимая свой силовой меч. Он встретил клинок кетра слева, и клинок отразился.

Он никогда еще не встречал таких созданий. Возвышающееся, тощее, бесполое тело, облаченное в черно-голубое металлическое, и задрапированное в дымчато черный плащ, который двигался, подобно дыму.

Длинные ноги монстра была обращены в другую сторону под коленями, и заканчивались копытами. Гладкий бронзовый шлем покрывал голову твари, только с четырьмя отверстиями: два для глаз, и два на лбу, откуда выглядывали два маленьких рога.

Он перетекал, как вода, как будто остальная часть существования была замедлена.

Гаунт отбил еще один выпад, и еще один, затем подставился. Тварь сделала выпад, разрезав плащ Гаунта кончиком левого лезвия, а затем развернулась и ударила, и это оставило рваную рану вдоль торса Гаунта.

Задыхаясь от боли, истекая кровью, Гаунт отпрянул и замахнулся силовым мечом Иеронимо Сондара. Силовой меч встретился с левым клинком Десолэйна и разбил его.

Десолэйн снова сделал выпад, и оставил глубокую рану на правой руке Гаунта оставшимся клинком. Удар бросил Гаунта на пол. Его руки, мокрые от крови, нащупывали меч. Десолэйн отбросил меч пинком ноги с копытом, а затем пнул Гаунта в живот.

Гаунт согнулся пополам, кашляя и задыхаясь.

Десолэйн устремил оставшийся клинок к голове Гаунта.

Пули из пистолета с глушителем, звуча, как шепот, ударили в спину телохранителя. Мквеннер встал, отбросил в сторону пустой autopistol, и поднял упавший силовой меч. Он загудел и запел в его руках, когда Мквеннер включил его.

Десолэйн пошел к нему.

Мквеннер отбил первую атаку широким взмахом, отбил вторую и крутанулся, чтобы остановить третью. Десолэйн проворчал, крутанувшись, чтобы снова атаковать

Мквеннера. Телохранитель низко резанул, и Мквеннер умудрился отбить клинок кетра, но Десолэйн врезался своим телом в Танитского разведчика и заставил его отшатнуться. Десолэйн снова остановился и крутанулся, отбивая меч в сторону и развезая щеку Мквеннера от губы до линии челюсти.

Мквеннер упал, кровь полилась с его лица.

Десолэйн ловко развернулся и сделал шаг в сторону Гаунта, который все еще пытался подняться. Телохранитель двумя руками поднял свой клинок кетра, чтобы нанести смертельный удар.

Железная стрела ударилась в ребра Десолэйна. Когда телохранитель отшатнулся, другая стрела попала ему в щель в бронзовой маске.

Эзра ап Нихт шел вперед, перезаряжая свой рейнбоу. Партизан снова выстрелил, и стрела вонзилась в грудь Десолэйна. Телохранитель, пошатываясь, пошел вперед и ударом кулака отправил Эзру через комнату. Партизан остался лежать там, где упал, его сегментированная накидка изорвалась в клочья.

Десолэйн, завывая, шел спотыкаясь. Яд мотыля уже растекся по его венам. Он тяжело упал на лицо.

Гаунт поднялся на ноги, с него капала кровь. Он захромал в спальню, вытащив оба пистолета.

Сгорбленный лексиграфер отошел в сторону.

Стурм сидел на краю кровати, уставившись в пол.

«Комиссар,» сказал он, не поднимая взгляд.

«Лорд генерал,» ответил Гаунт.

«Я рад, что это ты,» сказал Стурм. «Кто-то подходящий.»

«Именем Бога-Императора --» начал Гаунт.

«Пожалуйста, нет. Не надо так официально,» запротестовал Стурм. «Я все вспомнил, Гаунт. Все. Страх. Трусость. Это не приятные воспоминания. Трон знает,

потребовалось много времени, чтобы вспомнить это.» Гаунт поднял один из пистолетов. «Властью Комиссариата, я настоящим объявляю --»

«Ибрам? Ибрам... пожалуйста,» взмолился Стурм.

«Не в этот раз, Стурм.»

«Пожалуйста, во имя Трона! Дай мне оружие!»

Гаунт напрягся, чувствуя, как кровь вытекает из него.

«Я выказал тебе это уважение в Улье Вervун. Ты превратил его в нападение.»

«Я знаю. Мне жаль. Я умоляю тебя. Гаунт, у тебя два болтера, ради Трона.» Покачиваясь, Гаунт протянул один из своих болт-пистолетов, рукояткой вперед, Стурму. Он держал второй направленным на генерала-предателя.

«Последняя просьба удовлетворена. Или... еще один трюк?» спросил Гаунт.

Стурм покачал головой.

«Последняя просьба принята,» сказал Стурм. Он приставил ствол болт-пистолета к голове и спустил курок.

Гаунт сделал шаг вперед, не веря, что все закончилось. Стурм лежал у его ног, его череп взорвался, как зрелая дыня.

Десолэйн ворвался в спальню, вращая клинком кетра, как серпом. Телохранитель завыл, когда увидел труп фегата.

Гаунт отступил.

Горячий выстрел испарил Десолэйна в районе талии и бросил труп телохранителя к дальней стене.

Гаунт поднял взгляд. Фейгор, с залитым кровью лицом, опустил лонг-лаз Ларкина.

Гаунт улыбнулся Фейгору. «Кстати,» сказал он. «Я понял причину, по которой я тебя выбрал.»

ТРИДЦАТЬ

Позади них, на фоне рассвета, горел бастион. Убегающие Призраки перегруппировались в темной долине ниже крепости. Каждый из них был ранен. Но каждый из них был жив.

Керт попыталась перевязать раны Гаунта.

«Присмотри за другими, Ана. Они больше этого заслуживают,» сказал он.

«Это должен быть ты,» ответила она.

Гаунт отослал ее и пошел, хромая, сквозь фигуры Призраков, рассеявшиеся среди скал.

Ларкин стонал, и казалось, что он присмерти. Фейгор уже потерял сознание от потери крови.

Гаунт присел рядом с Белтайном.

«Мне жаль, сэр,» сказал Белтайн.

«За что?» спросил Гаунт.

«Мой вокс-передатчик, сэр. В него попали. Теперь мы не сможем вызвать эвакуацию.»

«Бел, с нами все будет в порядке. Ничего неправильного.»

Гаунт встал и пошел дальше. Керт извлекала последние куски имаго из сломанного предплечья Кёрк. Он мгновение смотрел на стальные щипцы, вытаскивающие черные усики из плоти женщины.

Под кожей. Что важно – внутри. В сердце. В разуме. У Святой было много инструментов, чтобы направлять верных ей, даже если некоторые несли на себе отметку Хаоса.

Гаунт отвернулся. Он задумался, как он сможет рассказать это им.

Это было последней вещью, которую сказал ему Вон Войтц перед миссией. Единственной вещью Гаунт не поделился со своей командой.

«Ибрам, пожалуйста, пойми то, что существует весьма незначительный шанс вытащить тебя с Гереона. Ты может передать сообщение, конечно же, но ситуация такова, что ты там застрянешь. Доставить тебя туда уже будет достаточно сложно. Подвести корабль достаточно близко, чтобы вытащить тебя...» Вон Войтц отвернулся.

«Вы говорите, сэр, что если мы все еще будем живы в конце этой самоубийственной миссии, это *все еще* билет в один конец?»

«Да, Гаунт,» сказал Вон Войтц. «Это поменяло ваше мнение?»

«Нет, сэр.»

Гаунт побрел вниз по склону, чтобы найти Ландерсона.

«Они сражались и умерли с честью,» сказал ему Гаунт. «Ячейки Гереона. Они почти вздернули ублюдков. Сопротивление сделало все, что смогло.»

«Да, сэр,» ответил Ландерсон. «Но этого было недостаточно, так ведь? А теперь все кончено.» Гаунт пожал плечами. «Тогда мы сами организуем подполье.»

«Сами?» спросил Ландерсон.

Гаунт кивнул. «Полагаю, что я тут еще немного задержусь. Что скажешь на это?»

«Гереон сопротивляется?»

«Гереон сопротивляется,» ответил Гаунт. Он посмотрел вверх. Из глубины его памяти всплыло воспоминание, сильное и незванное. Танитская волынка. Брин Майло, всегда игравший мотив, когда Танитский Первый возвращался с поля битвы. Он попытался вспомнить его название.

Поднялся горный ветер, холодный и непрощающий. Он погнал дым от крепости в сторону центрального региона, еще одно пятно над большим, изуродованным миром.